

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?

Андрей Кириллович
ГОЛИЦЫН

А.К. Голицын

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?

Размышления бывшего члена Правительственной комиссии
о судьбе Императора Николая II и членов Его Семьи,
зверски убитых большевиками в доме инженера Ипатьева
в июле 1918 года, и об останках, извлеченных в 1991 году
в Поросёнковом логу на старой Коптяковской дороге
в двенадцати верстах от города Екатеринбурга

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
Г60

Автор выражает глубокую признательность
Благотворительному фонду святителя Василия Великого
и его основателю **Константину Валерьевичу Малофееву**
за содействие в осуществлении настоящего издания.

Голицын А.К.

Г60 **Кому же верить?** — М.: Издатель Воробьев А.В., 2011. —
388 с.: с ил.

Книга посвящена теме расследований вокруг так называемых «царских останков».

Основу книги составляют воспоминания А.К. Голицына, бывшего членом Государственной Комиссии по идентификации «царских останков», с момента её создания и вплоть до расформирования, а также анализ фактического материала, так или иначе фигурировавшего в ходе работы Комиссии.

Цель книги заключается в развенчании подходов и методов работы Государственной Комиссии как в отношении сбора научной (исторической, юридической, криминалистической) информации и способов её обработки, так и в отношении сделанных Комиссией окончательных выводов, неправомерно, на взгляд автора, обосновавших заключение об идентификации найденных под Екатеринбургом останков, как принадлежащих Царской Семье.

© Голицын А.К., 2011

© Чавчавадзе З.М., Фальшивонотчики

© Воробьев А.В., оформление, 2011

ISBN 978-5-93883-162-9

Сдано в набор 02.12.2010. Подписано в печать 23.12.2010. Формат 60x88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,25.
Уч.-изд. л. 19,01. Тираж 1 000 экз. Заказ № 96.

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru
117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. Тел. **772-03-76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.

«Фальшивонотки»

(Вместо предисловия)

З.М. Чавчавадзе

Растянувшаяся уже более чем на двадцать лет история с обнаружением так называемых «царских» останков и их идентификацией не только не пролила свет на таинственные обстоятельства расправы с телами умученных членов династии и их слуг, но, наоборот, дополнительно породила огромное количество вопросов.

К моменту сенсационной публикации Г. Рябова в 1989 году эта тема была отражена разве что в недоступной широкому читателю книге следователя Н. Соколова и в ряде также раритетных зарубежных публикаций мемуарного характера (М. Дитерихс, П. Жильяр, П. Пагануцци, Р. Вильтон и др.). Теперь же ей посвящены сотни газетных и журнальных статей, брошюры, книги, телевизионные и документальные фильмы, радиопередачи, публикации в Интернете и т.п. Однако, вопреки известному диалектическому закону, количество в данном случае явно не переросло в качество: для непредвзятого стороннего взгляда история царских останков стала еще более запутанной, туманной и загадочной.

И дело вовсе не в том, что эти публикации отличаются диаметрально противоположными гипотезами, утверждениями и выводами. Проблема здесь в используемой системе доказательств, при которой игнорируются элементарные нормы обращения с исследуемыми материалами и прослеживается тенденция выдавать желаемое за действительное. Создается впечатление, что вначале набрасывается некая конкретная версия произошедших событий, а потом к ней подгоняются подтверждающие ее аргументы и свидетельства. А те, которые ей противоречат, либо замалчиваются, либо «опровергаются» далеко не научными методами.

Позволю себе и я изложить собственную версию трагических событий той страшной екатеринбургской ночи с 16 на 17 июля 1918

года и не менее страшных следующих дней. Но при этом я не стану привлекать для ее доказательства устраивающие меня аргументы. Во-первых, потому что у меня их просто нет. А во-вторых, потому, что цель моей реконструкции заключается исключительно и только в том, чтобы показать: *именно при таких обстоятельствах можно проследить логику в странных, а порой даже в неадекватных действиях как первооткрывателей останков, так и тех, кто их исследовал.*

Итак, вот какой представляется мне картина тех событий: после ночного расстрельного кошмара трупы увозятся под утро из подвала Ипатьевского дома в урочище Четырех Братьев. Там головы членов Царской семьи отделяются от тел и помещаются в банки со спиртом, а тела расстрелянных подвергаются долгой мясницкой работе — измельчаются, растворяются в кислоте и сжигаются дотла. В результате остается лишь пепел и небольшое количество мелких костных фрагментов, отысканных Н. Соколовым и позднее увезенных им в эмиграцию. Банки с головами доставляются в Москву, причем голова Государя предьявляется лично Ленину в качестве доказательства совершенной казни и хранится в сейфе его кабинета.)¹

После смерти Ленина голова Государя передается в одно из государственных хранилищ, где превращается в череп и хранится до самых перестроечных времен. В эту вольнолюбивую эпоху кому-то и почему-то в высших эшелонах власти захотелось «возникнуть» с монархической темой и заодно навеки закрыть будоражившую широкие круги тему жестокой ритуальной расправы большевиков с трупами. Хотя не будем исключать и более прагматичную версию о политическом заказе. Если, конечно, верить слухам о словах королевы Елизаветы, адресованных однажды М. Горбачеву: «я не ступлю ногой в Россию, пока мои Августейшие русские родственники не будут похоронены по-христиански».

¹ Здесь я должен сказать как сторонникам, так и противникам версии пресловутого «ритуального убийства»: зря вы, господа, ломаете копыя в жарких схватках, потому что отрезанные головы ни с какой «ритуальностью» (ни с языческой, ни с иудейской, ни с мусульманской) никак не связаны. У отрезанных голов только один смысл: они всего лишь отчетные вещественные доказательства исполнителей казни перед ее заказчиками!

Так или иначе, осуществление этой идеи поручается Г. Рябову, советнику бывшего министра МВД СССР, писателю и сценаристу, автору нескольких телевизионных сериалов. Он придумывает хитроумный сценарий, сюжетную канву которого излагает в сенсационном газетном интервью приблизительно в таком смысле: никаких голов никто не отрезал, никого в кислоте не растворяли и не жгли. Я, мол, сумел с помощью высоких связей сначала раздобыть путеводную записку Юровского, а потом вместе с геологом А. Авдониным разыскать и сам могильник, где все косточки со всеми головами целехонькими лежат под спудом.

Затем, строго по сценарию, проводится кропотливая работа по отысканию (в соответствии с хорошо известными антропометрическими данными, полом и возрастом) останков современников тех, кто был расстрелян в Ипатьевском доме. Эти останки вместе с подложенными к ним подлинными черепами закапываются в заново организованном неподалеку, но не в самой Ганиной Яме, могильнике. Далее, при поддержке на редкость услужливых советских СМИ, организуется бравурная пиар-кампания Рябова и Авдонина по раскручиванию общественного мнения. Ее главный лейтмотив — «восстановить историческую справедливость и перезахоронить несчастных жертв революции с должными почестями!»

Повторюсь еще раз, что, при всей кажущейся фантазмагоричности предложенной реконструкции, *именно она логически оправдывает и объясняет как непоследовательность в действиях защитников версии подлинности екатеринбургских останков, так и возникавшие по ходу расследования неурядицы и недоразумения.*

При здравом, непредвзятом подходе все эти алогичные действия, непоследовательности и недоразумения воспринимаются нормальным сознанием как коробящие «фальшивые ноты». И таких фальшивых нот в истории с обнаружением и изучением останков прозвучало немало из уст большого числа людей самых разных профессий и рангов. Последних я условно назвал «фальшивонотчиками». О каких же фальшивых нотах речь?

1. Первая фальшивая нота, относимая мной к разряду досадных для «фальшивонотчиков» недоразумений, связана с размолвкой между Рябовым и Авдониным, которые в какой-то момент вдруг неожиданно начали противоречить друг другу в изложении офици-

альной версии. Особо отмечу при этом таинственное и безвозвратное исчезновение из поля зрения общественности (причем в разгар самых бурных дискуссий о подлинности останков!) главной ключевой фигуры — первооткрывателя Гелия Рябова, который с того момента так более уже никогда на публике не объявился, если не брать в расчет его молчаливое присутствие на пышной церемонии похорон в 1998 году. Логично предположить, а может быть, даже и утверждать, что кинодраматург, имеющий обыкновение мыслить творчески и образно, позволял себе слишком вольное обращение с «состряпанной» версией и мог по неосторожности проговориться в какой-либо детали. А вот конкретно мыслящий и не склонный к фантазиям геолог Авдонин воспроизводил «легенду» всегда строго по букве. Именно поэтому, после случившейся между ними размовки и при возникшей необходимости выбрать кого-то одного в качестве действующего лица монтируемого публичного спектакля, предпочтение было отдано второму. А первый, несмотря на лавры первооткрывателя, оказался удаленным невидимой рукой в глухую тень забвения и остракизма.

С момента первой публикации о найденных под Екатеринбургом скелетах вплоть до недавних сообщений об обнаруженных останках последних двух Царских детей прошло уже 20 лет. А «великий» первооткрыватель всё продолжает свое молчание, хотя вполне естественно было бы ожидать его публичной реакции на обретение останков, приписываемых Великой Княжне Марии Николаевне и Цесаревичу Алексею Николаевичу. Ан нет! Таинственное, загадочное безмолвие продолжается. Лично меня ореол этой таинственной загадочности поразил еще в 1997 году после нашей случайной встречи, когда Гелий Трофимович, в ответ на мое недоумение по поводу его внезапного исчезновения, сказал:

— Мое дело заключалось в поиске и нахождении места захоронения. А все остальное — от лукавого...

2. Здесь нелишне поведать о другой «фальшивой ноте», связанной с историей моего знакомства с Г. Рябовым и ярко отображающей тот факт, что вокруг найденных останков с самого начала то и дело возникали какие-то неестественные ситуации, несуразицы, «нестыковки».

Полагаю, что дожившему до нынешних времен бывшему советскому человеку трудно будет себе представить сотрудника МВД

СССР (причем высокопоставленного!), делающего три земных (!) поклона перед иконой в доме у совершенно незнакомых людей. Даже монахи при входе в помещение с образами ограничиваются всего лишь крестным знаменем. А ведь речь идет не о наших днях, когда соблюдение церковных обрядов стало привычной нормой поведения первых лиц государства, а о вполне кондовом советском времени конца 1980-х годов.

И, тем не менее, это реально произошло у меня на глазах в моей московской квартире в приснопамятном 1989 году. А поклоны бил ближайший помощник главы МВД СССР Щелокова Гелий Трофимович Рябов. И, как я теперь понимаю, бил с единственной целью: убедить меня в своей непоколебимой верности православию и монархическим убеждениям. А это, в свою очередь, ему нужно было для того, чтобы я расположил к нему проживавшего в Париже Главу Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, которому мне довелось в ту пору служить доверенным лицом и официальным представителем в России.

Расположение Главы Дома ему было действительно крайне необходимо. Потому что опубликованная им незадолго до того в газете «Московские новости»² статья о сенсационной находке останков Царской Семьи вызвала в обществе весьма противоречивые отклики, большая часть которых сводилась к неприятию доводов автора и отрицанию самого факта обнаружения захоронения. Особый скепсис по этому поводу царил в кругах церковной общественности. Поддержка со стороны авторитетной фигуры Великого Князя могла бы в корне изменить отношение к затеянной им масштабной аванюре. Уверен, что именно эти соображения и натолкнули его на мысль о столь нетипичных для советского милиционера «телодвижениях» перед святыми образами. В любом случае на нас с женой

² Весьма, с моей точки зрения, символично, что первоначальный импульс всей истории с обнаружением и исследованием екатеринбургских останков был дан именно этим органом советской печати. Называемая в широких слоях не иначе как «Масонские новости», эта газета еще на самых ранних этапах перестройки стала рупором тех диссидентских сил, которые, в отличие от патриотически настроенной среды инакомыслящих, изначально «целили в Россию, а не в коммунизм!» О противоборстве между этими двумя направлениями диссидентского движения в СССР А.И. Солженицыным написана убедительная статья под названием «Нашим плюралистам».

эти неловкие коленопреклонения произвели эффект той самой коробящей «фальшивой ноты».

За чашкой чая Гелий Трофимович изложил суть своей просьбы: передать Великому Князю приглашение войти в состав учреждаемой им в Москве общественной организации «Обретение», цель которой состояла в объективной идентификации найденных останков.

— Вчера, — сказал он, — мне удалось получить одобрение и поддержку моей инициативы со стороны заведомо ЦК В. Фалина, который считает, что таким образом Его Высочество получит возможность привлекать любых авторитетных экспертов, дабы исключить какую бы то ни было фальсификацию при исследовании.

И он протянул мне отпечатанный на машинке текст Устава будущей организации для отправки в Париж.

Должен сказать, что в устах помощника советского министра слова «Его Высочество» прозвучали тоже нарочито и фальшиво. И уж совсем фальшивой показалась мне попытка уговорить Великого Князя войти в состав организации, Устав которой был весь испещрен бросающимися в глаза и подзабытыми теперь советскими аббревиатурами: ЦК КПСС, МВД СССР, КГБ СССР и т. п.

И я не ошибся. Великий Князь с первого же взгляда на текст Устава сказал, что полностью исключает для себя возможность участия в подобной структуре. Мне пришлось долго его уговаривать, убеждая в том, что расчет организаторов этой затеи как раз и строился на получении его отказа.

— А потом, — настаивал я, — они создадут нужную им комиссию с «послушными» экспертами и будут трубить о том, что, несмотря на все уговоры и старания, им не удалось привлечь к работе Главу династии как гаранта объективности идентификационного расследования.

В конце концов, после консультаций со своим духовником, архиепископом Антонием Женеvским, который тоже разгадал рябовский маневр, Великий Князь дал согласие. Поэтому мне не пришлось испытать ровно никакого удивления, когда, вернувшись из Парижа и сообщив Г. Рябову о решении «Его Высочества», я услышал:

— Увы, сегодня утром всё радикально изменилось. Меня вызвал Фалин и категорически запретил что-либо учреждать...

«Ловушка» не сработала! Любопытно, однако, что, вопреки мифическому приказу В. Фалина, общественная организация «Обре-

тение» очень вскоре оказалась благополучно зарегистрированной с «нужным» составом учредителей. Таким образом, сам факт хитроумного маневра Г. Рябова уже не вызывал у меня никакого сомнения. Ведь в те времена послушаться грозного заведомо ЦК рискнули бы немногие!

3. Теперь по поводу непоследовательности в действиях исследователей останков. Еще перед началом каких-либо исследовательских процедур скептически настроенные в отношении официальной версии люди настаивали на том, чтобы вскрытие могильника происходило в присутствии не просто достаточного числа свидетелей, но непременно с участием специалистов-геологов. Последним надлежало исследовать земляные пласты захоронения, чтобы выяснить: а) когда сформировались эти пласты? и б) случались ли более поздние вмешательства в них?

Однако в реальности вскрытие могильника было проведено тайно взводом солдат под покровом темной ночи и под проливным дождем! Как будто кому-то очень захотелось оставить эти вопросы навсегда безответными. Потому что все эти пласты в выкопанной под дождем яме превратились просто в глиняную жижу под мевившими их солдатскими сапогами. Трудно поверить, чтобы сторонники версии подлинности найденных останков добровольно лишали себя столь неоспоримого и веского доказательства, если бы могильник действительно был сформирован в июле 1918 года. *То есть в данном случае принятое решение о раскопке могильника в условиях секретности, дождливой погоды и отсутствия экспертов-геологов нельзя не признать нелогичным и непоследовательным.* А вот если дело обстояло так, как оно выглядит в моей реконструкции, то, наоборот, эти люди приняли единственно правильное для себя решение, раз и навсегда уничтожив геологические улики.

4. 1993 год. Во властных структурах активно дебатруется вопрос об эксгумации в соборе Петропавловской крепости останков брата Императора Николая II Великого Князя Георгия Александровича. Цель — получение фрагмента для сравнительного генетического исследования. Российская общественность и Церковь выступают против эксгумации. Русская Зарубежная Церковь вместо эксгумации предлагает хранящиеся у нее ватные тампоны с кровью замученной в Алапаевске Великой Княгини Елизаветы Федоровны,

родной сестры Императрицы Александры Федоровны, справедливо считая эту кровь более ценным материалом для сравнительного анализа, поскольку в этом случае появлялась возможность сопоставления еще и по дополнительному параметру, а именно — по гемофилии, передаваемой только по женской линии.

Однако «фальшивая нота» прозвучала и в этом эпизоде. По непонятным причинам, предпочтение было отдано не бесплатному и ценнейшему сравнительному материалу, а дорогостоящей процедуре эксгумации ради получения гораздо менее значимого образца! Спрашивается, где здесь элементарная логика?

Замечу попутно, что, по мнению судмедэкспертов, оспаривающих официальные результаты экспертизы, извлеченный при эксгумации фрагмент останков Великого Князя Георгия Александровича не был должным образом оформлен для хранения и транспортировки, как того требуют строгие правила при подобных процедурах. И поэтому ни у кого нет никакой уверенности в том, что этот фрагмент вообще подвергался сравнительному анализу. Впрочем, не может быть уверенности также и в том, что эксгумированные фрагменты не выдавались за «екатеринбургские». Ведь в этом случае любые генетические экспертизы дали бы «фальшивонотчикам» гарантированные результаты!

5. Следующая «фальшивая нота» связана с сенсационными интервью судебно-медицинских экспертов, весь июнь 1992 года будораживших печатные и электронные СМИ заявлениями о *стопроцентном* доказательстве подлинности обнаруженных останков. Оказалось, что столь смелые выводы делались исключительно и только на основании метода «точечного совпадения», который, по общему мнению серьезных ученых, достоверен всего лишь на 8–10 процентов! Да и вообще этот метод применяется на практике лишь после получения более чем 80-процентного положительного результата за счет других более убедительных идентификационных процедур. И признается не в качестве определяющего, а лишь в качестве подтверждающего доказательства.

6. Академик РАН и член правительственной комиссии по идентификации останков В. Алексеев потребовал у комиссии проведения исторической экспертизы, в частности — тщательного изучения выводов, сделанных по свежим следам екатеринбургского

злодеяния следователем Н. Соколовым. Ему, однако, было прямо сказано, что ни о какой исторической экспертизе не может быть речи и что выводы следователя Н. Соколова никого не интересуют из-за якобы крайней тенденциозности его позиции. Фальшивее, по моему, не споешь...

7. А когда дело дошло до исследований останков на генетическом уровне, то отдельные «фальшивые ноты» уступили место уже целым «аккордам». Например, выяснилось, что наши горе-генетики и следователи по особо важным делам возили по мировым лабораториям костные фрагменты, просто завернув их в тряпочки и разложив по кармашкам своих спортивных сумок! А ведь в судебно-медицинской экспертизе проведение подобных процедур регламентировано весьма строго: каждый малейший объект исследования перед транспортировкой опечатывается и пломбируется в присутствии свидетелей и точно так же распечатывается при доставке.

Спрашивается, кто их проверял, когда они возили по лабораториям Англии и США все эти фрагменты? Ведь от одного и того же черепа вполне можно отщипнуть немало кусочков-фрагментов, выдавая каждый за принадлежащий разным людям. И быть при этом уверенным на все сто процентов в получении желаемого конечного результата. После столь серьезного нарушения процедуры хранения и перевозки исследовательских фрагментов не совсем понятно, каким образом все эти следователи и генетики смогут переубедить меня, например, в том, что они возили по мировым лабораториям не кусочки от выкопанных под Екатеринбургом скелетов, а фрагменты, отпиленные от эксгумированных останков Великого Князя Георгия Александровича?! Вот и хочется спросить: что с чем вы сравнивали в своих экспериментах, господа эксперты?!

8. Отдельно следует сказать о противоречивости и запутанности в истории пресловутой записки Юровского, которая почему-то существует в разных редакциях, одна из коих якобы написана рукой Покровского под диктовку якобы безграмотного Юровского. Но самое удивительное заключается в том, что ни одна из предлагаемых редакций этой записки никаких решающих ориентиров для точного определения местонахождения захоронения не содержит. Ведь, по версии первооткрывателей захоронения, даже в 1991 году, приступив к раскопкам спустя 12 лет, они ошиблись в местонахождении

могильника и копали почти целый день далеко в стороне от него! Однако я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку он более чем основательно рассмотрен ниже в специальной главе исследования А.К. Голицына. Отмечу только, что, на мой взгляд, фальсификация записки понадобилась всего лишь в качестве отправной точки для всей грандиозной авантюры. И тот факт, что «послушные» следователи не отнеслись с должной серьезностью к ее экспертизе, лишний раз доказывает, что речь идет о фальшивке.

Все эти и многие другие фальшивые «ноты и аккорды» вызвали у людей, действительно почитающих светлую память царственных страстотерпцев, абсолютное неприятие официального «вердикта». В помпезном захоронении в Петропавловской крепости чужих косточек под видом царских останков я лично усматриваю продолжение того глумления, которому Августейшие страдальцы подвергались последние полтора года их земной жизни.

Обо всем этом я успел сказать Борису Немцову до разрыва всяких с ним отношений. Ведь тогда именно он с присущей ему наглостью проигнорировал мнение значительной части правительственной комиссии, а также всей полноты Русской Православной Церкви и, пользуясь властью первого вице-премьера, принял постановление о признании подлинности екатеринбургских останков и настоял на их захоронении в усыпальнице русских Помазанников.

Отмечу, что за всю долголетнюю политическую карьеру Немцову, как, впрочем, и всем его однопартийцам, удалось только две вещи: разорение общественного добра и приумножение собственно-го. На пике своего возрастания во власти он публично клялся решить три проблемы: погасить долги по зарплате, провести реформу ЖКХ и пересадить чиновников с «Мерседесов» на «Волги». По первым двум позициям результат оказался нулевым. Про третью позицию так сказать нельзя: один чиновник все-таки ездил на «Волге». Это был сам Немцов, великий популист и демагог.

9. После постановления правительственной комиссии о признании екатеринбургских останков в Госдуме состоялись слушания, в которых выступили все, кто категорически не признал столь волюнтаристского решения. Среди них было немало крупных ученых, медиков, судмедэкспертов, генетиков, юристов, приводивших убедительные аргументы, опровергающие как непосредственно сами

выводы комиссии, так и способы их получения. Отсылаю интересующихся этой темой к изданному впоследствии сборнику, в котором опубликованы прозвучавшие на слушаниях доклады. В них фальшивые ноты «фальшивонотчиков» выявлены в огромном количестве. Однако самая громкая фальшивая нота послышалась мне тогда... в гробовом молчании со стороны наших оппонентов, которые ни на одно, я подчеркиваю — НИ НА ОДНО, аргументированное отрицание сделанных ими выводов не дали не только развернутого, но даже самого краткого возражения! Они сидели и слушали критику в свой адрес отстраненно и индифферентно, как бы говоря всем своим видом: критикуйте нас сколько угодно, господа хорошие, но принятое правительством постановление о перезахоронении вам уже не отменить...

10. Отгремели пафосные речи и громогласные интервью организаторов и участников торжественных похорон псевдо-останков в июле 1998 года. Тогдашняя антигосударственная власть, довольно потирая руки, закрыла уголовное дело по обстоятельствам убийства Царской Семьи, а православный народ не преминул по-своему отреагировать на пышную акцию. Он просто проигнорировал появление в притворе Петропавловского собора новоявленных могил, хотя почитание им царственных мучеников не переставало усиливаться. Причем настолько, что спустя всего два года церковное священноначалие посчитало необходимым завершить, наконец, неоправданно затянувшуюся на целое десятилетие процедуру их причисления к лику всероссийских святых.

Время шло, но и после канонизации притвор Петропавловского собора всё не становился местом массового паломничества православного люда, традиционно весьма охочего до посещения святых могилек независимо от степени их удаленности. Огорченные «фальшивонотчики» перешли к тактике умолчания: ни выступлений, ни статей, ни интервью. И даже никаких реплик или опровержений, когда в разных странах (в Японии, в США, в Англии) время от времени вдруг появлялись сообщения о результатах перепроверок генетических и прочих экспертиз, которые признавались малоубедительными или вообще сфальсифицированными. Так продолжалось почти десять лет.

И вдруг — сенсация! В июле 2007 года поблизости от Коптяковской дороги обнаружены косточки общим весом в 70 граммов.

И история стала повторяться практически по всем пунктам. Потому что сразу же, до всякой генетической или иной экспертизы, эти косточки со **сто процентной** уверенностью объявляются останками Цесаревича Алексея Николаевича и Великой Княжны Марии Николаевны! Потому что снова исследования проводятся в закрытом режиме, без участия независимых экспертов! Потому что вновь удаляется в тень забвения фигура первооткрывателя, на сей раз не только Г. Рябов, но и А. Авдонин! Потому что только через год, в 2008 году, почему-то вдруг выяснилось, что в Эрмитаже хранится рубашка Государя с его кровью после полученного в Японии ранения (хотя заместитель директора Эрмитажа Г.В. Вилинбахов, по собственному его свидетельству, знал о наличии ее в Эрмитаже будучи еще студентом)! Потому что вновь наступает неожиданная пауза, растянувшаяся уже на четыре года, в течение которых якобы доказанные всеми мыслимыми экспертизами останки Царских детей хранятся в холодильнике то ли морга, то ли судебно-медицинской лаборатории! И наконец, потому что опять зазвучали знакомые фальшивые ноты!

Отмечу только, что предыдущие фальшивые ноты в сравнении с нынешними даже обладателю абсолютного музыкального слуха могут показаться верхом благозвучия. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с двумя недавно вышедшими из печати произведениями: с тонюсенькой брошюрой В.Н. Соловьева «Тайны старой Коптяковской дороги» (2010 г.) и с толстенной книгой Наталии Розановой «Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба» (2008 г.).

Начнем с В.Н. Соловьева. Читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет о том самом следователе по особо важным делам, который не сходил с газетных полос и телеэкранов в течение всего времени работы Комиссии по идентификации екатеринбургских останков вплоть до их захоронения в 1998 году. И который после девятилетнего пребывания в тени вновь объявился на публике в 2007 году, чтобы проинформировать общественность о найденных под Екатеринбургом 70 граммах косточек, принадлежащих, по его утверждению, «вне всякого сомнения, Царским детям».

Прежде чем прокомментировать некоторые фальшивые рулады, прозвучавшие в брошюре следователя, хотелось бы сказать несколько слов о нравственной позиции этого человека с точки зрения вер-

ности профессиональному принципу беспристрастности в ведении следствия и установлении истины.

В 1995 году мне стало известно, что руководитель Службы безопасности Президента генерал А.В. Коржаков с доверием воспринимает скандальные заявления г-на Дальского, выдававшего себя за сына чудом выжившего Цесаревича Алексея Николаевича и требовавшего признания своей персоны в качестве законного наследника российского престола. Мне удалось не только лично переговорить с генералом, но и убедить его в том, что г-н Дальский, скорее всего, спутал реальную историческую фигуру Цесаревича с вымышленным персонажем, известным под именем лейтенанта Шмидта. Попутно я попросил его вмешательства в работу правительственной Комиссии по идентификации екатеринбургских останков, которая уже тогда, под давлением возглавлявших ее нескольких вице-премьеров, весьма тенденциозно и часто бездоказательно склонялась в пользу признания подлинности останков, безапелляционно отвергая справедливые протесты со стороны инакомыслящих членов Комиссии.

Нелишне будет заметить, что в тот момент генерал А.В. Коржаков, в силу известных особенностей своего прямого начальника, испытывавшего к нему полное доверие, нередко подменял его де-факто на высшем государственном посту и поэтому пользовался непререкаемым авторитетом среди чиновничьего люда. Именно на это я и рассчитывал, когда просил его воздействовать на работу правительственной Комиссии в сторону более объективного рассмотрения основного вопроса.

— Я откомандирую одного из моих сотрудников, которому поручу собрать вместе с вами побольше конкретного материала о ходе расследования, чтобы затем уже предметно переговорить с главой Комиссии, — сказал А.В. Коржаков.

Этим сотрудником оказался умнейший и милейший Алексей Анатольевич Милованов, с которым и по сей день меня связывают близкие дружеские отношения. Я быстро ввел его в курс дела, рассказав не только о тенденциозности руководителей Комиссии, но и о предвзятости позиции следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры В.Н. Соловьёва, напрочь игнорировавшего выводы Н. Соколова. А ведь он имел возможность допрашивать

многих участников и свидетелей кровавой расправы в Ипатьевском доме по самым свежим следам!

— Пожалуй, с него и начнем, — предложил А.А. Милованов. — Я могу позвонить ему, представиться и договориться о встрече.

До этого мне уже несколько раз доводилось спорить с В.Н. Соловьёвым до хрипоты, всякий раз поражаясь легковесности его аргументов и склонности выдавать желаемое за действительное. Поэтому я стал уговаривать А.А. Милованова пойти к нему инкогнито, просто в качестве моего друга и единомышленника, чтобы, не вспугнув следователя присутствием официального лица, дать ему высказаться. Я был уверен, что и на этот раз он обнаружит поверхностность суждений и предвзятость подходов к ведению следствия.

Так мы и поступили. В течение получаса мой новый друг внимательно и молча слушал нашу бурную перебранку. И вдруг, поймав следователя на каком-то противоречивом высказывании, вмешался в разговор:

— Владимир Николаевич, вы же сначала говорили иначе! Как это понимать?

— Ну, вот еще один эксперт выискался, — раздраженноотреагировал В.Н. Соловьёв. — Вы что, тоже из Дворянского собрания?

А.А. Милованов подошел к нему и предъявил удостоверение сотрудника всесильной тогда Службы безопасности Президента России. Воцарившееся тягостное молчание здорово смахивало на гоголевскую «немую сцену».

— Меня прислал к вам Александр Васильевич Коржаков, — сказал А.А. Милованов. — Ему не совсем понятно, почему следствие столь упорно игнорирует мнения оппонентов и вместо обоснованных, аргументированных ответов на их возражения занимается отписками и голословными опровержениями их доводов?!

Тут-то следователь по особо важным делам Генпрокуратуры и явил свою «высокую» принципиальность и «непоколебимую» верность идее независимого и беспристрастного следственного процесса.

— Дорогой Алексей Анатольевич, — с робким возмущением воскликнул он, — какие же указания мне выполнять?! Я что-то не пойму... Нельзя ли, в конце концов, четко определиться и однозначно сказать, каким должно быть заключение следствия? Так и передайте. Я сделаю всё в лучшем виде...

Забавно, что, встретившись с В.Н. Соловьёвым за ужином спустя 15 лет (летом 2010 года), я напомнил ему после третьей рюмки об этом эпизоде и спросил, как он отреагирует, если я предам гласности те его высказывания.

— А я не собираюсь ничего отрицать, — ответил следователь. — У меня есть четкое объяснение той моей позиции. Так что напрасно меня пугаете!

Что ж, посмотрим, услышим ли мы это четкое объяснение. Скорее всего, думается мне, верх возьмет та же самая тактика умолчания, к которой не раз прибегали в затруднительных случаях «фальшивонотчики» всех рангов: вице-премьеры, следователи, судмедэксперты, генетики и далее по списку.

Теперь перейдем к фальшивым нотам, которыми изобилует брошюрка этого услужливого искателя «истины». Во-первых, выясняется, что, ко всему прочему, ему не чуждо заимствование чужих мыслей, выдаваемых за собственные, что на языке его профессии именуется простым словом «плагиат». На странице 8 своей брошюры В.Н. Соловьёв пишет: «Соколов Н.А. не хотел передавать материалы Гирсу М.Н., которому не доверял по политическим причинам, но был вынужден подчиниться воле Великого князя Николая Николаевича».

Все эти закавыченные здесь слова даны в брошюре без всяких кавычек от лица автора, хотя принадлежат они парижскому исследователю екатеринбургской трагедии Николаю Россу и были опубликованы издательством «Посев» почти на четверть века раньше (в 1987 году) на 16-й странице его книги «Гибель Царской Семьи». В менее явном виде вся 8-я страница брошюры — сплошной плагиат 16-й страницы книги Н. Росса.

Однако главная фальшивая нота всей брошюры В.Н. Соловьёва состоит в том, что он, прекрасно понимая более чем слабую доказательность своих аргументов в пользу защищаемой версии, пытается эмоционально воздействовать на сознание православной общечеловеческой ответственности умилятельными, с его точки зрения, подробностями, ровно никакого света не проливающими ни на юридические, ни на исторические, ни на криминалистические или идентификационные аспекты основной проблемы.

Зачем, спрашивается, далекому от Церкви автору понадобилось ударяться в мистику и рассказывать о некоей жительнице Украины,

видевшей несколько раз один и тот же сон, в котором «к ней приходила (воцерковленный человек сказал бы не “приходила”, а “являлась”!) — З.Ч.) Богородица и говорила о том, что нужно искать останки Царских детей неподалеку от первого захоронения» (С. 54)? Неужели только ради того, чтобы сообщить читателю о счастливом совпадении: «письмо этой православной женщины пришло в адрес Генеральной прокуратуры за несколько дней до того, как были найдены останки»? Во-первых, как выяснилось, сама Генпрокуратура была уведомлена о находке останков «лишь спустя десять дней после окончания раскопок». Следовательно, поисковики никак не могли воспользоваться столь «ценной» информацией. Во-вторых, невооруженным глазом видно, что автора вообще не волнует вопрос о реальной роли украинской «православной женщины» в нахождении захоронения. Почему? Да просто потому, что интерес его лежит совсем в иной плоскости. Ему крайне важно донести до сознания верующих людей, что останки были обнаружены по прямому вмешательству Божией Матери. Ведь в этом случае не только отрицание подлинности останков, но даже малейшее в ней сомнение становится тягчайшим грехом и кощунством!

А вот еще одна яркая и откровенная апелляция к верующему сознанию. Автору задают вопрос: «Расскажите подробнее об идентификации останков двух человек, найденных в районе “мостика из шпал” в 2007 году». Развернутый ответ настолько елейный и коряблящий ухо своей фальшивостью, что я не могу отказать себе в удовольствии процитировать его полностью. Читайте и умиляйтесь!

«В 2004 году по моей просьбе в одном из монастырей была написана икона Цесаревича Алексея с птичкой (пунктуация авторская. — З.Ч.). Перед ней молились мои товарищи в надежде найти Царственных брата и сестру. Вторая икона — Христа Вседержителя (Спаса Вседержителя! — З.Ч.) — во время предыдущих исследований находилась рядом с останками Царской семьи. Эти две иконы сопровождали частицы праха Императорской семьи и слуг, когда я вылетел с ними в Екатеринбург в сентябре 2007 года. С иконой Цесаревича произошла интересная история. В конце 2007 года ко мне обратились монахини и священник из США. Они рассказали, что на протяжении трех лет молились у списка подобной иконы в Храме Господнем в Иерусалиме и просили Господа помочь обрести

мощи Цесаревича Алексея. Их интересовал вопрос, откуда появилась подобная икона. Я рассказал историю создания иконы и порадовался тому, что Господь услышал молитвы о Царской семье и ее верных слугах» (С. 72).

Предоставляю читателю возможность самому определить информативную ценность процитированного пассажа. Отмечу только, что следом за ним напрямую встык идет абзац сугубо криминалистического свойства: о костях, о зубах, об антропологии, о воздействии кислоты, огня и т. п. Какую же функцию выполняют приведенные умильные подробности? Разумеется, всё ту же — расположить к своей версии православный народ. Авось устремится он толпами в притвор Петропавловской крепости!

В другом месте В.Н. Соловьёв рассказывает о своей встрече с оптинским старцем Илией. Православной общественности хорошо известно, что этот старец ныне является духовником Святейшего Патриарха. Почему бы не воспользоваться столь авторитетной фигурой в собственных интересах? И вот автор пишет: «Я честно рассказал старцу о нашей трудной работе, закончившейся тем, что останки неизвестных людей из болотистого лога на окраине Екатеринбурга обрели свое настоящее имя. Старец Илий внимательно выслушал меня и посоветовал написать брошюру в виде вопросов и ответов» (С. 3).

Пусть старец вроде бы никак не высказывается по поводу доверия или недоверия к авторской версии о подлинности останков. Но ведь все-таки «внимательно выслушал», «посоветовал»... И более того, с последней 80-й страницы брошюры под фотографией, запечатлевшей автора с этим старцем в его келье, звучат душеспатетельные патетические слова, как бы подталкивающие читателя к мысли о том, что, скорее всего, Илий все-таки склонится к принятию авторской версии: «Мудрый старец, услышав мой рассказ о посмертной судьбе Царственных Страстотерпцев, промолчал и задумался. На всё воля Божья».

Боже, какая фальшь!

С аналогичной целью В.Н. Соловьёв публикует и свою фотографию, на которой он стоит рядом с Патриархом Алексием. «Что бы вы там ни говорили о неприятии Святейшим выводов идентификационной комиссии, а он ведь тоже, как видите, и “внимательно меня выслушивал”, и задумывался», как бы внушает нам автор.

Теми же мотивами руководствуется следователь по особо важным делам, когда пишет о находке 2007 года: «На раскопки были приглашены представители Русской Православной Церкви, которые совершили положенные службы на месте обнаружения человеческих останков и на протяжении всех исследований помогали археологам» (С. 57).

Здесь незадачливый автор умудрился в одной фразе сделать сразу несколько ляпов. Во-первых, совершенно очевидно, что духовенство приглашалось не на раскопки, а после раскопок и обнаружения косточек. Во-вторых, словосочетанием «положенные службы» он в очередной раз с головой выдает собственную невоцерковленность. Потому что в подобных обстоятельствах совершаются не «положенные службы», а только одна служба, которая именуется панихидой. А в-третьих, совсем непонятно, каким образом люди с семинарским образованием могут помогать в *исследованиях* ученым-археологам?!

«Ну что вы придираетесь к каким-то там формальным ляпам», скажете вы и будете правы. Конечно же, главное в этой фразе не ляпы, а ее подспудный смысл, внушаемый православному народу: великое открытие совершилось не только по благословению Церкви, но и при ее активнейшем участии! А как иначе после провальной эпопеи 1998 года увеличить кредит доверия к своим «открытиям» в глазах церковной общественности?!

Вообще следует сказать, что столь активная апелляция к подобным «лирическим отступлениям» бывает нужна только в тех случаях, когда ущербна сама доказательная база, когда приходится подтасовывать факты и прибегать к странному методу доказывать недоказанное недоказанным. Именно такой метод использует В.Н. Соловьёв в дискуссии с Ю.А. Бурановым, крупным ученым-историком, оспаривавшим подлинность пресловутой «записки Юровского». Он отвергает его аргументы, утверждая, что «находка останков в 2007 году и экспертные исследования вещественных доказательств окончательно опровергли и без того неубедительные позиции Буранова и его сторонников».

Во-первых, находка 2007 года еще далеко не доказана и поэтому, сама по себе, не может служить каким-либо доказательством другого спорного обстоятельства. А во-вторых, даже если она будет доказана бесспорно, то, на мой взгляд, станет дополнитель-

ным аргументом в пользу того, что и от каждого из остальных тел осталось не более как 35 граммов обожженных огнем и кислотой косточек!

На странице 64 В.Н. Соловьёв негодует по поводу негативной реакции доктора медицинских наук, профессора и протоиерея Сергея Вогулкина на поспешные и неоправданно мажорные (как и в случае с останками первого захоронения) выводы, которые были сделаны сразу после самых первичных исследований косточек, найденных в 2007 году. А между тем, о. Сергей Вогулкин очень аргументированно и обстоятельно высказался насчет чрезмерного и преждевременного оптимизма ученых-генетиков.

Он пишет: «Методика, которая была использована в уже проведенных генетических исследованиях, до сих пор ни одним судом в мире не признается как доказательство. Игнорируются результаты генетических экспертиз, проведенных в других странах и давших отрицательные результаты. Однозначный вывод звучит так: если бы сегодня в суд были представлены все материалы дела об убийстве Царской Семьи, то они были бы возвращены для дополнительного расследования».

Такое заключение привело следователя в невероятную ярость. В гневе он не стал искать каких-либо аргументов, опровергающих мнение ненавистного оппонента (впрочем, таковых, на мой профессиональный взгляд, скорее всего, и не существует), а отреагировал совсем в стиле склочной потасовки известных персонажей Ильфа и Петрова, неуместно и не по делу переругивавшихся репликами типа «сам дурак!». Он пригрозил профессору-протоиерею Сергию Вогулкину и поддержавшему его ученому-биологу из Екатеринбурга О.Г. Макееву тем, что... обязательно встретится с ними и задаст им «риторический вопрос, знают ли они хоть что-нибудь о таком понятии, как человеческая совесть?»!

Ну, разумеется, откуда православному священнику, да еще и профессору, знать, что такое человеческая совесть. То ли дело следователь-криминалист! Только ему одному открыты глубины человеческой души, будь он хоть трижды плагиатором или угодливым чинушей, манипулирующим следствием по принципу «чего изволите». Потому что он знает больше. Он знает не только, что такое совесть, но и что такое полное ее отсутствие!

Теперь обратимся к книге Наталии Розановой, озаглавленной «Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба», которую В.Н. Соловьёв квалифицирует как «по-настоящему ценный научный труд» (С. 55). Внимательно ознакомившись с ее содержанием, я смею утверждать, что к науке она не имеет ровно никакого отношения, потому что речь идет о заурядном компилятивном сочинении, включающем выписки из различных идентификационных экспертиз и рассуждения по самым разным поводам с обильным цитированием всевозможных авторов и документов. А это вовсе не признак научности.

Примечательно, однако, другое. Все эти рассуждения носят подчеркнуто тенденциозный характер. Впечатление, будто автор выполняет чей-то заказ, требующий от него превращать в доказательство своих предположений любые аргументы, даже если они «притянуты за уши» и грешат явной противоречивостью.

Сошлюсь для примера на утверждение Н. Розановой о том, что сторонники версии о сожжении всех трупов выдвигают ее исключительно ради доказательства ритуального характера расправы с жертвами екатеринбургского злодеяния. «Можно с уверенностью сказать, пишет она, что “крестьянская” версия о сожжении тел была принята Дитерихсом–Соколовым именно с целью обосновать концепцию убийства в контексте средневековой ритуальной легенды, приспособленной к нуждам политического расследования» (С. 404).

При этом она нисколько не отрицает, что два трупа были все-таки сожжены. Что касается остальных, то они уцелели от огня по неким объективным причинам, а не потому, что убийцы принципиально не хотели их сжигать. По ее логике получается, что если бы не эти «объективные причины», то сожгли бы всех. И что же, спрашивается, в *этом* случае следовало бы говорить именно о *ритуальном* убийстве? Чушь полная! И Дитерихс, и Соколов не хуже Розановой знали, что сожжение трупов убийцами ни о какой ритуальности не свидетельствует. Во все времена и во всех странах это был классический способ заметания следов преступления, не более того. А в данном конкретном случае существовал еще и мотив не позволить белым использовать останки в качестве знамени в их борьбе с красными. Так для чего же возникать с ритуальной темой? А про-

сто для того, чтобы те, кому вздумается настаивать на версии сожжения всех трупов, четко себе представляли, что рискуют попасть в список антисемитов, отстаивающих версию ритуального убийства!

Вообще говоря, автор чрезмерно преувеличивает антисемитский фактор как первопричину непризнания абсолютным большинством православного народа подлинности екатеринбургских останков. Ей, как более воцерковленному, чем В.Н. Соловьёв, человеку, должно быть хорошо известно, что, в сравнении с другими социальными группами, среди верующих людей ксенофобские настроения распространены в наименьшей степени хотя бы потому, что они квалифицируются Церковью как сугубый грех. К тому же никто из ее оппонентов не утверждает, что расстрел в подвале Ипатьевского дома был несомненным ритуальным убийством. Они просто настаивают на том, что этой версии следует дать обоснованное опровержение, не более того!

Тем не менее, вся 7-я глава книги целиком посвящена антисемитскому фактору. И состоит она из 120 страниц, на которых почти нет цитирования других авторов, то есть она практически полностью написана самой Н. Розановой. Учитывая, что во всех остальных главах пространные цитаты и публикуемые документы иногда составляют больше половины текста, можно сделать вывод, что одна 7-я глава — это почти 50 процентов всего, что написано самим автором. Вот и хочется спросить: зачем столько внимания откровенно малозначительному аспекту в столь разноаспектной проблеме, какой является проблема екатеринбургских останков? Создается впечатление, что изначально книга писалась под другим рабочим названием. Например, что-нибудь вроде **«Царские страстотерпцы — не ритуальные жертвы»**.

Здесь я позволю себе небольшое отступление сугубо автобиографического свойства. Впервые о ледящих кровь событиях в Ипатьевском доме я услышал в пятилетнем возрасте, когда мы еще жили в эмиграции и готовились к репатриации в Советский Союз. В то время распространялась молва о том, что после расстрельного кошмара в подвале Великая Княжна Анастасия Николаевна вдруг начала подавать признаки жизни и была заколота штыками сквозь подушку. Вспоминаю этот рассказ как первое в моей жизни серьезное психологическое потрясение. Своим наивным детским сознанием я никак

не мог взять в толк, как же она, бедненькая, не понимала, что подушка — плохой щит для острого металлического штыка...

После репатриации я успел поступить в первый класс советской школы, но вскоре нас репрессировали (конфисковав среди прочего и семейный фотоальбом с фотографией Царской Семьи на первой странице). На одном из уроков обожаемая мной учительница (я до сих пор помню, что ее звали «Татьяна Карповна») рассказала нам о «дедушке Ленине», который спасал животных, помогал бедным, заботился о больных и дарил детям щедрые подарки. Вернувшись из школы, я закатил родителям грандиозный скандал за то, что они скрывали факт существования этого «святого» человека.

У меня до сих пор перед глазами растерянный взгляд родителей. Моя мать взяла меня за руку и вывела во двор. Потом уже я узнал, что опытные советские люди предупредили родителей воздерживаться от «крамольных» тем внутри квартирных стен, в которые наверняка вмонтированы подслушивающие устройства. Во дворе тихим заговорщическим голосом моя мать сказала:

— Ты помнишь про Великую Княжну, которую закололи штыками? Так вот, это было сделано по приказу того самого человека. Только дай мне слово, что ты об этом будешь молчать! Иначе нам всем очень не поздоровится...

Это происходило в 1949 году. С того дня вплоть до момента спуска красного флага с купола Большого Кремлевского дворца в декабре 1991 года я жил на родной земле внутренним эмигрантом.

Мне понадобился этот рассказ только для того, чтобы читателю было ясно, что я воспитан с младых ногтей в культе мученического подвига Царственных страдальцев, к которым мои родители молитвенно обращались за заступничеством еще в 20-е годы минувшего века, за многие десятилетия до официальной канонизации. Чтобы было ясно и то, что не только Н. Розановой, но мне тоже очень хотелось бы поклониться мощам глубоко почитаемых мною святых. Но, в отличие от нее, риск ошибки в определении подлинности этих мощей для меня *абсолютно недопустим*. К сожалению, после личного общения на эту тему с такими фигурами, как Немцов, Яров, Рябов, Соловьёв и компания, степень этого риска вырастает в моих глазах до гигантских масштабов.

Упомянувшийся мною выше Великий Князь Владимир Кириллович, конечно же, более чем кто-либо был заинтересован в обретенении мощей своих ближайших родственников (Государь был его двоюродным дядей). Но, как он говорил мне лично, даже если степень вероятности останков достигнет 99 процентов, то и в этом случае он не сможет дать согласия на признание их в качестве мощей. Я был поражен мудростью его суждения, когда он сказал:

— А зачем, собственно говоря, заниматься несвойственными церковной традиции манипуляциями с обнаруженными костями, подвергая их каким-то многосложным исследованиям? Разве не разумнее было бы просто оставить их под спудом и на месте найденного захоронения построить часовню, освятив ее в честь новомучеников и исповедников российских? И тогда все те, кто склонен верить в принадлежность останков Царской Семье, могли бы приходить туда для молитвенного поклонения ей, а остальные возносили бы свои молитвы всем новым мученикам, первыми из которых стали Царственные страдалцы. Ведь, по молитвам верующего народа, мощи имеют обыкновение сами являть себя.

Я очень посоветовал бы Н. Розановой хорошо поразмыслить над этим мнением Великого Князя хотя бы для того, чтобы избавиться от более чем сомнительных «богословских» постулатов, коими пестрит 4-я глава ее книги. В основу этих постулатов Н.Розанова кладет определение VII Вселенского Собора, которое гласит: «...осмеливающиеся отвергать что-либо из того, что посвящено Церкви, будет ли то Евангелие, или изображение креста, или иконная живопись, или *святые останки мученика* (выделено Н. Розановой. — *З.Ч.*)... таковые, если это будут епископы или клирики, были бы низлагаемы, если же будут иноки или миряне, были бы отлучаемы» (С. 212).

Поскольку основную массу тех, кто не признал постановления правительственной Комиссии по идентификации екатеринбургских останков, составляют как раз «епископы, клирики, иноки и миряне», то угроза низложения и отлучения звучит не просто устрашающе, но даже катастрофически. Потому что, исходя из текста анафематствований, возглашаемых в первое воскресенье Великого поста (праздник Торжества православия), все эти несчастные «низложенные и отлученные» подлежат, к тому же, как отвергающие установления Вселенских Соборов, еще и преданию анафеме!

Спешу успокоить тех, кто мог ненароком устрашиться нависших угроз, а заодно пристыдить незадачливого «богослова»: в цитируемом соборном определении говорится об «осмеливающихся отвергать что-либо из того, что *посвящено Церкви*». А Церкви посвящено только то, что ею самой признано в качестве святыни. Может быть, Н. Розановой известна какая-то закрытая информация о признании Церковью екатеринбургских останков в качестве мощей? Едва ли. Поэтому можно смело обвинять ее в прямом подлоге!

Н. Розанова подвергает беспощадной критике своих оппонентов, не признающих или оспаривающих официальную версию об останках. Она громит церковного археолога С.А. Беляева, журналиста П.А. Мурзина, профессора В.Л. Попова, академика В.В. Алексеева, члена Госкомиссии А.К. Голицына и многих других. В отношении академика В.В. Алексеева она опускается до мелочных обвинений, откровенно намекая на то, что этот крупный историк требовал проведения исторической экспертизы из сугубо корыстных соображений: «Кроме сомнительных предложений, — пишет Н. Розанова, — все письма В.В. Алексеева отличались и типичными дополнениями: *“Для проведения... исследований группой научных сотрудников нашего института потребуется финансирование в 60–80 млн. руб.”*» (С. 356). А что особенного в том, что директор научно-исследовательского института требует дополнительного финансирования для своего учреждения, которому заказываются внеплановые исследования?

Могу себе представить, *что* бы она написала про своих оппонентов, если бы они, а не милые ее сердцу Авдонин и Рябов рассказали из-за денег, которые им предлагали для раскопок останков соперничавшие между собой губернаторы Э. Россель и А. Тулеев! Н. Розанова цитирует в своей книге воспоминания некоего Г.П. Васильева, который пишет: «Г.Т. Рябов изначально принял решение не участвовать в раскопе из-за того, что А.Н. Авдонин отверг его предложения провести вскрытие захоронения под патронатом Амана Тулеева, который обещал Гелию Трофимовичу для этих целей миллионы рублей против 200 тысяч, обещанных Э. Росселем» (С. 220). Это обстоятельство ничуть не мешает Н. Розановой утверждать, сравнивая Г. Рябова, ни более ни менее как с великим археологом Г. Шлиманом, что «Гелий Рябов, как и Генрих Шлиман,

использовал дарованные ему судьбой особенные жизненные обстоятельства не для корысти, а для достижения благородной цели» (С. 212)!

Серьезных упреков заслуживает Н. Розанова еще и по части маленьких хитростей, эдаких негромких фальшивых ноток, которые во многом напоминают соловьевские приемы подспудного воздействия на сознание людей, не верящих в подлинность останков.

Особенно ярко этот прием прослеживается в подборе иллюстративного материала. Общеизвестно, что Российский Императорский Дом и Российское Дворянское собрание поначалу с интересом отнеслись к идентификации найденных под Екатеринбургом останков в надежде на то, что процесс исследования прольет свет на тайну обнаруженного захоронения. Именно поэтому Великая Княгиня Леонида Георгиевна неоднократно посещала судебно-медицинские лаборатории в Екатеринбурге и Москве и выслушивала мнения специалистов, а князь А.К. Голицын, основатель и предводитель Российского Дворянского собрания, согласился войти в состав правительственной Комиссии по идентификации екатеринбургских останков и проработал в ней до самого ее роспуска в 1998 году. Однако по ходу расследования стали выявляться одна за другой пресловутые фальшивые ноты. В результате Российский Императорский Дом и Российское Дворянское собрание солидаризировались с Церковью и отказались признать подлинность останков.

А что мы видим на иллюстративных вклейках книги Н. Розановой? Вот фотография Великой Княгини Леонида Георгиевны в Свердловском областном бюро судебно-медицинской экспертизы, а под ней надпись о том, что Великая Княгиня «верит в подлинность останков». Автор не поясняет, почему же, веря в подлинность останков, Великая Княгиня в день похорон оказалась не в Петропавловской крепости, а в Троице-Сергиевой лавре на панихиде, которую служил Патриарх Алексий II? Маленькая хитрость? Да. Авось кто-нибудь да клонет!

А вот фотокопия какого-то старинного документа. Читаем: «КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ. Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием...» Красивые слова клятвы в верности Государю Императору и в безупречном служении Отече-

ству. Подпись — И.А. Сергеев. Кто такой И.А. Сергеев? Это один из первых вместе с Н.А. Соколовым следователей, по свежим следам изучавших обстоятельства гибели Царской Семьи. А почему же не приводится такая же типовая клятва, которую по долгу службы непременно должен был дать в свое время и Соколов? Потому что ее никто не искал по архивам. Дело в том, что симпатии «фальшивотчиков» целиком на стороне Сергеева, который, в отличие от Соколова, вовсе не интересовался этническим составом команды расстрельщиков и ритуальной стороной злодеяния!

Но в одной иллюстрации Н. Розанова допустила непростительный промах! Цветная фотография изображает «динамичную» фигуру ее любимого следователя по особо важным делам В.Н. Соловьёва. Того самого, который смиренно искал мудрых советов у старца Илия, молился перед написанной по собственному заказу иконой Цесаревича с птичкой и благодарил «Господа за услышанные молитвы о Царской семье и ее слугах». На фотографии «усердный богомолец» встречает Святейшего Патриарха Алексия II у трапа вертолета и в сердечном приветствии... крепко жмет ему руку! Оказывается, иногда можно петь и нефальшиво...

И, наконец, не могу оставить без внимания еще одну фальшивую ноту г-жи Н. Розановой. В 6-й главе своей книги она сообщает о настойчивых ходатайствах ее единомышленников, пытающихся убедить биологических родственников Императорской Семьи Тихона Куликовского, графиню Ксению Шереметьеву, герцога Файфа и Николая Романова предоставить образцы своей крови для сравнительной экспертизы. Она приводит письменные обращения к этим людям, подписанные В.О. Плаксиным, П.Л. Ивановым, А.Е. Себенцовым и Ю.Ф. Яровым. В этом же ряду сообщается и о моем письме на имя Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия, в котором я прошу его воздействовать на Т.Н. Куликовского, чтобы он согласился дать свою кровь. Но дело в том, что, в отличие от всех остальных, цель моей просьбы заключалась не в подтверждении версии о подлинности останков, а в ее опровержении, поскольку к этому времени я уже вдоволь наслушался фальшивых нот и аккордов! Для читателя, однако, этот существенный нюанс так и останется неизвестным. Он будет уверен, что «свое личное прошение митрополиту Виталию написал и член Дворян-

ского собрания З.М. Чавчавадзе» (С. 315) исключительно для того, чтобы помочь вышеуказанным «фальшивонотчикам» довести свое черное дело до логического завершения. А жаль!

А разве у читателя книги Н. Розановой не возникнет уверенности в том, что теперь (наконец-то!) и Русская Зарубежная Церковь признала подлинность останков, когда он ознакомится с предваряющим книгу вступлением епископа Штутгартского Агапита? Разумеется, да! Особенно после того, что в этом вступлении «фальшивонотчики» названы «подвижниками правды», которые «в результате кропотливой работы» сумели отыскать мученические останки. У меня дрожь проходит по коже, когда я представляю себе Рябова, Соловьёва, Немцова и прочих «искателей истины» в белых ризах «подвижников правды»!

Но мне все-таки хочется подпортить автору книги ощущение крупной удачи с подключением в свой лагерь епископа Агапита. Во-первых, в своем вступлении владыка нигде однозначно не высказывается о своей безусловной уверенности в подлинности останков, а говорит только, что «искать истину мы должны». Во-вторых, мнение викарного епископа, не входящего в состав Синода Русской Зарубежной Церкви, ни в коей мере не может ассоциироваться с позицией самой Зарубежной Церкви.

Мне довелось беседовать по этому поводу не с последними лицами из священноначалия РПЦЗ. Они говорили мне, что ни Первоиерарх этой Церкви, ни члены ее Синода вообще не осведомлены о публичном выступлении их епископа. И обещали выяснить, спрашивал ли он на это благословение своего правящего архиерея, архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка. А под конец беседы сказали:

— Пришлите нам, пожалуйста, либо саму книгу, либо ксерокопию вступления владыки Агапита. Потому что за всю его священническую и архиерейскую карьеру им не было написано ни одной строчки. А тут целое вступление к книге! Поскольку мы не очень уверены, что из-под его пера еще что-либо когда-нибудь появится, нам очень хотелось бы сохранить этот уникальный документ.

* * *

В заключение напомним о приближающейся крупной исторической дате — 400-летию окончания первой русской смуты и воцарения на российском престоле Дома Романовых. Не сомневаюсь, что в рамках подготовки к этому юбилею и непосредственно в ходе самого празднования ситуация с захороненными в притворе Петропавловской крепости останками всплывет с неотвратимой неизбежностью. Как же отреагируют на нее Священноначалие нашей Церкви и государственная власть?

За несколько месяцев до восшествия на престол Предстоятелей нашей Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл дал подробное интервью, в котором всесторонне обосновал позицию Русской Православной Церкви в отношении проблемы екатеринбургских останков и непризнания их в качестве святых мощей Царственных Страстотерпцев. Текст этого интервью публикуется в Приложении к настоящей книге, и я очень рекомендовал бы ознакомиться с ним В. Соловьеву и Н. Розановой, как, впрочем, и другим людям, декларирующим свою православность и верность Церкви, но при этом дерзающим публично оспаривать ее официальную позицию.

Главное их заблуждение (независимо от того, сознательное оно или несознательное) состоит в том, что они отказываются принять в расчет мудрое и взвешенное отношение Церкви к вопросу о мощах. Наличие или отсутствие мощей ни в коей мере не влияет на почитание Церковью тех или иных угодников Божиих. Когда святые мощи являют себя с несомненной достоверностью, то Церковь поощряет поклонение им ради обретения сугубой духовной помощи и заступничества. Однако при малейших сомнениях она принимает *принципиальное* решение, оставляя вопрос открытым в ожидании благовремениа. И делается это по *единственной* причине: поклонение лже-мощам есть величайший грех святотатства и кощунства. Эта непреложная истина раскрыта в интервью Святейшего Патриарха со всей очевидностью и убедительностью.

Хочется верить, что ею проникнутся не только «фальшивонотчики», но и люди, облеченные властью на всех уровнях. А еще очень хочется верить, что эпоха тотального богоборчества прошла безвоз-

вратно, уступив место тем временам, когда высшая государственная власть будет, наконец, обязана посчитаться с мнением Церкви — единственным общественным институтом, имеющим абсолютное и нераздельное право определять, что есть святыня, а что — нет.

К счастью, среди нынешних государственных мужей уже не проматриваются наглые и безапелляционные политики типа Немцова, Ярова и иже с ними. Но найдутся ли дерзновенные, добропорядочные и объективные деятели, которые захотят, чтобы исторические правда и справедливость восторжествовали на государственном уровне? И достанет ли им мужества признать, что захоронение псевдо-останков в 1998 году стало той самой великой ошибкой, которая «хуже преступления»? Ведь ни для кого не секрет, что совершил ее вполне сознательно и от лица государства тогдашний первый вице-премьер Б. Немцов, который опустился сегодня до банального уличного хулиганства в своем неприкрытом стремлении к сеянию новой смуты ради низложения существующей государственной власти!

Я хорошо помню свои беседы с этим ностальгирующим ныне по лихим 90-м годам «хулиганом» (такovým было недавнее определение мирового судьи), равно как и с его коллегой на посту главы правительственной Комиссии по идентификации останков Ю. Яровым. Обоих я тщетно пытался убедить в необходимости открыть государственные архивы, в том числе президентский и все прочие, относящиеся к спецслужбам. Только там, по мнению авторитетных политиков и ученых, можно было отыскать если не всю правду о екатеринбургской трагедии, то, по крайней мере, ту ее существенную часть, которая способна пролить свет на многие запутанные и спорные вопросы.

Апломб и категоричность, с которыми эти главы Комиссии отклоняли даже просто самую постановку вопроса о необходимости открытия государственных архивов, давно утративших всякую актуальность в закрытости своего статуса, тоже отдавали изрядной фальшивостью. Мы не раз обсуждали эту тему с автором настоящей книги А.К. Голицыным. Он весьма убедительно говорил о странных «двойных стандартах», когда, по решению высшей государственной (законодательной и исполнительной) власти, архивы, хранящие гораздо более близкую по времени информацию, открывают свои секреты в угоду зарубежным, далеко не дружественным

России стран, а старые архивы, могущие послужить гражданскому миру внутри нашего общества, так и остаются наглухо закрытыми!

Действительно, как объяснить, что Польша получила исчерпывающую правду о событиях под Катынью, а нашей российской общественности отказано в возможности узнать истину о событиях под Екатеринбургом?! Невольно напрашивается вывод: правда о катыньской трагедии позволяет заклеить Сталина как главного виновника большевистского произвола, а правда о екатеринбургском злодеянии может показать, что он, оказывается, всего лишь не более как продолжатель этого произвола.

То же самое следует сказать и о суперзасекреченных архивных материалах, связанных с приложениями к известному пакту Молотова-Риббентропа. Они почему-то легко переправляются за рубеж и становятся легкой добычей не столько антисоветской, сколько антирусской западной пропагандистской машины. А вот моей жене, снимавшей российский документальный фильм о позорном Брест-Литовском мире и искавшей соответствующие исторические материалы в наших архивах, было отказано под сомнительным предлогом их «полного отсутствия». К счастью, ей удалось найти эти материалы в Австрии и Германии, но суть дела от этого не меняется: если надо доказать коварство Сталина, то — пожалуйста, милости просим, а если вы собираетесь чернить Ленина или Троцкого, то — ни-ни!

Эти «двойные стандарты» вполне вписываются в ряд тех самых «фальшивых нот», о которых я говорил выше. Остается только надеяться, что нынешняя власть, столь активно декларирующая переустройство государственной жизни на основе «истинно демократических правовых принципов», прислушается к здравому голосу нашей Церкви и положит конец фальсификациям и подтасовкам в исследовании посмертной судьбы святых всероссийских Новомучеников — невинных Царских Страдальцев.

Их же молитвами и заступничеством да воцарится на русской многострадальной земле благословенный мир и правда Божия!

* * *

P.S. Когда это предисловие вместе с основным текстом книги А.К. Голицына находилось уже в типографии и готовилось к печати, по рассматриваемой теме появились два новых документа: а) официальное сообщение о том, что глава Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин признал обнаруженные под Екатеринбургом останки на сто процентов подлинными и распорядился в очередной раз закрыть уголовное дело по обстоятельствам убийства Царской Семьи; б) интервью следователя В. Соловьёва в газете «Известия».

В связи с этим я посчитал нужным затребовать из типографии текст моего предисловия для того, чтобы дополнить его новыми фальшивыми нотами, прозвучавшими в многосложной истории обнаружения и идентификации екатеринбургских останков.

А.К. Голицын упоминает в своей книге нынешнего главу Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, написавшего в 1998 году, в бытность его научным сотрудником одного из научно-исследовательских институтов в Петербурге, статью, в которой в резкой форме раскритиковал работу комиссии по идентификации екатеринбургских останков с точки зрения юридической обоснованности проведенных следственных и процессуальных действий. В частности, он корил следствие в том, что, игнорируя элементарные правила криминалистики, оно «велось только по одной версии, другие версии не выдвигались и не проверялись, а попытки специалистов предложить их отвергались».

В заключении своей статьи доктор юридических наук А. Бастрыкин категорически потребовал дополнительной проверки объявленных результатов «путём производства дополнительного расследования».

Теперь, став крупным государственным чиновником, он, по видимому, «решил» уверовать в подлинность останков без всяких «дополнительных проверок»!

Такова первая фальшивая нота г-на Бастрыкина.

А вторая заключается в следующем. Готовя настоящую книгу к публикации, мы с А.К. Голицыным обратились весной 2010 года к г-ну Бастрыкину, возглавлявшему тогда Следственный комитет при Генеральной прокуратуре, с официальным письмом, в котором просили его о встрече для выяснения мотивов, побудивших его столь

смело «проигнорировать конъюнктурные соображения и отважно выступить в защиту профессионального подхода к важному государственному делу».

Мне доподлинно известно, что, прочитав письмо, г-н Бастрыкин сказал своему ближайшему окружению:

— Это — очень серьезное и важное дело. Непременно встречусь с авторами письма после моего возвращения из отпуска.

Однако по его возвращении из отпуска никто нас так и не пригласил. По прошествии еще двух месяцев мы получили письмо, в котором некий представитель его аппарата извещал нас о том, что Александр Иванович никак не может с нами встретиться по причине крайней занятости.

С кем же консультировался отважный и непреклонный профессор Бастрыкин в течение этих двух с лишним месяцев, чтобы в одночасье превратиться в робкого и послушного чинушу, не пожелавшего остаться верным своему профессиональному долгу и смирившегося с выводами, сделанными, по его же словам, «наперекор элементарным правилам криминалистики»?! Очень не хочется верить, что весь этот переворот в сознании г-на Бастрыкина осуществлен состоящим ныне в его подчинении столь же непрофессиональным, сколь и амбициозным следователем по особо важным делам В. Соловьевым! Ведь еще сравнительно недавно он клеймил последнего за профнепригодность и игнорирование элементарных процессуальных норм ведения следствия. Впрочем, учитывая скандал вокруг более чем странных предложений главы Следственного комитета по части трудоустройства депутата Госдумы А. Хинштейна, вполне можно допустить и такой вариант.

Помимо изобличения новоявленного «фальшивонотчика» в лице г-на Бастрыкина, не могу не отреагировать в этом постскриптуме на интервью В. Соловьёва, опубликованное 25 января 2011 года в газете «Известия». В нем следователь по особо важным делам теперь уже Следственного комитета пополнил череду своих фальшивых нот новыми, не менее звучными.

Отстаивая непричастность Ленина и Свердлова к решению об убийстве Царской Семьи, он утверждает, что «на сегодня нет ни одного достоверного документа, который бы доказывал их инициативу» в этом злодеянии. А заглядывал ли этот следователь в пре-

зидентский архив? Уверен, что, учитывая вовсе не преклонный возраст г-на Соловьёва, ему еще придется краснеть за подобные утверждения, когда этот архив окажется наконец рассекреченным! Впрочем, как это ни парадоксально, в самом интервью содержатся логически неопровержимые доказательства того, что приказ о расстреле шел из Москвы.

В. Соловьёв говорит о направлении в Тобольск специального комиссара Василия Яковлева с четким заданием «живыми доставить членов царской семьи сначала в Екатеринбург», а потом в Москву. При этом у Яковлева имелся «мандат за подписью Ленина и Свердлова, предписывающий расстреливать на месте всякого, кто попытается помешать ему выполнить задание». Почему же тогда не расстреляли Юровского и иже с ним?! Разве они, расстрелявшие Царскую Семью, не помешали Яковлеву «выполнить задание»?! Кому вешает лапшу на уши В. Соловьёв? Кто ему поверит, что такие жестокие и мстительные диктаторы, как Ленин и Свердлов, могли впоследствии «официально одобрить» столь наглое нарушение их собственноручно подписанного строжайшего приказа?!

Делая наивный вид, будто уральские самочинные большевики во главе с Юровским вероломно нарушали кремлевские инструкции, В. Соловьёв приводит в доказательство этой версии расстрел Юровским двоюродного брата Ленина Владимира Ардашева и его сына Георгия. Хотел бы в связи с этим сообщить историку-самоучке Соловьёву, что верноподданные Ардашевы происходили из семьи, которая предала семейной «анафеме» всех своих родственников по линии Ульяновых еще тогда, когда выяснилось, что старший брат Ильича Александр участвовал в убийстве Александра II! Этим обстоятельством, кстати говоря, и объясняется факт участия Владимира Ардашева в организации на Урале мирной демонстрации против разгона Учредительного собрания. И поэтому приводимый В. Соловьёвым эпизод с расстрелом Ардашевых может свидетельствовать только об обратном. А именно о том, что Юровский осуществил эту расправу с кузеном и племянником Ленина по прямому указанию последнего.

В. Соловьёв в своем интервью обосновывает стремление уральских «левых» (?! — З.Ч.) большевиков побыстрее расправиться с Царской Семьей тем, что они опасались готовности Кремля преправить Семью

в Германию. «Время от времени, — говорит В. Соловьёв, — кайзер Вильгельм напоминал Кремлю о необходимости обеспечения безопасности дочерей царя — германских принцесс». Во-первых, необходимо довести до сведения историка-самоучки и юриста, что ни по каким законам — ни немецким, ни российским, дочери русского Царя никогда «германскими принцессами» не являлись. Даже рожденная германской принцессой Государыня Александра Федоровна навсегда утратила этот свой титул, став русской Императрицей! А во-вторых, я убедительно попросил бы г-на Соловьёва представить документальное подтверждение его слов о неоднократных контактах Вильгельма с Кремлем. Или, может быть, он лично созванивался по этому поводу с Лениным по телефону? Тогда я потребую доказательств наличия в те времена прямой телефонной линии Берлин-Москва и свидетельств того человека, который этот разговор подслушивал.

Интервью завершается словами: «Я храню останки наследника великой империи и великой княжны в качестве “вещественных доказательств”. Боюсь, что рано или поздно их придется захоронить по общим правилам — среди “невостребованных останков”».

Как же позволяет себе высказываться столь кощунственно верный сын православной Церкви, на сто процентов уверенный в том, что располагает святыми мощами? Как он может допускать мысль о святотатственной передаче их для захоронения где-нибудь рядом с «невостребованными останками» бомжей или других неопознанных, без вести пропавших людей? Ведь, по учению Церкви, никакие государственные законы и инструкции не подлежат исполнению ее членами, если они вступают в противоречие с этим учением! Так что решайте, Владимир Николаевич, оставаться ли верным Церкви или «общим правилам»...

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?

* * *

17 июля 1918 года в подвале дома инженера Ипатьева большевиками были зверски умерщвлены Император Николай II и Его Августейшая Семья.

На протяжении всех последующих лет, во все советские годы, не переставала распространяться ложь и клевета вокруг имени Государя, которого большевистская пропаганда превратила в злодея, в корыстного, жадного и жестокого властелина. В предисловии к сочинению некоего Марка Касвинова под названием «Двадцать три ступени вниз» автор предисловия написал: «Уже при жизни он (Николай II) заслужил ненависть народа и позорную кличку “Кровавый”». Сам Касвинов заканчивает своё повествование словами: «Страшен был конец Романовых. Но, как было однажды замечено, ужас их смерти бледнеет перед ужасом их жизни». Советский энциклопедический словарь, издания 1980 года, о Государе выдаёт такую справку: «Находился под влиянием реакционных, политических и религиозных деятелей, авантюристов».

Цитировать таковую мерзость можно без конца. Известно, что большевистские правители, начиная с самого «вечно живого», питали лютую ненависть к Государю, ненависть, которую они стремились внедрить в сознание граждан порабощённой ими страны, оправдывая тем самым своё собственное злодейство.

В какой-то степени побуждал к тому страх перед Государем, ибо память о нём в народе не иссякала, и не случайно поэтому в канун шестидесятилетия большевистского переворота и грядущей вослед таковой же годовщины Екатеринбургского злодеяния, дом Ипатьева срочно, в одну из тёмных ночей, был снесён. В секретном постановлении ЦК КПСС за подписью тогдашнего шефа КГБ Андропова в частности говорилось: «Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются разного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминает-

ся бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расширяться, и дом Ипатьева станет объектом их серьёзного внимания».

Б.Н. Ельцин, в то время первый секретарь Свердловского обкома партии, в книге «Исповедь на заданную тему», писал: «Получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен взять на себя всю ответственность за это бессмысленное решение». Но это Ельцин писал уже сидя в президентском кресле, а в те годы упорно ходили слухи о его активном участии в сносе особняка. В 1990 году русская газета в Аргентине «Наша Страна» напечатала маленькую заметку, в которой говорилось: «Выдающий теперь себя за демократа, бывший член номенклатуры, коммунист Борис Ельцин был интервьюирован в программе французского телевидения “Апостроф”. Отвечая на вопрос ведущего передачу Бернара Пиво, Ельцин признался, что в 1977 году он отдал приказ снести Ипатьевский дом, в котором были убиты Царь Николай II и его Семья. “Я поступил так, — цинично объявил нынешний народный депутат, — чтоб этот дом не превратился в место паломничества”. Конечно, в “Исповеди” Ельцин себя всячески обеляет. Он как бы подтверждая “обеспокоенность” в Политбюро ЦК партии тем, что к дому Ипатьева интерес растёт, но сам нервозности оного будто бы не разделял. “Я к этому относился совершенно спокойно, — пишет Ельцин, — поскольку понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жадной воскресения нового царя. Здесь были совсем другие мотивы — и любопытство, и сострадание, и дань памяти, обыкновенные человеческие чувства”. И добавляет: “Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство”».

Может быть, «представлял», может быть, сам лично относился «спокойно» к тому интересу, который, в связи с приближавшейся памятной датой, проявлялся к месту гибели последнего русского Царя. Но то, что касается непосредственно особняка Ипатьева, то он, особняк, до своего разрушения, вниманием «спецслужб» обойдён не был и вряд ли без указаний на то со стороны областной партийной

верхушки. На самом деле дом бдительно охранялся, за всеми «подозрительными» лицами, кто задерживался около особняка и обращал на себя внимание «нездоровым» любопытством, велась слежка.

Мне самому в этом довелось убедиться. В тот год, в июле месяце, мы с моим близким другом литератором Борисом Всеволодовичем Шуплецовым совершили поездку по уральским местам. В Екатеринбурге, тогдашнем Свердловске мы прожили неделю. Что дом Ипатьева находится под надзором, нам было известно от наших свердловских знакомых, поэтому первый раз на разведку мы отправились под вечер. Обошли дом несколько раз вокруг, постояли у полукруглого окна, заложенного кирпичом, за которым находилась та самая комната в подвале, но никаких сотрудников «в штатском» не заметили и, надо сказать, осмелели, решив, что, как говорится, у страха глаза велики. На следующий день приехали с утра, вооружившись фотоаппаратом. Солнце уже припекало. Мы остановились в тени под деревьями на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, размышляя о том, откуда лучше поснимать с тем, чтобы не обращать на себя особого внимания, в то же время наблюдая за происходящим вокруг. Ничего подозрительного замечено нами не было. Какие-то люди появлялись с разных сторон, но не задерживались и проходили мимо, никак на особняк Ипатьева не реагируя. И на нас тоже. В доме размещалось какое-то учреждение, имеющее отношение то ли к Союзпечати, то ли к почтовому ведомству, во всяком случае, какого-то очень нейтрального свойства. Когда план действий у нас созрел, мы разделились. Борис Всеволодович отправился обозревать дом со стороны, противоположной Вознесенскому переулку, минув ворота, через которые в ту тёмную, трагическую ночь на Ганину Яму ушёл грузовик с трупами, а я, стараясь внешне выглядеть совершенно непринуждённо, вошёл через парадный подъезд внутрь особняка.

Сразу от входа шла короткая деревянная лестница, заканчивавшаяся небольшой площадкой с гипсовым бюстом первого председателя ВЦИКа у стены. Налево с площадки дверь вела в жилую часть дома. По плану, приведённому в книге следователя Соколова, первая комната являлась проходной. Таковой она, видимо, и оставалась. В комнате никого не было. Справа у стены стоял шкаф и ещё какая-то канцелярская мебель. Прямо дверь вела в парадные

апартаменты, где когда-то обитала Царская Семья, а налево — в комнату коменданта. Оттуда слышались голоса. Дальше я не пошёл. Спустился вниз, сфотографировал лестницу с бюстом и вышел на улицу. Бориса Всеволодовича возле дома не было. Я пошёл в сторону Вознесенского переулка, как бы ему навстречу и вдруг увидел странную фигуру в светлом костюме, наверное, в сером, которая, неестественно прислонившись спиной к стене ипатьевского особняка, заглядывала через плечо за угол дома. Как-то сразу стало всё ясно. Быстро прошёл вдоль дома, завернул с проспекта мимо «серого костюма», на него не глядя. Борис Всеволодович стоял, задумавшись, перед дверью, которая ведёт из переулка в тот самый полуподвал. Она не то чтобы была закрыта, она как будто была замурована, заварена, замазана, во всяком случае, понятно, что по прямому назначению дверь эта не использовалась, наверное, с тех памятных июльских дней. Но это я разглядел накануне, а тогда, почти не останавливаясь, взял под руку Бориса Всеволодовича, и мы с ним, как бы о чём-то рассуждая, спустились по Вознесенскому переулку и за домом Попова свернули влево. На следующий день мы появились у ипатьевского особняка уже во второй половине дня и с некими уловками. Шли врозь и по противоположной стороне Вознесенского проспекта, шли медленно, присматриваясь по сторонам, не задерживаясь особенно нигде. Обратили внимание на две странно-подозрительные фигуры в сером облачении, как-то непонятно слоняющиеся по разные стороны от дома. Рисковать не стали.

Если верить Рябову, то мы с ним посетили дом Ипатьева почти одновременно, буквально накануне его уничтожения, с той разницей, что мне приходилось озираясь по сторонам, ощущая некую даже «преступность» своего положения, а его с почётом сопровождало милицейское начальство. Не знаю, побывал ли тогда Рябов на Ганиной Яме, но через тринадцать лет после того, как дом Ипатьева был взорван, в разгар горбачёвской «перестройки», мир взбудоражила весть о том, что под Свердловском, в районе деревни Коптяки, обнаружено место, где была захоронена Царская Семья. Крушение советской власти и политические изменения, произошедшие в стране, на какое-то время ослабили сенсационный накал вокруг этого открытия, но в 1991 году, уже решением новой власти, могила была вскрыта. Вскрывали тайно, в непогоду, под надзором высоко-

го чина из соответствующего комитета. Археологам, которые были привлечены к работам по вскрытию могилы и предупреждены об «ответственности за отказ или уклонение от выполнения обязанностей специалиста», только на месте раскопа было объявлено, что официальной целью экспедиции является «вскрытие предполагаемого захоронения семьи последнего русского царя».

Как известно из публикаций Рябова, он в 1979 году, с группой свердловских единомышленников, частично царское захоронение раскопал и извлёк оттуда три черепа, которые год спустя этими же людьми были отдельным вложением возвращены в могильник. Именно это «отдельное вложение» в 1991 году оказалось открытым первым. Как записано в «Протоколе осмотра места происшествия», на глубине 60–70 сантиметров был обнаружен деревянный ящик из красных досок. Из ящика были извлечены пять полиэтиленовых пакетов, в которых находились кроме трёх черепов более десятка костных фрагментов от разных частей скелетов.

Вскрытие «предполагаемого царского» захоронения вызвало неадекватную реакцию в обществе, не только на российской территории, но и за её пределами. Пресса поднимала темы как политического характера, так и характера нравственного. Известная в эмиграции писательница Зинаида Алексеевна Шаховская в интервью газете «Известия» сказала: «Вся эта история с выкапыванием скелетов производит чудовищное впечатление. Кто бы там ни был похоронен — красные или белые, — нельзя поступать столь бесцеремонно ни с христианской, ни с юридической точек зрения. Это оскорбительно». А писатель Владимир Алексеевич Солоухин, посетивший с группой паломников места, связанные с гибелью последнего русского Императора и Его Семьи, в тот самый 1991 год, в статье, напечатанной газетой «Литературная Россия», писал: «И вот мы стоим на краю Ганиной ямы. У священников возникла мысль поставить крест на дне ямы, но после маленького обсуждения вопроса они от этого отказались. В самом деле, костры ведь жгли не в яме, а на ровной площадке рядом с ней. Не это ли место надо считать настоящей могилой убиенных? А то, что место кострищ разграбили потом, разметали и заляпывали глиной и что при этом несколько мелких предметов попало и в яму, это ещё не резон считать её местом захоронения. Захоронения как такового не было вообще, нечего было хоронить — серная ки-

слота, керосин, бензин и огонь сделали своё дело, а застывший человеческий жир нашли не в яме, а в земле на месте костров. Страшно об этом говорить, но приходится».

* * *

В Послании Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убийства Императора Николая II и Его Семьи, в частности, было сказано:

«Мы призываем наши высокие гражданские власти возобновить детальное расследование убийства Николая II, Его Семьи, членов Императорской Фамилии и Их родственников. Руководить таким дорасследованием должна авторитетная и полномочная комиссия, в которую могут войти представители Церковного Священноначалия, органов высшей государственной власти, учёного мира, церковной и светской общественности. Комиссии этой необходимо рассмотреть все аспекты екатеринбургского преступления — нравственные, правовые, политические».

После обращения Святейшего Патриарха к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, 23 октября 1993 года распоряжением Председателя Совета Министров, каковым в то время был В.С. Черномырдин, была создана «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи», которой был придан правительственный статус. Этим же распоряжением был утверждён первый состав её членов в количестве двадцати двух человек, двое из которых вскоре выбыли. Председателем Комиссии был назначен вице-премьер Юрий Фёдорович Яров, а его заместителем — мэром Санкт-Петербурга Анатолий Александрович Собчак. Членский состав распределился таким образом: девять членов Комиссии были представлены чиновничьим аппаратом всех ведущих ведомств в ранге заместителей министров, двое официальных представителей судебной медицины, руководитель Росархива и шесть лиц от общественности и Православной церкви, которую в Комиссии представлял член Священного Синода, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

Комиссии по распоряжения Черномырдина предписывалось «работать совместно с заинтересованными организациями необходимые предложения и внести их в Совет Министров». Ко времени создания Правительственной комиссии уже была проведена судебно-медицинская экспертиза и возбуждено уголовное дело, расследование которого было поручено старшему прокурору-криминалисту Главного следственного Управления Генеральной прокуратуры Владимиру Николаевичу Соловьёву.

Первое заседание Правительственной Комиссии состоялось 26 октября, то есть на третий день после её учреждения. Председательствующий Яров с первых же слов чётко определил поставленную верховной властью задачу: провести исследования и подготовить материалы и рекомендации по «перезахоронению останков». Для наибольшей оперативности состав Комиссии был разделён на три группы, каждой из которой была определена сфера её компетенции.

— Возьмите свой список, который у вас в руках (имелся в виду список членов Комиссии. — *А.Г.*), — сказал Яров. — Я по порядку всех назову. Когда я буду называть цифру один, вы будете иметь в виду, что это первая группа по вопросу, касающемуся исследований. Под цифрой два у вас будет вторая группа, которая будет заниматься вопросами ритуала и церемонии, третья группа должна определить дату и место перезахоронения.

Тут же были назначены руководители каждого направления, по которым Комиссия должна осуществлять свою деятельность. Первую группу возглавил Главный судебно-медицинский эксперт Минздрава РФ Владимир Олегович Плаксин, ритуальную — Собчак и третью — начальник Росархива Рудольф Германович Пихоя. Каждой группе было предписано к следующему заседанию Комиссии, назначенному на 3 ноября, подготовить соответствующие доклады с конкретными рекомендациями и предложениями, а Плаксину Яров в дополнение поручил составить справку о «ходе выполнения судебно-медицинской экспертизы» и представить её в Секретариат Комиссии в течение трёх, четырёх дней, с тем, чтобы к следующему заседанию члены Комиссии успели с ней ознакомиться.

На такое авральное начало отозвался владыка Ювеналий. Он сказал, что Комиссия собралась в первый раз и что сроки, которые предлагаются для осмысления серьёзных вопросов, очень коротки,

тем более, как ему известно, общественное мнение в отношении достоверности останков, обнаруженных под Екатеринбургом, очень противоречиво, а также среди родственников, которые обращаются в адрес Патриарха (он назвал Николая Романовича Романова³, Ольгу Николаевну Куликовскую⁴, Великую княгиню Леониду⁵ и кого-то из самозванцев, кажется, «принца» Долгорукова из Испании) нет полного единомыслия, а есть, наоборот, очень веские возражения против тех выводов, которые имеются на сегодняшний день.

— На первом вопросе, я имею в виду вопрос, связанный с исследованием останков, мы можем очень долго задержаться, а потому разрабатывать за три, четыре дня все другие вопросы вряд ли будет возможно. Это нужно учесть к следующей встрече, — сказал владыка, добавив, что к будущему заседанию он подготовит более обстоятельный письменный документ со своими соображениями и предложениями (*Приложение № 1, № 2, № 3*).

Первое заседание Комиссии носило более организационный характер, когда обсуждались вопросы распределения ролей, степень компетенции Комиссии и круг её полномочий, выяснялись какие-то вопросы финансового свойства и члены Комиссии присматривались друг к другу. Никаких серьезных обсуждений не было, тема останков практически не затрагивалась, и только кратко её коснулся глава первой группы В.О. Плаксин. Он сообщил, что судебно-медицинская экспертиза костных останков начала свою работу по постановлению прокуратуры Свердловской области 23 августа 1991 года, то есть через две недели после того, как было вскрыто захоронение на Коптяковской дороге, дав беглый обзор по проделанной работе. В частности, он сказал, что был разработан программно-аппаратный комплекс для проведения идентификационных исследований по черепу и прижизненным снимкам, с помощью которого «окончательно идентифицированы семь скелетов и установлена принадлежность останков пяти конкретным членам семьи Романовых, доктору Боткину и служанке А.С. Демидовой». И заве-

³ Внук Великого князя Петра Николаевича, брата Великого князя Николая Николаевича, бывшего Верховного Главнокомандующего.

⁴ Последняя супруга Тихона Николаевича Куликовского, племянника Императора Николая II.

⁵ Супруга Великого князя Владимира Кирилловича.

рил, что как только Прокуратура представит необходимые документы, «будут сформированы окончательные выводы экспертизы» для передачи их в Правительственную комиссию (*Приложение № 4*).

Надо сказать, что на первом этапе работы Комиссии настроение было довольно оптимистическое. Казалось, что задачей, поставленной верховной властью, являлось беспристрастное и безусловное обретение истины, без всякого обременения какими бы то ни было политическими соображениями. Именно в это время у меня состоялась встреча с Владимиром Николаевичем Соловьёвым, ещё летом назначенным вести следствие по «Царскому делу». Впечатление от встречи осталось прекрасное. Мы долго беседовали, коснувшись всех проблем, которые будоражили общественное мнение и порождали ряд сомнений вокруг всей истории, связанной с убийством в ипатьевском доме. Естественно, коснулись мы и двух персон, Рябова и Радзинского, о которых Владимир Николаевич отозвался без всякого энтузиазма, отметив, что вопросы к этим господам есть и что он предполагает «в порядке следственного производства» их допросить. Меня приятно обрадовало то, что Владимир Николаевич, как он очень искренне и уверенно говорил, считает долгом профессиональной чести и обязанностью патриота своего Отечества, в этом страшном и запутанном деле, оставаясь абсолютно независимым от каких-либо посторонних влияний, твёрдо следовать по пути поиска правды.

На втором заседании Правительственной комиссии, 3 ноября 1993 года, Владимир Николаевич сделал довольно обстоятельное сообщение о ходе расследования «уголовного дела по факту гибели Царской Семьи», начиная с момента вскрытия захоронения в «лесном массиве в 15 километрах от города Екатеринбурга», в котором неоднократно подчёркивал то, что все существующие версии должны быть тщательно изучены и только после этого возможно будет делать какие-то выводы.

— В настоящее время, — сказал Владимир Николаевич, — существует большое количество версий, домыслов, легенд и откровенных фальсификаций о гибели Царской Семьи. Создана целая «индустрия» фальсифицированных «житий», авторы которых цепко держатся за свои версии. Широко, как в России, так и за границей, распространяются слухи о том, что документы, связанные с гибе-

лю Николая II, сознательно сфальсифицированы по указанию партийных органов в 20–30-е годы. Подобные обвинения выдвигаются и в адрес Соколова Н.А. Ответ на многие вопросы может дать только комплексное изучение материалов, находящихся в России и за её пределами. Основным источником доказательства на сегодня является **следственное дело Соколова**.

Но он также отметил, что существуют документы, свидетельства, воспоминания, многие из которых входят в категорическое противоречие с тем, что известно из «Записки Юровского», главного участника и организатора расстрела Царской Семьи. В качестве примера Владимир Николаевич назвал некоего Мейера, интервью с которым было напечатано в немецком журнале ещё в конце пятидесятых годов. В интервью были опубликованы документы областного Совета с решением о расстреле Царской Семьи и отчёт о её «ликвидации».

— Необходимо, — сказал Владимир Николаевич, — выяснить судьбу Мейера, принять меры к поиску этих документов и проведению экспертных исследований для определения их подлинности, а также провести архивную проработку фактов, изложенных Мейером.

Коснувшись темы судебно-медицинского исследования, он отметил, что объём экспертных работ, выполненных ведущими специалистами России, Великобритании, США при участии германских учёных, завершён. Отметил, что наряду с методами, апробированными десятилетиями, были применены новейшие методы исследования, которые дают основание предположить, что неподалеку от Екатеринбурга найдены останки Николая II, Александры Фёдоровны, трёх дочерей и лиц из окружения Царской Семьи.

— Вместе с тем, — сказал Владимир Николаевич, подводя итог своему сообщению, — Комиссии следует рассмотреть вопрос о полноте исследования. С точки зрения «разумной достаточности», возможно, получив указанные материалы на проблеме можно было бы поставить точку. В данном случае, учитывая необычность ситуации, следует провести весь комплекс возможных исследований, чтобы устранить даже самую малую «зацепку» для оппонентов. Многие российские и зарубежные исследователи критически относятся к подлинности материалов, рассекреченных в последние годы рядом государственных и партийных архивов. Необходимо провес-

ти исторические и криминалистические (графологические, почерковедческие и другие) экспертизы документов, таких как «письма русского офицера», «записки» Юровского и других.

С таковой же позицией обратился к членам Комиссии митрополит Ювеналий, подчеркнув, что до тех пор пока высказываются какие-либо сомнения в отношении результатов исследований, нельзя приступать к официальному захоронению.

— Нельзя, — сказал владыка, — этого предпринимать и до завершения расследования уголовного дела по факту гибели Царской Семьи. В данном случае большое значение будет иметь заключение о высказываемых в некоторых кругах мнениях о ритуальном убийстве. Оставление без внимания этой темы чревато вспышкой анти-семитских настроений. О времени похорон говорить, конечно, сейчас преждевременно. Можно лишь утверждать, что это состоится после снятия всех сомнений в отношении подлинности останков.

И владыка Ювеналий, которого Председатель Комиссии величал только по имени и отчеству, добавил:

— Сейчас возглавляемая мною Синодальная комиссия изучает материалы и ведёт исследовательскую работу на предмет канонизации Царской Семьи. Если до захоронения не состоится канонизация, то наши церковные богослужения будут носить заупокойный характер. Если же до захоронения состоится церковное решение о канонизации, тогда это будет носить характер перенесения святых мощей, и перед ними будут возноситься молитвы, как перед святыми.

Ярым противником продолжения работ по изучению проблем исторического характера был член комиссии Радзинский. Он заявлял, что все медицинские исследования полностью подтвердили идентичность найденных останков тем лицам, о которых идёт речь, что со стороны Церкви кощунственно и не по-христиански откладывать погребение останков тех, кто был зверски убит в подвале Ипатьевского дома, и «искренне» возмущался тем, что эти останки содержатся где-то в Екатеринбурге, сваленные в подвальном помещении какого-то милицейского учреждения.

— Графологическая экспертиза записки Юровского, — сказал Радзинский, — ничего не даст. Предположим, что это не он написал, что он был болен, кому-то поручил или кто-то переписал.

И экспертиза это подтвердит и что это даст? Ведь трупы всё равно найдены там, где написано в этой записке.

Тема эта не обсуждалась, ибо уже стало понятно, что тем авральным наскоком, который был предложен на первом заседании Комиссии, проблема решена быть не может. С этого момента картина начала резко меняться. Позиции членов Комиссии разошлись в своих оценках. Чиновническое представительство в Комиссии полностью принимало точку зрения, так сказать — официальную, которую подтверждали медэкспертиза и следствие. Из так называемой общественности, внешне независимой от власти, двое, драматург Э.А. Радзинский и геолог А.Н. Авдониин (*Приложение № 5*), были сторонники официальной точки зрения. Все разговоры на заседаниях Комиссии о проведении дополнительных исследований у них вызывало только раздражение. Они всегда, с первых дней настаивали на том, что никаких исследований проводить не нужно, что всё уже давно доказано. Их позиция неизменно была категорично-однозначна: останки подлинные — Царские. Никаких иных точек зрения они априори не воспринимали. Радзинский, как известно, ещё в 1989 году свою «убежденность» обнародовал, ну а Авдониину, как говорится, сам Бог велел: ведь он не только нашёл Царскую могилу, но и первый об этом заявил в «свердловские» правоохранительные органы.

Крыло противное, то есть те члены Комиссии, которые настаивали на более углубленном подходе к изучению вопросов исторического характера и высказывали на этот счёт своё собственное суждение, во многом идущее вразрез с выводами, к которым склонялось следствие, на первом этапе представлено было директором Уральского института истории и археологии Вениамином Васильевичем Алексеевым и художником Ильёй Сергеевичем Глазуновым. К этой многочисленной группе я отношу и свою собственную персону. Но эта группа, утверждавшая, что одних медицинских заключений не достаточно, что необходимо осуществить очень обстоятельное исследование всех исторических документов и решить проблему свидетельских противоречий, практически никакой роли не играла и никакого воздействия на ход следствия не имела. Если бы не представительство Русской Православной Церкви, то, вероятно, весь процесс идентификации пришёл бы к своему завершению значительно быстрее.

В 1989 году, сразу же за появлением на публичной арене Рябова с его сенсационным открытием, в США была учреждена «Российская зарубежная экспертная комиссия». Возглавил Комиссию Пётр Николаевич Колтыпин-Валловский, о котором в «кратких сведениях» было сказано, что он является основателем объединения «За Свободу России» и «Фонда Царя Мученика», а также в течение двадцати лет был начальником известной монархической организации — «Российский Имперский Союз-Орден».

В конце 1993 года Нью-Йорк посетил член Правительственной комиссии В.В. Алексеев, где он встретился с П.Н. Колтыпиным, который передал письмо на имя Председателя нашей Комиссии Ю.Ф. Ярова и документ, названный «Меморандумом № 1». В письме, подписанном, кроме Колтыпина, ещё двумя учредителями Экспертной комиссии, вице-председателем князем Алексеем Павловичем Щербатовым и секретарём профессором Евгением Львовичем Магеровским, в частности, говорилось:

«Милостивый Государь Юрий Фёдорович!

Мы обращаемся к Вам с искренней надеждой, что Вы и Ваша комиссия примут участие в прояснении очень важных вопросов требующих полнейшего, ясного разъяснения, как для нас, так и для целого ряда учёных Запада.

Краткий меморандум, излагающий нашу точку зрения по ряду основных вопросов, касающихся расследования судьбы останков узников дома Ипатьева, прилагаем» (*Приложение № 6*).

В Меморандуме сформулированы, как там указано, «соображения Комиссии в вопросах, требующих первоочерёдного внимания» и состоящие из шести пунктов. «Комиссия считает, — говорилось в первом пункте, — что всё, к чему имели какое-либо прикосновение органы коммунистической партии, комитета государственной безопасности, прокуратуры и следствия, даже в самое “перестроечное” время, нуждается в чрезвычайно осторожном отношении и повышенной требовательности доказательств, как в отношении лиц, являющихся источниками или передатчиками информации, так и самих вещественных доказательств, ими переданных или благодаря им найденных, включая и экспертизу относящихся к делу документов». Далее в Меморандуме шла конкретизация тех вопросов и проблем, по которым высказывались настороженность и подозре-

ния. Акцент делался на самой фигуре Рябова, смущала его принадлежность к «следственным и карательным органам», порождали массу вопросов ореол секретности вокруг вскрытия захоронения на Коптяковской дороге в 1991 году, «записка Юровского», противоречия в свидетельствах участников убийства (Юровского, Быкова и Ермакова) и целый ряд других вопросов, которые требовали убедительных ответов.

Членам Правительственной комиссии формально Меморандум был вручен, но никакому анализу и обсуждению он подвергнут не был. Вообще никакой реакции на инициативу Зарубежной комиссии не последовало. Спустя какое-то время мне пришлось обратиться по этому поводу к Ю.Ф. Ярову с письмом, в котором я писал: «Должен довести до Вашего сведения, что недавно я имел телефонный разговор с главой Зарубежной комиссии в США, П.Н. Колтыпиным-Валловским, который жаловался мне на невнимание, проявленное к инициативе его группы тем, что на переданный ими в адрес нашей Комиссии “Меморандум” не последовало даже формального уведомления о его получении». Далее я писал, что со стороны Колтыпина были высказаны опасения в том, что Комиссия работает в атмосфере секретности, к чему русское зарубежье относится очень болезненно, полагая, что весь процесс контролируется со стороны власти. В заключение я высказал мысль, что имело бы смысл пригласить кого-нибудь из членов американской Комиссии в Москву с тем, чтобы это лицо доложило о проблемах, их волнующих, которые мы могли бы совместно обсудить, и предоставило в Правительственную комиссию имеющиеся в их распоряжении материалы. Моё обращение к Председателю Комиссии также продолжения не имело. Было понятно, хотя этого не говорилось вслух, что вмешательство Зарубежной комиссии нежелательно.

Официальная точка зрения, то есть точка зрения власти, которую лоббировал в Комиссии её председатель, настаивала на том, что в принципе исследования завершены и выводы, сделанные судебной экспертизой, не оставляют сомнений в том, что изъятые из могильника под Екатеринбургом человеческие останки принадлежат Царской Семье. Эту позицию разделяли все представители чиновничьих ведомств и двое из упомянутых «независимых», оба лица заинтересованные. К моему несказанному удивлению к этому кры-

лу уже после второго заседания Комиссии примкнул и прокурор-криминалист Владимир Николаевич Соловьёв.

В «справке», представленной в Комиссию в июне 1994 года, позиция следствия, им возглавляемого, была сформулирована весьма определённо. «По результатам выполненных идентификационных антропологических исследований, — писал Соловьёв, — экспертиза с избыточно высокой степенью достоверности доказала принадлежность пяти скелетов лицам, представляющим одну конкретную семейную группу в составе Романова Николая Александровича, Романовой Александры Фёдоровны, Романовой Ольги Николаевны, Романовой Татьяны Николаевны, Романовой Анастасии Николаевны. Судебно-медицинская экспертиза завершена. Экспертная комиссия считает, что полученная совокупность результатов проведённых антропологических и генетических исследований в силу своей поглощающей идентификационной значимости исключает необходимость проведения ещё каких-либо исследований для подтверждения выводов экспертизы».

В одночасье исчезли широкомасштабные заверения о «комплексных изучениях материалов», «о необходимости провести исторические и криминалистические экспертизы документов», о поисках подтверждений тому, что заявлено было уже в пятидесятые годы Мейером, и выяснения его судьбы.

Таковая перемена явилась для меня совершенной неожиданностью, ибо, находясь под обаянием нашей с ним первой встречи, я искренне верил в его «устремлённость обрести истину».

Позиция Авдонина и Радзинского удивления не вызывала. Конечно, лица, лично заинтересованные в однозначном решении вопроса, членами Правительственной комиссии быть не должны и участие их в прокурорском расследовании должно было быть ограничено ролью свидетелей, так же как, впрочем, и всё чиновничье представительство, которое к тому же постоянно менялось, моментально реагируя на все пертурбации, которые происходили во власти, что, естественно, пользы делу не приносило. Чиновник знал, каковая роль ему предназначена, а потому особенно в суть дела не вникал и никакой самостоятельности в работе Комиссии не проявлял. Он, как представитель ведомства, наделён был служебным поручением, то есть командирован для присутствия на заседаниях

Комиссии, имея в лице вице-премьера непосредственного начальника, которым определялась для подчинённого линия поведения и его точка зрения. Собственного мнения высказывать, видимо, не рекомендовалось.

Единственным исключением был Вячеслав Иванович Брагин, заместитель министра культуры, в ноябре 1994 года сменивший свою предшественницу на этом посту после ухода в отставку министра Сидорова. Из всего административного членства он один только не следовал субординационным установкам и имел собственное своё суждение, твёрдо придерживаясь принципа обстоятельного и честного расследования всего комплекса проблем вокруг Царских останков. В том же году по настоянию Святейшего Патриарха в Комиссию был включён, сначала в качестве приглашённого, а позднее — членом, старший научный сотрудник института всеобщей истории, Сергей Алексеевич Беляев.

Страсти вокруг останков бушевали с первых дней возникновения Правительственной комиссии, и критика в её адрес звучала не только из русского зарубежья и из стана монархистов «черносотенного толка», как это часто представляли СМИ, ориентированные на официальную позицию. Это отметил даже прокурор-криминалист. В одном из документов, представленном в распоряжение Комиссии, он написал: «Однако (то есть несмотря на то, что подлинность царских останков не вызывает никаких сомнений. — А.Г.), в средствах массовой информации и заявлениях отдельных учёных и представителей различных общественных кругов нередко звучат критические высказывания в адрес экспертной комиссии, касающиеся закрытости материалов экспертизы, некомпетентности экспертов в вопросах идентификации личности по костным останкам, неполноты проведённых исследований, недостаточности проработки различных версий о судьбе членов царской семьи». Соловьёв говорит об этом вовсе не от желания разобраться в «критических высказываниях», о которых он упоминает. Вынуждают обстоятельства, особенно отношение Церкви ко всей этой истории. «В апреле этого года (1994), к заседанию Комиссии, — писал Соловьёв по поводу проекта “Заключения” Генеральной прокуратуры, — в принципе мы были готовы дать такой документ. Такой документ был подготовлен, черновой вариант. Но в связи с позицией Священного Си-

нода и Святейшего Патриарха мы несколько изменили формулировки».

Большинство средств массовой информации, конечно, поддерживали, а некоторые рьяно отстаивали официальную версию, но был целый ряд газет и журналов, которые публиковали материалы, причём часто весьма аргументированные, ставившие под сомнение те оптимистические выводы, к которым склонялась Правительственная комиссия.

«Русский Вестник», — писал в статье «Средства массовой информации о Цареубийстве» Леонид Болотин, очень обстоятельно исследовавший отечественную прессу, посвящённую этой теме, — является наиболее последовательной газетой, которая стремится вопрос дорасследования убийства Царской Семьи и проблему Екатеринбургских останков освещать именно с позиций Православия. Практически все материалы «Русского Вестника» однозначно оценивают современное следствие Генеральной прокуратуры РФ как злонамеренную дезинформацию».

Были и другие издания, например: «Русь Державная», «Радо-неж», писательские «Литературная газета» и «Литературная Россия», журнал «Держава», который издавал скульптор Клыков. Публикации в этих изданиях очень уязвляли Правительственную комиссию в непрофессиональном и тенденциозном подходе к исследуемой проблеме и в игнорировании всего, что не согласовалось с версией, которую отрабатывала Генеральная прокуратура.

Должен признаться, что на первых порах мне представлялось, что основополагающая задача Комиссии, делегированная властью, — это организация комплексной серьёзной научной работы по исследованию останков, принадлежавших «предположительно Царской Семье», во имя установления истины, а потому в патриотическом рвении и желании посылить тому способствовать я предложил взять на себя труд по составлению общего документа, который включил бы в себя наиболее острые вопросы, главным образом относящиеся к компетенции исторического исследования, вызывающие сомнения и волнующие широкую общественность. Моя инициатива как будто бы встретила сочувствие. Яров поблагодарил, сказав, что такой документ будет очень полезен, ибо он снимет в будущем обвинения Комиссии в недобросовестности её подхода к

изучаемой проблеме, в том, что, как он выразился, «Комиссия отмахнулась». Документ мною, довольно объёмный, был составлен и передан Ю.Ф. Ярову, но, как оказалось, трудился я напрасно (*Приложение № 38*). На Комиссии он представлен не был, не обсуждался и никакой пользы делу не принес. (Ссылку на своё «сочинение» я неожиданным образом обнаружил в книге Наталии Розановой, изданной в 2008 году, в которой автор «разоблачает» колчаковского следователя и утверждает бесспорную подлинность «останков». Цитата, изъятая из контекста моей «Докладной записки», была недобросовестно ею использована с целью весьма тенденциозной).

Позднее мне стало ясно, что для следствия, которое вела Генеральная прокуратура, и что полностью принималось Правительственной комиссией, никаких альтернативных проблем не существовало. Была тайная версия убийства и сокрытия трупов Николая II и Его Семьи, сочинённая советской властью, и эту версию требовалось теперь публично подтвердить. Более обнажённо эту мысль выразил Леонид Болотин. Он написал: «Существует группа очень и очень влиятельных в России людей, которые добиваются одного — Екатеринбургские останки должны быть признаны царскими при любых обстоятельствах».

Комиссия просуществовала пять лет. За это время трижды менялся «хозяин» председательского кресла. Был период энергичных попыток работу Комиссии завершить признанием принадлежности останков Царской Семье и лицам, разделившим с ними горькую судьбу, и провести их захоронение. Особенно эта тенденция проявилась в 1995 и 1996 годах, когда шла подготовка к президентским выборам. К этому времени собирались приурочить торжественное погребение «Царских останков». Рассчитывали, видимо, что эта акция поможет Ельцину одолеть Зюганова. Тогда Яровым и Собчаком была совершена попытка в довольно грубой форме принудить митрополита Ювеналия согласиться с заключением Прокуратуры и выводами судебной экспертизы. Это привело к конфликту. Владыка заявил, что «игнорирование позиции Русской Православной Церкви может поставить под вопрос дальнейшее участие представителя Церкви в работе Комиссии», а при такой постановке вопроса он лично принимать участие в работе Комиссии больше не будет. А

это уже грозило бы скандалом и полной дискредитацией всего, к чему пришло официальное следствие. Поняв, что церковь за годы демократии, освободившись от опеки вездесущего КГБ, вышла из прямого подчинения власти, и что без представителя православной церкви Комиссия вообще потеряет всякий престиж, Яров тут же пошёл на попятную, извинившись прилюдно и сказав что-то вроде того, что владыка не так его понял.

Как известно, никаких похорон в предполагаемое Прощёное воскресенье не состоялось. В начале 1996 года Яров покинул пост Председателя Комиссии. Его сменил В.Г. Кинелёв. Работа Комиссии практически замерла. В январе 1997 года Председателем Комиссии был назначен В.И. Игнатенко. Он провёл одно заседание, на котором присутствовало всего три члена Комиссии и несколько приглашённых специалистов из медицинской сферы. Обсуждались вопросы только материального характера, ибо было заявлено, что «задержка с завершением экспертных исследований в рамках уголовного дела связана с отсутствием финансирования». На этом председательствовании Игнатенко завершилось. Вскоре от должности заместителя Председателя был освобождён А.А. Собчак. Деятельность Комиссии замерла на долгие месяцы.

Последний Председатель Правительственной комиссии был назначен в конце 1997 года. Им стал Борис Ефимович Немцов. Первое заседание комиссии с новым Председателем состоялось 3 ноября. Оно было довольно представительным. Присутствовало девятнадцать членов Комиссии и семь приглашённых лиц. Открывая заседание, Немцов критически отметил, что «решение вопросов, связанных с идентификацией останков Императора Николая II и членов его Семьи неоправданно затянулось». Поразмышляв недолго о проблемах сугубо внутреннего характера (финансирования, изменения состава Комиссии), Немцов заявил, что Комиссия «завершает свою работу в январе 1998 года». Результатом проведённой работы Комиссии, как он сказал, должны явиться два документа: первый документ — это «Заключение Комиссии по вопросам, связанным с идентификацией останков», второй — письмо председателя Комиссии, то есть его — Немцова, «в адрес Президента Российской Федерации с изложением основных выводов Комиссии и просьбой о принятии окончательного решения по данному вопросу». Членам

Комиссии предписывалось в месячный срок представить на его, Немцова, имя предложения по подготовке указанных документов. (*Приложения № 27, № 28, № 29, № 30, № 31*). Одновременно Генеральной прокуратуре и Центру судебной медицины было поручено в течение двух месяцев завершить все исследования по тем вопросам, которые были представлены в Комиссию митрополитом Ювением от имени Русской Православной Церкви и дать по ним исчерпывающий ответ.

После Председателя Комиссии слово было предоставлено прокурору-криминалисту Соловьёву, который, во-первых, заверил, что при выделении необходимых средств на все поставленные вопросы в указанный срок будут оформлены документальные ответы и, во-вторых, сделал общий обзор проведённого им следствия с выводами весьма оптимистического характера. Он заявил, что все экспертные исследования фрагментов от костных останков, проведённые в лабораториях Лондона и США, дали однозначное, стопроцентное заключение о принадлежности изучаемых фрагментов останкам, обнаруженным под Екатеринбургом. В этот момент к Соловьёву с вопросом обратился Илья Сергеевич Глазунов. Он спросил, от каких костей брали фрагменты для исследования и брали ли таковые от черепа, который следствием классифицируется как череп Государя.

— Нет, — ответил Соловьёв, — костные фрагменты черепа не исследовались.

— Тогда о чём речь, — сказал Илья Сергеевич. — Естественно, никакого черепа Государя Императора в могильнике, который нашёл милицейский журналист Рябов, не было.

Вспоминая позднее своё членство в Правительственной Комиссии, Глазунов написал: «По окончании заседания Борис Ефимович с нескрываемой укоризной посмотрел на меня: “Илья Сергеевич, ну что вы, дело-то ясное. Мы, кстати, готовы помочь созданной вами академии, а вы упрямитесь. Неужели вы, в самом деле не хотите, чтобы царские останки были наконец захоронены в вашем родном городе, в Петропавловской крепости?” Вздохнув, я подарил ему первую часть своей книги “Россия распятая”, изданной в “Роман-газете”. Чёрным фломастером подписал: “Молодому реформатору от старого монархиста”. Больше меня на заседания в “Белый дом” уже не приглашали. Единогласие любили не только коммунисты, любят и демократы».

С рядом предложений выступил В.В. Алексеев. Он настаивал на том, что к завершению работы Правительственной комиссии необходимо ответить на вопросы, имеющие отношение к проблемам исторического характера, против чего категорически протестовал Соловьёв. Немцов, как бы согласившись с обеспокоенностью Алексеева, сказал, что мысль хорошая, но предложил провести историческую экспертизу, не включая её в орбиту тех тем, ответы на которые должны были быть получены в течение двух последующих месяцев. Стало понятно, что проблемами исторического характера Комиссия заниматься не намерена, после чего Алексеев демонстративно свои вопросы снял. Немцов держал себя очень уверенно, всем своим видом демонстрируя благоприятное завершение медико-криминалистических исследований под эгидой Правительственной комиссии.

— Доказательная база медэкспертизы, — сказал Немцов, — составляет 99,9 процентов.

Оптимизм Немцова разделяли, конечно, не все. С.А. Беляев, например, настаивал на том, что необходимо провести сопоставление выводов следствий Соколова и Соловьёва, а В.И. Брагин, уже после заседания, говорил, что он очень обеспокоен давлением со стороны Немцова, ибо видит в этом твёрдое решение власти провести захоронение останков, как уже широко заявлялось, в день Прощёного воскресенья, 1 марта 1998 года, невзирая ни на какие протесты и рассчитывая, видимо, на то, что перед таковым давлением Церковь не устоит.

Последнее заседание Комиссии, финальное заседание, состоялось 30 января 1998 года. Председатель Немцов, высказав слова благодарности в адрес членов Комиссии, Генеральной прокуратуры и учёных, которые, как он выразился, «внесли свой вклад в решение вопросов идентификации Императора Николая II, членов Его Семьи и лиц из их окружения», заявил, что целью данного заседания является «принятие решений, завершающих работу Комиссии».

Протокольный документ, подводящий черту под пятилетней деятельностью Комиссии и подписанный её Председателем, гласил:

«Рассмотрев Справку (то есть документ, составленный Соловьёвым) о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи россий-

ского императора Николая II и лиц из его окружения, расстрелянных 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, и другие материалы, содержащие ответы на вопросы, поставленные Комиссией в обращении к Генеральной прокуратуре Российской Федерации от 15 ноября 1995 года, представленную Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Справку о результатах экспертных исследований костных останков из места захоронения семьи российского императора Николая II, представленную Республиканским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава Российской Федерации, заслушав доклады Томилина В.В. и Соловьёва В.Н... Комиссия решила:

1. Считать, что на вопросы, поставленные в письме от 15 ноября 1995 года, Генеральной прокуратурой Российской Федерации представлена информация, удовлетворяющая Комиссию.

2. Констатировать, что научные исследования, проведённые в 1997–1998 годах Республиканским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава Российской Федерации, а также доктором биологических наук Е.И. Рогаевым, существенно расширили доказательную основу ранее сделанного заключения об идентификации останков.

3. Представленные Комиссии документы и фактические материалы в совокупности позволяют сделать вывод о принадлежности останков 9 человек, изъятых в 1991 году из группового захоронения в окрестностях Екатеринбурга, членам семьи российского императора Николая II (следует поимённый перечень всех лиц. — А.Г.).

Считать, что в результате проведённых работ по идентификации останков с применением доступных современной науке методов исследований получен исчерпывающий научный материал (включая фиксацию анатомического строения и повреждений черепов путём компьютерной томографии), и в связи с этим нет необходимости в дальнейшем сохранении останков царской семьи и лиц из их окружения в качестве объектов исследования, что позволяет провести их захоронение.

Приложить к настоящему протоколу текст Заявления митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия»...

Текст Заявления митрополита Ювеналия был передан им на последнем заседании Комиссии, 30 января, и подписан тем же числом. «Участвуя в Комиссии с начала её создания, — писал владыка, —

я открыто и свободно высказывал суждения и сомнения, которые были не только у меня, но и те, с которыми встречался в Церкви и обществе. Предоставленные на данном заседании Заключение Генеральной прокуратуры и Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы Российской Федерации подводят итог исследованиям. Полагаю, что их нельзя принять с абсолютной достоверностью». В то же время владыка пишет, что он не находит оснований не доверять позиции, к которой пришли Генеральная прокуратура и судебная экспертиза, однако подчёркивает, что «вся научная, историческая и нравственная ответственность целиком ложится на авторов заключения, которые представили в Комиссию свои выводы».

Суть этого Заявления, хотя и достаточно дипломатично, сводилась к тому, что Церковь, с одной стороны, соглашаясь с тем, что, как пишет владыка, «нашей жизни присуща потребность иметь памятное место об умерших — могилу», с другой, же в самом факте предания земле останков видит только создание символической могилы «в память о последнем Российском Императоре, Его Семье и их верных слугах, принявших мученическую кончину, где будут совершаться и молитвы, и которая станет символом покаяния».

«Если потребуется моя подпись под официальным решением Комиссии, — заканчивает владыка Ювеналий, — то я буду готов её поставить при условии, если к подписываемому документу будет приложено настоящее заявление в качестве его неотъемлемой части».

На следующий день, 31 января, своё «Особое мнение» представил академик В.В. Алексеев. «Оставляя на совести судмедэкспертов и генетиков результаты их исследований, — писал он, — вынужден снова констатировать, что источниковая база этих исследований крайне сомнительна. Принятое Комиссией 3.11.1997 года решение о вынесении исторических аспектов проблемы за рамки её работы ошибочно, более того, оно противоречит деятельности самой Комиссии. В представленных на её заседание 30.1.1998 года документах две трети текстов были посвящены тем самым историческим аспектам, но их исполнение оставляет желать много лучшего. Оно не соответствует последним достижениям науки в этой области, страдает предвзятостью, противоречит некоторым новым фактам и выводам, а потому требует существенного пересмотра. Пренебрежение историческими фактами не позволило чётко отве-

тить на 10 вопросов, поставленных Синодом русской православной церкви. Нарушило комплексное решение проблемы останков и оставило сомнение в их подлинности».

Как пример он приводит коллизию с «черепом Николая II», на котором должен был оставаться след от сабельного удара, нанесённого ему ещё в бытность Наследника Престола японским экстремистом, и который на черепе, вынутом из екатеринбургского могильника, обнаружен не был. Уязвляя научных коллег от медицины, он писал: «Российскими учёными методом исторической экспертизы восстановлена полная картина проникающего ранения в голову выдающегося русского полководца М.И. Кутузова. Убедительно доказано и признано, что его глаз сохранился. Так почему же с такой же убедительностью нельзя идентифицировать череп Николая II, расстрелянного на 150 лет позднее ранения Кутузова?»

Вопрос, поставленный академиком Алексеевым, не был оригинальным. Эта тема неоднократно звучала на заседаниях Комиссии, а также была включена в те «десять вопросов», ответы на которые требовала Православная Церковь, поэтому медицинская экспертиза обязана была высказать собственное своё авторитетное мнение. «Справку о результатах экспертных исследований костных останков», как заключительный аккорд мед-судебной экспертизы представил на последнем заседании Комиссии Главный судебно-медицинский эксперт В.В. Томилин. Среди прочих заключений, подтверждающих неоспоримую подлинность останков, четырнадцатым пунктом этого документа говорилось: «Императору Николаю II в 1891 году были причинены три рубленые раны головы. Одна из них сопровождалась поверхностным сколом кости толщиной “в лист обыкновенной писчей бумаги”. То есть повреждение затрагивало лишь наружную костную пластинку свода черепа. Однако к моменту исследования наружная костная пластинка в области локализации повреждения на черепе не сохранилась из-за их разрушения в результате длительного (70 лет) нахождения останков в условиях захоронения под действием влияния целого ряда внешних факторов. Поэтому судить о наличии или отсутствии повреждения в данной области головы не представляется возможным».

Не рассчитывая ни на какую реакцию и понимая полную бессмыслицу собственной инициативы, я всё же передал в адрес Пра-

вительственной комиссии «Записку», в которой выразил своё отрицательное отношение к работе, проведённой прокурором-криминалистом Соловьёвым, отметив, что в ней полностью отсутствует следственно-криминалистический анализ, и что всё так называемое следственное производство по своему содержанию представляет из себя не юридический документ, а популярное литературно-детективное изложение исторических событий по известным источникам. В конце своего «Заявления» я написал:

«Во все годы работы Комиссии я придерживался убеждения и его высказывал (мои письменные материалы, переданные в Комиссию 17 апреля 1994 года, 11 ноября 1995 года, 20 октября 1997 года, 12 января 1998 года — *Приложения № 39, № 40*), что одновременно с заключением судебно-медицинской экспертизы Комиссия должна представить профессионально-убедительное заключение по тем вопросам, которые волнуют широкую общественность, как в нашем Отечестве, так и за рубежом, порождают сомнения и недоверие, с тем, чтобы в будущем была устранена всяческая возможность уязвлять Комиссию в недобросовестности и уж, тем более, в злонамеренности.

В связи с тем, что моя инициатива оказалась неэффективной, я должен с огорчением для себя и справедливости ради признать своё участие в работе Комиссии беспредметным» (*Приложение № 41*).

* * *

Следствие 1918–1919 годов по делу об убийстве Царской Семьи было проведёно по горячим следам совершённого злодеяния по распоряжению Верховного Правителя России адмирала Колчака высокопрофессиональным, добросовестным и непредвзятым следователем по особо важным делам Николаем Алексеевичем Соколовым.

«Мне выпало на долю, — писал Соколов в предисловии к своей книге, вышедшей в эмигрантском издательстве “Слово” в Вене уже после его смерти, — произвести расследование об убийстве Государя Императора Николая II и Его Семьи. В пределах права я старался сделать всё возможное, чтобы найти истину и соблности её для будущих поколений», добавив к тому, что он предпочитает рассказывать об этом «языком, хотя и сухим, но юридических фактов».

Книгу он писал в эмиграции, куда ему удалось вывезти материалы следствия и те вещественные доказательства, которые были обнаружены в доме инженера Ипатьева и вокруг заброшенного рудника в районе деревни Коптяки. Всё повествование построено строго на основе фактического материала, без домыслов, размышлений и без всяческих теоретических фантазий. Это многочисленные допросы свидетелей и участников преступления, заключения разных экспертов по предметам, на которых замечен был след злодеяния, его собственные наблюдения.

Соколов приводит составленную судебным следователем Намёткиным, который вошёл в дом Ипатьева сразу же, как только Екатеринбург был освобождён от большевиков, подробную опись всех помещений, где в заточении находилась Царская Семья, и всего того, что там было обнаружено. Описывая прихожую, одна из дверей в которой ведёт в комнату, где обитал сам главный палач, Намёткин не упускает ничего, начиная от цвета, в который покрашены стены, и, педантично обходя комнату, фиксирует всё, что видит, и всё, что там находит. «В правом углу, — пишет он, — между вешалкой и печкой полушёлковая свёрнутая портьера. В том же углу печка с герметической заслонкой; на полу у печи лежит куча золы, мелких углей, жжёной бумаги, среди которых оказались сгоревшие гильзы от револьвера, волосы, медальоны, половина погона, куски материи, пуговицы и разные металлические пластинки». Рядом он находит коробку «с остриженными волосами четырёх цветов», принадлежащими Великим князьям, по словам сопровождавшего следователя при осмотре Ипатьевского дома Терентия Ивановича Чемодурова, Государева камердинера. Он же подтверждает, что обнаруженный в соседней комнате маленький ключ на белом шнурке принадлежал Наследнику Алексею Николаевичу, которым опиралась шкатулка, где он хранил деньги, а пузырьки из-под лекарств, фарфоровая баночка с остатками борного вазелина, электрический прибор для согревания служили для лечения Цесаревича.

Через год, вслед за Намёткиным, Н.А. Соколов внимательно обследует дом Ипатьева. Обойдя верхний жилой этаж, все комнаты, где когда-то находилась Царская Семья, комнаты, где обитала охрана и комендант, описав всё, не упустив никаких мелочей и произведя фотосъёмку интерьеров и предметов, там обнаруженных, Со-

колов спустился вниз, в подвал. В протоколе осмотра помещения, «где произошло убийство Государя Императора и его Семьи», он отмечает, что внешний вид этого помещения соответствует его описанию в акте члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, который, сменив Намёткина, вёл предварительное следствие. Со своей стороны он отмечает всё, что представляет юридическую ценность. Особенное его внимание привлекают следы «замывки обоев» и разрушения восточной стены, находящейся под аркой, как раз напротив входной двери. «Ясно видимых штыковых ударов, — записывает Соколов в протоколе, — нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает внимание в этом отношении на себя арка, о которой упоминается в протоколе выше, в пункте «б». На той стороне арки, которая ближе всего к косяку двери из комнаты убийств в кладовую, усматриваются продолговатые в 1–2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острое штыка». А в пункте «б», о котором упоминает Соколов, говорится: «На лицевой стороне арки, ближайшей к правому косяку двери, снята часть деревянной обшивки, покрывающей арку вместе с обоями. Над этой выемкой имеется сделанная чёрным карандашом надпись: “Рисовал...”, подпись фамилии неразборчива. Под этой выемкой в штукатурке арки имеется в глубину штукатурки углубление конусообразной формы, несомненно, пулевого характера. На стене, обращённой к Вознесенскому переулку, имеются три надписи, сделанные карандашом».

«В этой же комнате, — продолжает Соколов, — Сергеев обнаружил на южной стене надпись на немецком языке:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

(В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами).

Это двадцать первая строфа известного произведения немецкого поэта Гейне «Balsazar». Она отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова «aber», то есть «но, всё-таки».

Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне двадцать первая строфа — противоположение предыдущей двадцатой строфе. Следующая за ней

и связана с предыдущей словом «aber». Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово «aber» здесь неуместно.

На этой же южной стене я обнаружил обозначение из четырёх знаков. Снимок передаёт их вид».

Во всё время проведения следствия Соколова сопровождает Роберт Вильтон, корреспондент английской газеты. Покинув красную Россию вместе с Соколовым, уже у себя на родине он издал книгу «Последние дни Романовых», написанную по следственным материалам, которые Вильтон пунктуально фиксировал и собирал. В начале своего повествования он писал: «Я долго изучал места, где происходило Екатеринбургское злодеяние, начав с Ипатьевского дома. Меня свёл туда судебный следователь Соколов. Он разъяснил мне ход драмы с точностью, не допускавшей сомнения. На стенах подвальной комнаты я видел кровавые пятна, о которых большевики, когда мыли комнату, позабыли; я видел непристойные надписи, рисунки, сделанные рукой русских тюремщиков; я прочёл другие надписи на немецком, на венгерском, на еврейском языке».

Подытоживая всю проведённую работу внутри дома Ипатьева, Соколов написал:

«Доказано, что между 17 и 22 июля 1918 года, когда Ипатьев восстановил своё нарушенное владение домом, в нём произошло убийство. Оно случилось не в верхнем этаже, где жила Царская Семья. Кровавая бойня совершилась в одной из комнат нижнего, подвального этажа. Один выбор этой комнаты говорит сам за себя: убийство было строго обдуманно. Из неё нет спасения: за ней глухая кладовая без выхода; её единственное окно с двойными рамами покрыто снаружи толстой железной решёткой. Она сильно углублена в землю и вся закрыта снаружи высоким забором. Эта комната — в полной мере застенок.

Убивали из револьверов и штыком. Было сделано свыше тридцати выстрелов, так как нельзя допустить, чтобы все попадания были сквозные, и пули не остались бы в телах жертв. Одни из жертв находились перед смертью вдоль восточной и южной стен, другие ближе к середине комнаты. Некоторые добивались, когда лежали уже на полу. Если здесь была убита Царская Семья и жившие с ней, нет сомнения, что из своего жилища она была заманена сюда под каким-то лживым предлогом. Наш старый закон называл такие убийства “подлыми”».

Кровавый след из подвала Ипатьевского дома ведёт следователя Соколова на рудник в урочище Четырёх Братьев. От дома Ипатьева он идёт пешком, по той дороге, по которой годом ранее в тёмную июльскую ночь убийцы увезли «хоронить» свои жертвы. Миновав Верх-Исетск, дорога уходит в лес, который тянется на протяжении всего пути. Примерно на девятом километре от Верх-Исетска дорогу пересекает «горно-заводская» железнодорожная ветка, на перекрёстке которых находится переезд № 184 с домиком для путевого сторожа. В этом месте лес отступает и дорога к переезду идёт по открытой местности, но вскоре за переездом она снова уходит в таёжную темень.

«В четырёх верстах от Коптяков, — пишет Соколов, — к западу от дороги, имеется старый рудник. Наружными разработками и шахтами здесь некогда добывали железную руду. Это было давно... Между переездом № 184 и описанным рудником коптяковской дороги имеются и другие рудники. Они ближе к Екатеринбургу. К ним гораздо легче подъехать, так как коптяковская дорога местами плоха для езды.

Но ни один из них не имеет других удобств, какими отличается рудник в урочище Четырёх Братьев: он совершенно закрыт для постороннего взора густой чащей молодого леса; нигде нет такой удобной глиняной площадки, лишённой всякой растительности, и рядом с ней глубокие шахты».

На основании показаний большого количества свидетелей, лиц, причастных к убийству, или непосредственных участников этого злодеяния Соколов составил очень убедительную картину событий, происходивших на руднике. Он достоверно установил, что движение по коптяковской дороге было прекращено на рассвете 17 июля и возобновлено 19 июля с шести часов утра. От Екатеринбурга застава, откуда уже был проезд запрещён, находилась недалеко от железнодорожного переезда № 184. С севера коптяковская дорога была перекрыта в километре от самой деревни. Вся территория была оцеплена. В зоне оцепления оказалось примерно около семи километров коптяковской дороги. Всё это время попасть в деревню или выехать из неё местный житель не мог, и все попытки проехать дорогой или миновать её стороной, которые совершали некоторые смельчаки, оборачивались встречей с вооружёнными людьми и

угрозами за слушание неминуемой расправой. Пересекать запретные кордоны могли лишь те, кого пропускала охрана, то есть непосредственные участники и организаторы всей этой таинственной акции. Важные сведения о том, что происходило в эти дни, дал следователю Соколову опрошенный им путевой сторож с переезда № 184 Яков Иванович Лобухин. Он рассказал, что в ночь на 17 июля, когда уже начало рассветать, он проснулся от шума мотора, очень тому удивившись, ибо никогда прежде его переезд в такой ранний час никакие машины не пересекали. Проснулся и его сын. В окно они видели, как мимо их домика со стороны Екатеринбургa в сторону Коптяков, по **объездной дороге** прошёл грузовой автомобиль, в кузове которого сидело четыре человека с винтовками в солдатской форме. Тогда же сразу было прекращено движение по коптяковской дороге.

На следующий день, в семь часов утра, опять же из города, через переезд прошёл грузовой автомобиль, но в лес он не углубился, как первый, который путевой сторож со своим сыном видели накануне ночью, а остановился, как показал Соколову Лобухин, «сажнях в ста пятидесяти» от их переезда. Точно они не утверждали, но обоим показалось, что в кузове были «бочки или ящики». Через несколько часов переезд пересёк ещё один грузовик и тоже на Коптяки не поехал, а остановился возле предыдущего. «Тут я хорошо запомнил, — как записано в протоколе допроса Я.И. Лобухина, — что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут». Сын Лобухина показал на допросе Соколову, что он решил воспользоваться случаем и, взяв бутылку, отправился к месту, где остановились оба грузовых автомобиля. Тогда он уже точно увидел, что в автомобилях везли бензин в железных бочках, которых он насчитал не менее трёх. Около машины были вооружённые люди в солдатской форме, человек пять. Лобухин-младший попросил, чтобы ему дали бензину, и один из охранников налил ему полную бутылку.

«Многие видели, — подытоживая рассказ Лобухиных, написал Соколов, — как возили бензин. Оценивая показания свидетелей, я утверждаю, что его было доставлено на рудник самое меньшее сорок пудов» (640 кг).

Бензин на грузовиках довозили до того места за переездом № 184, на которое указывали Лобухины, а дальше к руднику уже перевозили на лошадях. Кроме бензина на рудник, как установило следст-

вие, было привезено более одиннадцати пудов серной кислоты. Соколов этот факт устанавливает документально. Большевики, покидая в спешке Екатеринбург, многие документы не успели уничтожить, что для следствия явилось очень важным доказательным материалом. В протоколе Следственного дела от 16 декабря 1919 года Соколов приводит тексты предписаний, адресованные на имя управляющего аптекарского магазина «Русское Общество»:

1. «Предлагаю немедленно, без всякой задержки и отговорок выдать из вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Областной Комиссар Снабжения Войков».

2. «Предлагаю выдать ещё три кувшина серной кислоты». Получатель тот же, предписание подписано тем же лицом и тем же днём: 17 июля.

Касательно этого вопроса Соколов допросил Ивана Матвеевича Сретенского, бывшего, как указано в протоколе, «в момент февральского переворота уездным исправником», который показал: «Я сам осмотрел кислоту на складе. Она была в японских глиняных кувшинах, а кувшин помещался в ящике (те самые, которые видели Лобухины в кузове грузовика. — *А.Г.*). Они (ящики) были довольно толстые: иначе они и не могли быть сделаны, так как кувшин кислоты весил два пуда и тридцать один фунт» (это более 40 кг).

Итак следователем Соколовым было установлено, что на рудник в урочище Четырёх Братьев было в общей сложности привезено не менее 650 литров бензина и 176 литров серной кислоты.

«Что же привозил на рудник грузовой автомобиль в ночь на 17 июля? — задаёт вопрос Соколов. — Что прятали на дне шахты? Зачем привозили сюда кислоту и бензин? Самый лучший ответ на все эти вопросы дадут предметы, которые были найдены на руднике».

Пьер Жильяр, наставник Цесаревича Алексея Николаевича, вместе с Вильтоном принимавший участие в расследовании Соколова, вспоминая дни, проведённые на руднике, писал: «Следственные власти предприняли систематические изыскания в лесу. Каждая пядь земли была изрыта, ископана, испытана, и вскоре шахта, почва лесной поляны и трава по всей окрестности выдали свою тайну. Сотни предметов и обломков вещей, по большей части затоптанных и втоптанных в землю, были открыты; их принадлежность была установлена, они были классифицированы следственной властью. Были

найжены среди прочего...». Жильяр приводит перечень многих предметов, найденных в самой шахте, и в округе Ганиной Ямы, принадлежащих как членам Царской Семьи, так и их окружению. «Наконец, — пишет он далее, — кости и куски обгоревших костей, частью разрушенные кислотой и частью носящие на себе следы режущего орудия или пилы; револьверные пули (те, вероятно, которые остались в трупах) и довольно значительное количество расплавленного свинца».

Соколов даёт более точное юридическое заключение: «24 кусочка свинца, 2 пули от револьвера системы Нагана и одна оболочка от такой же пули. Форма кусочков свинца весьма характерна. Свинец расплавился в огне и, охлаждаясь затем, сохранил неправильную форму застывшей массы. Пустая оболочка от пули — закопчена. Из неё вытек свинец под действием огня» (24 кусочка свинца — это, возможно, 24 пули, расплавленные в костре, а если это так, то застрять они могли не в одежде, а в телах убитых. — А.Г.).

Возле рудника Соколов обнаружил следы двух кострищ, сохранившихся с прошедшего года. Один костёр находился совсем рядом с шахтой, в восьми с половиной метрах от неё, круглой формы и диаметром в один метр. Другой костёр немного в стороне, в двадцати девяти шагах от первого, как отметил Соколов, был значительно крупнее, занимая территорию в три метра в диаметре. Территория костров, глиняная площадка, на которой был разведён один из них, вся местность вокруг открытой шахты были подвергнуты тщательному обследованию. Большинство находок было сделано именно там. Там же была обнаружена часть костных останков.

На руднике вскоре после бегства большевиков побывал лесничий Василий Гаврилович Редников. На допросе у Соколова 4 августа 1919 года он сообщил: «Утром я, Зубрицкий, Тетенёв и пять человек из нашей команды пошли со мной туда на рудник. Мы обследовали тогда, как могли, состояние открытой шахты. Около шахты было кострище, другое кострище было дальше, у старой берёзы. Мы стали копаться в кострищах и нашли в обоих кострах следующие вещи: несколько обгорелых планшеток от корсетов, несколько фестонов от обуви, как нам показалось, три топаза, горелые всевозможные пуговицы. Я не могу теперь сказать, — продолжает далее Редников, — какие именно вещи и в каком именно костре мы

находили, но я точно помню и категорически удостоверяю, что тогда мы в костре у шахты нашли несколько мелких осколков раздробленных обгорелых костей. Это вовсе не были кости какого-либо мелкого животного. Это были осколки крупных костей крупного млекопитающего и, как мне тогда казалось, осколки трубчатых костей. Они, повторяю, были обгорелые. Мы их находили в самом кострище».

В тех же кострищах при более тщательной обработке грунта Соколов уже в следующее лето обнаружил ряд вещественных улик, не замеченных Редниковым и его спутниками, в том числе, как отмечено в одном из протоколов «куски сальных масс, смешанных с землёй». А со дна открытой шахты, где в течение месяца Соколов проводил раскопки, были извлечены труп маленькой собачки, женский палец и осколки костей «млекопитающего», разрезанные, разрубленные и сильно обожжённые. Все эти находки были засыпаны землёй с глиняной площадки, на которой сохранились остатки одного из кострищ.

«Крушение власти Адмирала, — писал Соколов, — не позволило мне произвести научное исследование этих костей, какое бы я желал. Однако врач Белогородский, которому они были предъявлены мною на допросе, показал: “Я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Вид этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента”».

Следствие в своих выводах пришло к полной убеждённости, что в подвале дома инженера Ипатьева была умерщвлена Царская Семья и Её верные слуги. Трупы убитых были вывезены из Екатеринбургa через Верх-Исетск в сторону деревни Коптяки. Следовательно Соколов уже в эмиграции, подводя итог своим изысканиям на руднике и вещественным находкам, там найденным, написал:

«Рудник выдал тайну ипатьевского дома.

Вечером 16 июля Царская Семья и жившие с Ней люди были живы.

Ранним утром 17 июля, под покровом ночной тьмы, грузовой автомобиль привёз их трупы на рудник в урочище Четырёх Братьев.

На глиняной площадке у открытой шахты трупы обнажили. Одежду грубо снимали, срывая и разрезывая ножами. Некоторые из

пуговиц при этом разрушались, крючки и петли вытягивались. Скрытые драгоценности, конечно, были обнаружены. Некоторые из них, падая на площадку, среди множества других, оставались незамеченными и втапывались в верхние слои площадки.

Главная цель была уничтожить трупы. Для этого, прежде всего, нужно было разделить трупы на части, разрезать их. Это делалось на площадке. Удары остро-режущих орудий, разрезая трупы, разрезали и некоторые из драгоценностей, втопанные в землю. Экспертиза установила, что некоторые из драгоценностей разрушены сильными ударами каких-то твёрдых предметов: не остро-режущих орудий. Это те именно, которые были зашиты в лифчиках Княжон и разрушены в самый момент убийства пулями на их телах.

Части трупов сжигались на кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры; свинец вытапливался, растекался по земле и, охлаждаясь затем, принимал форму застывших капель; пустая оболочка оставалась. Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просалило почву. Разорванные и разрезанные куски одежды сжигались в тех же кострах. В некоторых были крючки, петли и пуговицы. Они сохранились в обожжённом виде. Некоторые крючки и петли, обгорев, остались не разъединёнными, не расстёгнутыми.

Заметив некоторые оставшиеся предметы, преступники побросали их в шахту, пробив в ней предварительно лёд, и засыпали их землёй. Здесь та же самая картина, что и в ипатьевском доме: скрыть от мира совершённое зло.

Так говорят о преступлении самые лучшие, самые ценные свидетели: немые предметы».

* * *

Выводы, к которым пришло следствие, были приняты как факт. Мир был абсолютно убеждён в том, что узники дома Ипатьева, или как он именовался в официальных советских документах, Дома Особого Назначения, в ночь на 17 июля, обманно сведённые в подвальное помещение, были там злодейски истреблены. Безжизненные их тела были вывезены на Ганину Яму, где в течение двух су-

ток, в разведённых кострах, густо обливая трупы бензином и кислотой, убийцы уничтожали следы своего кровавого преступления. Пепел и недожжённые фрагменты человеческих тел они сбросили в шахту или утопили в болоте. Таковая картина вполне корреспондировалась со взглядами на большевиков того времени, о кровожадности и жестокости которых ходили легенды.

В 1989 году, спустя семь десятилетий после гибели Царской Семьи, весь мир облетела сенсационная весть, кардинально менявшая взгляд на эту трагическую страницу нашей истории. 16 апреля газета «Московские новости» опубликовала статью под броским названием «Земля выдала тайну», в качестве иллюстрации к которой была напечатана фотография черепа, принадлежавшего, как там утверждалось, Государю Императору Николаю II. Автором этого сенсационного открытия и обладателем величайшей «реликвии» явился, тогда, конечно, никому ещё не известный, Гелий Трофимович Рябов, как потом выяснилось, старый сотрудник МВД и сочинитель сценариев на темы чекистских подвигов. Сам о себе он написал: «Я не эксперт-криминалист, не графолог, но знаком с этой профессией и теоретически и практически. Я работал следователем».

Следом за газетной публикацией, в том же апреле, журнал «Родина» начал печатать, как было указано в уведомлении об авторе, «журнальный вариант повести» Рябова под названием «Принуждены вас расстрелять», с параллельным комментарием доктора исторических наук Генриха Иоффе.

Выводы следователя Соколова, к которым привели его находки на руднике, о том, что тела Царственных мучеников были полностью уничтожены, Рябов объявил ошибочными. Ошибочным объявлялась и злодейская суть большевиков. Никакого надругательства над трупами и огненной экзекуции на Ганиной Яме большевики не учиняли. В кострах сожгли только одежду. Тела вывезли в сторону Екатеринбургa и похоронили на коптяковской дороге, рядом с железнодорожным переездом № 184.

Через четыре дня после публикации в «Московских новостях» Рябов выступил в Историко-архивном институте. Там он очень подробно изложил все перипетии, связанные с поисками Царской могилы, посвятив довольно много времени событиям семидесятилетней давности, достаточно примитивно эти события осветив, по-

стоянно подчёркивая собственные монархические симпатии и свою глубокую приверженность православной вере. Это, конечно, вызвало эмоциональную реакцию в основном молодёжной аудитории, часто сопровождаемую бурными аплодисментами. Надо помнить, что времена ещё были советские и «научный атеизм» являлся одним из основополагающих звеньев коммунистической идеологии. Повествуя историю своего открытия, Рябов сказал:

— Я занялся этим делом довольно случайно. Дело в том, что когда по поручению Министерства внутренних дел я приехал в Свердловск для того, чтобы встретиться с личным составом свердловского управления (понятно, что МВД. — *А.Г.*) и поговорить о фильме «Рождённые революцией» (автором сценария которого был он сам. — *А.Г.*), в тот момент, когда я сошёл на перрон, я сказал встречающему: «Отвезите меня в особняк Ипатьевых». Сказал непроизвольно, инстинктивно, интуитивно, как угодно. Утром за мной приехала милиция, естественно, меня отвезли в этот особняк, мне показали абсолютно всё, в том числе и подвал, в котором всё это произошло. Потом меня познакомили с очень симпатичным краеведом, геологом по профессии, которому я почему-то совсем неожиданно сказал, что с моей точки зрения главное, что надо сделать — это найти могилу Романовых, потому что только это даже с точки зрения абсолютно марксистской откроет истину, и если мы это найдём, то многое сможем доказать и многое подтвердить. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и сказал, что сделать это невозможно, потому что по его предположениям, они уже давно сгнили, и во-вторых, в этих местах построены дома, проложены дороги, железные дороги и это всё совершенно невозможно. Я сказал, что я беру на себя документальную часть вопроса (то есть получение закрытой информации), и что если удастся установить когда-нибудь это место, то всё остальное будем делать вместе.

Вскользь Рябов упоминает краеведа-геолога в своём сочинении, опубликованном журналом «Родина»: «...Красивый человек средних лет слушает мои вопросы. Нет, он ничего не знает».

Уже после крушения советской власти, в 1991 году, давая объяснения прокурору Свердловской области В.И. Туйкову, Рябов несколько иначе излагает свой приезд в столицу «Красного Урала». «В августе 1976 года, — записано в протоколе, — я по просьбе

бывшего министра внутренних дел Щёлокова приехал в Свердловск для представления работникам милиции моего фильма. Начальник политотдела УВД, полковник предложил мне осмотреть достопримечательности города. Я сказал, что с удовольствием познакомился бы с историей города восемнадцатых–двадцатых годов. Начальник политотдела сказал, что он знает человека, который интересуется и знает много об этом периоде. Через некоторое время мы с ним приехали к этому человеку. Им оказался Авдонин Александр Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук (это тот самый геолог-краевед, о котором Рябов говорил студентам-историкам. — *А.Г.*). Увидев у меня на пиджаке значок “Заслуженный работник МВД СССР”, Авдонин принял моё знакомство с ним настороженно. Но потом, когда начальник политотдела уехал мы с Авдоныным разговорились, в том числе и об императоре России, и не помню в связи с чем и почему я ему сказал, что нельзя ли попытаться найти могилу бывшего царя Николая II и членов его семьи. Авдонин ответил, что, во-первых, скорее всего никакой могилы царя нет, а во-вторых, зачем это надо, ведь с ними давно покончили и что теперь историю ворошить. Сказал, что если и попытаться это сделать, то всё равно ничего не получится.

Авдонин тому же Туйкову, за месяц до встречи прокурора с Гелием Рябовым, сообщил следующее: «С детства я занимался краеведением, но так как я жил в Свердловске, я заинтересовался и вопросом об обстоятельствах расстрела семьи императора Николая II. Меня интересовал и вопрос о месте захоронения их останков. Много лет я читал соответствующую литературу, беседовал с различными людьми, знающими об этом. В одной из бесед с Геннадием Николаевичем Лисиным в 60-х годах, а ему в то время было около 80 лет, он сообщил мне примерные ориентиры места, где сжигали останки семьи Николая II (то есть значит, что всё же сжигали? — *А.Г.*). Об этом он знал с того времени, когда помогал следователю Соколову в 1919 году в поисках места захоронения Романовых (если его сведения идут от Соколова, то “ориентиры места” указать он мог только на Ганиной Яме. — *А.Г.*). В итоге я решил, что когда у меня будет свободное время, я попытаюсь найти место захоронения Романовых.

Примерно в 1976 году в Свердловск приехал Гелий Рябов. Познакомились мы с ним при следующих обстоятельствах. Я хорошо

знал Корлыханова Ивана Степановича, работника Чкаловского РК КПСС. В момент приезда Рябова он был начальником политотдела УВД Свердловблисполкома. Он и познакомил меня с Рябовым. Я узнал, что его волнует судьба Романовых, так как он намеревался создать о них фильм. Я ему рассказал о том, что знаю. Он спросил, знаю ли я место захоронения семьи Романовых. Я ему сказал, что предположения у меня есть, но требуются архивные материалы. Он пообещал мне помочь в этом вопросе, сказал, **что ничего бояться не надо, так как будем работать под эгидой Щёлокова».**

Далее события, по Рябову, развивались следующим образом. В Ленинграде он встретился с сыном Юровского, который передал ему копию записки своего отца, как пишет Рябов, «с личными поправками». Надо сказать, что так вот просто, с улицы заявиться к Юровскому Рябов, конечно, не мог. Сын царевубийцы себя публично никак не афишировал. Я это могу утверждать, ибо на то имею свой собственный опыт.

Случился оный в конце 60-х или в самом начале 70-х годов. У меня был друг — Олег Антонович Кулиш. Как-то мы с ним встретились в Доме журналиста. Я вошёл с улицы, а он в фойе у гардероба беседовал с высоким господином в морском мундире. Я подошёл поздороваться. Олег Антонович представил мне своего собеседника: Александр Яковлевич Юровский. Я несколько оторопел, услышав столь «известную» фамилию. Внешне, конечно, виду не подал и, после рукопожатия, отошёл, но встреча эта меня заинтересовала, и я попросил Кулиша при случае поинтересоваться, не сын ли его знакомый Юровского Якова из дома Ипатьева. Как мне потом рассказал Олег Антонович, он этот вопрос задал адмиралу Юровскому, на что тот сухо и не особенно любезно ответил, что никакого отношения к «этому лицу» не имеет. Юровского я несколько раз видел потом. Он был дружен с директором Дома журналиста, тоже адмиралом в отставке и, видимо, навещал его, появляясь в Москве. Внешне он чем-то отца напоминал.

А Рябов встретился с Юровским, конечно, через высокое протече. Об этом совершенно откровенно пишет Н. Розанова: «Рябов снова обратился за помощью к Щёлокову, который в присутствии Рябова (то есть не “обратился”, а прямо-таки заявился к министру в кабинет. — А.Г.) позвонил в управление МВД в Ленинграде, прося

содействия в розыске Юровских». Ну а что такое «просьба» министра МВД, к тому же ещё и члена ЦК КПСС, понятно без лишних комментариев.

«Записка Юровского» явилась той «ариадниной» нитью, которая привела Рябова на коптяковскую дорогу. В историко-архивном институте, вспоминая об этом периоде своих поисков, Рябов говорил, что, получив «Записку», он снова перечитал все свидетельские показания из следственного Дела Соколова и, сопоставив их с тем, что писал Юровский, пришёл к полному убеждению, что теоретически место могилы обнаружено. Оставалось найти его практически. «Обнаружить его (то есть место захоронения), — в беседе с прокурором Туйковым сказал Рябов, — помог анализ показаний сторожа будки № 184 Лобухина, соответствующих страниц книг Детерихса и Соколова с “запиской Юровского”. Анализ позволил придти к выводу, что в них идёт речь об одном и том же месте». Познакомиться с книгами Соколова и Детерихса, как об этом заявил Рябов, он смог также благодаря помощи министра Внутренних Дел Щёлокова, который по каким-то причинам опекал своего подчинённого, открывая ему доступ к тайным хранилищам.

С «запиской Юровского» Рябов отправляется в Свердловск, где, как он говорил, его «товарищи, опытные геологи, мгновенно исследовали нужное место». Авдонин, давая объяснения тому же прокурору Туйкову, в частности, сказал: «Мы сделали топографическую съёмку Ганиной Ямы и коптяковской дороги до железнодорожного переезда. К этому времени у нас были работы Соколова, Детерихса (Рябов привез?). **К этому времени у нас были и записки Юровского.** Оценив всё в совокупности, мы пришли к выводу о месте захоронения семьи Романовых». На первом этапе обнаружения Царских останков Авдонин с Рябовым не вступает в серьёзное противоречие, но уже в 1993 году, назначенный членом Правительственной комиссии, в письме на имя Ю.Ф. Ярова, Авдонин пишет: «На сокрытие останков в этом месте указывает и руководитель расстрела царской семьи Я.М. Юровский, **но документ об этом нами был найден слишком поздно — в конце поисковых работ.**»

Впоследствии же он изменил свою позицию и стал заявлять, что место захоронения найдено было им лично ещё до приезда Рябова с упомянутой «запиской». В 1997 году в сборнике, посвящённом про-

блемам гибели Царской Семьи, Авдонин в статье «О поисках и извлечении останков царской семьи на Старой Коптяковской дороге», уже без тени всякого смущения, написал: «Как один из главных исполнителей поисков останков и их вскрытия, заявляю следующее: В осуществлении поисков мной и моими коллегами двигала не жажда славы, а только желание установления исторической истины и раскрытия тайны останков царской семьи. Она была раскрыта не на основании “Записки Юровского”, как об этом утверждают представители оппозиции (в сноске Авдонин даёт такое объяснение: “Оппозиция — силы, противодействующие официальному расследованию гибели царской семьи в нашей стране”; к оным “силам”, по Авдонину, автоматически причисляются Рябов вместе с Радзинским. — А.Г.), а на основе устной истории — многолетнего поиска и опроса непосредственных и косвенных свидетелей событий 1918 года в Екатеринбурге, живших ещё в 1960–1970 годах (то есть Рябов, по Авдонину, как бы вовсе ни при чём. — А.Г.). В деле по прокурорской проверке факта вскрытия останков имеется объяснительная записка Г. Рябова, в которой он указывает о встрече с А.Я. Юровским в 1978 году, передавшим ему тогда копию записки отца. Но именно в том — 1978 году я сообщил Рябову в письме, что предполагаемое место захоронения царских останков нами найдено. С **“запиской Юровского” Рябов приехал к нам в 1979 году на вскрытие останков**».

Следовательно, если принять как достоверный факт заверения Авдонина, то становится непонятным вся детективная эпопея вокруг документа главного участника расстрела, который один из «изыскателей» (Рябов) получает от сына того самого «главного», а другой (Радзинский) «случайно» находит в московском архиве. Если поверить Авдонину, что в самые что ни на есть глухие советские годы, в период особой обострённости со стороны партийной власти и карательного ведомства в отношении всего, что так или иначе связано было с событием в доме Ипатьева, который к тому времени был уже снесён с лица земли, какой-то малоприметный кандидат геолого-минералогических наук, что-то прочитав из воспоминаний екатеринбургских большевиков, спокойно, собственной инициативой, без всякой посторонней помощи и попечительства всё видящих и всё знающих органов (местные жители заложили бы в первые пят-

надцать минут), ничего не боясь, находит захоронение, в котором покоятся останки последнего русского Царя, то это значит, что ни одному слову Рябова и Радзинского верить нельзя.

Если же фантазирует Авдонин и приписывает себе тщеславия ради (или по другой причине) заслуги, которые во всяком случае не одному ему принадлежат, и эти амбициозные претензии сохраняются в документах, представленных в Правительственную комиссию, то приходится предполагать, что сие не личная инициатива екатеринбургского геолога, а тенденция, идущая откуда-то извне. Ведь иначе трудно объяснить постоянно меняющуюся картину. Могильник на коптяковской дороге, долгое время фигурировавший как «находка Рябова», сначала трансформировался в «находку Рябова и Авдонина», а затем, когда было возбуждено уголовное дело по факту гибели Царской Семьи, превращается уже в «находку одного Авдонина». С того момента Рябов сгинул в небытие (как многие полагают, не по своей воле), уступив «пальму первенства» Авдонину, своему бывшему соучастнику по «археологическим» изысканиям, который на удивление очень скоро вошёл в роль главного действующего лица. Конечно, никогда не посмел бы Авдонин по собственному почину так беспардонно поступить с человеком, которому он может быть обязан своим участием в столь «рискованном» тайном предприятии, не имея на то соответствующего покровительства (без «эгиды» Щелокова, которой Авдонин обязан Рябову, он бы никогда не посмел раскапывать могильник на коптяковской дороге), да и Рябов без некоего распоряжения вряд ли добровольно, из гуманных соображений согласился бы пожертвовать мировой своей славой. Человек он самолюбивый, амбициозный и не без тщеславия. Следствие, осуществляемое прокурором-криминалистом Соловьёвым, понятно, на подобные «пустяки» внимания не обращало.

Далее Рябов повествует о том, как этот поиск происходил, что их вывело на нужное место, какими дилетантскими методами они пользовались, как они вскрывали могильник, сколько на то ушло времени. Эти его откровения во многом противоречат тому, что он же сам писал в собственном дневнике, потом живописал в публикациях ещё советского времени и то, что говорил уже в 1991 году, давая объяснения прокурору Туйкову. Представляет, конечно, несомненный интерес дневник, который Гелий Трофимович, как в нём

указано, вёл якобы непосредственно на месте «раскопок предполагаемого захоронения царской семьи». Довольно подробно и пунктуально Рябов фиксирует весь происходивший процесс, не упуская даже упомянуть такую мелкую деталь (наверное, для большей убедительности, что не задним числом составлялся дневник), к делу как бы вовсе не относящуюся, но характерную с точки зрения непосредственного впечатления, как он с супругой, сойдя с поезда, прежде чем отправиться к «заветному месту», зашёл в магазин и запасся десятью бутылками воды. Открывается дневник 31-м числом, мая месяца 1979 года, первым «трудовым» днём. «08.45, пригородный поезд до Шувакиша. Пришли на место, сняли рюкзаки... Пробито пять скважин под шпалами. В двух из них бур извлёк слой чёрной субстанции с запахом мазута (мазут-то откуда? — А.Г.). Я уверен, это искомое: останки трупов Романовых и их людей (в этой могиле 9 человек, все, кроме Алексея и Демидовой). Всё, что осталось в результате воздействия, бензина, серной кислоты».

Тут, конечно, многое непонятно. Особенно заключённое в скобки указание на количество погребённых в ещё не раскрытом могильнике и главное, точно определено, что кроме Алексея в могильнике отсутствует Демидова (это так в «записке Юровского», что Рябов слепо повторяет; он тогда ещё не знал, что экспертиза и следствие после некоторых колебаний — первой кандидатурой была Анастасия — определяют отсутствующей Марию. Рябов что, по чёрной субстанции и запаху мазута определил содержание могильника и количество жертв, там погребённых, или это позднейшая вставка?) Историк В.В. Алексеев, опубликовавший в своей книге дневник Рябова, никак сию коллизию не прокомментировал, но по тому, как текст воспроизведён, создаётся впечатление, что это текст авторский.

На следующий день с раннего утра команда Рябова приступает к вскрытию захоронения. Дневник фиксирует последовательность этого процесса. «Снят слой мокрой травы, верхний слой земли, обнажены шпалы. Сняли 1-й слой шпал, под этим слоем обнаружен 2-й слой шпал, проложенный вдоль дороги, здесь же навалены сучки, остатки деревьев, камни, кирпич. Упёрлись в 3-й слой шпал. Мне поручено следить за костром и заготавливать топливо (то есть ведут себя спокойно, как туристы, приехавшие на пикник. — А.Г.). Стоп! Зовут к раскопу. Эврика! Первая находка — обнаружена часть

фрагмента тазобедренной кости, чёрного цвета, по виду обработанная сильным хим. реактивом. Обнаружены: часть позвонка и позвонок. Г.Т. Рябов дрожит от волнения (тут почему-то он вдруг начинает себя именовать в третьем лице, прямо как в “записке Юровского” и, думаю, не случайно. — *А.Г.*), много говорит, прерывает, грубо требует внимания к оценке найденному. Здесь же обнаружена 21 тазобедр. кость. Под шпалой, под слоем грязно-жёлтой воды Гелий обнаружил кисть руки. Стал шарить руками под водой, заявил, что он прощупывает рёбра, кисти рук с маленькими косточками. Фрагментов одежды нет (это не случайное уточнение, оно с прицелом. — *А.Г.*). Влад, опустив руки в воду обнаружил череп, извлёк челюсть с зубами. Гелий пошёл промывать череп... При просовывании руки в жидкую глиняную массу ребята устанавливают, что трупы лежат друг на друге (прямо-таки ясновидящие. — *А.Г.*). Извлечены позвонки... обнаружили ещё череп... Произведена фотосъёмка. Снова поиски в глине, Влад опять извлекает череп. Промыли здесь же в ручье, на черепе в затылочной части крупное отверстие от пули. Череп обнаружен между мелких костей и позвонков (позвонки, позвонки, позвонки. — *А.Г.*). Пообедали. Сфотографировали 3 черепа вместе... маленький и с пулевым отверстием (этот череп Рябов потом будет выдавать за череп Государя. — *А.Г.*) Гелий взял себе, а 3-й череп с золотыми зубами передал Авдонину. Черепки керамической фляги и позвонок (к позвонкам Рябов проявляет особое внимание — *А.Г.*) взял Ген. Петрович». «2 июня 1979 г. Открыта шахта».

Это уже третий день, и если Рябову доверять, то надо всё время помнить, что «дневник» писался ещё при советской власти и непосредственно во время «тайной операции» в Поросёнковом логу. Третий день группа лиц приезжает из города, копает посреди дороги среди бела дня, рядом горит костёр, возле которого они спокойно трапезничают, вокруг разложены черепа, позвонки, другие кости, бутылки с водой, тут же валяются шпалы, и ничего их не беспокоит, не волнует, ничего они не остерегаются, а времена ещё суровые, брежневские. Роберт Мэсси, автор известной книги «Николай и Александра», в 1995 году в журнале «New Yorker» писал, что основные события, которые привели к открытию «предполагаемых останков Романовых, произошли в советский период, когда партия

и КГБ твёрдо стояли у власти. Трёх человек, якобы действующих совершенно независимо друг от друга, вдруг по какой-то причине охватило желание найти последнее место упокоения убиенных Романовых. Первый — Гелий Рябов, бывший следователь или судебный исполнитель из МВД, ставший кинорежиссёром и занимавшийся патриотической пропагандой. Вполне возможно, что ему протезировал министр внутренних дел Щёлоков. Второй — г-н Александр Авдонин, геолог из Екатеринбурга (Свердловска), а третий — Эдвард Радзинский, пользующийся успехом писатель и сценарист из Москвы. В 1979 и 1980 годах двое из них, Г. Рябов и А. Авдонин, открывали могилу и рылись в её содержимом, при этом чудеснейшим образом избежав надзора полиции».

Даже прокурор Соловьёв в своей справке, представленной на последнем заседании Комиссии 23 января 1998 года, писал: «Работу по поискам останков группа вела законспирированно, поскольку у её участников имелись веские основания предполагать, что она вызовет отрицательную реакцию властей, правоохранительных и политических органов». Откуда у Соловьёва такие сведения, кто ему доложил о «законспирированности», с чьих слов он эту информацию вставил в официальный документ, опубликованный в материалах Правительственной комиссии? Если сам придумал, то ведь не для красного словца, а, наверное, с тем, чтобы предупредить удивление дотошного скептика, который, конечно, обратил бы внимание на то, что вот так без всякого страха группа частных лиц производит действия, по тем временам властью преследуемые. Рябов в своём дневнике никакой настороженности не отметил. Авдонин тоже не озирался по сторонам, когда из могильника доставали черепа («работали» спокойно под «эгидой» Щёлокова?) и тут же, в ручье отмывали их от глины и «чёрной субстанции». Соловьёв (уже под другой «эгидой») понимает, что они этот момент (опасения, что их обнаружат) по какой-то причине упустили, и подправляет их, вводя всю эту детективную историю в рамки реалий того времени.

Задним числом Рябов (видимо, не без влияния со стороны прокурора-криминалиста) свою «оплошность» тех лет тоже постарался исправить. В книге «Как это было», изданной в 1998 году, он написал: «Мы все испугались... Мгновенье назад мы были законопослушные советские люди, сейчас мы — с точки зрения Лубянки —

враги пролетарского государства. Что нас ожидает в будущем». О страхе перед Лубянкой Гелий Трофимович вспомнил вдруг через тридцать лет, а когда писался дневник и когда он из глинистой жижи извлекал шпалы, слой за слоем, и черепа с позвонками, тогда он не трясся от ужаса, что вот-вот из лесной чащи выскочат свердловские чекисты с собаками и наручниками.

Итак, по тому, что записано Рябовым в дневнике, который он, по его утверждению, вёл непосредственно во время вскрытия захоронения, до самих останков добраться удалось только после того, как были извлечены три слоя шпал. Прокурору Туйкову он по этому поводу сказал: «Как происходило вскрытие, подробности этой работы я описал в дневниках за 1979 и 1980 годы. Ксерокопии этих записей прошу приложить к этому объяснению». Это Рябов говорит в 1991 году. В журнальном варианте его повести, той, что двумя годами ранее встречи с прокурором была опубликована журналом «Родина», картина этого момента представлена совершенно в ином виде. «Утро было раннее, — писал Рябов. — Приготовили лопаты, вот и первый удар вглубь. Сняли слой земли, в которой лопата упёрлась во что-то жёсткое, пружинящее. Хворост, ветки, хорошо сохранившиеся. Под ними снова земля — перемешанная, перекопанная (с чем перемешанная? Кем перекопанная? — А.Г.). На мгновение я остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг он (напарник) крикнул сдавленно: “Железяка какая-то!”. Это была тазовая кость чёрно-зелёного цвета. И сразу же пошли кости, кости, целые скелеты, черепа... Мы достали три — обгоревшие от кислоты (на кислоте Рябов постоянно акцентирует внимание. — А.Г.), с пулевыми ударами, у кого в виске, у кого на темени» (в дневнике — пулевое отверстие в затылке. — А.Г.). Через десять лет после собственноручной записи в дневнике, Рябов никаких настилов из шпал не обнаруживает (похоже на то, что «подённый» дневник писался уже в 1989 году, или даже в 1991). А студентам в историко-архивном институте он рассказал, что когда они вскрыли «это место», то под слоем земли попались им только «палки и доски». Исчезли «брёвна, кирпичи, камни». Их, наверное, команда распределила между собой на сувениры, и Рябов то, что ему досталось, вместе с черепами и позвонками увёз в Москву.

Информация, которая идёт от Авдонины, во многом не совпадает с тем, что говорил и писал Рябов. В записке, составленной 31 октября

1993 года в адрес Председателя Правительственной комиссии Ю.Ф. Ярова, и содержащей информацию о нахождении царского захоронения и его вскрытия в 1979 году, Авдонин сообщал: «после длительных поисков это место (то есть могильник) было обнаружено мною вместе с геологом Михаилом Кочуровым при проверки грунта дороги с помощью простого инструмента в виде большого штопора. В районе Поросёнкова лога, ввёртывая его в землю, мы попали на глубине порядка 40 см во что-то деревянное. Площадь из дерева составляла примерно 2 м на 3 м. Мы нашли настил — место, где застрял автомобиль. В этом же году место было вскрыто. Деревянный настил находился на глубине порядка 30–40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки». Авдониному без всяких изменений вторит прокурор-криминалист уже в 1998 году в «заключительном» документе следствия. Он пишет: «В 1978 г. в районе Поросёнкова лога группой А.Н. Авдонина (Рябов как открыватель Царской могилы, вообще не фигурирует. — А.Г.) найдено понижение почвы, где при бурении на небольшой глубине обнаружили деревянный настил. Летом 1979 года место было вскрыто. Деревянный настил находился на глубине 30–40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки». Единственно, что в документе Соловьёва не совпало с текстом, который он переписывал, в чём он счёл нужным «подправить» Авдонина, это протяжённость во времени самого события. Авдонин с Кочуровым набрали на деревянный настил в 1979 году и тогда же произвели вскрытие захоронения. По Соловьёву вскрытие произошло на следующий год после обнаружения настила. Но гораздо важнее отметить, что картина всего этого действия, представленная Авдониным и Соловьёвым, во многом расходится с тем, что в разное время живописал Рябов. Казалось бы, искали, копали, извлекали оба вместе, а из рассказа каждого в отдельности создаётся впечатление, будто бы речь идёт о событиях, между собой не связанных. (Эти разночтения почему-то следователя Генеральной Прокуратуры никак не интересуют, и почему-то только авдонинская версия им принимается как абсолютно достоверная).

Оба постоянно противоречат друг другу и оба путаются. Например, Авдонин, давая объяснения прокурору Туйкову, как-то странно не может назвать многие даты, связанные с самими, казалось бы,

знаменательными событиями в его собственной судьбе. Он говорит: «Какого числа я не помню мы приехали на поляну и вскрыли Яму». «Какого числа и в каком месяце 1980 года мы вернули останки в захоронение, я не помню». Позднее, когда Авдонин стал членом Правительственной комиссии, «память» у него восстановилась. В статье, напечатанной в сборнике «Романовских чтений» (изданном в 1997 году), он писал: «Вскрытие было произведено 1 июня 1979 года (Рябов в историко-архивном институте сказал: “30 мая 1979 года ранним утром мы вскрыли это место, обнаружили **палки и доски**”. — *А.Г.*). Раскоп — примерно метр на метр. Человеческие останки встречены на глубине порядка 70 см (в 1993 году останки “встречены” были под **деревянным настилом**, 30–40 см, что повторил в своём финальном документе прокурор-криминалист. — *А.Г.*). Здесь сразу же, на небольшом расстоянии друг от друга, обнаружены три черепа. Они изъяты для последующей идентификации. Раскоп закрыт». В отличие от Рябова, по Авдонину, вся процедура «вскрытия ямы» и всё с этим действием связанное, вместе с завершением всех работ и заметанием следов своего присутствия, заняло один день. А точнее об этом сказал сам Авдонин: «На всё ушло шесть часов времени».

Эти временные противоречия очень странны, если поверить, что Рябов действительно вёл свой дневник непосредственно во время самих событий, ибо тогда он никак не мог, фиксируя эти события, запутаться в сроках и в датах. Из этого можно сделать только один вывод: кто-то из «компаньонов» озвучивает фальшивую информацию. Случайно или умышленно — это тоже вопрос.

В 1991 году официально было вскрыто захоронение на коптяковской дороге. Для проведения этой акции решением облисполкома было выделено финансовое обеспечение всего комплекса необходимых работ и создана группа «людей из числа работников правоохранительных органов, археологов, экспертов», которую возглавил старший помощник прокурора области В.А. Волков. Научная часть «экспедиции» была представлена археологом Л.Н. Коряковой, которая все три дня, проведённые на раскопе, вела очень обстоятельную запись проистекавших событий. Никаких шпал в три слоя и деревянных настилов «экспедиция» не обнаружила. «Вдоль ямы, около южной границы, — записала Корякова, — были

найлены остатки брёвен, а в центральной части — остатки досок, брошенных туда в 1979 году» (то есть к историческому захоронению отношения не имеющих; их, что Рябов из Москвы привёз?). Территория, предназначенная для вскрытия, заранее была обнесена высоким деревянным забором, «сколоченным на скорую руку», как отметила Корякова. Охраняли два милиционера с автоматами. Было пасмурно и холодно, дождь лил почти не переставая. Это событие на одном из заседаний Комиссии вспоминал Р.Г. Пихоя. Он сказал:

— Есть один вопрос неприятный, но я его вынужден поставить. Мы должны дать заключение, что всё-таки раскопки мы делали неправильно. То есть проведение самостоятельных раскопок создало те проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся. Это и в нравственном отношении было не очень прилично, и, самое главное, имело серьёзные последствия для дальнейших процессуальных действий.

Рябов и Авдонин в этом отношении тоже свою лепту внесли, к тому же много путаницы оставили, повествуя о своих «поисках и находках». Станных примеров разночтений в описании события, в которых оба принимали совместное участие и в которых были связаны общей идеей и общими устремлениями, можно приводить без конца. Но эти разночтения возникли уже во времена постсоветские, когда эта тема получила широкое распространение, а тогда, на первом этапе всей этой истории, в 1989 году фигуры Авдонина, не только как «первооткрывателя» Царской могилы, но даже имевшей хоть какое-то касательство к обнаруженным Екатеринбургским останкам, не существовало. Был Рябов. Он без всяких краеведов и компаньонов появился на газетно-журнальных страницах и на экранах телевидения с черепами, которые выкопаны были, по его словам, из Царской могилы под Екатеринбургом, и один из которых принадлежал последнему российскому государю. Это сенсационное известие ошеломило мир. Ошеломило настолько, что тут же вспомнилось, что существовала то ли версия, то ли легенда, будто бы в знак подтверждения совершённой экзекуции три головы были доставлены в Кремль и хранились в сейфе самого вождя рабочих и крестьян.

Вслед за Рябовым явился Радзинский. В мае того же года, на следующий месяц после появления повести Рябова в «патриотическом» журнале «Родина», «леворадикальный» «Огонёк» опубликовал очерк Радзинского «Расстрел в Екатеринбурге», в котором так-

же сообщалось с претензией на сенсационность об существовании могильника с царскими останками и о несостоятельности тех выводов, к которым, на конечном этапе своего расследования, пришёл колчаковский следователь Соколов (очень трудно объяснить простым совпадением такое одновременное появление аналогичных материалов на тему, надо сказать, для советской власти «деликатную»), имея в виду, что журнал, в отличие от газеты, готовит материал для публикации за несколько месяцев до выхода номера в свет).

Но сочинение Радзинского уже того фурора не произвело, с которым мировая общественность встретила появление в печати, на телевидении, на арене публичного общения с вопросами и ответами, с демонстрацией фотографий извлечённых из захоронения черепов, в том числе и черепа Николая II, автора повести «Принуждены вас расстрелять». Лавры пионера на первом этапе достались первопроходцу, в венок которого, правда, вплетена была и терновая ветвь. Радзинский обойдёт своего конкурента позднее, когда будет назначена правительственная Комиссия, членом которой он станет, в то время как Рябов исчезнет из всех средств массовой информации. А то, что они были конкурентами, причём агрессивными, тому я свидетель. Мне довелось знать их обоих.

С Рябовым я познакомился по его инициативе. В то время, когда мировая его слава ещё не претерпела переоценки, он предпринял энергичные шаги к созданию некоей международной внесударственной организации с весомым представительством лиц, известных в русском зарубежье, которая своим авторитетом должна была бы способствовать подтверждению того, что могильник, им обнаруженный, действительно является Царским, ибо, как известно, открытие его в некоторых кругах вызвало реакцию полного недоверия. Собственных связей у Рябова с русской эмиграцией не было, поэтому он обратился к князю Чавчавадзе и с его помощью устроил приватную беседу на волнующую его тему в одном из ресторанов на Тверской (тогда ещё улице Горького), где кроме Зураба Михайловича Чавчавадзе присутствовали писатель Владимир Алексеевич Солоухин и я. Разговор был долгий, но, в общем, беспредметный. Впечатление от знакомства с Рябовым осталось настороженное, не убеждавшее в искренности его намерений и его самостоятельности во всей этой истории: милицейский след и близость к Щёлокову

порождали определённые сомнения. Рябову очень нужно было найти поддержку в лице Главы Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, проживавшего во Франции, авторитет которого, конечно бы, укрепил в кругах русской эмиграции уверенность в подлинности Екатеринбургской находки. Рябов знал, что мы, Зураб Чавчавадзе и я, являемся доверенными лицами Великого Князя и что В.А. Солоухин также давно и хорошо знаком с Главой Императорского Дома.

Видимо, вся эта встреча и была затеяна Гелием Трофимовичем для того, чтобы, соблазнив нас учредительством некоего международного объединения вокруг события, связанного с судьбой последнего Российского Императора, заручиться нужными ему рекомендациями. Надо особо отметить, что эта встреча имела место ещё в те времена, когда на официальном уровне монархические симпатии покровительством не пользовались. Скорее наоборот. Именно в то время у моего знакомого на таможне была конфискована монархическая литература. Рябов же очень искренне демонстрировал нам свою монархическую приверженность, пронизанную глубоким религиозным чувством. Но альянса не произошло. От вопросов, нарушающих общую концепцию последних звеньев трагической судьбы Царской Семьи, которую пропагандировал Рябов, он старался дипломатично уклоняться, что не всегда у него получалось. К примеру, когда кто-то из нас поинтересовался его отношением к четырём знакам, обнаруженным Соколовым на стене в подвальной комнате, где произошла экзекуция над узниками ипатьевского особняка, Рябов даже в некотором раздражении резко заявил, что никаких кабалистических знаков на самом деле не было и что это глупая выдумка английского журналиста. А то, что обнаружил Соколов, так это просто случайное касание карандаша. Стоял у стены некто, как это выглядело в объяснении Рябова, и почёсывал спину (Боткин или лакей Трупп?), а в руке он держал какой-то пишущий инструмент, и иногда случайно, без всякого, конечно, умысла, касался им стены, на которой эти касания оставили след, объявленный уже в эмиграции кабалистическими письменами, чем потом ловко воспользовались «белогвардейские антисемиты» для подтверждения ритуального характера самого убийства. Говорилось это без юмора, вполне серьёзно. Такого же уровня были его

размышления и по другим «неудобным» вопросам, связанных главным образом с событиями в урочище Четырёх Братьев.

Очень нелестно отзывался Рябов о Радзинском, болезненно реагируя на всякое о нём упоминание, особенно когда возникали вопросы о параллельных их путях, приведших обоих к открытию Царской могилы. Здесь Рябов впадал в ярость и, награждая своего соперника малоприятными эпитетами, заявлял, что Радзинский на самом деле ничего не нашёл, что место, которое он указывает, ложное, никаких там останков нет и все его на сей счёт заверения всего лишь проявление чёрной зависти и жажды мировой славы.

С Радзинским я не раз в то время встречался на Николиной Горе у моего большого друга Бориса Алимова, у которого тот, снимая дом на соседнем участке, часто появлялся. К Рябову он относился внешне без особого озлобления, достаивая всяческое о нём упоминание с высоты своего драматургического превосходства брезгливо-иронической улыбкой, всем своим видом показывая, что смешно и нелепо вообще о таковой ничтожной персоне говорить серьёзно. Об открытии Рябова отзывался с полным пренебрежением и так же, как тот, в свою очередь, обвинял его в том, что он распространяет фальшивые слухи, ибо место, им объявленное Царской могилкой, таковой не является, добавляя, что и черепа вовсе не «Августейшие». Говорил это без раздражения, а скорее даже с неким сочувствием в адрес «убогого» и тщеславного своего конкурента, как бы посмеиваясь над ним. О том, что настоящее, подлинное место, где была погребена Царская Семья, знает только он, заявлял без тени смущения и с полной убеждённости в своей правоте.

Станным во всей этой истории их антагонизма, во всяком случае, внешнего было то, что они ни в чём принципиально друг другу не противоречили, и все события и всю концепцию собственных умозаключений слепо основывали без всякого критического анализа на так называемой «записке Юровского». Главный стержень их повествования сводился к тому, что никаких душераздирающих сцен на руднике не происходило, что следствие Соколова упёрлось в тупик и с того момента пошло по ложному следу, что, естественно, никакой «массы человеческих обрубков», о которых живописал бывший комиссар по снабжению, на самом деле не было. Всё происходило, как утверждали оба, без всякого глумления и сатиры.

Местный совдеп на свой страх и риск постановил расстрелять Царя и всю Его Семью с последующим тайным сокрытием трупов. Их вывезли на рудник и, предварительно обшарив и раздев, сбросили в шахту, которая оказалась неудачной. Поэтому на следующий день трупы оттуда извлекли и повезли в сторону города на Московский тракт, где присмотрели более подходящее и надёжное место, но по дороге грузовик застрял. Там в «мочажине», прямо на дороге трупы и зарыли, кроме двух, которые сожгли, пока копали яму, и схоронили отдельно под тем же костром. Оба без всякого сомнения утверждали, что останки последнего русского Императора и членов Его Семьи погребены там, где в своей «записке» указал Юровский, правда, само место могилы каждый определял по-своему.

Естественно, полное согласие у них было и в том, что из «Центра» никаких распоряжений по поводу «ликвидации» не поступало, что Москва никакого отношения к этой экзекуции не имела и что там, в Совнаркоме об расстреле Царя узнали только на следующий день, приняв сие к сведению и никак не выразив в адрес самостийного Екатеринбургского какого-либо неудовольствия. А то, что картина событий, ими нарисованная, во многом расходилась со свидетельствами и документами прежних лет, что «записка Юровского», на основании которой эта картина и рисовалась, сама давала основания для недоверия, их нисколько не смущало. Наоборот. И для Радзинского, и для Рябова авторитет Юровского бесспорен. Он ими воспринимается как некий бесстрастный летописец, которому оба верят слепо (а может быть, должны верить?). Рябов, например, в своей «повести», размышляя над «запиской Юровского», удовлетворённо заканчивает: «И ещё, подумал я: могила Романовых — не миф, она существует реально. Существует, мы не сомневались — зачем Юровскому лгать? Его записка не предназначалась для всеобщего сведения». Для Радзинского «записка» также документ кристальной чистоты. «Дело о семье бывшего царя Николая II, — пишет он, — закрывает навсегда все догадки и споры, ибо Дело заканчивается той самой “Запиской” — несколькими страничками машинописного текста — рассказом главного участника событий, Я. Юровского (так ласково это звучит в устах советского драматурга. — А.Г.). Всё, что случилось в ту ночь, которую он считал исторической, Юровский изложил в памятной записке, которую соста-

вил через два года» (а Авдонин уверяет, что к поиску царской могилы «Записка Юровского» никакого отношения не имела).

Рябов и Радзинский только в одном испытывали непримиримое противоречие, которое порождало их яркую неприязнь друг к другу: в приоритете. Каждый претендовал на то, что только им найдена подлинная Царская могила и что место, на которое указывает его конкурент, является ложным. Можно, конечно, предполагать, что этот антагонизм был искусственного происхождения.

В начале апреля 1989 года М.С. Горбачёв совершил визит в Англию. Циркулировал тогда таковой слух, что якобы при встрече с советским Генсеком Королева Великобритании на его приглашение посетить Советский Союз ответила, что поездка Её может быть осуществлена только после того, когда будет предана гласности судьба Императора Николая II и Его Семьи после убийства, совершённого в доме Ипатьева, и обнародовано место их погребения. Утверждали, что Горбачёв таковые заверения дал (видимо, к такому вопросу был заранее подготовлен, ибо на таком уровне подобных случайностей не бывает). Сам он, когда я к нему, уже, естественно, в ельцинские времена, обратился с вопросом, так ли это было на самом деле, от ответа дипломатично уклонился, а вторично вернуться к этой теме не позволили обстоятельства.

Некую интригу, но уже в конце того же апреля добавил Рябов, своим выступлением в институте перед историками и архивистами. Он сказал: «Я абсолютно убеждён, что последнюю точку должно поставить в этой истории нравственное погребение казнённых. Я абсолютно убеждён в том, что правительство наше сейчас должно принять нравственное решение. Я уже не говорю о том, что Англия этим всем взбудоражена, то, что до меня оттуда доходит, свидетельствует об этой взбудораженности. Елизавета Вторая должна приехать сюда, и Михаилу Сергеевичу Горбачёву (я слышал в передаче Би-Би-Си) придётся дать ответ на трудный вопрос английской королевы, придётся ответить: как, когда и при каких обстоятельствах погибли её родственники, где их могила и можно ли её посетить. Так что на эти вопросы действительно нужно отвечать».

Много позднее, в 1993 году, газета «Санди Экспресс» написала: «Эффектная канонизация останков может привести к первому посе-

щению России королевой Великобритании. Королева сказала М. Горбачёву во время его визита в Лондон, что она не посетит Россию до тех пор, пока не будет проведено расследование убийства царской семьи».

Косвенное подтверждение того, что нет дыма без огня, прозвучало и на заседании Правительственной комиссии в сентябре 1994 года, на котором обсуждался вопрос, поднятый владыкой Ювеналием, о предании гласности тех научных достижений и результатов исследований, «в точности которых Комиссия убеждена». Присутствующий на заседании первый заместитель министра иностранных дел И.С. Иванов со своей стороны подтвердил, что такая информация на основании официального заключения крайне необходима для предоставления её в распоряжение иностранного журналистского корпуса.

— Вы знаете, — сказал Иванов, — что визит английской королевы каким-то образом тоже к этому имеет отношение.

Под «этим» зам министра имел в виду необходимость официального подтверждения того, что останки, найденные в окрестностях Екатеринбурга, действительно принадлежат последнему Российскому Государю и Его Семье.

Есть ли связь между посещением Горбачёва Англии и заявлением Иванова на Комиссии, утверждать, конечно, нельзя, но бесспорным фактом остаётся то, что тотчас после возвращения советского генсека в Москву, в том же апреле, на публичной арене с сенсационной находкой Царского захоронения появился Гелий Рябов (то есть что, открытие Рябова и повести в журналах «Родина» и «Огонёк» заранее были подготовлены, или так идеально совпало чудесным образом?).

Здесь очень важно ещё раз вспомнить, что публичное явление Рябова произошло в советское время, и то, что никто тогда шестую статью Конституции не отменял. ЦК КПСС с Политбюро во главе осуществляло верховная власть, КГБ функции свои не утратило, цензура, несмотря на «перестройку» и некоторое послабление, продолжала определять рамки дозволенной свободы, а коммунистическая идеология неизменно утверждала «социалистический выбор», вместе с «бессмертным ленинизмом», о чём не переставал со всех трибун провозглашать Горбачёв. Страна в 1988–1989-е годы «ещё

была оккупирована большевизмом». Так писал в своих воспоминаниях соратник Горбачёва, А.Н. Яковлев, в своё время «непосредственный куратор идеологии». Понятно, что в 1989 году никакая серьёзная политическая акция без кураторства отдела Агитации и Пропаганды ЦК КПСС и других контролирующих органов, инициативой каких-то частных лиц, тем более публично, произойти не могла. И если внимательно проанализировать всё, что связано с историей Царских останков, то становится очевидным, что не с небес свалился вдруг в одночасье Гелий Трофимович.

На Олимп всемирной славы вознесён он был Советской властью, которая и определила его в авторы сенсационного открытия. Тогда Рябов полностью соответствовал по всем своим анкетным данным столь деликатной роли: происхождения социально-близкого, сам бывший следователь, со связями в верховных кругах правоохранительных органов, конечно, член родной партии, и к тому же певец «революционной романтики», а это значит, что с идеологией всё в порядке и в сочинительстве имелся достаточный навык.

После первых газетных выступлений Рябова, которые цензурой и идеологией остались незамеченными (следовательно, всё было согласовано и разрешено), появился его, выше уже упоминаемый, более объёмистый труд, напечатанный в двух журнальных номерах с комментарием Генриха Зиновьевича Иоффе (ученика небезызвестного советского историка Минца) который уже, правда, с оглядкой ловкого царедворца, начал мимикрировать из ортодоксального марксизма в перестроечный «либерализм». Он как бы осуществляет некую контрольно-энциклопедическую функцию, сохраняя при том характеристические оценки, присущие коммунистической идеологии. «Для Соколова, — пишет Иоффе, — то, что произошло в ипатьевском доме, — только жестокое преступление, для большевистских мемуаристов-уральцев это выполнение пусть и сурового, но революционного долга. Следователь Соколов выдвинул версию, вслед за которой она повторялась и повторяется во многих зарубежных изданиях. Суть её сводится к следующему: Романовы были расстреляны по секретной директиве Москвы. Чтобы доказать это, Соколов проделал гигантскую работу. Её юридический, следовательский характер был, однако, признан политической тенденциозностью (именно это всей своей книгой старается доказать мадам

Розанова. — *А.Г.*) Соколов стремился скомпрометировать революцию, большевизм. Все, кто был так или иначе причастен к Дому особого назначения, представлялись им монстрами, криминальными типами, подвергавшими узников издевательствам и оскорблениям». (То, что стены были все испещрены отвратительными рисунками и бесстыдными надписями — это, по морали советского историка, не оскорбление. — *А.Г.*)

Рябов, конечно, в своей фразеологии заметно отличается от своих предшественников, которые в разные советские годы писали о расправе в подвале ипатьевского дома. Он отступает от грубых политических выпадов, осуждает жестокость самого злодеяния, убийство невинных детей, но всё равно, большевистская суть кое-где выпирает и из него. Век-то ещё был советский и «залп Авроры» продолжал оставаться символом «великого Октября». «Белые искали тела убитых, — пишет Рябов в своей повести, — с одной-единственной целью: подорвать у радикальных элементов мира, у мировой общественности веру в Октябрьскую революцию, гуманизм её конечных целей (вторит вслед за Иоффе. — *А.Г.*). Они хотели обнажить методы красных». Это, оказывается, задевает за генетические струны автора фильма «Рождённые революции». Вспоминая свой визит к сыну Юровского, он писал: «Поздно ночью я вышел к Неве. Город давно затих, прохожих не было. Я медленно шёл к мосту и думал, думал. Чем я занимаюсь? Кому это всё нужно? И вдруг понял: мне. Прежде всего, мне. Мой отец — большевик. Он был комиссаром во время гражданской. И значит, я отвечаю за всё, что происходило тогда». Аромат этого наследственного большевизма в те годы коммунист Рябов ещё не утратил, скорее даже гордился им, но в то же время легко вписывался уже в «перестроечное» вольнодумие, позволяя себе некую неформальную оценку событий послереволюционных лет. А может быть, добросовестно исполнял роль, ему отведённую?

Иоффе где надо подправляет, а где-то выступает в роле идеолога. Так комментируя Рябова по поводу его размышлений о национальности Юровского, Иоффе пишет: «Главная и конечная цель Соколова состояла в том, чтобы доказать, что за спиной екатеринбургских убийц стояли иные, “ненациональные” силы, главным образом евреи. Антисемитизм вообще был идеологическим оружием наиболее

правых кругов белого движения; с ним были связаны расчёты на раскол сил, поддерживающих большевиков и Советскую власть».

Национальный вопрос для Рябова тоже достаточно болезненный, и чтобы осветить эту тему в красках не столь мрачных, он не брезгует в своём сочинении прямым подлогом. А смелость такого шага, которая с высоты нашего времени кажется совершенно невероятной, объясняется очень просто. Свой труд он создавал в советские годы и, конечно, не предполагал, что этот монолитный монстр, нагонявший чуть ли не восемьдесят лет страх по всему миру, вдруг так в одно мгновение бесславно рухнет, а потому был совершенно уверен, что запретная литература, хранящаяся под грифом «сов. секретности», которой он, Рябов, посвящённый, пользовался (опекаемый Щёлоковым), доступна только ему и до широкого читателя не дойдёт. Поэтому он, без особого смущения перевирая подлинный текст, писал: «По данным белогвардейской контрразведки, он, “Яков Мовшев Юровский, 40 лет, еврей, мещанин города Каинска”»... Некое «специализированное» написание имени-отчества Юровского и других евреев в анналах контрразведки (цитату Рябов выписывает, между прочим, не из «анналов белогвардейской контрразведки», а из книги Соколова. — *А.Г.*) вызвано обострённой убеждённостью этого учреждения в том, что революцию задумали и произвели евреи. «Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с характером», — признаёт Соколов и, дописывая страницы, посвящённые Юровскому, замечает: «Его национальности я не знаю». «Что ж, — резюмирует Рябов, — это можно оценить, особенно в наши бурные дни».

У Соколова первая половина приведённой цитаты в полном виде звучит так: «Как техник, имеющий некоторый опыт в раскрытии подлых дел человеческих душ, я отдаю должное истине: Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с характером». Но вот вторая половина приведённого Рябовым текста — это уже фальшивка и поощрение, которым Рябов награждает Соколова, всего лишь ловкий манёвр и достаточно нахальный, рассчитанный, естественно, на неосведомлённого читателя и свою полную безнаказанность. У Соколова на самом деле можно прочесть следующее: «Следствием удалось установить, что из десяти человек (которых в дом Ипатьева привёл из чрезвычайки Юровский. — *А.Г.*) пятеро

были не русские и не умели говорить по-русски... Из остальных пяти один был русский и носил фамилию Кабанова. Другие четверо говорили по-русски, но **их национальности я не знаю**». Что касается национальности самого Юровского, то в этом никаких сомнений у Соколова не было. «Яков Михайлович Юровский — мещанин города Каинска, Томской губернии, еврей, учился в еврейской школе “Талматейро” при синагоге, женился на еврейке Мане Янкелевой» и так далее. Рябов, который, как сам он неоднократно об этом упоминал, книгу Соколова проштудировал основательно, так что никакого объяснения эта его манипуляция с текстом, кроме сознательного обмана, иметь не может. Повествуя о своих изысканиях, в подтверждение их обстоятельности, Рябов говорил: «Прежде всего, конечно, надобно было прочитать основополагающие труды — это “Убийство Царской Семьи” Н.А. Соколова; Михаила Константиновича Детерихса “Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале” и всякую сопутствующую литературу (от Павла Быкова до Воспоминаний Т. Боткиной)». Так что он знал, что писал.

Но это далеко не единственное лукавство, которое себе позволяет Рябов. Он, например, без тени смущения заявляет, что «Медведев и Якимов были расстреляны колчаковцами», он, отлично знавший, что оба умерли своей смертью. Медведева Соколов, к его великому сожалению, даже не успел сам допросить. 29 марта 1919 года он получил справку о том, что Медведев умер в тюрьме от сыпного тифа. А о Якимове в документах следствия имеется Протокол, подписанный начальником Иркутской тюрьмы А. Фёдоровым и товарищем прокурора Иркутского окружного суда В. Смирновым, в котором говорится: «Заключённый Анатолий Александрович Якимов, обвинявшийся в убийстве Государя Императора Николая II, прибыл из Омской областной тюрьмы 26 сентября 1919 года. Он всё время был в заключении в одиночном корпусе, где умер 4 октября 1919 года от чахотки». Зачем понадобилось Рябову их «расстреливать белогвардейцами», не совсем понятно. Только для того, чтобы уязвить белых в том, что и они, как красные, «не брезговали» бессудными расправами, и проявить собственную классовую приверженность. Во всех своих выступлениях и публикациях он постоянно напоминает, что все злодеяния и глумления, которые приписывались екатеринбургским большевикам, есть всего лишь беспредметные выдумки белогвардей-

цев и монархистов, не упуская упомянуть и о том, что Ленин называл когда-то главного расстрельщика «надёжнейшим коммунистом».

Не известно, как бы дальше развивались события, просуществоуй Союз Советских Социалистических Республик ещё несколько лет. Скорее всего к приезду Королевы Великобритании Царские останки были бы благополучно извлечены из коптыковской дороги, «достоверно», без всяких «особых мнений» и публичных протестов идентифицированы, удостоверены подписями Академий, научно-исследовательских лабораторий и выдающихся авторитетов из мира творческой и передовой «интеллигентности», под отеческим покровом родной партии. Опыт таковой в Отечестве нашем был многолетний и примеров тому не счесть. Вспомнить хотя бы Катынь.

Но советская власть рухнула, и процесс вышел из-под контроля. Вслед за крахом всей партийной системы и развала КГБ естественным образом прекратила своё существование цензура. С этого момента история обнаружения Царских останков стала предметом широкого общественного обсуждения, породив, прежде всего, мощную волну сомнения в достоверности самого сенсационно-фантастического открытия, доходившую до утверждения, что эта романтическая находка есть не что иное, как хорошо организованная мистификация по сценарию, составленному (ещё в советские годы) в недрах известного ведомства, чему во многом способствовала сама личность первооткрывателя. Рябов не скрывал, скорее даже бравировал тем, что находился под протекторатом министра внутренних дел, всесильного в те застойно-брежневские времена. В советское время близость к столь высокой персоне очень повышала удельный вес, но уже при «демократии», наоборот, стала вызывать совершенно противоположенную реакцию. На встрече в ресторане Рябов сказал, а может быть, проговорился, что на первом этапе его консультировал популярный автор детективных историй — Юлиан Семёнов, близость которого к чекистским кругам не составляла секрета и который сам на публичной арене не появился, что странно, ибо не того полёта была фигура Ю. Семёнова, чтобы столь заманчивый сюжет с точки зрения мировой сенсации вот так просто отдать на откуп никому не известному сценаристу. Видимо, что-то за всей этой историей стояло, какая-то сила, которая направ-

ляла и курировала весь процесс, где все роли были чётко распределены и «юлиано-семёновская» тоже. Иначе очень трудно объяснить, к примеру, такое внезапное и синхронное появление Рябова и Радзинского с «запиской Юровского», которая, как многие были убеждены, изменила всю картину и полностью опровергла конечный вывод, к которому пришёл следователь Соколов, и такое же, совершенно неожиданное, логически никак не объяснимое, исчезновение Рябова с арены, на которой бушевали страсти вокруг екатеринбургского могильника и где он, казалось бы, играл первостепенную роль.

Этот документ как бы подвёл последнюю черту под всеми ранее существовавшими версиями, снял все вопросы, связанные с различными слухами и легендами, в том числе и всевозможные претензии на чудесное избавление всего Семейства или отдельных его членов от страшной кончины. Удивительным представляется то, что два человека, вовсе между собой не связанные, а скорее всего вообще друг друга не знавшие, одновременно ищут царскую могилу, одновременно её находят и одновременно заявляют об этой находке на весь мир. Причём оба этой темой «заболели» ещё когда существовал дом Ипатьева, снесённый в канун подготовки к празднованию шестидесятилетнего юбилея большевистского переворота. «Я давно пишу историю последнего русского царя Николая Александровича Романова. Начал её в семидесятых», — сообщает в «Огоньке» Радзинский. Может быть, так же как и Рябова, Радзинского, оказавшегося в Екатеринбурге, потянуло к дому Ипатьева, и он уже в густых сумерках долго простоял в скорбном молчании у подвального окна, заложеного кирпичом, за которым когда-то «человек с бородкой» привёл в исполнение приказ, полученный накануне от военного комиссара Шай Голощёкина. В своих сочинениях оба полностью приводят текст «записки Юровского», каждый свой собственный вариант: Радзинский — то, что сам обнаружил в архиве, а Рябов — полученный от сына «исполнителя». Оба текста машинописные с рукописными добавлениями. У Рябова: «Рукой Юровского написано: **“Копия. т. Покровскому дан подлинник 20 г.”**». В экземпляре Радзинского имеются «правки карандашом», вставки на полях, сделанные тем же карандашом и позднее старательно обведённые чернилами. **«Аккуратный, чёткий почерк**, — отмечает Радзинский, — **знакомый почерк человека с бородкой** (члены Ко-

миссии с “почерком человека с бородкой” знакомы не были. — *А.Г.*) В самом конце документа — запись от руки: в ней указано точное место, где сокрыты останки Романовых и всех погибших с ними.

Это любопытная деталь. Место точного погребения указано в экземпляре Радзинского, а могилу с останками на ощупь при помощи самодельного штопора находит Рябов. Радзинский свою «записку» никак не распространяет и уж, тем более, своего конкурента оной не осчастлививляет. И вдруг, десять лет спустя, подводя итог проведённого следствия, прокурор-криминалист Соловьёв написал: «К моменту раскопок Г.Т. Рябов (в конце 1997 года первооткрыватель впервые вновь появился на горизонте. — *А.Г.*) располагал экземпляром “Записки Юровского”, где было указано место захоронения трупов». Рябов сам об «указанном месте», приписанном в конце машинописного текста, никогда не говорил. Радзинского Соловьёв вообще упоминания не удостоивает. Документ этот зачитан был на заседании Правительственной комиссии, где как член этой Комиссии присутствовал Радзинский, который на таковую несправедливость никак не отозвался. Видимо, всё было согласовано.

Итак, обе «записки Юровского» появились в печати в мае месяце 1989 года. Сравнивая опубликованные тексты, можно уверенно говорить, что источник безусловно единый, но это не копии с одного документа, это самостоятельные варианты, как бы переводы с иностранного языка. При сопоставлении обоих вариантов обнаруживается большое количество мелких несовпадений, которые сами по себе никак на общую картину не влияют, но на размышления наводят. Историк Юрий Алексеевич Буранов таковую коллизию объясняет редакторской инициативой сына Юровского. Он в 1958 году, в период хрущёвской «оттепели» после разоблачения так называемого «культа», отослал в Свердловский обком КПСС пакет с документами своего отца, среди которых находилась копия «Воспоминаний комманданта Дома особого назначения». «Внизу машинописного текста, — пишет Буранов, — следовала приписка следующего содержания: “Этот материал передан Я.М. Юровским в 1920 году М.Н. Покровскому, историку. А. Юровский”. «Вот откуда появился 1920 год, — со слов сына цареубийцы», — добавляет Буранов.

Точного места захоронения в «записке» из свердловского партархива не указано, так же, как и в варианте, который получил Ря-

бов, оттого он этой темы не касался. Но прежде чем высылать документы отца, как предполагает Буранов, Александр Яковлевич «раскрыл имевшие место сокращения (например, буквы “А.Ф.” читались теперь как “Александра Фёдоровна”, “ком” — как “комендант”, “Е” — Ермаков и т. д.)».

«Записка», полученная Рябовым от Александра Яковлевича, копией той, что была им в 1958 году отправлена в свердловский обком, не являлась. В рябовском экземпляре Императрица упоминается только в буквенном изображении (А.Ф.), и «ком» остался «комом». Получается, что, во-первых, Юровский-сын произвёл какое-то количество экземпляров «записок» своего родителя, и, во-вторых, каждый экземпляр он не копировал, а позволял себе некоторую вольность в изложении, и это, конечно, сомнительно. Что касается вариантов, опубликованных Рябовым и Радзинским, то их неидентичность объяснить «вольностью» Александра Яковлевича нельзя. Экземпляр, которым пользовался Радзинский, если верить официальной версии, извлечён был из архивного хранения и не Юровским-сыном туда передан. Странно, конечно, что «откровения Юровского», предназначенные для историка и члена Правительства Покровского, разошлись в энном количестве вариаций по разным архивным хранилищам.

О некоторых несовпадениях, которые хоть и не принципиально, но всё же несколько меняют картину, стоит упомянуть. К примеру, в рябовском варианте Юровский *«оставил на охране несколько верховых»*, у Радзинского почему-то вместо всадников появляются *«несколько человек часовых»*. По Радзинскому *«трупы выносили»*, у Рябова — *«переносили»*; *«бриллианты тут же выпарывались»*, а у Радзинского бриллианты — *«переписывались»*. В «записке» Рябова указывается, что *«удаление трупов* и так далее лежало на обязанностях т. Ермакова», у Радзинского: *«удаление трупов и перевозка лежала на обязанности»*... В варианте Радзинского цифры обозначаются словами (*двадцать минут, три аршина, полпуда*), у Рябова: *½ пуда, 20 минут* и так далее. У Рябова: *«Забросав землёй и хворостом, несколько раз проехали»*. В «Записке», опубликованной Радзинским в «Огоньке» существенное добавление: *«Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали»*. Любопытная, кстати, деталь. Интересно, кто сию подробность при-

писал и когда? Таких несовпадений в общей сложности по всему тексту насчитывается более сотни и природу их объяснить трудно.

Сам Юровский-старший вряд ли занимался «тиражированием». В первые годы в этом надобности не было, а позднее ему самому было не до того. Хвастаться таковыми заслугами стало небезопасно. Все его екатеринбургские коллеги по палаческому ремеслу, отличенные в троцкизме, один за другим отправлялись в мир иной. Юровского от расстрельной судьбы спасла, скорее всего, язвенная болезнь, сведшая его в могилу. Высказывалась мысль, что и тут не без посторонней помощи. Но арестовали дочь Риму, большевичку ещё с гражданской войны, секретаря ЦК комсомола, о которой он, лёжа на койке в кремлёвской больнице, уже на пороге Аидова царства, писал Сталину, моля о милости, не упустив, наверное, вспомнить и о своём чекистском прошлом.

Создаётся впечатление, что все эти противоречия в «записках Юровского» искусственного образования и гораздо более позднего времени, смысл которых заключён в том, чтобы убедительно выглядело то, что Рябов и Радзинский действительно получили «записки» из разных источников, что они действительно, несмотря на странную одновременность своего возникновения, работали самостоятельно, независимо друг от друга, без всякого воздействия откуда-то извне.

* * *

Но пора, наконец, вещи назвать собственными именами. Никакой «записки Юровского» на самом деле никогда не существовало. Была «записка», в которой излагалась, с точки зрения большевистских идеологов, картина убийства Государя и Его Семьи, где Юровскому была отведена первостепенная роль. Ю.А. Буранов в 1997 году, давая интервью корреспонденту «Литературной газеты» сообщил, что «документ, автором которого считается Юровский, написан совсем другим человеком». «Я обнаружил в архиве, — говорит далее Буранов, — доселе неизвестный рукописный вариант “Записки” — и сразу стало ясно, что она никак не может принадлежать самому Юровскому: во-первых, это вовсе не его почерк, во-вторых, там

езде повествование о коменданте Дома особого назначения ведётся исключительно в третьем лице — “комендант сказал”, “комендант пошёл”; в-третьих, она написана безукоризненно грамотным человеком, каким Юровский уж никак не являлся». «На Международной научной конференции в Екатеринбурге мной было заявлено, — продолжает Буранов, — что так называемая “записка Юровского” написана отнюдь не им, а академиком Покровским».

Фигура Михаила Николаевича Покровского на большевистском небосклоне известная и весьма заметная: член ВЦИКа, заместитель наркома просвещения, руководитель коммунистической Академии, директор института «красной профессуры». Покровский — участник октябрьского переворота, он крупный политический послереволюционный деятель, главный историограф советского государства. Он присутствует на всех заседаниях верховного органа власти, в том числе и на том, на котором Свердлов сообщил о расстреле в Екатеринбурге.

Записка, известная как «записка Юровского», составлена Покровским спустя несколько лет после расправы над Царской Семьёй, ибо некоторые факты, в ней указанные, заимствованы были из материалов колчаковского следствия (челюсть Боткина, отрубленный палец, труп собачки — об этом большевикам стало известно только из следствия Соколова). Первой ласточкой явилась, в 1920 году, книга Роберта Вильтона «Последние дни Романовых» на английском языке, о которой, вполне естественно, стало известно в высших кругах партийного аппарата Советской России (но у Вильтона «отрубленный палец» не упомянут). В 1921 году на русском языке были опубликованы воспоминания Пьера Жильяра (тоже «пальца» нет). Годом позже во Владивостоке издана была книга генерала Дитерихса, под началом которого работал следователь Соколов. Русский перевод книги Вильтона вышел в 1923 году, а в 1925-м, в Берлине, уже после смерти следователя Н.А. Соколова, был напечатан его фундаментальный труд, основанный на материалах следствия, который уличал сочинение Покровского в фальсификации, ибо, когда академиком оное сочинение создавалось, многие факты, установленные следствием, ни участникам Екатеринбургского злодеяния, ни тем более автору «записки» известны не были.

Для Правительственной комиссии и для следствия, которое вела Генеральная прокуратура, находка Бурановым рукописного ориги-

нала Покровского явилась неприятной неожиданностью, ибо на первом этапе и возбуждённого следствия и работы Комиссии авторство Юровского признавалось абсолютным (надо сказать, что в этом же был уверен и сам Буранов, пока он не обнаружил оригинал «записки», написанный Покровским). Этот документ без всякого сомнения считался «откровением», чуть ли не исповедью главара Царских палачей, а потому воспринимался, как «истина» в последней инстанции. Когда было предано огласке и получило широкий резонанс открытие Буранова, которое никак нельзя было опровергнуть и дезавуировать, эластичное соловьёвское следствие без всяких комментариев приняло этот факт, тут же публично заявив, что сей документ является «свидетельством Юровского, записанным известным историком и государственным деятелем Советской России М.Н. Покровским».

В Справке, представленной в Комиссию как завершающий аккорд всего следственного производства, составленной прокурором-криминалистом Соловьёвым, говорится: «По постановлению Генеральной прокуратуры Федеральным центром судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации проведено полное экспертное исследование “Записки Юровского”, в ходе которого установлена подлинность “записки”. Экспертами дано категорическое заключение о том, что записи были выполнены Я.М. Юровским и членом ВЦИК М.Н. Покровским». В конце приводимого документа, подводя итог всему тому, к чему пришло следствие, Соловьёв резюмирует: «По заключению Федерального центра судебных экспертиз “записка Юровского” является подлинной, текст в ней выполнен рукой академика Покровского М.Н. и Юровского Я.М.», а в 1998 году в журнале «Родина» был опубликован материал прокурора-криминалиста, в котором о «Записке Юровского» он заявил следующее: «Она (Записка. — *А.Г.*) была продиктована Юровским главному хранителю партийных тайн академику Покровскому ещё в 1920 году, когда сведения из “Соколовского” дела не появлялись в печати» (интересно, откуда же тогда Юровский узнал об «челюсти Боткина» и отрубленном пальце, которые Соколов обнаружил на дне шахты под слоем грунта и мусора? — *А.Г.*)

Это, конечно, совершенно голословные заявления. Никаких объяснений, обоснований и тем более подтверждений «категорическому за-

ключению» приведено не было. Никаких документов экспертизы членам Комиссии не было представлено. Как Юровский с Покровским совместно писали «записку», кто что написал, чьей рукой (Покровского?), и вообще почему и для чего они вступили в такое соавторство — понять этого никак нельзя. Заверения Соловьёва не только ничего не объясняют, но скорее наоборот, создают путаницу, порождают дополнительные вопросы и усугубляют скептицизм в отношении проводимого им «расследования». Соловьёв никак не объясняет, почему вдруг Покровский взялся записывать за Юровским его повествование о расправе над Царской Семьёй через несколько лет после самого события. Представить Покровского в роли стенографиста смешно. Не та фигура. Для Покровского чекист Юровский мелкая сошка. Если бы ему для каких-то его профессиональных или политических дел понадобилось опросить Юровского и снять с него показания, то он поручил бы это сделать кому-то из своих подчинённых. Личного интереса у Покровского к Екатеринбургской драме не было, об этом никаких свидетельств не существует. Это Радзинский «очень эффектный сюжет» использовал для своей романтической-драматической эпопеи.

Покровский — государственный деятель и проблемы он решал «государственной важности». И всё же он собственноручно составляет весь текст, но не от имени Юровского, а для Юровского, он не подделывается под Юровского, не пишет от его лица, а называет его «комендантом», подчёркивая этим лишь свою кураторскую роль. Покровскому нужна не «исповедь палача», а политический документ для дальнейшего употребления. Он создавал инструкцию, где чётко была определена последовательность всех действий, что потом Юровский и все участники расстрела и похорон будут слепо повторять. Именно поэтому все они часто противоречат друг другу и то, что происходило на самом деле, путают с тем, что надо было говорить «по предписанию». В конце своего сочинения Покровский делает приписку, которая указывает тайные координаты могилы, то есть фактически формулирует «историческую версию» событий, исходя из требований данного политического момента.

Не случайно «записка» составляется не непосредственно после совершённого злодеяния, не тогда, когда Юровский с документами и вещественными подтверждениями (имеются ввиду царские дра-

гоценности) появился в Москве для отчёта, а несколькими годами спустя. Смешно полагать, что Юровский, с убогим багажом знаний, полученных в еврейской школе при синагоге, понадобился в качестве «соавтора» историку Покровскому. Не исключено, конечно, что он с Юровским виделся, когда тот, покинув Екатеринбург, переехал в Москву и потребовал от него отчёта обо всём, что и как произошло с узниками дома Ипатьева, а может быть, действительно поручил сие кому-то из своего аппарата. Но вполне мог Покровский получить нужные ему сведения и от Филиппа Голощёкина, который, во-первых, по своей партийной принадлежности более соответствовал уровню члена ВЦИКа, а во-вторых, и сам был не только непосредственным участником всех екатеринбургских событий с первых же дней появления Царской Семьи в доме Ипатьева, но и одним из тех, кто имел отношение к принятию решения в их судьбе, непосредственно согласовывая в Кремле все вопросы «деликатного» свойства. В ту трагическую ночь, 17 июля, он бродил возле ипатьевского особняка, прислушиваясь к звукам, оттуда доносящихся, и появился внутри, когда экзекуция была закончена и шум выстрелов затих, а уже на следующий день Голощёкин отправился на рудник и провёл там всю ночь. С ним Покровский мог даже обсуждать саму фабулу своего сочинения и по каким-то деталям пользоваться его советами. Но даже если поверить прокурорукриминалисту, что Покровский за Юровским записал его рассказ, то всё равно понятно, что так называемая «Записка Юровского» — это уже материал, обработанный историком.

Правда, в данном случае не столь важно, каким источником воспользовался Покровский. Ему «рассказ главного исполнителя» нужен был как отправной материал. Он создавал политический сценарий, с кинематографическими эпизодами, написанный в этом смысле очень профессионально и литературно грамотно, что отметил Буранов. Скорее всего, то было решение самых верховных сфер большевистской власти. Время к тому побуждало. Гражданская война практически закончилась. О «похабном мире» уже давно забыли, Колчак расстрелян, барон Врангель покинул Крым. Советская власть утвердилась на большей части территорий бывшей Российской империи. Большевизм праздновал победу. На международную арену выходило новое государство, которому предстояло вступить

на стезю дипломатических взаимоотношений с буржуазным миром. Это обстоятельство обязывало отвечать на вопросы, которые этот мир волновали. Убийство Царской Семьи к тому времени обросло страшными подробностями. С лёгкой руки Вильтона, особенно когда вышел русский перевод его книги, распространялись жуткие слухи о кабалистических письменах в подвале дома Ипатьева и о кровавом шабаше в урочище Четырёх Братьев. Пресса широко растиражировала рассказ Войкова о «массе человеческих обрубков». Для молодой советской власти появление с таким багажом на европейском небосклоне было крайне нежелательно, тем более, что возникали неприятные вопросы о судьбе «немецких принцесс», на которые стало необходимым давать вразумительные ответы (*Приложение № 7*). Приходилось изворачиваться, врать.

Покровскому поручают сформулировать, естественно, для внешнего использования, более благообразную картину расстрела Царской Семьи, введя её в рамки хоть и жестокие, но объяснимые с точки зрения военной ситуации. Нужно было убедить мир, что на руднике никаких раздирающих душу сцен не происходило, что тела расстрелянных вывезли за пределы города и предали без всякого глумления земле. И главное, что могила Романовых существует. На том весь сценарий Покровского и завязан. Покровский ловко переплёл реальные события с собственными измышлениями, но легенду свою он слагал на сведениях, которые ему были доступны в то конкретное время. Тогда он вряд ли предполагал, что через несколько лет появится книга Соколова, написанная на базе протокольных документов следствия, допросов свидетелей и лиц, непосредственно имеющих отношение к убийству, на основании изучения вещественного материала, обнаруженного на месте совершённого преступления.

По «записке Покровского», события развивались следующим образом. Коменданту, то есть Юровскому, было поручено «привести приговор в исполнение». Всё остальное лежало на обязанностях Ермакова (Юровский слепо повторяет: «Развязка возлагалась на меня, а ликвидация на одного из товарищей»). Он должен был заранее найти и подготовить место для сокрытия трупов и в роковую ночь вывезти их за пределы города. Но комендант, подозревая Ермакова в ненадёжности, решил «проверить сам всю операцию до конца». «Вскрывшиеся кражи, так же как и опоздание к расстрелу Ерма-

кова, насторожили Юровского, и, не доверяя разнузданным “товарищам”, он внезапно принял решение лично проверить, как пройдёт захоронение», — уже не без расчёта фантазирует в своей книге Н. Розанова.

Место, которое нашёл Ермаков, оказалось малопригодным для предполагаемой цели (а Вильтон, не раз там побывавший, писал: «Это место было выбрано с полным расчётом и знанием дела. Хотя и раньше этого места по дороге из Верх-Исетска попадались шахты, но они были неудобны, так как там слишком открытая местность. Здесь же место совершенно исключительное. Оно находится между двумя дорогами, сходящимися углом. Со стороны обеих дорог рудник закрыт чашей соснового леса, так что совершенно не виден с дороги. В то же время к нему очень удобно подъехать»). От недобросовестности Ермакова комендант пришёл в ярость. Пришлось на ходу решать проблему. «В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту» (то есть тут же ночью), куда свезли трупы. Там их раздели и сбросили в эту шахту. «Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения». (Если шахту только что отыскивали, то как могло быть заранее известно, что она предназначена в качестве перевалочной базы? Таковая ситуация возможна лишь только в том случае, если Покровский обвинил Ермакова в «ненадёжности» несправедливо; здесь, как часто в показаниях свидетелей, происходит путаница того, что было, с тем, что должно было быть по «записке Юровского». — А.Г.). К вечеру комендант, оставив охрану, уехал с докладом в Уралисполком, где донёс на плохое исполнение поручения Ермаковым и получил сведения, что на девятой версте по Московскому тракту имеются глубокие шахты, подходящие для погребения.

Это живописание сочинёно пером историка Покровского. Документы следствия Н.А. Соколова рисуют иную картину. Все эти коллизии с Ермаковым, неизвестно почему определённым на роль «мальчика для битья», и с комендантом, будто бы впервые попавшим на рудник в урочище Четырёх Братьев, полностью изобретены Покровским. Ему нужно, чтобы Ганина Яма и рудник в урочище никак не привлекали к себе внимания, чтобы создалось впечатление, что с самого начала Ганина Яма была непригодна для сокрытия

следов преступления. На самом деле комендант Юровский эти места хорошо знал и не раз там бывал вместе с Ермаковым. За несколько дней до убийства Царской Семьи их видели на коптяковской дороге и у урочища Четырёх Братьев. Покровский, когда сочинял свою «записку», не задумывался над тем, что через несколько лет появится документальный труд следователя Соколова, в котором будут представлены свидетельские показания, уличающие советского историка во лжи.

Крестьянин Волокитин, допрошенный следователем Н.А. Соколовым, рассказал: «Я шёл в Екатеринбург той дорогой, что идёт из Коптяков. На этой дороге я встретил трёх всадников, ехавших верхами в сёдлах. Двое из них были мадьяры. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор. Ехали они, направляясь прямо к переезду № 184, к Коптякам. Юровский ещё перекинулся со мной несколькими словами, спросил меня, много ли ягод». Через день или через два Волокитин там же снова встретил Юровского. На этот раз он ехал в легковом автомобиле, тоже не один и тоже в том же направлении на Коптяки. Крестьянин Волокитин был не единственным, кто видел Юровского. В те же дни с Юровским встретился горный техник Фесенко, который в этой округе проводил разведку местонахождения руд. В протоколе допроса было записано: «Однажды во время работ, когда И.А. Фесенко подходил к завороту с дороги к Исетскому руднику, в местности около Четырёх Братьев, он видел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух незнакомых лиц, одного из которых рабочие называли Ермаковым. Юровского он знал до этого. Ехали они по направлению от Верх-Исетского завода к деревне Коптякам. Встретясь с ним, они спросили его сначала, чем он тут занимается. Он объяснил им, что занимается разведкой руд. Тогда они спросили его, можно ли будет проехать по той дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике и при том, что им нужно провезти пятьсот пудов хлеба. Он, Фесенко, сказал им, что дорога, кажется, хорошая: проехать на автомобиле можно. Разговор с ним вёл более Юровский». В том же протоколе есть ещё одно свидетельство: «В тот же день, — говорится в нём, — когда проезжали эти лица, ехали по той же дороге из города Екатеринбурга на свою дачу с кучером жена И.В. Ускова, которой попали на-

встречу Юровский и Ермаков. Ускова разговаривала с ними». Следователь Н.А. Соколов сделал следующий вывод: «один день отделил встречу с Фесенко от первой встречи с Волокитиным. 14 июля Юровский искал путь к руднику. 15 июля, встретясь с Волокитиным, Юровский ехал расчищать уже известную ему дорогу, по которой он собирался везти трупы. Встретясь с Фесенко, он эту дорогу ещё пока высматривал».

Далее по «повести» Покровского комендант отправляется на поиски тех самых глубоких шахт на Московском тракте, о которых он узнал в Уралисполкоме, и к вечеру снова вернулся в город, где предпринял бурную деятельность по добыванию всего необходимого: керосина, кислоты, верёвок, чтобы вытаскивать трупы из шахты, телег, на которых ночью, в половине первого, со всем этим грузом отправился назад к Ганиной Яме. Когда рассвело, трупы вытащили. «Возникла мысль — хоронить тут же». Начали рыть яму, но работу пришлось приостановить. Появился кто-то нежелательный. (Как попал этот тип к самой шахте, когда всё кругом было оцеплено всадниками и пешими красноармейцами, которые никого не пропускали, о чём в следственных документах масса свидетельств, Покровский не утруждает себя объяснением. Ему нужно, чтобы урочище Четырёх Братьев стало непригодным для сокрытия трупов). «Пришлось бросить дело». Весь день провели в ожидании вечера и в девять часов «отправились в путь».

Документы следствия Н.А. Соколова иначе представляют все события этих двух суток, происходивших на коптяковской дороге и Ганиной Яме. Как сообщил путевой сторож Лобухин, грузовик мимо железнодорожного переезда прошёл в ночь на 17 июля **по объездной дороге**. Пройдя некоторое расстояние на Коптяки, грузовик свернул влево и дошёл почти до самой открытой шахты. «Ранним утром 17 июля, — пишет Н.А. Соколов, — было прекращено движение по коптяковской дороге. Нет сомнения, таинственный грузовой автомобиль прошёл из Екатеринбурга к Коптякам под покровом ночи. Он не приходил в Коптяки и скрылся где-то в лесу. Рудник в урочище Четырёх Братьев был целью его достижения».

У «Четырёх Братьев» от коптяковской дороги в сторону рудника вела дорожка, называемая местными жителями «свёрткой». Возле этой «свёртки» утром того же дня, когда прошёл грузовик, оказа-

лось несколько крестьян из Коптяков, которые отправились полубопытствовать, услышав что с шувакинской стороны чуть ли не целая сибирская армия движется на Екатеринбург. Там их остановил конный патруль. Допрошенный Н.А. Соколовым крестьянин Швейкин показал: «Я очень даже хорошо могу сказать, что след (от грузовика) был здоровенный и по коптяковской дороге, и по той свёртке с коптяковской дороги, по которой к нам красноармеец выехал. След с коптяковской дороги так и пошёл по этой повёртке. Он хорошо был замечен по повёртке. Видать было, что недавно, только что перед нами проехали. Я так определяю, что это был след от автомобиля: больно он был здоровый: и широкий и глубокий и траву, как есть, всю по повёртке в улок положил».

Следы от грузовика через два дня после снятия блокады на коптяковской дороге видели крестьяне, которые «ходили к ямам, в местности Четырёх Братьев для обследования, что именно могли там делать красноармейцы». Их показания записаны в протоколах следственного Дела. Бабин, житель Коптяков, там побывавший со своими однодеревенцами, был опрошен по поручению Н.А. Соколова. В протоколе допроса было записано: «На свежепроторенной дороге, на расстоянии 100 сажен от коптяковской дороги Бабин видел колеи от автомобильных колёс». Лесничий Редников, допрошенный Н.А. Соколовым, сообщил следующее: «Первая дорожка от Четырёх Братьев имела следы автомобиля. Следы его здесь были совершенно ясные. Тяжёлый автомобиль шёл здесь, проложил громадный след, поломал и повывернул много молодых деревьев вдоль колеи дороги. След автомобиля доходил до самой открытой шахты и здесь кончался».

Это первый грузовик, который проехал ночью и привёз безжизненные тела из ипатьевского дома. На допросе начальника Екатеринбургского уголовного розыска Кирсты заведующий гаражом П.А. Леонов показал: «17 июля 1918 года были потребованы комиссаром снабжения фронтом Горбуновым пять грузовых автомобилей, причём на одном из таковых, по тому же требованию, были помещены две бочки бензина. Автомобили эти возвратились обратно так: 18 около 7 часов утра пришли два средних грузовика, на одном из них были две пустые бочки от бензина (значит, две бочки бензина были израсходованы в первые сутки. — А.Г.), два маленьких грузовика возвратились около 9 часов утра того же 18 июля».

На основании показаний путевого сторожа Лобухина и других свидетелей следователь Н.А. Соколов зафиксировал, что поздно вечером 17 июля и днём 18 июля через перегон № 184 прошло два автомобиля, гружённые бочками с бензином и ящиками, обвязанными верёвками, с серной кислотой. Грузовики, миновав перегон, вскоре останавливались. На рудник бочки и ящики перевозились на лошадях. Кувшины с кислотой на Ганиной Яме были извлечены из деревянных ящиков, обгорелые доски от которых были приобщены к Делу, как вещественные предметы следствия.

Грузовик с бочками видел инженер В.С. Котенов. Он рассказал, что 18 июля из города отправился в Коптяки, где у него была дача. После перегона № 184, проехав несколько «десятков сажень», он был остановлен красноармейцами. На поляне в стороне стояли грузовой автомобиль и вороная лошадь, запряжённая в коробок. Дальше ехать ему запретили и велели поворачивать назад. Он попросил напиться, ему указали на грузовик. «На автомобиле стоял железный бочонок от бензина, — показал Котенов. — Я сел на бочонок и стал пить воду из медного кувшина. Сидя на бочонке, я его покачивал и чувствовал, что бочонок был пуст». Позднее, когда на Ганиной Яме велись Соколовым изыскательские работы, Котенов, как инженер, занимался откачиванием воды из шахты.

Оба грузовика, опустошённые, часов в пять–шесть 18 июля пересекли снова перегон в сторону Екатеринбурга, а несколько позднее уже из города проследовал на рудник легковой автомобиль, в котором сидело четыре человека. Крестьянка Берёзовского завода Екатерина Привалова, допрошенная Н.А. Соколовым в качестве свидетеля, рассказала: «В прошлом году, летом, во время сенокосов, я помню, что через наш перегон (№ 803) прошёл по направлению к Коптякам грузовой автомобиль. В этом автомобиле было две–три бочки. Помнится мне, что в этот же день прошёл также к Коптякам легковой автомобиль. В нём сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только одного: Голощёкина. Я раньше его видела и в лицо знала. На другой день рано утром, на зорьке, этот автомобиль назад пошёл. В нём опять сидел Голощёкин с несколькими людьми. Он сидел в автомобиле и спал». А свидетель, священник Иуда Прихотько, Голощёкина в лицо не знавший, подтвердил, что он тоже видел легковой автомобиль, в котором сидели люди и «все развалившись спали».

Н.А. Соколов считает, что Голощёкин побывал на руднике дважды. «В последний раз, — пишет он, — Голощёкин поехал туда вечером 18 июля и возвратился в Екатеринбург утром 19 июля, пробыв на руднике всю ночь». Днём 17 июля Голощёкина на руднике видел австриец Мейер, о чём он сообщил в интервью немецкому журналу. (Это тот самый Мейер, о котором в 1993 году в документе на имя Председателя Правительственной комиссии Ярова упоминал Соловьёв.) Мейер сообщил, что он с двумя членами военно-революционного комитета утром, 17 июля, отправился на Ганину Яму. «Когда мы приехали, — говорится в интервью, — то горело несколько костров, вокруг которых сидели красноармейцы. Голощёкин, Белобородов, Войков и Юровский стояли в группе отдельно, недалеко от которой Ермаков спал около костра. Мёртвые лежали ещё завернутые в шинельное сукно на краю шахты». (Мейер со своими коллегами выехал из Екатеринбурга после десяти утра на лошади, запряжённой в коляску. До рудника от города в общей сложности около двадцати километров. Следовательно на Ганиной Яме появиться он мог не ранее 12 часов дня.)

Грузовой автомобиль ушёл с рудника в ночь на 19 июля. Путьевой сторож Лобухин и его сын Василий видели, как он шёл через переезд в город. Я.И. Лобухин был допрошен Н.А. Соколовым. Он показал: «Пропуску не было дня три. В эти дни приезжало из города ещё три автомобиля и, как мне помнится, все три грузовые. Помню я, что на одном была бочка пудов на двадцать. В последний самый день уже вечером от Коптяков прошёл грузовой автомобиль. Прошёл он через переезд. Этот автомобиль в логу и засел в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась, потому что скоро к моему колодцу подъезжал коробок. В коробке, как я издали видел, была бочка (бочку увидел издали, а вот костра-то заметить никак не мог. — А.Г.). Налили они в бочку воды и уехали к логу... За ночь они там целый мостик выстроили: из шпал и тёсу из моей горотьбы. Это я уже потом тёс назад взял» (тёс забрал, но никаких следов от копания и от костра Лобухин не увидел во что, конечно, поверить трудно, ибо скрыть следы такового «заметного» присутствия практически невозможно. — А.Г.).

Крестьянка из Верх-Исетского завода видела этот грузовик, когда он проезжал через Верх-Исетск. Она рассказала следователю

Соколову: «Часов в шесть–семь утра я была на улице и вижу один за другим едут по направлению от леса, из Коптяков, к городу автомобили. Два легковых, а сзади один грузовой автомобиль. У него левое заднее колесо было обмотано толстой верёвкой».

Если в очень общих чертах сравнить то, что писал Покровский, с тем, к чему пришло следствие Н.А. Соколова, то выглядеть это будет примерно так: по Покровскому, комендант, «благополучно» завершив экзекуцию в подвале ипатьевского дома, отправился по собственной инициативе сопровождать тайный груз куда-то в неизвестность, подозревая в недобросовестности Ермакова, ибо ему самому поручено было только «привести в исполнение». К шести, семи часам утра отыскивали заброшенные шахты. Юровский расставил охрану и разогнал лишних. Трупы раздели и сбросили в шахту, побросали туда гранаты (этим Покровский объяснил найденный «белогвардейцами» палец; конечно, заявление сие не серьёзное — следствие 1919 года определило, что палец хладнокровно отрезали; наверное, кольцо, которое было на нём, как другие, снять не получилось или Соколов не обнаружил то, что сгорело; уровень современной экспертизы на этот вопрос мог бы дать ответ исчерпывающий), а тем временем выпарывали бриллианты и жгли одежду. В 10 часов утра (17 июля) Юровский, оставив охрану, уехал в Екатеринбург. Вернулся на шахту в ночь (из города выехал уже в первом часу) на 18 июля на лошади с добытым горючим. Приехал на рассвете. Стали вытаскивать из шахты трупы и копать яму для погребения, потом раздумали и, дождавшись ночи, поехали хоронить в другое место. Никто из Екатеринбурга за это время не навевался, никаких грузовых и легковых оказий не было, ничего в бочках не привозили. За двое полных суток только и успели, что раздеть, сбросить в шахту да вытащить оттуда, а всё остальное время жгли костры, отгоняя мошкарку, да шелушили яйца, которые по требованию Юровского, накануне кровавой ночи, в особняк Ипатьева принесли монашенки. Соколов приводит показания монашки Антонины: «15 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока и яйца велел упаковать в корзину». (Заказывая монашенкам приготовить корзину яиц к определённому дню, он что, беспокоился о харчах для Ермакова, ибо сам,

по Покровскому, предназначен был на роль исполнителя и своего участия в «похоронах» не предполагал; на самом деле на Ганину Яму он готовился основательно, только вовсе не для контроля за Ермаковым.) Резюмируя показания монашек, Соколов написал: «15 июля ранним утром Юровский уже собирался на рудник и заботился о своём пропитании».

По свидетельству лиц, которых допросил Н.А. Соколов, события этих двух суток проистекали в гораздо более бурном темпе, нежели представленные советской историографией, и включали в свою орбиту ряд людей, между собой совершенно не связанных, которые со своей стороны, по-разному, естественно, никак не согласованно, но в принципе представили картину единую и достаточно убедительную, которую при объективном подходе невозможно без всякого серьёзного анализа просто так проигнорировать. Если, конечно, не было на то «указания».

То, что сочинил Покровский, вопросов не вызывает. Он занимался не расследованием, а создавал схематическую версию расстрела Царя и Его Семьи, исходя из политических соображений, и это вовсе не его личная историческая точка зрения, нет, это заказ советской власти, который, как представитель этой власти, посвящённый во все её тайны, и как профессионал, он чётко сформулировал в директивную концепцию для всех лиц, причастных в той или иной степени к екатеринбургским событиям, и для публичного распространения, если к тому появится необходимость — это, во-первых, а во-вторых, следственное дело Н.А. Соколова ему доступно не было. Старший прокурор-криминалист Соловьёв, который вдоль и поперёк проштудировал всё следствие Н.А. Соколова и его книгу (так же как и Рябов), не счёл нужным во всех своих собственных следственных «изысканиях» и документах, им составленных, проанализировать те моменты, которые вступают в противоречие с так называемой «запиской Юровского», из чего можно сделать уверенный вывод, что Соловьёв вовсе не искал истину, о чём он на первых порах заявлял, как мне, во всяком случае, казалось — нелицемерно.

23 января 1998 года Соловьёв представил в Правительственную комиссию документ, завершающий проведённое им следствие по

факту убийства Николая II и Его Семьи, на основании которого Генеральной прокуратурой было официально заявлено, что найденные под Екатеринбургом Авдониным и Рябовым ещё в 1978 году останки являются останками Царской Семьи и лиц, разделившими с ними их горькую судьбу.

Документ сей состоит из трёх разделов:

Первый: **«Справка о вопросах, связанных с исследованием и гибели семьи бывшего российского императора Николая II и лиц из его окружения, погибших 17 июля 1918 года в Екатеринбурге».**

Второй: **«Сравнительный анализ документов следствия 1918–1924 гг. с данными советских источников и материалами следствия 1991–1997 гг.»**

Третий: **«Проверка версии о так называемом “ритуальном убийстве” семьи бывшего императора Николая II и лиц из его окружения в 1918 году».**

«Справка» — это очень краткое литературное изложение как бы всех исторических событий, связанных с расстрелом Царской Семьи и последующим сокрытием трупов. Особо подчёркивается, что решение о расстреле было принято уральскими властями без всякой причастности Москвы к этой расправе, делается также беглый обзор по книге и следствию Н.А. Соколова, даётся перечень известных документов, к тому относящихся, и воспоминаний, оставленных лицами, участвовавших в сей кровавой драме. Заключает «Справку» короткое резюме Соловьёва: «Сравнение следственных документов Н.А. Соколова с данными, приведёнными участниками расстрела и захоронения, и материалов настоящего следствия показывает их непротиворечивость». Насчёт «непротиворечивости» Соловьёв, конечно, выразился очень самоуверенно.

«Сравнительный анализ» — это тоже пересказ всего уже давно известного, также без всяких криминалистических открытий, сделанных в процессе нового дознания, без признаков действительно серьёзного расследования «уголовного дела», но в более развёрнутом изложении, чем в первом разделе. Начинается этот раздел с короткого пересказа колчаковского следствия, потом, наоборот, следует довольно объёмный кусок текста, посвящённый «обстоятельствам расстрела и уничтожения трупов, изложенными в воспоминаниях участников событий», где приводятся с широким цитировани-

ем фрагменты известных мемуаров, которые оставили сами екатеринбургские палачи, (начиная, естественно, с главного «исполнителя»), как добровольно, так и по необходимости на допросах. Почти полностью приводится текст Покровского, выдаваемый за авторство Юровского, и выступление последнего перед старыми большевиками в 1934 году. Не забывает Соловьёв рассказать всю историю поисков и находки Авдоным и Рябовым вместе с протоколом вскрытия захоронения в 1991 году.

Предваряет вторую часть труда старшего прокурора-криминалиста краткое повествование о том, как происходили события с точки зрения проведённого им уголовного расследования. Так как эта «преамбула» демонстрирует полное отсутствие самостоятельности, и каких бы то ни было признаков следственно-юридических изысканий, не лишнее будет привести этот текст полностью.

«В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в полуподвальном помещении дома Ипатьева по Вознесенскому проспекту города Екатеринбурга по решению Президиума Уралсовета были расстреляны бывший российский император Николай II (Николай Александрович Романов), бывшая императрица Александра Фёдоровна, царевич Алексей Николаевич, великие княжны Ольга, Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, а также лейб-медик Боткин Е.С., комнатная женщина Демидова А.С., повар Харитонов И.М., и лакей Трупп А.Е.

Их трупы первоначально были вывезены в район урочища Ганина Яма в 15 км от Екатеринбурга в 2 км от деревни Коптяки, где утром 17 июля 1918 года трупы раздели и бросили в Открытую шахту, одежду и обувь сожгли, драгоценности изъяли.

Утром 17 июля 1918 года в связи с тем, что место сокрытия трупов было **выбрано неудачно**, Юровский Я.М. около 10 часов выставил караулы (а до этого что, никакой охраны не было? из “Записки”, например, известно, что на Ганиной Яме прибывший грузовик встретила команда Ермакова. — А.Г.) и отправился в Екатеринбург для того, чтобы решить с руководством Уралсовета вопрос о новом месте захоронения либо уничтожения трупов. Сафаровым Г.И., Голощёкиным И.И. и другими было принято решение о том, чтобы часть трупов сжечь или обезобразить кислотой и захоронить в разных местах, а часть бросить в глубокие шахты, расположенные вблизи Московского тракта.

Для этих целей было выделено около 170 л серной кислоты и бочка бензина, ёмкостью около 10–12 пудов. (Соловьёв не утруждает себя необходимостью документально подтверждать факты, им провозглашаемые. На каком основании он категорически заявляет, что на Ганину Яму была доставлена одна бочка бензина, не опровергнув сведения следствия Соколова, которые сообщают иную информацию? — *А.Г.*). Достать трупы из шахты поручили П.З. Ермакову. В течение всего дня 17 июля 1918 года Я.М. Юровский занимался поисками возможного места сокрытия трупов и осматривал глубокие шахты. Вернулся он в Екатеринбург только около 20 часов. В район Ганиной Ямы он направился около 0 час. 30 мин. 18 июля 1918 года и около 7 часов утра проследовал переезд № 184 Горнозаводской линии в сторону деревни Коптяки. Утром 18 июля 1918 года под руководством П.З. Ермакова из “открытой шахты” достали все трупы расстрелянных. Трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками. Мнения участников **операции** (так эта экзекуция классифицируется постсоветским и очень “религиозным” представителем Фемиды. — *А.Г.*) о том, куда девать трупы разделились — одни предлагали закопать их посреди дороги, а дорогу заездить, другие — отвезти к Верх-Исетскому пруду (по-Соловьёву оказывается “закопать посреди дороги” “похоронщики” собирались уже на Ганиной Яме и вовсе не от того, что “застряли окончательно”. — *А.Г.*). По указанию Юровского выкопали яму, но каким-то образом через оцепление к Ганиной Яме подошёл знакомый П.З. Ермакова. Опасаясь, что место захоронения может быть раскрыто, Юровский приказал зарыть и замаскировать яму. Для того, чтобы не раскрыть секрета, по словам Юровского, до темноты 18 июля 1918 года трупы находились в районе Открытой шахты. В ночь выехали из этого района и держали направление на Сибирский тракт (выше назывался Московский тракт. — *А.Г.*). Трупы везли сначала в телегах, а затем их переложили в грузовик. Грузовик по дороге два раза застрял настолько, что для того, чтобы его вытащить, пришлось сгружать трупы. Неподалеку от переезда 184 км. около 4 час. 30 мин. в Поросянковом логу грузовик застрял окончательно и его не могли вытащить в течение двух часов (полная каша; в половине пятого грузовик застрял, два часа его вытаскивали, в семь часов утра грузовик видели уже в Верх-Исетске: когда же жгли и хоронили? — *А.Г.*).

Я.М. Юровский принял решение о захоронении трупов посредине дороги на Коптяки в районе переезда № 184.

В своих воспоминаниях (имеется в виду “Записка” Покровского. — А.Г.) Я.М. Юровский так описал действия команды по уничтожении трупов: “Потом похоронили тут же, под костром, останки, и снова разложили костёр, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных. Часам к 7 утра яма, аршина в 2 (1,7 м) глубины, 3 (2,5 м) в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне — этого места погребения белые не нашли”».

Следуя за описанием события в Поросёнковом логу, которое как юридический факт было принято постсоветским следствием, можно отметить, что вся похоронная процедура проходила при ярких солнечных лучах, и что после того, когда была вырыта яма, ещё не менее часа пришлось провозиться с самим сокрытием трупов и заметанием следов своего присутствия. Следовательно, в возвратный путь похоронная команда отправилась уже в девятом часу утра. Сторож Лобухин со своими домочадцами, надо полагать, к тому времени давно бодрствовал, но, по Соловьёву, как и по Юровскому, видеть, конечно, ничего не мог.

Заканчивает Соловьёв как бы вступительную часть документа, подводящего черту под всеми баталиями вокруг екатеринбургских останков, черту, что следует особо подчеркнуть, не соображением частного лица, а именем Генеральной прокуратуры РФ, то есть высшим судебно-надзорным органом страны, следующим заявлением:

«На протяжении многих лет представителями русской эмиграции широко популяризировалась версия следователя Н.А. Соколова о том, что погибли все члены царской семьи, а их тела в районе брошенных шахт в урочище Ганины Яма расчленены и сожжены. Демонстрировались даже мелкие фрагменты костей “сожжённой семьи” (на счёт “демонстрации” — это не юридический факт, а домысел Соловьёва. — А.Г.). После обнаружении останков царской семьи у значительной части лиц, интересующихся проблемами,

связанными с судьбой царской семьи, возникло стойкое предубеждение против “екатеринбургских останков”, обнаружение которых трактуется как “фальсификация, сделанная органами ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ или КГБ для того, чтобы ввести в заблуждение мировую общественность”. К этому добавляется попытка значительной части оппонентов представить убийство как “ритуальное”, связанное с “отчленением голов” членов царской семьи. Обыгрываются как “кабалистические” цитаты из стихотворения Гейне и некие четыре знака, найденные следователями в комнате, где была расстреляна царская семья. Доводятся до абсурда некие “существенные противоречия”, якобы имеющиеся в белогвардейских документах следствия и дознания в воспоминаниях “советских участников расстрела и захоронения” (криминалист столь высокого ранга не должен был бы делать голословные заявления о “неких противоречиях”, но доказывать их несостоятельность, как писал в своей книге колчаковский следователь, “языком юридических фактов” — А.Г.)».

Заявление безапелляционное, достаточно резкое в адрес «оппонентов», которые копаются в «белогвардейских» документах, объявляющее «абсурдным» всё, что не соответствует выводам Генеральной Прокуратуры и позиции Правительственной комиссии, заявление, составленное языком не юридической аргументации, а декларативно-бюрократическим с явным нескрываемым оттенком ведомственного превосходства. Можно было бы полагать, что на последующих сорока страницах текста появятся аргументы, основанные на фактическом материале, добытом в ходе проведения следствия, которые, поставив все точки над «i», убедительно разрешат все «существенные противоречия», или во всяком случае достаточно весомо ответят на критику той самой «значительной части оппонентов, стойко предубеждённой против екатеринбургских останков». Такого не произошло и «противоречия» сняты не были, а потому на некоторые, и прежде всего на те, которые сохранились в советских источниках, стоит обратить внимание.

Наверное, самым уязвимым для прокурора-криминалиста является всё, что связано с личностью Петра Захаровича Ермакова. Он всю свою жизнь, во всяком случае то, что известно, находился в «противоречии» с официальной точкой зрения. Соловьёв в своём «завершающем документе», в котором он дал краткие характери-

стики всем большевистским авторам, оставившим воспоминания о своём участии в расправе с Царской Семьёй, написал: «Воспоминания Ермакова П.З. отличаются от других стремлением автора подчеркнуть свою роль в организации расстрела и захоронения. Во всех своих воспоминаниях П.З. Ермаков указывает на то, что все трупы были сожжены. Ряд деталей его воспоминаний вызывают серьёзные сомнения». Какие детали имеются в виду прокурором-криминалистом, не уточняется.

То, что многое из воспоминаний Ермакова вызывает недоверие, вполне справедливо и с этим утверждением Соловьёва можно согласиться, но только в том случае, если признать, что все прочие «мемуаристы-коллеги» Петра Захаровича также чистоплотностью не отличались. Все лгали, всякий на свой манер, и, прежде всего, сам комендант дома Особого назначения. «Нет никаких оснований для того, — писал член Правительственной Комиссии С.А. Беляев в статье “Доказательная ценность данных” уже после завершения следствия в 1998 году, — чтобы документы, вышедшие из-под пера участников этого преступления, воспринимать и назвать раскаянием преступников, их исповедью, а ведь только в этом случае можно относиться к ним с полным доверием».

Соловьёв уличает Ермакова в претензии его на исключительность своей роли во всей истории, связанной с расстрелом Царской Семьи, имея в виду, главным образом то, что тот приписывал убийство Николая II лично себе. Но разве он в этом был одинок? Другие участники расстрела также заявляли о своём приоритете. На роль «застрельщика» Государя, к примеру, претендовал Медведев-Кудрин. Фрагмент из его воспоминаний приводит Соловьёв. Момент финальный. Юровский уже произнёс расстрельный приговор. Боткин какой-то задаёт вопрос. «Юровский хочет ему что-то ответить, — пишет Медведев-Кудрин, — но я уже спускаю курок моего “браунинга” и всаживаю первую пулю в царя. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая почти в упор» (то есть все трое одновременно. — *А.Г.*).

В общем можно даже предположить, что и не особенно они все лукавили. После слов Юровского (если он на самом деле произносил речь) каждый поторопился выстрелить первым и выстрелить в Царя, и каждому, может быть, искренне казалось, что именно его

пуля была «роковой». И каждый впоследствии сдал свой пистолет как величайшую реликвию в музей «Революции». Тот же Медведев-Кудрин уже, когда выстрелы затихли, вспоминал: «Мы с Ермаковым шупаем пульс Николая — он весь изрешечён пулями, мёртв» (по Покровскому — убит одним выстрелом Юровского. — А.Г.).

В конечном счёте, кто из них главный убийца, значения особенного не имеет. Важно, как распределяет их роли старший прокурор-криминалист. Естественно, первенство Юровского признаётся без всякого сомнения: он зачитал приговор, он произвёл первый выстрел и этим выстрелом убил наповал Николая II. О претензиях Медведева-Кудрина на первенство в царевубийстве Соловьёв даже не вспоминает, а вот Ермакова в амбициях уязвляет. И не случайно. Ермакова нужно хулить по любому поводу. Таковую роль ему определил сам историк Покровский. «Записка» с того и начинается, что Ермаков вовремя не явился, опоздав на два часа. Причём Юровский (по этой записке) очень взволнован этим обстоятельством. «Время лишнего ожидания, — говорится в ней, — не могло уж не содействовать некоторой тревожности, ожидание вообще, а главное, ночи короткие». Но вот интересно, что этого тревожного момента вовсе не заметил Медведев, но не Кудрин, другой Медведев, Павел, который был арестован и давал очень подробные показания члену Екатеринбургского окружного суда Сергееву, называя всех лиц, участвовавших в расстреле, лукавя только о своей собственной причастности. Историк Олег Платонов написал: «Павел Спиридонович честно “раскололся”, заложив всех своих соратников». Он был одним из главных лиц в команде Юровского, заранее предупреждённый о том, что готовится ночная расправа. Наверное, он тоже не должен был пребывать в благодушном ожидании Ермакова и должен был «волноваться» вместе с Юровским. Однако в протоколе допроса с его слов записано: «Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую Семью... Ещё прежде чем Юровский пошёл будить Царскую Семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, — Пётр Ермаков».

Не вспоминают об опоздании Ермакова непосредственные участники расстрела, Медведев-Кудрин и Никулин, помощник коменданта, а в книге «Последние дни последнего Царя» автор её, П. Быков, писал: «Организация расстрела и уничтожение трупов расстрелян-

ных поручена была одному надёжному революционеру, уже побывавшего в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову». Сам Ермаков в своих воспоминаниях написал без всякого смущения: «Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа, грузовая. В 11 было предложено заключённым Романовым спуститься в нижний этаж».

В сценарии историка Покровского Ермакову отведена роль лица неорганизованного и безответственного, на которого можно было списать все что угодно. Расстрел из-за него задержался на целых два часа (а может быть, нужно было сократить продолжительность самой экзекуции; известно по свидетельству всех участников, что она закончилась к трём часам ночи и, если Ермаков не опоздал, то утверждение Зарубежной комиссии о том, что «конец жизни Императорской Семьи был страшнее, мучительнее и ужаснее, нежели было доселе известно», наводит на грустные размышления). Место, найденное Ермаковым, оказалось непригодным для сокрытия тел, его же знакомый спугнул Юровского, который уже возле шахты вырыл яму под могильник, после чего пришлось покинуть урочище Четырёх Братьев и искать новое, более укромное местечко. А это ведь не просто — бросили копать и поехали дальше. Это меняло и усложняло всю ситуацию. Нужно было снова все «улики» грузить на телеги и вывозить на коптяковскую дорогу к грузовику, а оттуда возвращаться в сторону города, где уже нет никакого оцепления и где от нежелательных свидетелей скрыться будет совершенно невозможно, а в самом урочище, прежде чем его покинуть, замести следы своего пребывания, разгрести кострища, сбросить в шахту недогоревшие части одежды, завалить её глиной и мусором. И всё из-за какого-то случайно забредшего некоего «знакового Ермакова», которого бы, развиваясь ситуация естественным путём (не по Покровскому), тут же прибили бы и зарыли по соседству. Существует же версия, что тех двоих «латышей» из интернациональной бригады, отказавшихся стрелять в Великих Княжон, чтобы не осталось свидетелей, лично не повязанных Царской кровью, якобы тогда же Юровский, в том же подвале ипатьевского дома, пристрелил и вывез вместе со всеми убитыми в урочище Четырёх Братьев. Не стал бы Юровский из-за какого-то никому не известного типа затевать

всю эту канитель с бегством. «Было приказано, — говорилось в “Записке” Покровского, — если кто ворвётся в район оцепления, расстреливать на месте». А детектив весь этот только для того и сочинялся (противоречия в повествовании Покровского никого не смущали), чтобы увезти с Ганиной Ямы следы расправы, и Ермаков пришёл здесь очень к месту.

Но это нужно было тогда, в ранние двадцатые годы, и это понятно, власть не хотела выглядеть в глазах Европы, с которой начинали формироваться прагматичные отношения, в столь преступном свете, но почему прокурор-криминалист Соловьёв теперь, когда сменилась идеология, когда во многом злодейство большевиков предано гласности, продолжает слепо следовать версии тех лет, игнорируя всё, что этой версии в той или иной степени противоречит? Он чей «мундир» защищает?

Юрий Алексеевич Буранов в статье «Краткий анализ источниковой базы по проблеме “Екатеринбургских останков”» писал: «Исторический анализ обстоятельств гибели Царской Семьи и “захоронения” её останков был проведён следствием 1991–1997 годов некомпетентно и тенденциозно, без должного анализа даже имеющейся в научном обороте документальной базы. Главной же ошибкой следствия 1991–1997 годов является на наш взгляд, то, что основным документом, по которому велось всё следствие, является комплекс документов, условно обозначенный как “записка Юровского”. Между тем он “родился” в недрах аппарата ЦК ВКП(б) и ВЧК–ГПУ–ОГПУ. К тому же проведённый следствием 1991–1997 годов “исторический анализ обстоятельств трагедии 1918 года” является повторением “достижений” советской исторической “школы”, зачастую основанной на фальсификации документов. В результате пренебрежения мнением профессиональных историков, с самого начального этапа работы правительственная комиссия ещё больше “запутала” объективную картину убийства, а особенно — захоронение “екатеринбургских останков”. Поэтому проведённая следствием 1991–1997 годов работа является только версией, а не научно доказанным выводом о подлинности “екатеринбургских останков”».

Российская зарубежная экспертная комиссия настаивала на том, что основополагающий документ, каковым явилась так называемая «записка Юровского», должен быть подвергнут тщательному изу-

чению. Уже в первом документе, направленном в Правительственную комиссию 25 декабря 1993 года, говорилось: «Весьма спорными представляются нескончаемые утверждения Рябова и Авдонина о том, что они “высчитали” почти совсем точно место предполагаемого захоронения останков узников дома Ипатьева на основе первой редакции “Записки Юровского”, опубликованной в апреле-мае 1989 года Рябовым в “Родине” и Э. Радзинским в “Огоньке”». Далее высказывается категорическое убеждение, что этот информационный источник при отсутствии графологической и физико-химической экспертизы не может являться доказательным аргументом. Эта же обеспокоенность годом позже высказывается Зарубежной комиссией в письме на имя Ярова. «Хотелось бы, — говорится в нём, — лишний раз заметить, что краеугольный камень дела об обретении настоящих или мнимых останков Царской Семьи есть так называемая “Записка Юровского”. Поскольку всё зиждется на “Записке”, то если её убрать, автоматически исчезает всякое объяснение всему остальному, вплоть до выкопанных и предположительно опознанных останков, даже если их ДНК и подтвердит родство с Домом Романовых. Следовательно, на наш взгляд, всестороннее изучение этого документа на предмет определения его аутентичности и текстологической правдивости является первостепенной задачей всякого исследования этого дела. Поэтому нас в первую очередь чрезвычайно интересует узнать, какие результаты дала работа Вашей Комиссии в этом направлении. Вопрос трудный и его разрешение в положительную сторону не даст автоматически ответа на все остальные, но без него какие-либо объяснения не убедительны» (*Приложение № 11*).

На первых порах Колтыпину-Валовскому и его коллегам по Зарубежной комиссии искренне казалось, что для московской Комиссии, учреждённой верховной государственной властью, так же как и для них, основополагающей задачей является обретение истины, чему они готовы были всячески посылно содействовать теми сведениями, которыми располагает русская эмиграция (*Приложение № 12*). В 1995 году члены Зарубежной комиссии, Колтыпин-Валовский, князь Щербатов и Секретарь Комиссии Магеровский, официально были приглашены в Москву. Они приняли участие в заседании Правительственной комиссии и выступили с докладами, которые веж-

ливо были заслушаны. Тема выступления князя Щербатова касалась непосредственно «записке Юровского». Сделав краткий обзор текстов разных редакций, он сказал:

— Насколько нам известно, «Записка» не подвергалась никакой экспертизе, ни внутренней, ни внешней, или — вернее — ничего не сообщалось о результатах такой экспертизы. Почерка — их на присланном нам экспонате два; бумага, чернила, шрифт и характеристики пишущей машинки — всё это должно быть краеугольным камнем обязательного комплексного исследования.

Далее князь Щербатов перечислил целый ряд вопросов, которые с точки зрения Зарубежной комиссии необходимо исследовать, сопоставить, выяснить, сравнить, «вплоть до репетиций и симуляций отдельных действий и ситуаций, описанных в “Записке”».

— На всё это, — резюмировал своё выступление князь Щербатов, — указывалось нами в общих чертах в нашем меморандуме от 25 декабря 1993 года, но ни о каких шагах, предпринятых Комиссией в этом направлении, или их результатах, к сожалению, до сих пор неизвестно.

На этом все взаимоотношения практически были завершены. В дальнейшем сохранялась только их видимость. Охлаждение наступило и с той стороны. А уже в 1996 году в одном из интервью на вопрос каковы «основные причины, заставившие вашу комиссию серьёзно засомневаться в том, что обнаруженные останки действительно принадлежат царю и его семье?», князь Щербатов, в частности, ответил: «На настоящий момент не было проведено никакого анализа “Записки Юровского”, в которой якобы указывается местонахождение могилы. Этот источник информации, столь важный для нашего исследования, проанализирован не был. Достоверность и подлинность “Записки” не подтверждается никем из западных и российских экспертов, хотя необходимость этого признаётся безоговорочно».

Так же достаточно определённо, но более дипломатично, на эту тему высказался митрополит Ювеналий.

— Во время всего периода работы Комиссии на повестке дня стоял вопрос о «Записке Юровского». Отмечались противоречия между всеми её вариантами, между рассказами Юровского и других участников злодеяния, ставилась под сомнение её подлинность.

Все подробности, которые волновали князя Щербатова и митрополита Ювеналия, никакого сочувствия Правительственной Комиссии не встретили. Яров, например, на одном из заседаний очень откровенно сформулировал официальную точку зрения. Касаясь темы изучения «Записки Юровского», он сказал:

— Это не предмет нашего рассмотрения. У нас предмет совсем другой. Вот тем, чем мы обладаем (то есть «подлинными» останками. — *А.Г.*) подтверждается конкретными материалами. Это подтверждается или не подтверждается (косноязычность и корявость мысли характерны для заместителя Председателя Совета Министров. — *А.Г.*), а вот эта часть, так ли Юровский говорит, та ли фотография годится или не годится — это дело историков, которые могут спорить за круглым столом, сколько они желают. Для нас является истиной только один предмет (под «предметом», в этом случае, вице-премьер имел в виду Заключение прокуратуры. — *А.Г.*), представим, что все остальные побочные (противоречащие, не согласные с официальным следствием. — *А.Г.*) материалы говорят «да», а вот если мы берём основной материал (то, что представил Соловьёв. — *А.Г.*) и говорим «нет», то ничего, то рассыпается (материал, который «говорит да». — *А.Г.*) и можно не считаться с тем, что это можно доказывать на основании всех остальных документов, что это действительно истина (то есть полностью игнорировать всё, что не согласуется с «генеральной линией» Правительственной Комиссии. — *А.Г.*). Мы будем опираться всё-таки, что это предмет, о котором мы ведём речь. Поэтому я хотел бы, когда мы будем обсуждать последнее (видимо, имеется в виду заключение Прокуратуры. — *А.Г.*), давайте договоримся, что мы желаем поставить точку и сказать, что на данном этапе исполнения необходимо и достаточно и ставим точку, а всё остальное, если у кого-то возникают сомнения, это ваше дело. На нашей Комиссии сказано только выразить отношение к тем документам (следствию и мед-экспертизе. — *А.Г.*) и заключению Прокуратуры. Не более того.

— Абсолютно верно, — откликнулся Радзинский, переведя сумбурную тираду Председателя Комиссии в русло удобоваримого разумения. — Надо отделить эту историческую работу, которая должна продолжаться и после Комиссии по собиранию всех источников. Это огромная работа, которая не имеет отношения к тому, чем мы занимаемся сейчас.

— Я об этом и сказал, — подтвердил Яров. — Мы первое, сейчас вопрос поставили о прокуратуре, чтобы ответить на вопрос «да или нет». Это для нас исходное.

Эту же мысль не раз в своё время отмечали и другие члены Комиссии. Собчак, например, на одном из заседаний сказал:

— Всё, что представляет интерес, но находится за пределами главного вопроса — вопроса идентификации, это может быть исследовано, можно создать рабочую группу из наших уважаемых историков, пусть они встречаются, беседуют, разрабатывают ту или иную версию, пишут книги, это всё замечательно, но это не имеет никакого отношения к работе нашей Комиссии.

Кроме самого сочинения Покровского и вариантов этого сочинения, произведённых в том числе и сыном царевны, существует ещё три материала, автором которых считается Юровский. Первый материал, подписанный 1922 годом, опубликован был журналом «Источник» в 1993 году под названием «Исповедь палача». В кратком редакционном комментарии сказано: «Эти мемуары пролежали в секретном архиве семьдесят лет. Написаны они Яковом Юровским. Именно он был организатором убийства Николая II, его семьи и близких им людей. Он же руководил расстрелом, совершённым июльской ночью 1918 года в подвале реквизированного дома инженера Ипатьева в центре Екатеринбурга. В полном объёме эти мемуары публикуются впервые». Второй материал, известный как стенограмма выступления Юровского на совещании старых большевиков в городе Свердловск в 1934 году. В основе этих «мемуарных откровений» лежит то, что программно было предписано партийным историком, с некоторыми дополнениями биографического и эмоционального характера. Третий — это письмо Юровского в адрес директора музея Революции, написанное в 1927 году (*Это письмо в 2008 году было экспонировано на выставке «Дед и Внук» в ГЦМСИР*).

Не вникая в разномыслие, существующее в оценке первых двух материалов и сочинения Покровского, стоит обратить внимание только на те противоречия, которые имеются внутри этих документов. Общую канву они все сохраняют и твёрдо следуют концепции, сформулированной историком Покровским, расходясь в мелких, как

бы на первый взгляд, не особенно существенных деталях, но которые, когда они собираются вместе, порождают вопросы и заставляют задуматься.

«*Записка Покровского*» (далее просто «*Записка*»): «Ком. (комендант. — *А.Г.*) сказал Романовым, что Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, повернулся к коменданту с вопросом: “Что, что?”. Ком. наскоро повторил. Николай больше ничего не произнёс, опять обернувшись к семье. Николай был убит самим ком-ом наповал» (то есть в затылок. Князь Щербатов настаивал на том, чтобы ему вразумительно объяснили, почему, если Юровский стрелял в голову сзади, на затылочной части черепа, который выдаётся за Государев, нет пулевого отверстия. — *А.Г.*).

«*Исповедь палача*» (далее просто «*Исповедь*»): «Николай стоял спиной ко мне. Я объявил, что Исполнительный Комитет... постановил расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ. Первый выстрелил я и наповал убил Николая» (то есть стрелял вроде бы в лицо или в сердце. — *А.Г.*).

«*Стенограмма*»: «Сказал Николаю, что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил “что?” и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам» (тут же точно в затылок. — *А.Г.*).

«*Записка*»: «В лесу **отыскали** заброшенную старательскую шахту. Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костры. Кругом были расставлены верховые».

«*Исповедь*»: «Шахта оказалась очень мелкой. Какая-то заброшенная старательская. Распрягли лошадей (а где грузовик? — *А.Г.*), разложили костёр. Отогнали бывших вблизи крестьян (по “*Записке*” вся округа была заполнена “людьми Ермакова”; откуда явились крестьяне?). Окружили место верховыми. Я приступил к раздеванию трупов».

«*Стенограмма*»: «Когда рассветало, мы подъехали к знаменитому “урочищу” (а чем оно было знаменито? По “*Записке*” Юровский вообще попал туда впервые. — *А.Г.*). В нескольких десятках шагов от **намеченной** шахты для погребения (не отыскали шахту в лесу, а приехали к месту “намеченному”. — *А.Г.*) сидели у костра крестья-

не, очевидно заночевавшие на сенокосе (такую вот идиллическую картину в 1934 году поведал Юровский старым большевикам. — *А.Г.*). В пути на расстоянии тоже встречались одиночки, стало совершенно невозможно продолжать работу (оказывается, что “свидетели” оцепили всё урочище. — *А.Г.*). Я ещё в это время не знал, что и шахта-то и к чёрту не годится» (в 1934 году Юровский продолжал врать; Соловьёв приводит его цитату: «Где предполагалось схоронить трупы, я не знал»; в одном месте у Юровского шахта намечена для погребения, в другом оказывается она «ни к черту не годится», в третьем — полное неведение; так как же на самом деле было? — *А.Г.*).

«Записка»: «Сложив всё ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли. При этом кое-что из ценных вещей было обронено» (Покровский уже знал, что обнаружило колчаковское следствие, хотя, когда, по официальной версии составлялась «Записка», Соколов ещё продолжал в эмиграции допрашивать свидетелей. — *А.Г.*).

«Исповедь»: «На месте, где были сожжены вещи, находили драгоценные камни, которые, вероятно, были зашиты в отдельных местах и складках платья. Однако (видимо “Один”. — *А.Г.*) из после прибывших красноармейцев принёс мне довольно большой бриллиант, весом каратов в 8 и говорит, что вот возьмите камень, я нашёл его там, где сжигали трупы». (Это очень любопытная неожиданность, на которую, надо полагать, совершенно сознательно прокурор-криминалист не обратил никакого внимания, используя в своих криминалистических «изысканиях» только «Записку» и стенограмму 1934 года. «Исповедь палача» он в своём «Заключении» не цитирует. Драгоценности можно было найти только там, где с безжизненных тел снималась одежда, и это, естественно, великолепно знал Юровский. Значит, если бриллиант был найден на месте, «где сжигали трупы», то их сжигали у шахты на Ганиной Яме, там, где Соколов обнаружил следы кострищ, а след от одного, как было установлено, занимал три метра в диаметре. Следовательно, Юровский лгал, вслед за Покровским повторяя всю историю о непригодности урочища Четырёх Братьев для похоронных целей и о вывозе всех тел на новое место. Оговорился он, конечно, в своей «палаческой» исповеди случайно, путая, как многие из его «коллег», собы-

тия реальные с теми, что были изобретены Покровским, но сочинение его никакого применения не получило, напечатано не было и в исторические анналы «спецорганов» не вошло. Политическая ситуация изменилась и «откровения» палача свою актуальность потеряли. В 1993 году редакция журнала «Источник», обнаружив в архиве этот рукописный текст, опубликовала его без всякого редакторского вмешательства. — *А.Г.*

«Стенограмма»: «Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там» (непонятно, там, где «бриллианты выпарывались», или где «сжигали трупы»). — *А.Г.*

«Записка»: «Кончив операцию и оставив охрану, ком. в 10–11 часов утра (17-го июля) поехал с докладом в Уралисполком... к шахте с верёвками, чтобы вытаскивать трупы, отправились только в 12 ½ часов ночью с 17 на 18-е».

«Исповедь»: «Я оставил охрану. Поставил разъездных. Сам отправился в город, чтобы доложить Совету... Телеги прибыли часов в 12 ½ ночи. Погрузив всё необходимое, посадив в пролётку товарища Павлушина, мы отправились. Часам к 4 мы добрались до места и стали вытаскивать трупы».

«Стенограмма»: «Я увидел, что никаких результатов мы не достигли с похоронами, что так оставлять нельзя и что всё надо начинать сначала. Часа примерно в два дня я решил поехать в город, так как было ясно, что трупы надо извлекать из шахты и куда-то перевозить в другое место... Уже часов в 12 ночи, я верхом, не помню с каким товарищем мы отправились к месту нахождения трупов. Приехали мы поздно ночью, шли работы по извлечению». (В «записке» уехал в 10–11 часов утра, а в стенограмме «примерно в два дня», в одном случае добрались и «стали вытаскивать», в другом — приехали, когда работы «по извлечению» уже шли, так что вроде бы и верёвки напрасно добывал и вёз. — *А.Г.*)

«Записка»: «Чтобы изолировать шахту на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты, стали копать яму. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый... он

мог видеть яму. Пришлось бросить дело. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком отправился в город за машинами (грузовик и две легковые, одна для чекистов). Смогли отправиться в путь только в 9 часов вечера».

«Исповедь»: «Нужно было обезопасить место. Я послал в деревню людей сказать, чтобы никто не смел выезжать из деревни, так как здесь сейчас происходит разведка, возможно, завяжется перестрелка. Поставив верховых, мы продолжали свою работу. К утру трупы извлекли. Вывезли их поближе к дороге, и я решил похоронить Николая и Алексея (оказывается, не “тут же у шахты”. — *А.Г.*). Мы выкопали довольно глубокую яму. Кто-то заметил, что подъезжал мужик. Я решил отнести глубже в лес трупы и снова отправился в город (по другим сведениям, трупы никуда не уносили и они до вечера пролежали у шахты, покрытые брезентом. — *А.Г.*). Не без труда добыв автомобиль (в городе), отправился на Московский тракт к тем шахтам, о которых накануне говорил Чуцкаев».

«Стенограмма»: «Приступили копать яму. Она к рассвету почти была готова. Ко мне подошёл один из товарищей и заявил мне, что несмотря на запрет никого близко не подпускать, откуда-то явился человек, знакомый Ермакова. Яму решено было реставрировать. Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу, грузовик же ждал в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять».

«Записка»: «Около 4 ½ утра 19-го машина застряла окончательно, оставалось не доезжая шахт хоронить... Хотели сжечь Алексея и А.Ф., но по ошибке сожгли фрейлину» (фрейлина — это уже творчество Покровского. — *А.Г.*).

«Исповедь»: «Я решил использовать болото. А частью трупы сжечь. Распрягли лошадей. Разгрузили трупы. Положили один труп для пробы, как будет гореть. Труп, однако, обгорел сравнительно быстро, тогда я велел начать жечь Алексея».

«Стенограмма»: «Мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре, пробившись часа два, мы приближались уже к полуночи (значит, застряли в десять часов вечера. — *А.Г.*), тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, так как в этот поздний час вечера действительно никто здесь видеть не мог, единственно, кто мог видеть несколько человек, — это был железнодорожный сторож

разъезда, так как я послал натаскать шпал, чтобы покрыть ими место, где будут сложены трупы. Тут же развели костёр (то есть рядом с местом, где будут зарыты трупы. — А.Г.), и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке, вместо Александры Фёдоровны, сожгли, очевидно, Демидову». (У Покровского «хоронить» принялись в половине пятого утра, старым большевикам Юровский сообщил, что время «приближалось к полуночи». Им же он поведал, что свидетелем мог оказаться «железнодорожный сторож», но здесь, на коптяковской дороге, на открытом месте, почему-то, в отличие от лесной глуши на Ганиной Яме, где появление знакомого Ермакова (то есть скорее всего такого же уголовника, как и сам Ермаков), заставило Юровского от страха перед раскрытием тайны свернуть все работы и отправиться на поиски нового места, у железнодорожного переезда таковое обстоятельство его вовсе не смутило. — А.Г.).

Письмо в Музей революции — это уже бесспорно документ, рукою Юровского написанный: его почерк, его стиль, его безграмотность, да и информация безусловно соответствующая действительности и сугубо деловая. «Имея в виду, — говорится в письме, — приближающуюся десятую годовщину Октябрьской Революции, и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудие казни б. царя Николая II, его семьи и останков верной им до гроба челяди) считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера». В конце письма Юровский приписывает: «Подробности мною 22 г. переданы в ЦК Партии».

Эта приписка очень интересная. «Подробности» Юровский передал в ЦК, в 1922 году. О записке 1920 года, якобы вручённой Покровскому, речи нет. Конечно, прокурор-криминалист эту коллизия никак не комментирует, а зря, ибо таковое игнорирование факта, безусловного в данном случае, только добавляет вопросов для размышлений. Как уже указывалось выше, дата 20-й год и уведомление о том, что «подлинник дан» Покровскому, появились в 1958 году на машинописном экземпляре «записки», переданной сыном царевни в Свердловский партархив, чему, естественно, никаких других подтверждений не существует. Да и с «подлинником», который Юровский передал лицу, его написавшему, полнейшая чепу-

ха. Скорее свою «Исповедь» Юровский сочинял (сам или с некими соавторами), имея перед собой сценарий, составленный советским историком, когда назрела необходимость иметь на всякий случай царскую могилу.

Множество вопросов в своих показаниях и в позднейших мемуарных откровениях оставили коллеги Юровского по кровавому ремеслу, которые входят в серьёзные противоречия с сочинённым сценарием советского историографа. У Покровского сказано, что Юровский, усомнившись в «аккуратности Ермакова», сам отправился с грузовиком, который вывозил окровавленные тела узников дома Ипатьева. Несколько иную картину нарисовал Павел Медведев, непосредственный участник расстрела, арестованный на территории, освобождённой от большевиков, дважды допрошенный, первый раз чиновником Екатеринбургского уголовного розыска Алексеевым, и второй раз Сергеевым, членом Окружного суда, производящего следствие по этому делу. В протоколе допроса Алексеевым записано: «После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведён расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было выполнено тогда людьми, состоящими на охране. Когда это всё было сделано, Юровский ушёл из двора в канцелярию при доме». Сергееву Медведев показал: «Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна. На грузовик сели Пётр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. Кровь в комнате и на дворе замыли и всё привели в порядок. В три часа ночи всё было окончено, и Юровский ушёл в свою канцелярию».

Это, конечно, очень существенная информация. Ведь если действительно Юровский остался в доме Ипатьева распоряжаться уничтожением там следов преступления и не поехал контролировать «неаккуратного» Ермакова, то вся эпопея, придуманная Покровским, которую как достоверный факт слепо подтверждает в своём «расследовании» прокурор-криминалист, рушится как картонный домик. Из этого следует, что Юровский великолепно знал, куда повезёт трупы Ермаков, а он и на самом деле знал, потому что, как установил Соколов, сам это место вместе с тем же Ермаковым

определил для уничтожения тел убитых. И ни в каких сомнениях не пребывал, оставшись проследить за наведением порядка в доме, что его больше волновало, то есть был уверен в том, что Ермаков дело своё знает. Возможно, когда всё закончилось, уже после трёх часов ночи, он отправился сам (по Мейеру, с Голощёкиным) к «знаменитому урочищу», куда дорога ему была известна. Член Правительственной комиссии Сергей Алексеевич Беляев сию картину видит в несколько ином свете. В статье «Доказательная ценность данных» он комментирует это обстоятельство так: «Юровский пишет, что сразу после расстрела и погрузки тел убитых в машину он поехал на ней к Ганиной Яме (“Распорядившись всё замыть и зачистить, мы примерно около 3 часов или позже отправились. Я захватил с собой несколько человек из внутренней охраны”)). Комментарий В.Н. Соловьёва по поводу этого факта: «Юровского обеспокоило поведение солдат, и он решил сопровождать трупы до места их сокрытия”. Из следствия 1918–1924 годов явствует, что он на этой машине не поехал, а ещё некоторое время после её отбытия находился в доме, и позднее отправился к себе. В районе Ганиной Ямы он (Юровский) появился только в конце дня 17 июля. Этот факт говорит о том, что Юровский не мог быть участником и очевидцем всех тех событий и, соответственно, действий тех людей, которые находились в районе Ганиной Ямы и совершали свои злодеяния в те жуткие предрассветные утренние часы и в течение дня 17 июля. Тем самым теряет всякую достоверность описание всего дня 17 июля в его “Записке”».

«Основным источником знаний о гибели царской семьи и захоронении её останков, — заявляет старший прокурор-криминалист Соловьёв в документе, подводящем итог расследованию уголовного дела, возбуждённого Генеральным Прокурором РФ по факту убийства Императора Николая II и Его Семьи, — являются воспоминания участников событий, данные ими в разное время. Это прежде всего воспоминания Я.М. Юровского. Другими участниками расстрела и захоронения оставлены воспоминания, в которых основные детали гибели и погребения совпадают с фактами, изложенными Юровским».

Насколько это заявление Соловьёва соответствует действительности, видно из самих документов, на которые ссылается прокурор-

криминалист. Как известно, по сценарию Покровского, трупы были привезены на Ганину Яму в ночь на 17 июля и в 9 часов вечера 18 июля оттуда вывезены и похоронены на коптяковской дороге возле железнодорожного переезда № 184. Двое суток безжизненные тела пребывали на Ганиной Яме. 17 июля их раздели и сбросили в шахту, где они находились весь день и ночь. Утром 18 июля их из шахты извлекли, попытались тут же закопать, но когда этого не получилось сделать, оставили лежать до вечера, прикрыв сукном или брезентом. Юровский присутствовал в урочище практически только по ночам. 17 июля в 10 часов утра, как следует из «записки Покровского», он, оставив охрану, отправился в город (на встрече со старыми большевиками он свой отъезд отнёс к двум часам дня) и вернулся ночью. На следующее утро Юровский снова покинул шахту и весь день провёл по одним сведениям в Екатеринбурге, по другим в поисках укромного места на Московском тракте и вернулся, опять же в одном случае к вечеру на шахту, а в другом — не доехав до шахты встретил «похоронную процессию» на коптяковской дороге. Судя по информации, представленной из стана убийц, эти двое суток все участники сокрытия расправы над Царской Семьёй пребывали в растерянности и только в ночь на третьи, уже от полной безнадёжности закопали трупы прямо на дороге, по которой ехали неизвестно куда, ни на что не обращая внимания, не боясь случайных свидетелей, закопали на голом месте, возле охраняемого железнодорожного переезда, рядом с обитаемым жилищем, отстоящим всего лишь в двухстах метрах от «тайного захоронения». И Юровский знал, что в домике путевого сторожа есть люди.

Прокурор-криминалист Соловьёв, полностью принимая версию, составленную Покровским, во второй части своего «завершающего заключения», обозначенного как «Сравнительный анализ», приводит фрагменты воспоминаний разных лиц из окружения Юровского. Одним из таковых является чекист Г.И. Сухоруков. Он ни в чём Юровскому не противоречит, но его рассказ интересен одной, на первый взгляд совершенно неприметной деталью, на которую прокурор-криминалист внимания не обратил. Таковая «невнимательность» для «детектива» Соловьёва очень характерна. Он спокойно проходит мимо всякого факта или свидетельства, которые не согласуются с заранее определённой и им утверждаемой версией собст-

венного «уголовного дела», особенно если эта тема не является постоянной в оппозиционных кругах. Сознательно или нет, это уже на его совести. По официальной версии трупы сбросили в шахту и забросали сверху гранатами. Но шахта не «завалилась», как предполагали, и на следующий день трупы из неё были извлечены. К этой работе и был привлечён Сухоруков. Он пишет, что в шахту первым спустился некий Сунегин «и начал извлекать сначала дрова, целыми плахами, потом работа показалась нудной и длинной (видимо, много было дров. — *А.Г.*), решили взяться прямо за трупы... и первая попавшая нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечён (из-под дров. — *А.Г.*) на свет божий». Кроме Сухорукова «дрова в шахте» ни у кого из окружения Юровского не фигурируют. О них есть единственное упоминание в интервью, которое дал немецкому журналу Мейер. «О том, — говорится в этом интервью, — что произошло впоследствии в лесу “Четыре брата”, знаю я только из доклада, который Юровский сделал перед революционным трибуналом. Он описал точно, как сперва спустили в шахту дрова, потом трупы, потом опять дрова. На это налили бензин, приблизительно 220 литров. Затем всё это зажгли. В течение ночи оставались Юровский и Войков на месте и на другой день повторили ещё раз ту же процедуру. Затем налили серную кислоту в шахту» (если поверить Мейеру, что Юровский действительно об этом доложил революционному трибуналу, то тогда значит, что всё «им изложенное для Покровского» было выдуманно самим историком. Прокурор-криминалист на первых порах заявлял о том, что необходимо сведения, которые приводит Мейер, тщательно изучить, заявил, конечно, так, для «красного словца», ибо в этом отношении сделано ничего не было, да и вообще этот Мейер в анналах прокурорского расследования больше никогда не возникал. — *А.Г.*).

Соловьёв приводит небольшой отрывок из воспоминаний Ермакова, причём в двух его вариантах, один как бы литературно несколько обработанный, а другой — это его собственноручная полуграмотная запись. В обоих отрывках речь идёт только о самой расправе в доме Ипатьева. Соловьёв на этом цитирование ограничивает, быть может оттого, что Ермаков далее описывает события на Ганиной Яме, которые никак в канву официальной покровско-юровско-соловьёвской версии не вписывается. А у Ермакова сказа-

но: «Когда всё вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону (следы от большого кострища Соколов обнаружил в тридцати шагах от шахты. — *А.Г.*), разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой (известно, что с Ганиной Ямы увозили пустые бочки из-под керосина, и что кувшины с кислотой из ящиков там извлекали. — *А.Г.*), трупы горели до пепла, а пепел был зарыт». Соловьёв без всякого сомнения верит палачу Юровскому, а всё, что идёт от палача Ермакова, объявляет «вызывающим серьёзные сомнения» без всякого, конечно, «серьёзного» объяснения, а только лишь от того, что показания последнего категорически не вписываются в схему, Покровским составленную, и которая является стержнем всего уголовного дела самого Соловьёва.

Интересно, что ермаковскую версию повторил небезызвестный Марк Касвинов в объёмном труде «Двадцать три ступени вниз», опубликованном впервые в 1972 году и потом несколько раз переиздававшемся: последний раз в 1988 году. Касясь финального аккорда в судьбе Царской Семьи, Касвинов писал: «Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес (это противоречит “записке”, но совпадает с тем, что говорили свидетели на допросах у Н.А. Соколова. — *А.Г.*). Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими брёвнами (как у Мейера. — *А.Г.*), в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костёр догорел, останки зарыли в болоте». В комментарии у Касвинова указано, что «автор располагал неопубликованными рукописями Юровского». Он их перечисляет: «Воспоминания 1934 года», саму «Записку», даже рукопись сына Юровского, так что Касвинов версию «Юровского» отлично знал. Знал, что трупы с Ганиной Ямы были вывезены и зарыты у железнодорожного переезда, но почему-то картину нарисовал иную — «ермаковскую».

Сочинить такое «аутодафе» просто для того, чтобы пощекотать читателю нервы, конечно, советский «историограф» никак не мог. Он писал не детектив. «Труд М. Касвинова, — как сказано в предисловии к нему, — глубоко полемичен, и острое полемики направлено против зарубежных фальсификаторов истории, чьи произведения широким потоком хлынули на книжный рынок 60-х годов, причём на их основе появились низкопробные фильмы и телепостановки о семье Романовых (имеется в виду американский фильм “Николай и Александр”, снятый по одноимённой книге Мэсси. — *А.Г.*). По явно

не случайному стечению обстоятельств поток этих антисоветских произведений усилился в канун 50-летия Великой Октябрьской революции, а новая «волна» пришлась на 60-летие Октября».

Касвинов выполнял политический заказ и «сжечь» трупы мог только после специального согласования с идеологическим отделом ЦК КПСС. И вопрос этот к прокурору-криминалисту, ибо в рамках уголовного дела, которое он вёл, этот момент имеет достаточно принципиальное значение, как, впрочем, и многие другие, которые Соловьёв странным образом в рамки своего расследования включать не пожелал. Не обращает на них внимание тогда, когда вопрос оказывается неудобным для объяснения, когда требуется предоставить убедительные аргументы, которых на самом деле нет. В других случаях он очень вольно расправляется с показаниями свидетелей или материалами, доставшимися ему от соколовского Дела.

«Огромная работа проведена Соколовым Н.А. по обследованию маршрута следования лиц, вывозивших трупы и участка возможного их уничтожения, — признаёт Соловьёв в многократно упоминаемом своём сочинении, которым завершается весь этап проведённого им «уголовного расследования». — При осмотре местности и шахты в районе урочища Ганина Яма обнаружены следы костров, где найдены многочисленные следы сжигания одежды, обуви, драгоценностей (в том числе повреждённых). Остатки одежды свидетельствуют о том, что было сожжено шесть комплектов женской одежды (по числу корсетных костей). В кострах найдены пули с выплавленными сердечниками, гильзы (каким образом в кострище могли оказаться пули, если жгли только одежду; они что, застряли в складках той самой одежды или в дамском белье? — *А.Г.*). Особое внимание было обращено Соколовым на наличие фрагментов костей крупных млекопитающих, просаленность почвы. Эти факты были истолкованы Соколовым как признаки сожжения всех трупов (Соловьёв эти факты вообще никак не истолковал. — *А.Г.*). В шахтах обнаружены человеческий палец, кусочки человеческой кожи, осколки гранат... Соколов имел на руках документы, свидетельствующие о том, что лица, вывозившие трупы, 17–18 июля привезли в район Ганиной Ямы около 170 литров серной кислоты и бочку керосина, 120–160 литров (по Мейеру в шахту вылили в первый раз 220 литров бензина, потом ещё сколько-то, а Соколов утверждал, что на рудник

было доставлено «самое меньшее сорок пудов» бензина — 640 литров; свидетели, которых допрашивал Соколов, видели две–три бочки с бензином, которые везли к шахте в урочище Четырёх Братьев; на основании каких свидетельств и документов Соловьёв установил, что на рудник была привезена только одна бочка керосина? — *А.Г.*). Проведя интенсивное исследование местности, Соколов пришёл к однозначному выводу о том, что трупы были уничтожены в районе Ганиной Ямы — полностью сожжены. Теоретически, исходя из обстановки, версия Соколова могла иметь место, исключая лишь полное сожжение трупов на открытом месте с применением тех горючих веществ, которыми располагали участники их уничтожения». Логика прокурора-криминалиста, надо сказать, «железобетонная». Когда дело касается того, что вписывается в рамки его следственной концепции, оказывается, что при применении тех же «горючих веществ», и также «на открытом месте», и не в течение двух суток, а всего лишь за пару часов, можно сжечь полностью два тела. Соколову нельзя, а Соловьёву можно. В «Справке» Соловьёв написал: «Два трупа, для того чтобы в случае обнаружения захоронения их невозможно было опознать по количеству, сожгли. Следствием установлено, что сожжены были трупы царевича Алексея и великой княжны Марии Николаевны».

Правда, в одном из интервью он тему сожжения представляет несколько в ином свете. Он говорит: «Существуют “достоверные” (кавычки. — *А.Г.*) воспоминания очевидцев о расстреле. Тела убитых были сброшены в шахту, потом их вытащили и попытались сжечь (то есть там же у шахты? — *А.Г.*). Это удалось сделать только с телом мальчика и одной из женщин (значит, “мальчика и женщину” сожгли не в Поросёнковом логу, а возле шахты и там же пытались сжечь остальных? — *А.Г.*). Другие тела были облиты серной кислотой (прямо тут же, у шахты? А в другом месте Соловьёв утверждал, что вся кислота была с Ганиной Ямы вывезена. — *А.Г.*) и перезахоронены (куда? — *А.Г.*). Результаты проверки анализов (каких? — *А.Г.*) полностью подтверждают слова свидетелей (??? — *А.Г.*)».

То, что трупы полностью сжечь не удалось, это вполне вероятно, и именно эти недоуничтоженные останки могли вывозить от шахты в ночь на 19 июля. Но ведь следствие прокурора-криминалиста Соловьёва, вслед за Покровским, утверждало, что на Ганиной Яме

жгли только одежду, а трупы, вынутые целые и невредимые из шахты, покрытые сукном, пролежали целый день возле этой шахты, дожидаясь вечернего часа, когда их снова, погрузив на грузовик, повезут по коптяковской дороге к железнодорожному переезду.

О сожжении в своих воспоминаниях разных лет писали и рассказывали многие участники расправы над Царской Семьёй или лица, причастные к этому зверству (которых не заметил в своих изысканиях прокурор-криминалист). Почему-то они, действующие совместно с Юровским, запомнили события, происходившие в урочище Четырёх Братьев, с ним по-разному. Объяснить это только забывчивостью или, уж тем более, расчётливым злонамерением не представляется возможным, если не подходить к сим противоречиям предвзято.

Например П. Быков, председатель Екатеринбургского Совета, в 1921 году выпустил брошюру «Последние дни последнего царя», в которой писал, что «около часу ночи трупы казнённых были отвезены за город в лес, в район Верхнее Исетского завода и деревни Палкиной, где и были на другой день сожжены». Может быть, к этому времени ещё «Записка Юровского» сочинена не была? В другом издании, более позднем, он эту информацию повторил, но уже в несколько изменённом виде: «Трупы расстрелянных были положены на автомобиль и той же ночью отвезены в лес, за Верх-Исетским заводом, по большой Коптяковской дороге в район старых рудников. Здесь вблизи заброшенных шахт “Ганиной Ямы” трупы были **частично сожжены**, остатки трупов были отвезены в сторону и закопаны в болоте».

Сухоруков, но не чекист, другой, пулемётчик из охраны дома Ипатьева. Он присутствовал при расстреле. «Куда были вывезены трупы, — вспоминал Сухоруков, — для меня и всей команды в это время не было известно. Подробности я узнал совершенно случайно в декабре 1918 года в городе Вятке — ныне Кирове (значит, писал уже после тридцать четвёртого года. — А.Г.) — от “брата” шофёра автомашины, на которой были увезены трупы. Есть такие людишки, у которых, как говорят, рот нараспашку, язык до плеча. Пьяный разболтал мне многое и, между прочим, что трупы были сожжены в ямах около деревни Коптяки, в окрестностях Екатеринбурга» (разболтал «**многое**» в пьяном виде, может быть, и то, о чём

участники кровавой драмы предпочитали не распространяться, в трезвом побоялся бы, ибо знал о запрете, на сие наложенном. — *А.Г.*) То же самое заявлял Стрекотин, также состоявший в охране ипатьевского дома, тот, у которого при обыске обнаружили царские вещи, в том числе и пасхальное яйцо: «Группы, — писал он, — были сожжены в Ямах около деревни Коптяки».

На личность Ермакова, несмотря на столь категоричное неприятие оной прокурором-криминалистом, следует всё же обратить внимание. Фигура эта, хотя и одиозная и, конечно, совершенно уголовная, прототипом которого историк О.А. Платонов определил «Федьку Каторжного» из «Бесов» Достоевского (а кто там не «уголовный»? Юровский, например, уголовник генетический; о нём Солженицын написал: «...сын уголовного каторжника, в своё время сосланного в Сибирь», и это Соловьёва никак не смущает, более того, он его аттестует весьма уважительно: «Я не буду говорить о каких-то моральных качествах, но такого качества, как нечестность, у него не наблюдалось», — наверное, поэтому он слепо верит каждому его слову), но без осмысления всего того, о чём говорит Ермаков, нельзя вслед за Соловьёвым исключать его из ранга свидетелей, присутствовавших на Ганиной Яме. А он нарисовал картину, хоть и переполненную самовосхвалением, но которую только пьяным бредом объяснить никак нельзя, особенно имея в виду то, что историк Покровский в своём сценарии вывел Ермакова из обоймы «первых» лиц, сделав его к тому же виновным во всех сложностях, возникших от того, что место им, Ермаковым, найдено было неподходящее.

Покровский обвинил Ермакова ложно. Он на это место возил Юровского, и они вместе определили эту глухомань для завершения всей этой кровавой экзекуции. Злобный и тщеславный Ермаков, конечно, затаился, видимо, ему какое-то внушение сделали. Историк О. Платонов рассказывает, что Ермакова возили в Москву и там сильно припугнули, что он во всех своих воспоминаниях никогда не поминал могильника под мостиком из шпал, несмотря на то, что его самого на этих самых шпалах запечатлели на фотоснимках среди таких же, как и он сам, палачей.

А для прокурора-криминалиста Соловьёва «фото на мостике» явилось весомым аргументом в его расследовании уголовного дела,

завершая которое, он писал: «Объективность сведений, приведённых Юровским, подтверждается фотодокументами. В настоящее время в распоряжении следствия имеются фотографии из подлинного дела Соколова Н.А., на которых изображены: мостик из шпал у переезда № 184. На другом снимке — участник расстрела и захоронения Ермаков П.З. на том же мостике. Следствие располагает фотоснимком, сделанным одновременно со съёмкой П.З. Ермакова. На снимке изображена группа из 13 человек, которые сидят и стоят на покрытии из шпал. Подписи на снимках с изображением Ермакова и членов “комиссии” свидетельствуют о том, что они находятся на месте погребения семьи Романовых (почему “свидетельствуют”, этого Соловьёв не объясняет. — А.Г.). Изучение фотографии показало, что она сделана летом 1924 года» (*Приложение № 15*).

История, завершающая расправу в подвале ипатьевского особняка, в повествованиях Ермакова выглядит несколько иначе. «Около часу ночи, — писал он, — автомобиль с трупами направился через Верх-Исетск по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для закрытия трупов, но я заранее учёл момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть ещё товарищи. Я вообще мало кому мог доверять это дело и тем паче, что я отвечал за всё, что я заранее решил их сжечь, но не давая никому намёка сразу, то я сказал, мы их спустим в шахту. Я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь... когда стали снимать с них платья, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которые вставлена голова Распутина, дальше под платьем на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простёжено. Всё это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было, я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжёг, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была неглубокая, около 6 сажень, ибо все эти шахты я хорошо знаю для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними (Юровский в “Исповеди”, вопреки тому, что утверждает в “Записке” Покровский, тоже упоминает о том, что шахта приготовлена была для временного использования. — А.Г.), всё это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей. Это место находилось совсем в стороне от дороги около 3 вёрст».

Рассказ Ермакова неожиданным образом получил продолжение в 1997 году, когда газета «Комсомольская правда» напечатала обращение журналиста А. Мурзина к Святейшему Патриарху Алексию II, в котором он, в частности, писал: «Случилось в моей жизни так, что, ещё будучи студентом отделения журналистики Уральского университета Екатеринбурга (тогда Свердловска), я встречался в 1952 году с действительным убийцей Николая II — с Петром Захаровичем Ермаковым. Пишу лишь о себе, потому что организовавший ту встречу мой университетский друг С.М. Бетёв, впоследствии известный на Урале писатель, к сожалению, скончался в 1990 году. С тех пор я остаюсь единственным свидетелем и исследователем всего того, что рассказал тогда П.З. Ермаков, в том числе и о существовании некой “тайной могилы”, которую он обещал, но не успел нам показать».

С Ермаковым Мурзин познакомился уже на последних днях его земного присутствия. Перед ним, как пишет Мурзин, сидел «болезненно жёлтый, обиженный, ничем не отмеченный родной властью за свой “подвиг”, всеми презираемый и забытый, не примечаемый даже в обкоме партии». О том, что любимая рабоче-крестьянская власть убийцу Царя никаким почётом не удостоила, заметил ещё в 1991 году историк О. Платонов, и в своём исследовании «Убийство Царской Семьи» написал: «Был он, если судить по воспоминаниям, очень тщеславный и падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот, что меня удивило: за такие “большие заслуги” он не был награждён орденами и медалями. Я посмотрел его личное дело — правительственных наград у него нет». Конечно, у Ермакова таковая «несправедливость» не могла не вызвать болезненного раздражения и озлобления на весь мир. Отсюда и непомерные претензии на своё первенство в царубийстве, в чём он, может быть, искренне был убеждён и что считал звёздным часом всей своей жизни. «Он сидел, — пишет Мурзин, — за столом с водкой и пельменями. И обрушивал на нас, студентов журфака, свой оглушительный рассказ, свою кровавую правду, которую не пожелал уносить в могилу». Рассказ Ермакова, который приводит Мурзин, конечно, сильно разнится со всем тем, что принято прокурором-криминалистом как факт, установленный на основании «изучения исторических материалов и выполненных экспертных исследований».

То, что тщеславие присутствует во всей кровавой «одиссее» Ермакова, украшенной его же непомерным самовозвеличиванием, спору нет. Но прокурор-криминалист исключает его из круга свидетелей не за тщеславную амбициозность — это ясно. Соловьёв, по понятным причинам, категорично не желает беспристрастно и внимательно проанализировать все ермаковские «фантазии» с тем, чтобы прямой вымысел был отделён от того, что наводит на размышления и требует исследования.

А в повествованиях Ермакова есть факты, подтверждённые другими свидетелями, свидетелями, которые у прокурора-криминалиста доверием пользуются, но которые, между тем, уличают во лжи создателя официальной версии. Ермаков, например, уверенно заявляет, что Юровский из ипатьевского дома с трупами не уезжал. Трупы на Ганину Яму увозили он, Ермаков, и Медведев-Кудрин. Кудрин в свою очередь оставил воспоминания, написанные уже в шестидесятые годы, фрагмент из которых Соловьёв приводит в своём прокурорском расследовании, но приводит отрывок, который смущения не вносит, а видимость объективного подхода к делу создаёт. Медведев-Кудрин на самом деле для Соловьёва свидетель обличающий. Его рассказ подтверждает то, что говорит Ермаков, и в то же время уязвляет во лжи автора «записки Юровского». «Солдаты ушли мыть полы, — пишет Медведев-Кудрин. — Спускаюсь к грузовику, ещё раз пересчитываю трупы — все одиннадцать на месте, — закрываю их свободным концом сукна. Ермаков садится к шофёру, в кузов залезают несколько человек из охраны с винтовками. Машина трогается с места, выезжает за досчатые ворота внешнего забора, поворачивает направо и по Вознесенскому переулку через спящий город везёт останки Романовых за город. За Верх-Исетском в нескольких верстах от деревни Коптяки машина остановилась на большой поляне. Развели костёр. Ермаков выслал красноармейцев на дорогу, чтобы никого не пропускали (если верить Юровскому, то расстрельную команду на шахте встретили, заночевавшие там крестьяне. — *А.Г.*). Стали бросать в костёр окровавленную одежду (у Покровского раздеванием трупов и сжиганием одежды руководил Юровский. — *А.Г.*). На дороге затарахтела машина. Подъехал Юровский с Голощёкиным на легковой машине» (о приезде Юровского и Голощёкина на Ганину Яму упоминает также Мейер. — *А.Г.*).

То, что Юровский с трупами в лес не поехал, подтверждал и Медведев Павел, о чём упоминалось выше. Утверждение о том, и это нужно отметить особо, что Юровский сразу же после расстрела отправился сопровождать жертвы своей расправы на место их уничтожения, известно только из так называемой «Записки Юровского». Ни один «мемуарист» из екатеринбургских его коллег такой информации не оставил. Следовательно, весь рассказ, который приводится в «записке», является полной фантазией, но фантазией не безобидной, не от легкомыслия родившейся и не по забывчивости, а вполне сознательным стремлением фальсифицировать событие и возможное любопытство направить по ложному следу. А то, что свидетельство Ермакова в этой ситуации получило достаточно убедительное подтверждение, обязывает и ко всей его последующей информации подходить с позиции беспристрастного исследователя, в чём, к сожалению, следствие Соловьёва «упрекнуть» нельзя.

Голощёкин, появившись на руднике, как пишет Мурзин, приказал Ермакову приступить к сожжению трупов, предварительно отделив царские головы, которые к сожжению не предназначались, ибо, как объяснил Голощёкин, «зубы не горят», а потому головы будут уничтожены отдельно в серной кислоте. Тем же днём три головы (Николая II, Алексея и Анастасии) П.Л. Войков «куда-то забрал». По его же рассказу, который в 1930 году в Париже опубликовал Беседовский, состоявший при дипломатической миссии Войкова в Варшаве, «самая трудная работа состояла в разрубании трупов». Под хмельными парами, в узком кругу, Войков вспоминал, что «когда эта работа была закончена, возле шахт лежала громадная масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов». Всё это «поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд». Главные тела Ермаков сжёг ещё в ночь на 18 июля, писал Мурзин в опубликованном «Комсомольской правдой» обращении к Святейшему Патриарху. На следующий день вечером, то есть 18 июля, на рудник снова приехали Голощёкин и Юровский, и первый потребовал всё, что осталось недожженным и недорубленным, погрузить на повозки и вывезти с Ганиной Ямы, а Ермакову приказано было все следы «каннибализма» сокрыть, утопив в болоте всё, что такое может напоминать. «Обозлённые ермаковцы, — пишет Мурзин, — ничего особенно сокрывать не стали (может быть, отсю-

да и идёт неприязнь в адрес Ермакова, и оттого его никакими правительственными наградами не удостоили, но ведь и не расстреляли вслед за Белобородовым. — *А.Г.*) Сгребли какие-то кости, сложили в пустой кувшин из-под серной кислоты, на носилках отнесли его куда-то на “гать” или “стлань” (по Соловьёву, все три кувшина кислоты с Ганиной Ямы были Юровским вывезены, правда, в другом месте он писал, что трупы обливали кислотой прямо у шахты — *А.Г.*) И бросили в болотный зыбун. Ермаков говорил нам, что кувшин “был мал”, поэтому все оставшиеся кости они раскидали и побросали в шахту. А потом засыпали костёр и уехали домой».

Далее Мурзин приводит рассказ Ермакова, связанный с появлением его фотографии на том самом знаменитом мостике (под которым Рябов с компанией шесть десятилетий спустя обнаружил царские кости), которую прокурор-криминалист идентифицировал как доказательство «объективности сведений, приведённых Юровским». По Ермакову, появление этой фотографии выглядело следующим образом. Уже когда красные вернулись в Екатеринбург и Юровский был назначен комиссаром областной ЧК, начали среди местного населения усиленно циркулировать слухи о том, что им с Голощёкиным где-то возле деревни Палкино были похоронены какие-то тела, как многие догадывались — царские. Якобы этот интерес проявлен был не только в обывательской среде, но и в большевистских кругах, и якобы Юровский, собрав небольшую группу «наиболее надёжных товарищей», вывез всех на коптяковскую дорогу к железнодорожному переезду и, встав около настила из шпал, объявил, что под ними и находятся те самые царские останки. При сём присутствовал и Ермаков. «От этой басни, — пишет Мурзин, — Ермаков едва не расхохотался. Мостик на этом месте был знаком ему с детства — шаткий, полуразрушенный (Сухоруков-чекист тоже знал о том, что мостик существовал раньше; он писал: “недалеко была мочажина, насланная шпалами в виде моста”. — *А.Г.*) Теперь на его месте лежали ровно уложенные шпалы, вокруг — свежие следы работ. И он “по глупости” громко усомнился: “Я же в ту ночь следом за вами ехал и никого тут не видел”. Юровский глянул на него с сочувствием: “Ты у нас главный, вот дай я тебя на этом историческом месте и сфотографирую”. И сфотографировал. И весь “узкий круг” товарищей тоже. На том и уговорились: хра-

нить это место в тайне. И Ермаков хранил долгие годы. Однако убеждения своего не изменил, твёрдо сказав нам мартовским днём 1952 года: захоронение в этом месте Юровский производил в 1919-м».

Можно согласиться с теми, кто утверждает, что сведения, идущие от Ермакова, ложны, что никаких тел он не сжёг и ничего не закапывал в болоте. Но тогда нужно обратить внимание и попробовать понять, почему Ермаков продолжал настаивать на своей версии, несмотря на то, что он в компании большевистских палачей запечатлен на месте захоронения царской семьи. Соловьёв объясняет это только личными отрицательными свойствами Ермакова вместо того, чтобы вразумительно и логично попытаться ответить на естественно возникающий вопрос: какой резон самому Ермакову был в этом вранье. Когда он приписывает себе первенство в убийстве Царя, это вполне объяснимо тщеславными побуждениями. А в случае с мостиком, если там на самом деле погребена Царская Семья, о чём Ермаков как участник знает, чем можно объяснить тогда его упорство в отстаивании своей, заведомо лживой, версии, которая не сулит ему никаких благ, ничего кроме неприятностей. Или он советской властью определён был на роль лжесвидетеля? Такое исключить, конечно, нельзя, но нельзя также и утверждать определённю, не имея к тому неоспоримых доказательств.

То, что могила на коптяковской дороге могла быть организована после падения власти Адмирала, тоже вполне вероятно. Тем более, что время, в отличие от июльской суматохи, было спокойное. Чекисты «порядок» навели, население затаилось в страхе (местные жители деревни Коптяки так были напуганы, что, как пишет В.А. Солоухин, уже в постперестроечное время ему с трудом удалось найти древнего деда, который согласился отвезти его на Ганину Яму, а меня, когда я там побывал в 1976 году, предупредили, что о Царской Семье даже заикаться нельзя — тут же сдадут), домик на переезде № 184 был необитаем: путевого сторожа Лобухина увезли в ЧК сразу же, как большевики вернулись в Екатеринбург, где он, естественно, сгинул. Видимо, Юровский вспомнил ему июльскую ночь 1918 года.

Возможности повторного захоронения придерживаются многие, кто не принимает за достоверный факт тот вердикт, который вынесен был Генеральной прокуратурой. В январе 1998 года от имени

Зарубежной комиссии в адрес Президента Б.Н. Ельцина был направлен «Меморандум № 3», в котором выражалась обеспокоенность тем, что Правительственная комиссия, завершая свою работу, оставила многие вопросы неразрешёнными. В частности, в «Меморандуме» говорилось: «Мы подозреваем, что история Царских останков примерно следующая. Они были доставлены в лес у Коптяков, и там пытались их сжечь, но огню не поддавались легко их тела, и их решено было временно сбросить негде в болоте или сохранить в каком-то строении до лучших времён. Когда белые ушли из Екатеринбурга летом 1919 года, то тела или что от них осталось, собрали и тайно захоронили у мостика».

Касаясь этой темы, Мурзин писал: «В известинской статье (за 19 ноября 1994 года, в которой в качестве иллюстрации была опубликована фотография, сделанная Юровским) В.Н. Соловьёв утверждает: Ермаков стоит “на том самом” мостике, который в 1919 году фотографировал колчаковский следователь Н.А. Соколов. Но почему-то до сих пор, — возмущается Мурзин, — не проведена экспертиза двух фотографий — одного и того же места на Коптяковской дороге, запечатлённого в мае 1919 года “белым” следователем Соколовым, а в августе — сентябре того же года — чекистом Юровским? И невооружённым взглядом видно: да, место то же, те же деревья, только у Соколова они весенние, а у Юровского летне-осенние. Но мостик совсем другой! Он явно заново построен». Независимо от Мурзина то же подозрение высказано в Меморандуме Зарубежной комиссии. «На этом месте стоит Ермаков на фотографии в 1919 году, а мостик этот явно перекрыт свежими брёвнами».

Конечно, откровения Ермакова вполне могут порождать недоверие и сомнение, так же как, впрочем, и весь пересказ Мурзина, ибо никакими весомыми подтверждениями он не располагает, а только на слово верить во всей этой мрачной и запутанной истории никому нельзя. Никто не может доказать, что Мурзин действительно знал Ермакова и беседовал с ним. Вполне резонно предположить, что на самом деле Мурзин всего лишь ловкач-авантюрист, придумавший такой эффектный популистский ход с открытым письмом к Святейшему Патриарху. Но в данном случае вопрос возникает уже не к Ермакову и Мурзину, а к Соловьёву, который эти фотографии извлёк на свет Божий и определил их в качестве фотодокументов,

подтверждающих факт существования царской могилы. Ведь если согласиться с тем, что фотография сделана в 1919 году Юровским, то, естественно, вслед за этим можно признать версию Ермакова, из которой следует, что захоронение под мостиком, вскрытое в 1991 году, было организовано задним числом, то есть когда большевики вернулись в Екатеринбург. К этому выводу можно относиться отрицательно, но он имеет вполне разумное объяснение: таковая ситуация вполне могла реально произойти, и группа лиц, совершившая эту акцию, запечатлела себя для памяти или для отчёта, на месте, где сие деяние произошло. Но если эти фотографии, как утверждает Соловьёв, сделаны в 1924 году, то тут возникают вопросы, на которые трудно что-то вразумительное ответить. Чем, собственно, двадцать четвёртый год знаменит, кроме того, что в этот год Екатеринбург был переименован в Свердловск? Никакими юбилеями он не отмечен и ничем не соединён с событием шестилетней давности. Что могло собрать верхушку уральской власти в лесной глуши? Только желание попозировать перед объективом на «царской» могиле? Какова цель этой «кладбищенской» встречи, тем более, что главная персона, Юровский, на ней не присутствует? Правда, Ермаков утверждал, что Юровский фотографировал, поэтому, естественно, самого на снимке нет, но снимал-то он (по Ермакову) в 1919 году, а не в 1924.

Прокурор-криминалист Соловьёв, с присущей ему самоуверенной безответственностью, без всякого объяснения заявляет, что фотографии, негативы которых он отыскивал в каком-то архиве, были сделаны летом 1924 года на месте «погребения семьи Романовых» (эта фотография, если Соловьёв не придумывает только для того, чтобы эта дата не совпала с версией Ермакова, могла появиться по указанию Москвы, где таковой материал понадобился в качестве иллюстрации для сочинения Покровского, или если могилу создали именно в 1924 году. А может быть, всё как раз так и было, и Соловьёв несколько не лукавит, называя точный год проведённой фотосъёмки, умалчивая только о поводе, который спровоцировал появление этих снимков?).

Так же безапелляционно, но уже не гнушаясь откровенного лукавства, Соловьёв утверждает: «Среди приведённых документов, исключая воспоминания Ермакова П.З. (а почему, без всякого юри-

дического объяснения и обоснования следствие их исключает? — А.Г.) в вопросах, касающихся организации захоронения останков Николая II нет противоречий и разночтений (противоречия есть и есть разночтения, только прокурор Соловьёв не считает нужным обращать на них внимание и тем более давать оценку сим противоречиям с точки зрения беспристрастного следственного дознания. — А.Г.). Необходимо специально отметить, что полностью совпадают сведения людей, либо не связанных между собой по должности или роду деятельности, либо разделённые значительным временем (например, воспоминания И.И. Родзинского, М.А. Медведева (Кудрина) и воспоминания Я.М. Юровского)». Это очень бесстыдное утверждение. О разночтении Медведева-Кудрина с «запиской Покровского» и воспоминаниями Юровского уже говорилось выше. А вот чекиста Родзинского Соловьёв упомянул легкомысленно, его бы вернее было причислить к стану ермаковщины.

Бывший член Коллегии Уральского областного ЧК Исай Иделевич Родзинский (или Радзинский, как он упоминается в некоторых документах) опрошен был в 1964 году заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, будущим известным «прорабом перестройки» Александром Николаевичем Яковлевым. Об этом эпизоде из своей партийной жизни Яковлев оставил довольно подробный рассказ в своих воспоминаниях. Ему поручено было по распоряжению Хрущёва выяснить и доложить обстоятельства расстрела Царской Семьи. Поводом к такому поручению послужило обращение сына Медведева-Кудрина к Хрущёву, которому отец завещал передать в ЦК воспоминания о его участии в убийстве Николая II и браунинг, из которого Царь был застрелен. Тогда, после громких разоблачений «культа личности», потомки царевубийц зашевелились. Юровский-младший шлёт петиции в «родные органы», напоминая о «исторической» заслуге своего родителя, лично расстрелявшего «бывшего императора», и требует оградить «светлую о нём память» от «вражеских» наветов. «Чтобы восполнить этот пробел, — написал О.А. Платонов, — друг семьи Юровских Яков Резник пишет одну из самых фальшивых и лживых книг своей эпохи — повесть “Чекист”. В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного, порядочного человека». Прокурор-

криминалист Соловьёв тоже аттестует Юровского как человека «честного».

Что думал Хрущёв, когда давал указание разобраться с «участниками» екатеринбургского злодеяния, неизвестно, в своих воспоминаниях он об этом никак не обмолвился. Дело это доведено до конца не было, в том же 1964 году Хрущёва отправили на пенсию. На том всё и заглохло. Но всё-таки от того короткого времени остались очень ценные свидетельства. Яковлев успел допросить бывшего помощника коменданта «дома особого назначения» Никулина и его чекистского коллегу Родзинского. Первый поведал о расправе в подвале ипатьевского особняка, ничего особенно нового не добавив к тому, что было сочинено Покровским, а вот откровения Родзинского, побывавшего в урочище Четырёх Братьев и присутствовавшего при уничтожении трупов, заставляют задуматься. Вспоминая уже в постсоветское время беседу в кабинете на Старой площади, Яковлев писал: «Поначалу приглашённые не могли понять, зачем их пригласили в ЦК. Объяснил, что есть поручение Хрущёва выяснить обстоятельства гибели царской семьи. После одной-двух встреч собеседники начали отгаивать» (то есть вспоминать, что произошло на самом деле. — *А.Г.*).

Конечно, это был ещё 1964 год, и Яковлев был не ярым демократом, а крупным чиновником по линии партийной идеологии, и не во имя восстановления исторической справедливости в отношении последнего Российского Императора затеяна была вся эта эпопея. Царь оставался таким же «кровавым», каковым он всегда именовался у большевиков. Поэтому представить трудно, каков был на самом деле разговор у зам. зава по идеологии с бывшим чекистом, непосредственным участником кровавой драмы, попавшим в тридцатые годы вслед за многими своими соратниками в мясорубку сталинских репрессий и только после смерти отца родного обретшим свободу. Яковлев писал свои воспоминания в конце двадцатого века, писал уже не озираясь на «отдел агитации и пропаганды», но очень сглаживая острые углы, писал себе в оправдание, себя всячески выгораживая из всего своего партийно-коммунистического прошлого. Вспоминая о впечатлениях, которые на него произвели откровения бывшего чекиста, Яковлев отметил: «Я уверен, что он говорил правду. О своих действиях (так бывший партийный идео-

лог квалифицирует кровавый шабаш, учинённый над беззащитными людьми. — А.Г.) он рассказывал без восторга, но и не сожалел о содеянном. Ему не было никакого смысла лгать».

Но разговор, который произошёл у Яковлева с Родзинским, гласности никогда предан не был. Что поведал Родзинский в стенах «родного ЦК», никто не знает. Яковлев беседу не комментировал. То, что нам известно, это радиозапись, сделанная уже после встречи Родзинского с Яковлевым и фрагментарно опубликованная историком и членом Правительственной комиссии В.В. Алексеевым в 1993 году.

Какая-то путаница во всём повествовании Родзинского присутствует, то ли сознательно, то ли за давностью лет, понять нельзя. Как события развивались по времени, тоже непонятно. Юровский уехал с Ганиной Ямы в город доложить о ситуации и вернулся назад «уже поздно». Вскоре появились «разведчики», которые отыскали другую шахту. Обсудили создавшееся положение и стали грузить весь «этот штабель», после чего тронулись в путь. Когда застряли, «дело было к вечеру» (вроде как бы и не поздно). В чём-то его рассказ переключается с «официальной» версией, по которой на третьи сутки трупы погрузили на грузовик и повезли хоронить в другое место. Машина застряла в трясине прямо на дороге, где, провозившись какое-то время, решили хоронить. «Мы сейчас же эту трясину расковыряли, — рассказывает Родзинский. — Она глубока бог знает куда. Ну, тут часть разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили всё, а потом всё это в трясину. Мы привезли гнилых шпал. Разложили этих шпал в виде мостика, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать».

«Но вот, помню, — заканчивает Родзинский, — Николай сожжён был, был это самый Боткин. Сколько мы сожгли, то ли четырёх, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то ещё такое сильно действующее, дерево тут подкладывали. Ну долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложил в город (это из Поросёноква лога? — А.Г.) и потом уже приехал (по Покровскому уложились в

два часа — А.Г.). Уже ночью было (то есть жгли целый день? — А.Г.). Вот так, собственно говоря, захоронили».

Полная каша: «застряли к вечеру», возились долго и «долго жгли», сам успел съездить в город и вернулся **ночью**, хотя память бывшего чекиста сохранила много деталей, которые так просто выдумать, спустя сорок шесть лет, нельзя, особенно учитывая то, что не перед пионерами или пенсионерами он вспоминал о своей революционной молодости, а по указанию того учреждения, куда, переступая порог, не мог он не испытывать внутреннего трепета и страха. Придумать, как горела «человечина», какие источались запахи, придумать всю эту сцену, которая длилась много часов, невозможно. Тем более, учитывая ситуацию, побудившую его к воспоминаниям. То, что описывает Родзинский, напоминает очень рассказ Ермакова и могло происходить только там, на шахте в урочище Четырёх Братьев. В Поросёнковом логу возле домика путевого сторожа, который даже по Юровскому мог стать свидетелем, такового действия быть не могло. Да и Родзинский должен был бы домик на железнодорожном переезде заметить.

23 мая 1998 года я был приглашён в Останкино известным тележурналистом Аркадием Мамонтовым. Правительственная комиссия уже вынесла свой вердикт, и власть готовилась к торжественной акции в Санкт-Петербурге. Мамонтов со своим коллегой из НТВ, в преддверии этого события, работал над материалом для эфира, которым надеялся привлечь внимание общественности с тем, чтобы возбудить протестную реакцию относительно предстоящего захоронения царских останков. Стержнем этого материала являлась плёнка с записью воспоминаний Родзинского, которая была произведена в Радиокомитете уже после его беседы в ЦК партии. Когда кто-то из членов Правительственной комиссии поинтересовался у Соловьёва этой записью, то он ответил, что, к сожалению, запись не существует, ибо плёнка была уничтожена ещё в семидесятые годы. Соловьёв, конечно, врал, ибо о том, что запись существует, было известно в 1994 году от Ильюшенко, исполнявшего в то время обязанности Генерального прокурора, из официального его письма в адрес Ярова, в котором, в частности, указывались координаты архивного фонда с номером хранения, где эта запись находилась. Там Мамонтов её и отыскал.

Моя встреча с Мамонтовым началась с того, что он включил магнитофон и я услышал голос, скрипучий, ровный, без всяких эмоций, голос того, у кого от всего кошмара в урочище Четырёх Братьев только запах горящего человеческого тела оставил неприятное воспоминание. Обо всём остальном он говорил как бы даже с удовольствием, приводя подробности, от которых мурашки ползли по коже. «Проглотил одиннадцать пуль... живучий парнишка». «Парнишка» — это Цесаревич Алексей Николаевич. Бывший чекист вспоминает, как убивали четырнадцатилетнего Наследника Российского Престола. То, что память его сохранила картину этой зверской расправы, подтверждает другой соучастник, некий Стрекотин, охранник из окружения Павла Медведева, присутствующий в ту ночь в доме Ипатьева. Он помнил, как убивали Царевича Алексея, и в своих воспоминаниях, написанных в конце двадцатых годов, оставил об этом свидетельство. «Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а наследник всё ещё сидел на стуле. Он почему-то долго не упал (так в оригинале. — А.Г.) со стула и оставался ещё живым. Впритруть (в упор) начали ему стрелять в голову и грудь, наконец, и он свалился со стула». А когда закончилась стрельба, и трупы стали выносить, оказалось, что не все были мёртвы. Ермаков принялся штыком докалывать Великих княжон. «Это был самый ужасный момент их смерти, — вспоминал Стрекотин. — Они долго не умирали, стонали, передёргивались. В особенности тяжело умирала та особа — дама (горничная Демидова). Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол».

В Меморандуме Зарубежной комиссии, который ещё в 1993 году был направлен в адрес Ярова, в одном из пунктов говорилось: «Ряд иностранных исследователей, работавших над теми же вопросами, что и Комиссия, сообщили нам, что им известно о материалах, которые указывают на то, что конец жизни Императорской Семьи в доме Ипатьева был страшнее, мучительнее и ужаснее, нежели было доселе известно. Более того, те же документы свидетельствуют о том, что их тела были после смерти подвержены бесчеловечному глумлению». Картина, нарисованная в Меморандуме, документального подтверждения не получила, но «откровения» Родзинского и Стрекотина наводят на грустные мысли. Их «летописное» повест-

вание заметно отличается в сторону жестокости от всех прочих свидетелей из большевистского окружения.

То, что я услышал в Останкине, произвело на меня гнетущее впечатление. Поразило, с каким цинизмом, спокойно, иногда даже как-то отвратительно подхихикивая, старый человек, ему тогда уже было под семьдесят, рассказывал об убийстве невинных детей, о том как «фрельну», мечущуюся по комнате, добивали прикладом и как глумились над трупами уже в лесу, словно речь шла о чём-то достойном уважения. Хотя в те глухие советские годы наследники «железного Феликса» были в почёте.

В Радиокомитет Родзинского отправил А.Н. Яковлев, предварительно в течение несколько дней допросив его в своём цеховском кабинете. Яковлеву верить тоже никак до конца нельзя. Ведь допрашивал бывшего чекиста не «прораб перестройки», который писал мемуары, а второе лицо в самом что ни на есть идеологическом отделе ЦК КПСС. То, что сохранила магнитофонная запись, с одной стороны, не вписывается в официальную версию, а с другой — создаёт довольно противоречивую картину того, как и где всё происходило. Можно предположить, что Родзинский в ЦК был более откровенен, чем потом в Радиокомитете, куда он явился уже «отредактированный» Яковлевым, оттого его рассказ столь путаный. На эту мысль наводит то, что в своих воспоминаниях Яковлев только упоминает о беседе с Родзинским, но из его рассказа не приводит ни одного факта, ранее не известного. Зато очень подробно пересказывает весь текст, сочинённый Покровским, вставляя в канву этого текста имя своего собеседника, будто бы обо всём этом он услышал от Родзинского. Яковлев пишет: «О том, почему вблизи деревни Коптяки колчаковцем не удалось найти ни одного трупа членов царской фамилии, рассказал мне 15 мая 1964 года Родзинский. Когда руководителям Уральского совета утром 17 июля стало известно, где и как захоронен Николай и его семья, они пришли к выводу, что место это ненадёжное и может быть обнаружено. Поэтому Юровскому и Родзинскому было дано задание укрыть трупы в другом месте». И далее: «По дороге грузовик застрял в топкой трясине. Тогда решили захоронить царскую семью прямо в этом топком месте на Коптяковской дороге. Вырыли в торфе большие ямы, часть трупов, облив керосином, сожгли. Затем останки сложили в яму,

присыпали землёй и заложили шпалами. Несколько раз проехали, следов ямы не осталось». Последнее предложение дословно переписано из «Записки Юровского».

Аркадий Мамонтов пригласил меня не только для того, чтобы я послушал откровения Родзинского. Он в это время вёл собственное расследование Екатеринбургской трагедии и занимался поиском неизвестных документов и таковых же свидетельств, считая, что не все архивы открыли свои тайные хранилища. Более того, он уверял, что в Президентском архиве есть фонд (он даже называл его шифр), в котором хранятся какие-то секретные документы, имеющие прямое отношение к Государю, но к которому допуска нет. В этом фонде, как кто-то ему говорил, должны быть фотографии или негативы, сделанные в подвале ипатьевского дома и на руднике, которые удостоверяли, что вся Семья была умерщвлена, и что эти «вещественные доказательства» были Юровским представлены на его докладе в Москве, в качестве подтверждения того, что никто из екатеринбургских узников не остался в живых. О существовании этих фотографий, как говорил Мамонтов, он узнал от старой большевички (если не ошибаюсь, он называл фамилию Заславской), которая ему поведала, что сама их видела у Свердлова. А уже в нынешнее время в интервью «Русскому журналу», вспоминая поиски тех лет, Мамонтов высказался довольно безнадежно: «Многие данные до сих пор не рассекречены, несмотря на то, что прошло столько лет. Видимо, кому-то очень нужно, чтобы мы не узнали всей правды. Есть такие папки, которые хранятся в спецархивах под грифом “Совершенно секретно”, и многие документы, связанные с расстрелом царской семьи, спрятаны в серых папках, содержимое которых мы узнаем ещё не скоро».

В адрес Правительственной комиссии Мамонтов высказывался очень нелюбезно, утверждая, что выводы, которыми она завершила свой многолетний «труд», являются недостоверными. Его интересовало моё мнение, как бывшего члена Комиссии. Я довольно подробно изложил своё отношение к так называемой «записке Юровского», поделился сомнением по поводу достоверности всех вообще поисков и находок Рябова и компании, сказал, что совершенно не доверяю Соловьёву, и что документ, который он представил в Комиссию как результат завершённого им расследования уго-

ловного дела, на самом деле является лишь компиляцией известных материалов без всякого анализа и прокурорского осмысливания. Аркадий Мамонтов с Соловьёвым встречался и беседовал, и тоже со своей стороны подтвердил, что тот «не искренен», и высказал уверенность, что он выполняет предписанную ему роль, то есть утверждает ту «правду», которую он должен утверждать по своему служебному положению. Размышляя на эту тему, он также предположил, что те силы, которые категорически отстаивают версию подлинности екатеринбургских останков, стремятся как можно скорее предать их земле, ибо уже потом будет очень сложно возвращаться к этой теме, даже если будут обнаружены какие-то новые обстоятельства. Уповал он только на Православную Церковь, веря в её нравственную и духовную силу. Наш диалог записывался на плёнку. Материал Мамонтов готовил к выпуску в эфир не позднее 15 июля, то есть в канун «торжественной» акции в Петропавловском соборе. Я этой передачи не видел.

* * *

О том, что обнаруженные под Екатеринбургом останки принадлежат Царской Семье и лицам из их окружения, было известно ещё до учреждения Правительственной комиссии. Сразу же после вскрытия могильника в Поросёнковом логу газета «Вечерний Свердловск» опубликовала статью под названием «Обнаружены останки Царской Семьи», в которой, в частности, писалось: «При раскопке обнаружено девять человеческих скелетов, с большой достоверностью относимых к членам царской семьи». Да и Правительственная комиссия в своём наименовании, во второй её части, определённо декларировала «перезахоронение», причём перезахоронение останков Николая II и Его Семьи, то есть в момент учреждения Комиссии конечный результат её работы был определён. Уже на первом заседании Комиссии, 26 октября 1993 года было заявлено о том, что основная часть экспертизы завершена, а на заседании 8 февраля 1994 года было представлено «Заключение» о завершении работы Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы. Член Комиссии и главный судебно-медицинский эксперт, В.О. Плаксин сказал:

— Экспертиза закончена. Можно, конечно, исследования проводить до бесконечности, но мы считаем, что на этом этапе те результаты, которые существуют, позволяют в категорической форме сказать, что идентификация останков завершена и что дальнейшее проведение исследований следует прекратить.

Тогда же, после дискуссий вокруг документальной базы доказательств, было принято решение просить Генеральную Прокуратуру подготовить проект «Заключения», к которому пришло следствие с тем, чтобы члены Комиссии могли внести в него свои замечания и поправки.

Ожидаемый доклад по «Заключению» Генеральной прокуратуры, однако, Комиссии представлен не был. И это не по вине прокурора-криминалиста Соловьёва и не по его нерадению. За несколько дней до назначенного заседания в план работы Комиссии были внесены изменения. Вместо «Заключения Генеральной прокуратуры», докладчиком по которому предполагался заместитель Генерального прокурора Э.Г. Денисов, в повестку дня первым пунктом было поставлено «Сообщение о результатах изучения проведённой судебно-медицинской экспертизы и уголовного дела по факту убийства царской семьи», которое должен был сделать старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, представитель Русской Православной Церкви Сергей Алексеевич Беляев. Таковой перемене предшествовало обращение Святейшего Патриарха к председателю Правительственной комиссии Ю.Ф. Ярову. Патриарх высказал пожелание, чтобы на Комиссии Беляев сделал сообщение, касающееся предполагаемых останков царской семьи, по оценке Патриарха содержащее мысли, заслуживающие внимания. «Направляя Вам предоставленный мне доклад (*Приложение № 13*), — писал Ю.Ф. Ярову Святейший Патриарх, — просил бы Вас на очередном заседании Комиссии дать возможность Сергею Алексеевичу лично представить свои соображения, изложенные в прилагаемой им записке по археологии и исторической части, в которых он является специалистом. Осторожное отношение Церкви к данной проблеме определяется тем обстоятельством, что, как Вам известно, Русская Зарубежная Церковь давно уже канонизировала членов убиенной Царской семьи. Вопрос об их канонизации изучается и в нашей Церкви. Церковь же не может допус-

тить, чтобы в случае канонизации ею Царской семьи, почитание осуществлялось вместо святых мощей (т. е. абсолютно достоверных останков) — лжемощам. Игнорирование позиции Русской Православной Церкви может поставить под вопрос дальнейшее участие представителя Церкви в работе Комиссии» (*Приложение № 14*).

Деликатный намёк своё дело сделал, и в ответ на обращение Патриарха Яров написал: «Заключение С.А. Беляева направлено для тщательного изучения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава России. Представленные Вами материалы будут самым серьёзным образом рассмотрены на заседании Комиссии 22 апреля 1994 года, на которое мы предполагаем пригласить С.А. Беляева».

Свой доклад С.А. Беляев начал «во здравие». Он отметил, что судебно-медицинская экспертиза провела большой объём работ, получив интересные материалы, которые, как, например, определение пола лиц, можно считать решёнными и не вызывающими возражений. Однако целый ряд важных вопросов, по мнению Беляева, «необходимых для правильной идентификации», требуют проведения дальнейших исследований.

— Как известно, — сказал Беляев, — и убийство и особенно дальнейшая судьба тел убитых держались в строжайшей тайне. Поэтому идентификация обнаруженных под Екатеринбургом в июле 1991 года девяти человеческих скелетов не должна сводиться только к экспертизе. Для убедительности выводов следствия необходимо доказать, во-первых, что именно убитые члены Императорской семьи были положены в это место, во-вторых, что в июле 1991 года было вынута из земли то, что было положено в 1918 году.

Обратив особое внимание членов Комиссии на тот богатый материал, который сохранило следствие Соколова, Беляев сказал:

— В материалах современного уголовного дела имеются ксерокопии некоторых документов, но практически полностью игнорирован и снят тот вывод, к которому пришёл Соколов на основании изучения материала дела; вывод о том, что останки Царской Семьи были сожжены. Здесь нужно быть особенно внимательным и осмоторительным, потому, хотим мы или не хотим, но весь мир с 1919 года вырос и воспитан на выводах Соколова, и так быстро снять это всё и проигнорировать это следствие, не развив те аргументы, которые

приводит Соколов, по-моему, было бы несправедливо. Тем более что, как показывает ознакомление с теми материалами Соколовского дела, которые были опубликованы, при проведении следствия были на кострищах обнаружены останки обгорелых костей, подвергнутые действию кислоты.

Далее Беляев заострил внимание на том, что в настоящее время существует несколько гипотез о методе и месте сокрытия тел убитых членов Царской Семьи и что не проведены исследование и анализ тех документов, которые посвящены этому вопросу, особенно те, что были получены из секретного хранения.

— Их глубокий анализ, — продолжал Беляев, — нужен хотя бы потому, что некоторые из них вышли из-под пера людей, принимавших участие в убийстве, и неизвестно, какими мотивами эти люди руководствовались, сообщая об обстоятельствах сокрытия тел.

Беляев сказал, что не уделено достаточного внимания следственному делу Соколова, что не проведены исследования самих останков и почвы, из которой они были извлечены с тем, чтобы было определено, каким образом тела жертв были туда положены: одновременно или несколькими группами, целыми или расчленёнными, а также не проведена экспертиза «записки Юровского», на основе которой следствие ориентирует свою доказательную базу. Завершая свой доклад, С.А. Беляев сказал:

— Изучив материалы Уголовного дела по обстоятельствам гибели членов Российского Императорского Дома, я пришёл к убеждению, что на данный момент не все вопросы, связанные с идентификацией обнаруженных под Екатеринбургом девяти костных останков, получили удовлетворительное решение, и что не все исследования, которые могли бы их снять, проведены. Таким образом, следует сделать вывод, что данные этого уголовного дела и проведённая по нему экспертиза не позволяют со всей определённой уверенностью утверждать, что обнаруженные под Екатеринбургом человеческие останки принадлежат Царской Семье.

Доклад С.А. Беляева вызвал реакцию довольно бурную. Возникла дискуссия, в которой наибольшую активность проявили представители судебно-медицинской экспертизы. Главным оппонентом Беляева был заведующий отделом внедрения новых технологий Абрамов, который выступал вслед за Беляевым. Он подверг крити-

ке ряд вопросов, связанных с медицинскими проблемами, оспаривал некоторые выводы, которые прозвучали в докладе Беляева. Вслед за Абрамовым с критическими замечаниями выступил Главный судебно-медицинский эксперт В.О. Плаксин.

— Высказанные в докладе С.А. Беляева сомнения относительно качества проведённых исследований и достоверности их результатов, — сказал он, — на наш взгляд, основаны на недостаточном знании инструктивно-методических материалов, которыми руководствуются судебно-медицинские эксперты в практической деятельности, и на произвольной трактовке методологии судебно-медицинской идентификации.

Однако претензии, которые Беляев обратил в адрес Прокуратуры и следствия, приняты были довольно спокойно. Присутствующие от этого ведомства заместитель Генерального прокурора Денисов и прокурор-криминалист Соловьёв согласились с тем, что по некоторым вопросам необходимо продолжить исследования. Доклад Беляева имел определённые последствия. Понятно было, что позиция, с которой он выступил, это позиция Церкви и что всё вовсе не так «безоблачно», как казалось первое время. 20 августа 1994 года газета «Гудок» опубликовала статью «О предварительных итогах работы Правительственной комиссии», в которой, в частности, было сказано, что несмотря на то, что судебно-медицинская экспертиза «достоверно свидетельствует» о принадлежности изучаемых останков царской семье, Комиссия приняла решение «не считать их окончательными». Владыка Ювеналий на одном из заседаний в ответ на утверждение Соловьёва о «бесспорной принадлежности» останков, вырытых в Поросёнковом логу, царской семье, заявил:

— Без серьёзного комплексного подхода к вопросам, ставящим под сомнение подлинность останков, без получения удовлетворительного решения по этим вопросам, которое может быть принято с чистой совестью, работу Комиссии нельзя будет считать завершённой.

Времена были таковы, что голос Церкви полностью игнорировать было невозможно, более того, нужно было заискивать перед Церковью, ибо именно на Церкви держался весь авторитет Правительственной комиссии. После выступления Беляева прокурор-криминалист заявил, что хотя документ о завершении следствия Генеральной прокуратурой подготовлен, «но в связи с позицией

Святейшего Патриарха» этот документ будет несколько дополнен ещё одной генетической экспертизой.

— Эту операцию надо выполнить, чтобы у нас совесть была чиста, — сказал Яров. — Это просьба Патриарха, и мы должны сделать всё, чтобы эта операция была выполнена и чтобы была дана возможность ознакомиться с результатом экспертизы.

В то же время вопрос о завершении всех исследований и предполагаемом скором захоронении продолжал широко обсуждаться. Прокурор-криминалист заверил Председателя Комиссии в том, что планируется завершить следствие с вынесением решения по всем материалам дела в декабре 1994 года. Исполняющему обязанности Генерального прокурора А.Н. Ильюшенко было поручено предоставить в Комиссию официальное заключение о результатах идентификации останков. Тогда же при обсуждении вопроса о предстоящем погребении было прочитано письмо Никиты Сергеевича Михалкова, с которым он обратился на имя Ярова, предлагая себя в качестве куратора и идеолога предстоящей траурной процессии (*Приложение № 17*). «Более всего я бы опасался, — писал Михалков, — чтобы этот высокий акт покаяния и прощения не превратился бы в очередное официозное “мероприятие” со всеми оттенками шутовского балагана. Полагаю, что мой опыт творческой деятельности, мои жизненные и нравственные воззрения позволяют мне предложить свою скромную персону для ведения этого направления. Я могу выступить при подготовке к проведению этого великого Дня окончания многолетней гражданской войны в России и как режиссёр и как координатор, отвечающий за эстетическую сторону этой Великой Акции».

— Вы получили обращение Михалкова, — сказал Яров. — Я думаю, обсуждать здесь не будем. Его нет, он сейчас в Израиле. Вернётся, будет на заседании, я думаю, тогда ему предоставим слово.

Отозвался С.Н. Красавченко, первый заместитель руководителя Администрации Президента. Он сказал:

— Я с уважением отношусь к Никите Сергеевичу как к режиссёру, но у меня возникает сомнение относительно того, чтобы один человек монополизировал всю эстетическую сторону этого. Так же есть сомнение, что во второй части его обращения он заранее уже высказывает недоверие и к Комиссии, и к тем, кто может заняться

этим эстетическим оформлением и сценарием. Вплоть до «шутовского балагана». Это уже настроение несколько агрессивное. У меня такое мнение, что, может быть, учесть пожелания Никиты Сергеевича, выслушать его. Но чтобы не один он это делал, и не был, как в письме сказано, координатором. Координатор — Комиссия, председатель Комиссии. Нельзя отдавать всё одному человеку.

Яров ответил:

— Коллеги, нет, мы не будем отдавать. Выслушать, наверное, Никиту Сергеевича надо. Я считаю, что это хорошо, когда люди предлагают. А форма изложения у него такая. Он атакует, чтобы мы дрогнули и понимали, что, не дай Бог, он сразу нам ярлык приклеит, что мы оппортунисты или ещё кто-нибудь.

Далее Яров сообщил о «кадровых» переменах. Вместо Адамишина, который уехал послом в Лондон, от Министерства иностранных дел был назначен И.С. Иванов. Освобождены от членства в Комиссии были: Екатеринбургский губернатор Россель, прокурор Денисов, вместо которого членом Комиссии стал заместитель Генерального прокурора В.В. Колмагоров. Никитину от Министерства культуры сменил Брагин.

Завершилось заседание решением направить представительство от Правительственной комиссии в лице судебно-медицинских экспертов на конференцию «Государство и легитимность», проведение которой предполагалось в начале октября в помещении Государственной Думы.

— Это запишем Вам как просьбу, как поручение, — сказал Яров. — Надо людям разъяснить, рассказать, отвечать на их вопросы. Когда они (оппоненты. — *А.Г.*) в кавычках пишут, это же с чьего-то голоса поют. Надо показать, что за этими кавычками стоят не домыслы, а большой научный труд.

— Между прочим, когда мощи Саровского нашли, экспертиза не проводилась. Просто вокруг этого (имеются ввиду останки. — *А.Г.*) политические игры начинаются, — посетовал Собчак.

Следующее заседание Комиссии (28 октября 1994) началось с доклада Соловьёва, зачитавшего ответ исполняющего обязанности Генерального прокурора Ильюшенко на запрос Председателя Комиссии, в результативной части которого было заявлено: «Учиты-

вая, что в уголовном деле об обнаружении останков девяти человек в окрестностях Екатеринбурга имеются достаточные доказательства, свидетельствующие о том, что они принадлежат членам семьи и лицам из окружения бывшего императора Николая II, а все необходимые исследования выполнены, Генеральная прокуратура не возражает против их захоронения в местах, определённых Правительством Российской Федерации». К Соловьёву, который комментировал заключение Генеральной прокуратуры, вопросов было много. Они в основном все касались разночтений в существующих свидетельствах, на которые Прокуратура не обращает должного внимания.

— В ответе Прокуратуры, — сказал митрополит Ювеналий, — не содержится самая главная информация. Имеются ли противоречия в определении главного вопроса: царская семья или не царская.

Далее владыка напомнил, как всегда в очень деликатной форме, что никакого ответа не получено до сих пор из Генеральной прокуратуры в отношении документа, представленного С.А. Беляевым, хотя в письме Святейшему Патриарху Председателем Комиссии такие заверения были даны (заверения были даны в апреле, то есть более полугода назад). Владыка Ювеналий подчеркнул, что Священному Синоду очень важно знать позицию Комиссии по затронутым в документе Беляева вопросам, ибо от этого зависит и позиция, которую займёт Церковь.

С аналогичными претензиями выступил историк В.В. Алексеев.

— В заключении Генерального прокурора сказано: судебно-медицинские материалы подтверждаются историческими исследованиями. Я бы выразил некоторые сомнения по этому поводу. Из других документов мы читаем о том, что нужно провести дополнительные исследования. В своё время я представлял в Комиссию новые документы, которые несколько противоречат тому, что сказано в заключении Генпрокуратуры. Они представлены были ещё в апреле прошлого года, но ответа я никакого не получил (так же как и Святейший Патриарх. — *А.Г.*). Я считаю, что формулировка, данная Генеральной прокуратурой, преждевременна. Исторические исследования нужно продолжить и их расширить и углубить (*Приложение № 16*).

Председатель Комиссии выразил своё согласие, что специалисты должны работать, и предоставил слово митрополиту Ювеналию.

— До сих пор в стороне остаётся вопрос, — сказал владыка, — который время от времени поднимается, как у нас, так и за границей, особенно в среде русской эмиграции, это вопрос о ритуальном характере убийства Николая II и членов его Семьи. Недавно к Его Святейшеству было обращение из Генеральной прокуратуры с просьбой оказать помощь в подборе материалов, касающихся этой темы. Я буду докладывать на архиерейском Соборе о том, что, проводя работу Комиссии по канонизации Святых, я обратился в Духовную академию за разъяснениями по этому вопросу. Но наших церковных сил, я мужественно хочу заявить, тут не хватит, если не помогут учёные, а вопрос очень серьёзный.

Вопрос не только серьёзный, но и чрезвычайно неприятный. На Комиссии он никогда не обсуждался и никто, кроме представителя Православной Церкви, оную тему не затрагивал. Яров ничего вразумительного в ответ владыке сказать не сумел, вроде бы дело не его, а чуть ли не персонально владыки Ювеналия, вот, мол, и ищите тех самых учёных, и плавно перешёл к проблеме предстоящего царского погребения. Докладывал Пихоя. Он сказал, что по вопросу о времени захоронения никакой дискуссии не было, вопрос решённый — это Прощёное воскресенье, которое приходится на 23 марта будущего года. Также решено, что местом захоронения явится усыпальница российских императоров в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Далее Пихоя сказал:

— Следующий вопрос связан с процедурой траурной церемонии. Будет ли церемония государственная или муниципальная. Мнение нашей Комиссии однозначно — это государственная церемония, и предполагается, что эта церемония должна распадаться на три части: первая часть церемонии должна пройти в Екатеринбурге, вторая — в Москве, и третья часть должна быть в Санкт-Петербурге. Этот вопрос мы обсуждали и пришли к выводу, что есть три города, причастные к данному событию. Устраивать просто коловращение по городам и весям российского государства было бы не очень правильно.

Последним аккордом по теме торжественного погребения царских останков стало выступление приглашённого на заседание Комиссии, Н.С. Михалкова. Речь его отличалась от всех до него высказывавшихся своей особой многозначительностью. Странно, что ни разу в своём выступлении не вспомнил он о Государе, ни одним

словом не обмолвился о том, что, прежде чем писать «похоронный» сценарий, нужно убедиться, что кости действительно Царские, подлинные, не фальшивые, что действительно готовится к совершению акция высокой нравственной категории, а не лживая мистификация, покрывающая какую-то страшную тайну, причём отлично зная настороженное отношение Святейшего Патриарха ко всему, что связано с останками. А Никита Сергеевич — человек православный и монархист к тому же. В своём письме на имя Ярова он писал: «Моё обращение к Вам, как к Председателю Государственной комиссии, специально созданной для проведения этого печального, но вместе с тем высокого действия». То есть как бы Комиссия была создана не для исследования и выяснения действительной принадлежности останков (что, скорее всего, и было), а для погребальных торжеств.

— Я, слушая то, о чём здесь говорится, — сказал Михалков, — торопю от той ответственности, которая лежит на Комиссии, понимаю, сколь это глубоко, серьёзно, ответственно и опасно. Установление идентичности — это всё дело учёных, и мне кажется, что то, о чём я буду говорить, касается только того, что может и должно быть после того, как будет принято решение о перезахоронении. Первое, что мне кажется самым важным. Ради чего это делается? Если это делается ради того, чтобы совершить некую гражданскую акцию, то это одно дело. Но я глубоко убеждён в том, что страна Россия мистическая и это явление, как таковое, должно стать актом окончания гражданской войны, актом всенародного покаяния. Если эта акция не будет поднята на уровень всенародного покаяния и осознания реальности совершённого — это будет очередное шоу и Комиссия только лишь поставит галочку. Я считаю, что это должно стать принадлежностью всех и каждого, по крайней мере, на протяжении движения от Екатеринбурга к Санкт-Петербургу. Поэтому я бы предлагал, занимаясь этим вопросом, самоорганизацией, самоэстетикой этого вопроса, передать эти останки из рук в руки через страну. Я никогда не предлагал свою кандидатуру, это не входит в мою конкретную профессию, но, с другой стороны, я очень боюсь, что когда станет это событие реальностью, то такое количество безбожников и фарисеев, жуликов, просто бандитов к этому будут пытаться прикоснуться, что в результате справиться мы с этим не сможем никогда, мы эту возможность, в XX веке — объединить Россию — упустим.

К сожалению, Михалков более увлекся «Россией мистической». А ведь при его широкой известности, при его возможностях активно влиять на общественное мнение и в какой-то степени на власть, если бы он озаботился не декоративной стороной «этой Великой Акции», а обретением истины, то, может быть, и весь процесс, связанный с работой Правительственной комиссии, пошёл бы иным путём, более ответственным перед мнением общественных и религиозных кругов и более требовательным к представителям процессуально-криминалистического анализа.

А призыв к всенародному покаянию, к окончанию гражданской войны, то есть к примирению «красных» и «белых» (Юровского с Цесаревичем Алексеем, которого тот хладнокровно и медленно достреливал), это навязчивая идея тех, кто не хочет «ворошить прошлое».

Особенной полемики выступление Михалкова среди членов Правительственной комиссии не вызвало. В протоколе заседания Комиссии было записано: «Принять к сведению обращение Н.С. Михалкова». На том всё и кончилось. А в отношении сообщения, сделанного Соловьёвым, было принято следующее решение: «Несмотря на совокупность доказательств, представленных Генеральной прокуратурой Российской Федерации в подтверждение вывода о принадлежности обнаруженных останков семье и окружения российского императора Николая II, имеющиеся материалы ещё не позволяют со всей ответственностью сделать окончательный вывод о принадлежности останков». Стало понятно, что обсуждать похоронную программу ещё рано. Мнение Церкви свою положительную роль сыграло.

30 сентября 1995 года, под председательством Ярова, прошло очередное заседание Комиссии, на котором присутствовали приглашённые члены Зарубежной экспертной комиссии: П.Н. Колтыпин-Валовский, князь Щербатов и профессор Е.Л. Магеровский, а также, как представительница семьи Романовых, мадам Куликовская. Первая часть заседания была посвящена медицинским исследованиям. Иванов Павел Леонидович, заведующий отделом Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы, доложил, что проведённая им в США сравнительная генетическая экспертиза «костных тканей предполагаемых останков Николая Александровича Романова и образцов костных тканей останков Георгия Алек-

сандровича Романова установила полное совпадение генетических характеристик, подтверждающее с абсолютной достоверностью, что исследуемые останки принадлежат родным братьям». Следом за Ивановым выступил Е.Н. Рогаев, который в Канаде проводил экспертизу образцов крови Тихона Николаевича Куликовского. Из его доклада было понятно, что вопросы остались.

— Чтобы достичь высокой вероятности и на 100 процентов быть уверенным, что это действительно истинные останки, необходимо использование большого числа маркера, как это принято во всех идентификациях.

Этими словами Рогаев заключил свой доклад. Как всегда, полным оптимизмом прозвучало выступление Плаксина. Он сказал:

— Как председатель экспертной Комиссии, я готов отвечать за свои слова, что объём исследований, проведённых на сегодня экспертной группой во всех направлениях в плане идентификационных исследований, фотосовмещения, генетической экспертизы, можно к этому добавить не экспертное исследование, я имею ввиду исторические, судебно-следственные, которые позволяют считать, что в данном случае мы имеем дело с семьёй Романовых и экспертная Комиссия за подписью всех её членов это подтвердила. Мы считаем, что судебно-медицинская часть на сегодняшний день закончена. Я абсолютно официально заявляю, как руководитель судебно-медицинской службы России, что те исследования, которые на сегодняшний день проведены, дают возможность не сомневаться, что это Царская Семья, и что те персоналии, о которых мы говорим, это действительно те люди... Мне кажется, судебную медицину надо просто отвести в сторону, они ясны нам, эти люди.

Судить о достоверности медицинских исследований я, естественно, никоим образом не берусь, но я знаю, что целый ряд медиков, специалистов в разных областях, выражали достаточно веские сомнения, а порой полное неприятие всего того, к чему пришла официальная судебно-медицинская экспертиза. Единственное, о чём я могу говорить с полной ответственностью, это то, что членам Комиссии никогда не были предоставлены материалы, которые бы документально подтверждали «передвижение образцов» из екатеринбургского захоронения, отобранных для экспертизы, «от места взятия до места лабораторного исследования» — то, что в Мемо-

рандуме Зарубежной комиссии названо «цепью хранения». Какие фрагменты отправлялись на исследование, от каких костных останков эти фрагменты брались, в каком количестве, кто непосредственно эту работу осуществлял, в присутствии кого и как эта процедура происходила и фиксировалась, как гарантировалось то, что именно те самые фрагменты, извлечённые из захоронения, были доставлены в лабораторию для исследования, и чем гарантировалось, что на каком-то этапе не произошла подмена и прочая и прочая. Таких документов члены Комиссии никогда не получали и удовлетворялись лишь устной информацией представителей судебно-медицинской экспертизы и Генеральной прокуратуры, которые утверждали, что все проведённые под строгим контролем исследования дали положительный результат, чему члены Комиссии должны были верить на слово.

Также членам Комиссии никогда не была представлена так называемая «записка Юровского», ни в каком виде, не только в подлинном, но даже в ксерокопированном варианте, а о том, что она была подвергнута экспертному исследованию, члены Комиссии знали также из голословных заверений прокурора-криминалиста и, естественно, никогда никаких документов, подтверждающих эти заверения, не видели. Правда, сия проблема касалась очень узкой части членов Комиссии. Подавляющее большинство принимало официальную позицию как факт, сомнению не подлежащий, и никогда ни на каких документальных подтверждениях не настаивало, что и понятно. Это были чиновники среднего ранга, назначенные главой правительства и находящиеся в полном подчинении у его заместителя. Своего собственного суждения эти члены Комиссии не имели, во всяком случае, никогда не высказывали своего несогласия с официальной точкой зрения, кроме Брагина, у которого к следствию и экспертизе вопросы возникали.

Если дискуссия начинала углубляться в дебри, нежелательные для дебатов (естественно, не по инициативе чиновников), председательствующий очень ловко умел направлять её в другое русло.

— Коллеги, — останавливал Яров в какой-то момент затянувшуюся полемику, — нет вопросов, можно двигаться дальше.

А дальше, после сообщений, которые были представлены медицинской стороной, слово для доклада дано было прокурору-крими-

налисту Соловьёву. Им было зачитано итоговое Заключение Генеральной прокуратуры, в котором объявлялось об окончании следствия и закрытии уголовного дела. Останки, извлечённые в Поросёновом логу, были официально объявлены останками царской семьи, в связи с чем Прокуратурой было высказано мнение, что никаких препятствий к совершению акции захоронения нет. Доклад Соловьёва вызвал реакцию неоднозначную. Чиновный аппарат, конечно, пребывал в молчаливом согласии. Авдонин и Радзинский дополняли процент полного удовлетворения. Первыми свои замечания высказали приглашённые в качестве «гостей» члены Зарубежной комиссии. Секретарь Комиссии Магеровский обратил внимание на то, что в докладе Соловьёва были, как он выразился, «с юридической точностью и блеском» установлены факты принадлежности останков царской семье. Но в то же время, что Магеровского удивило, в предыдущем докладе (он имеет в виду Рогаева) результаты исследований ДНК были «поставлены под вопрос». Особо болезненная тема, которая волновала членов Зарубежной комиссии, — это так называемая «записка Юровского».

— Вы говорили о записке Юровского, — обратился Магеровский к Соловьёву. — Но я не слышал, как эта записка анализировалась, как она критически рассматривалась, например, графологическая экспертиза, экспертиза языка, экспертиза таких интересных вещей, как, например, присутствие твёрдых знаков вместо апострофов.

Из членов нашей Комиссии высказали свои критические замечания и свою неудовлетворённость итоговым Заключением Генеральной прокуратуры историк Алексеев и митрополит Ювеналий.

По окончании прений по докладу Соловьёва слово было предоставлено «зарубежным гостям». Пётр Николаевич Колтыпин-Валовский от имени своей группы выразил благодарность в адрес главы Правительственной комиссии за приглашение и предоставление возможности «поделиться своими впечатлениями», сказал, что сомнения, которые у членов Зарубежной комиссии имеются по ряду вопросов, вовсе не означают их отрицательного отношения ко всей работе по идентификации останков, ибо ими движет единственное желание установить истину во всей этой трагической истории. Отдав дань вежливости, Колтыпин сказал, что доклад Соловьёва не убедителен и что они считают работу по идентификации останков

не завершённой, что выводы Государственной комиссии основанные только на «биологических исследованиях ДНК», не могут являться бесспорным доказательством. Он высказал сомнение по поводу свидетельских показаний участников кровавой расправы, которые «без каких-либо элементарных анализов и доказательств» принимаются следствием на веру, а также затронул «тему о судьбе головы Государя».

— Эта тема недостаточно исследована, хотя имеется много упоминаний в литературе и прессе — сказал Колтыпин. — Известно, например, что в наше время, в семидесятых годах, практика исследования голов, как способ установления личности убитого принимались советскими спецслужбами, например, эпизод головы Линь Бяо. Об этом был ряд сообщений, как в России, так и за рубежом (в 1994 году газета «Известия» опубликовала статью под названием «Голову маршала Линь Бяо генерал КГБ привёз в Москву», в которой сообщалось, что в 1971 году в Монголии советскими экспертами «во главе с генералом КГБ и медиком генералом В. Томилиным» была вскрыта могила, где был похоронен китайский маршал, погибший в авиакатастрофе. В статье говорилось, что «по мнению Томила» голова его и «по сей день хранится где-то в подвалах бывшего КГБ». — *А.Г.*)

В своём выступлении Магеровский коснулся вопросов медицинских исследований, отметил, что западные специалисты «предпочитают данные, полученные при помощи ДНК, подтвердить документальными источниками», и высказал серьёзные сомнения в отношении всей предыстории обнаружения могильника в Поросёновом логу. В частности, он сказал:

— Мы до сих пор не знаем, как же было найдено место захоронения. Теперь доктор Авдонин начинает всё чаще утверждать, что он «вычислил» это место из какой-то устной информации, ему переданной уже умершими людьми, а не с помощью Рябова, который будто бы шёл по следам «записки Юровского», что, надо заметить, также крайне сомнительно. Одна из главных слабостей показаний-объяснений Рябова и Авдолина — это их нарочитое желание запутать читателя, создать как бы «защитную паутину», чтобы защитить их находку от остальных «любителей-гробкопателей». Сюда же можно отнести и вопрос об отрезанных головах. Если бы Авдо-

нин и Рябов не проявляли столь большого интереса к черепакам, взятым из захоронения, и не возили их и в Москву на несостоявшуюся экспертизу, и на дачу, мы бы не обратили на них особого внимания и не стали бы изучать вопрос об отрезанных головах. Теперь, благодаря данным из книги генерала Дитерихса и эмигрантской прессы 1920-х годов, этот вопрос обрёл право на исследование.

Закончил секретарь Зарубежной комиссии своё выступление, посоветовав на то, что когда он и его коллеги собирались в Москву, у них было «меньше вопросов и сомнений, нежели теперь» после того, как они познакомились с Заключением Генеральной прокуратуры.

Последним от Зарубежной Комиссии выступил князь Щербатов, профессор истории, генеалог, Председатель Союза Дворян в Америке. Он достаточно подробно остановился на «записке Юровского», особо подчеркнув, что она не подвергалась ни одной экспертизе, несмотря на то, что «русский учёный Буранов доказал её фальшивость», отметил интернациональный характер расстрельной бригады, выразил большое сомнение в отношении находки Рябова и Авдонины, приведя в качестве примера для размышлений следующий малоизвестный факт: «Пятого ноября 1919 года чикагская газета “Дейли ньюз” поместила телеграмму своего корреспондента из Советской России: “Николая Романова, бывшего царя, его жены, четырёх дочерей и их единственного сына, Алексея, без всякой тени сомнения нет в живых. Все они казнены ночью 17 июля 1918 года, и их тела сожжены”. Этим корреспондентом был Исаак Дон Левин, бывший друг главных революционеров в России, затем вице-президент “Американского комитета по борьбе с большевизмом”, крупный специалист по советским делам. Информацию он получил от профессора-историка Михаила Покровского, заведовавшего Центральным партархивом».

Князь Щербатов также высказался весьма критично в отношении того, что все генетические исследования проводились одним российским учёным Ивановым, сначала в России, потом он же занимался «контрольным» исследованием в других странах, «где одна лаборатория предсказуемо подтвердила результаты другой, что с международной точки зрения является “нарушением доктрины независимых научных исследований”». Уже спустя несколько лет в своих воспоминаниях он написал: «В состав Государственной комиссии в

качестве специалиста по ДНК входил молодой кандидат биологических наук Павел Иванов. Он говорил, что занимался генетикой у знаменитого немецкого профессора в Дюссельдорфе. Я не поленился и связался с профессором, который сказал, что не работал близко с русским доктором по фамилии Иванов».

Выступление представителей Зарубежной комиссии было выслушано довольно спокойно, никаких вопросов не последовало, полемики не было. Яров поблагодарил «гостей» и, как опытный аппаратчик, посетовал на то, что в связи с ограничением во времени дискуссию придётся закончить. На этом благополучно расстались, чтобы больше уже никогда не встречаться. В протоколе заседания Правительственной комиссии шестым пунктом было записано: «Принять к сведению сообщения представителей Российской зарубежной экспертной комиссии по расследованию судьбы останков членов Российского Императорского Дома, убитых большевиками в Екатеринбурге 17 июля 1918 года (основана в 1989 г.)». Князь Щербатов в своих воспоминаниях написал: «Московская Комиссия не пожелала открыто вести с нами дела, и к сожалению, у нас не возникло взаимного доверия» (*Приложение № 18*).

После короткого перерыва заседание Комиссии продолжилось уже без присутствия посторонних лиц.

— Итак, коллеги, — сказал Яров, — продолжим работу. Есть ли у кого-то сомнения по Заключению Прокуратуры? Я хотел бы, чтобы вы высказались, и мы смогли бы принять по «Заключению» окончательное решение. У кого есть сомнения?

— У меня есть, — ответил митрополит Ювеналий.

Он говорил долго, как всегда очень деликатно и дипломатично, но по сути тех вопросов, которые вызывали сомнения, становилось ясно, что позиция Церкви достаточно твёрдая. Владыка сказал, что несколько дней назад встречался с членами Зарубежной комиссии, которые его посетили в Новодевичьем монастыре, и у них была очень хорошая и доверительная беседа. Члены Комиссии выразили искреннее желание продолжать сотрудничество с Правительственной Комиссией, оказывая всяческую помощь, но в то же время, отметил владыка Ювеналий, они настроены решительно и, если позиция нашей Комиссии не изменится, готовы «провести пропаганду

во всём мире», особенно среди монархических государств. Что касается непосредственно Церкви, то тут владыка категорически заявил, что «дело идёт к канонизации Царской Семьи» и «Русская Православная Церковь может принять решение о неучастии в захоронении найденных останков в качестве Царских, если не будут до конца проведены исследования, дающие убедительные результаты».

На это заявление владыки очень резко среагировал Собчак.

— Есть нечто безнравственное в том, — заявил он, — когда существует и «Заключение» и стопроцентная уверенность в том, что эти останки принадлежат царской семье, и при этом не принимается решение об их захоронении. Я думаю, что если Церковь не будет в этом принимать участие, она нанесёт колоссальный удар по своему собственному возрождающемуся авторитету. Я думаю, что если она примет такое решение, то это будет продиктовано отнюдь не сомнениями и научными соображениями, а чисто политическими соображениями, связанными с вашими отношениями с Русской Православной Церковью за рубежом. Комиссия сегодня имеет более чем достаточно оснований для того, чтобы поставить перед Правительством вопрос о том, что заключение Прокуратуры на основе проведённых исследований соответствует действительности, что мы разделяем это заключение, и что Правительство должно принять решение о том, как хоронить, где хоронить и о процедуре захоронения. Сегодня я перед Комиссией разговаривал больше часа с Его Святейшеством, детально разговаривал. Конечно, проблемы есть, но Церковь должна проявить здесь решимость во имя будущего и России, и самой Церкви.

Владыка в ответ повторил, что предстоящая канонизация обязывает Церковь относиться очень ответственно к решениям, которые она принимает, ибо «только у Церкви нет права на ошибку», сказал он.

Вся официальная часть Комиссии заявила о своём полном согласии с выводами Генпрокуратуры и судебной медицины, кто-то категорично без всяких компромиссов, кто-то согласился с тем, что всё же надо принять во внимание позицию Церкви. С болью за Великий русский народ, как бы обращаясь к тем, кто эту боль не разделяет, высказался Радзинский:

— Это очень тяжёлая ситуация, потому что мы должны будем объяснить, почему нам недостаточен весь этот огромный комплекс

исследований, который был проведён и который каждый раз давал однозначный результат, каждый раз. Мы должны будем объяснить, почему эти кости должны ждать погребения.

Яров попытался ситуацию стабилизировать. Он сказал:

— Я хочу сразу снять один вопрос. Тогда всё разъяснится. Сегодня при столь авторитетном присутствии учёных, наших зарубежных коллег, не прозвучало ни одного опровержения, никто не сказал, и я хотел бы, чтобы это все отметили, и Владимир Кириллович (имеется в виду митрополит Ювеналий. — *А.Г.*) не говорил, что вот он не верит, что это останки нашего царя. Не было представлено ни одного серьёзного документа, ставившего под сомнение то, что обнаруженные останки являются царскими.

И уже обращаясь непосредственно к митрополиту Ювеналию, Яров спросил:

— Я правильно понимаю, Владимир Кириллович, у Вас-то сомнений нет, что это царь?

— Что касается прямого вопроса, который Вы мне задаёте, — сказал владыка, — я не могу на него ответить с чистой совестью, что я уверен, из-за всей той дискуссии, которая была в течение всего сегодняшнего заседания.

Яров, конечно, не ожидал столь категоричной прямоты, и уже в раздражении заявил:

— Но тогда Вы должны будете на Синоде сказать, что Вы только один против, потому что все остальные, все мы на сто процентов уверены, что это царские останки, и мы не подвергаем сомнению этого факта.

Никаких прений и дебатов с владыкой не последовало. Яров, как бы обращаясь мимо митрополита Ювеналия к тем, кто «уверен на сто процентов», повторил, что для Комиссии вопрос ясен, что никаких претензий в адрес Комиссии по поводу достоверности проведённых экспертиз и выводов, к которым пришло следствие, не поступало и что проблема теперь не в продолжении споров, а в подготовке к предстоящему захоронению, которое, как уже решено, совершиться должно в «Прощёное воскресенье».

Но тут Ярову был преподнесён ещё один, им, конечно, совершенно не ожидаемый сюрприз. Слово попросил Вячеслав Иванович Брагин.

— Если будет голосование, Юрий Фёдорович, — сказал он, — я бы тоже воздержался от голосования по результатам, у меня тоже есть сомнения. Я поддерживаю позицию владыки Ювеналия, считаю её аргументом очень важным. У меня тоже есть такие же сомнения. Да, я присоединяюсь, но у меня были соображения на этот счёт.

Яров огрызнулся:

— Хорошо, договорились. Однако вы можете заметить, что это сомнения, но нет аргумента.

Брагин собирался продолжить и изложить свои соображения, но был резко прерван главой Комиссии. С заместителем министра культуры вице-премьер мог себе позволить не особенно церемониться.

— Хорошо, с этой частью понятно, — заявил Яров. — Переходим ко второй части. По дате захоронения ни у кого возражений нет. Будем рекомендовать 25 февраля 1996 года.

В докладе, составленном для представления в Синод, владыка Ювеналий об этой коллизии написал: «Во время закрытой части заседания Председатель Комиссии Ю.Ф. Яров просил членов Комиссии высказаться по поводу Заключения Генеральной прокуратуры. Абсолютное большинство поддержало это решение. О том, что сомнения остаются, сказал только представитель Русской Православной Церкви. В конце заседания к мнению, высказанному мною, присоединился член Комиссии заместитель министра культуры В.И. Брагин. Отмечу, что на этом заседании отсутствовал член Комиссии А.К. Голицын. Ранее он подавал записки, где указывал на необходимость выяснения ряда вопросов».

Что касается В.И. Брагина, то он тоже не остался безответным. На следующий день после заседания Комиссии он направил в адрес Ярова письмо. «В связи с отсутствием возможности выступить на заседании комиссии 20 сентября с. г. (то есть члену Комиссии из системы Госаппарата высказать точку зрения, не согласную с официальной, просто не было дозволено. — *А.Г.*), считаю необходимым пояснить свою позицию настоящей запиской». Отметив, что Комиссией хотя и проделана большая работа, в то же время, как говорится в письме, полной уверенности в подлинности останков пока нет, сомнения остаются. «Ведь непреложный факт, — продолжал Брагин, — у оппонентов не один и не два, а целая система аргумен-

тов, которые, с моей точки зрения, нельзя просто так сбросить со счёта. Пусть эти доводы кому-то кажутся несущественными, но к ним нужно отнестись с величайшей серьёзностью. Лично для меня они достаточно весомы. Нужно дать сомневающимся убедительные ответы, неопровержимыми доказательствами парировать их возражения» (*Приложение № 20*).

Через несколько дней (3 октября 1995 г.) в Доме Правительства была устроена пресс-конференция с широким представительством журналистской братии, на которой главенствовал прокурор-криминалист Соловьёв. Было сказано, что Генеральная прокуратура закрыла уголовное дело по факту гибели Царской семьи в связи с тем, что обнаруженные под Екатеринбургом человеческие останки полностью идентифицированы и признаны останками Николая II, его семьи и лиц из их окружения. Было также официально объявлено, что торжественное «перезахоронение» назначено в день, который Русская Православная Церковь называет днём Прощёного воскресения.

6 октября заседал Священный Синод. От Правительственной комиссии было приглашено восемь её членов во главе с А.А. Собчаком. С подробным докладом выступил митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл⁶. Отметив положительные моменты в выступлениях членов Комиссии, он в то же время подчеркнул, что основная ответственность за результаты, к которым придёт следствие, будет возложена не на государство, а на Церковь. «При всём уважении к членам Комиссии, — сказал владыка, — через двадцать лет никто не будет помнить их имена как экспертов, но все будут помнить, что их хоронил Патриарх. Мы боимся повторить печальный опыт расследования по Катынскому делу, когда протокол комиссии Бурденко подписал митрополит Николай». Святейший Патриарх, завершая заседание Синода, высказал настоятельное пожелание провести предстоящий анализ костных фрагментов Великого князя Георгия Александровича, извлечённых из Великокняжеской усыпальницы, в «авторитетном научном центре», выбранном по согласованию Священного Синода с Комиссией и с привлечением независимых международных экспертов.

⁶ Ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси.

На Правительственной комиссии о вопросах обсуждавшихся на Синоде и о решениях, там принятых, доложил владыка Ювеналий. Сделав небольшое вступление, в котором была отмечена «огромная работа, проделанная Комиссией», владыка сказал, что Синод очень критично отнёсся к известию о закрытии Генеральной прокуратурой уголовного дела, считая это преждевременным, ибо есть целый ряд достаточно серьёзных вопросов, которые требуют разъяснений. Синод также выразил уверенность, что Комиссия продолжит свою работу, «необходимую для исследования и изучения тех вопросов, которые на сегодняшний день могут считаться незавершёнными».

— Церковь не вдаётся в анализ или оценку научных исследований и изучений, — сказал владыка Ювеналий, — но констатирует факт её впечатления о незавершённости работы, которая входит в компетенцию Государственной комиссии.

Считая, что только открытое и гласное международное сотрудничество учёных и специалистов может рассеять любые сомнения, касающиеся результатов экспертизы проделанной Комиссией работы, Священный Синод считал бы целесообразным создание международной экспертной комиссии с включением в её состав независимых специалистов.

Отдельным пунктом высказывается полезность «углубления сотрудничества между Государственной комиссией, возглавляемой Ю.Ф. Яровым и Российской зарубежной экспертной комиссией, возглавляемой П.Н. Колтыпиным-Валовским». От себя лично владыка добавил:

— Я позволю себе процитировать телесообщение программы «Вести». Дикторский текст: «Несколько ошарашивающим стало заявление прокурора-криминалиста Владимира Соловьёва на заседании учёных и экспертов в Московском институте молекулярной биологии имени Энгельгардта». Далее приводился фрагмент выступления Владимира Николаевича: «Для властей всегда место захоронения Царской Семьи не было секретом. Это был, ну, как бы вам сказать, секрет полишинеля». Мне кажется, что это заявление нуждается в определённом разъяснении. В этой связи важно понять: какова взаимосвязь этой «тайны» властей и обретение Екатеринбургских останков частными лицами?

Надо сказать, что таковые заявления Соловьёв делал не раз. Например, «Независимая газета» в это же время писала: «По мнению Владимира Соловьёва, возглавлявшего следственную группу Генпрокуратуры РФ, “для властей место захоронения царской семьи и её действительная судьба никогда не были секретом”». Так что прокурор-криминалист знал, что говорил. И действительно, никогда никакого секрета у власти и у тех, кто ею был посвящён «в тайны мадридского двора», не было. К примеру, записка, написанная Покровским, была в распоряжении Марка Касвинова, когда он сочинял свои «двадцать три ступени». Тогда «Записка» находилась в спецхране и доступна была не всякому. Это потом она каким-то странным образом размножилась по разным источникам. Известны ему были и другие документы из секретного хранения, а уж для министра МВД Щёлокова, который опекал Рябова, вообще никаких «запретных зон» не существовало. Понятно, что весь этот драматический детектив с «Запиской Юровского», о чём столь красноречиво живописали Гелий Трофимович и Эдвард Станиславович, нужен был, как бы остроумно заметил Владимир Алексеевич Солоухин, для наведения «тени на плетень».

Это было последнее заседание Правительственной комиссии 1995 года и последнее под председательством Ю.Ф. Ярова. 6 декабря Генеральная прокуратура производство по уголовному делу возобновила, вернув Соловьёва к исполнению его «следователских» обязанностей, а в январе 1996 года Яров покинул пост главы Комиссии. На его место был назначен В.Г. Кинелёв. Первое заседание с новым Председателем состоялось при большом количестве приглашённых лиц 21 февраля. Повестка дня начиналась докладом «О ходе дополнительного расследования в рамках уголовного дела по исследованию и идентификации останков, найденных под г. Екатеринбургом в 1991 году», который сделал прокурор-криминалист Соловьёв. Он напомнил, что на заседании Правительственной комиссии 20 сентября прошедшего года было представлено Заключение Генеральной прокуратуры о проведённых исследованиях останков царской семьи, которое «со стороны различных организаций и граждан» вызвало реакцию недоверия.

— Наиболее полно вопрос о необходимости проведения дополнительных исследований, — сказал Соловьёв, — был выражен Свя-

щенным Синодом Русской Православной Церкви, состоявшимся под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Священный Синод посчитал целесообразным для окончательного решения об идентификации создать международную экспертную комиссию с включением в неё независимых специалистов в области судебной медицины, антропологии и криминалистики. Для исследования исторических документов предлагалось провести комплексные почерковедческие и технико-криминалистические исследования документов, принадлежащих или приписываемых коменданту Дома особого назначения Юровскому Я.М. Отдельно стояли вопросы о возможном ритуальном характере гибели Семьи Императора, и о необходимости продолжения поиска останков цесаревича Алексея и его сестры.

В отношении изуверской темы Соловьёв заявил, что никаких данных, подтверждающих эту версию, «не добыто», и хотя наш российский закон вообще «не предусматривает составов преступлений, связанных с так называемыми “ритуальными убийствами”, следствием “была изучена литература, эту тему так или иначе затрагивающая”».

К инициативе Священного Синода Соловьёв отнёсся резко отрицательно.

— Создание независимой международной комиссии для окончания работ по идентификации, на наш взгляд, нецелесообразно. Заключение ведущих экспертов по поводу принадлежности останков определённым лицам непротиворечивы. Дополнительные исследования в ряде научных центров не только не добавят новых научных знаний, но и приведут к неоправданному затягиванию сроков захоронения и уничтожению костных останков тех, кто многими людьми почитаются за святых (больше всего волнует прокурора-криминалиста вслед за Радзинским православный люд. — А.Г.).

Соловьёв знал, что говорил. Призыв, прозвучавший из Синода, никакого успеха не имел. Никаких независимых, да тем более международных комиссий создано не было, власти головная боль была не нужна.

Однако времена, когда правительственная Комиссия была учреждена, уже были таковые, что полностью не считаться с позицией и точкой зрения Церкви было нельзя. Власть пыталась воспользо-

вать на Церковь, но когда наталкивалась на твёрдую принципиальность, отступала. Сомнения, которые Церковь на протяжении всех лет работы Комиссии высказывала в адрес следствия и судебной экспертизы, обойти без внимания власть уже не могла. Тем более, что сам завершающий акт, к которому власть стремилась, при неучастии Церкви в значительной степени терял, особенно в глазах православных людей, весь свой мистический смысл, что, к сожалению, в конечном счёте и произошло.

* * *

15 ноября 1995 года Председатель Правительственной комиссии Ю.Ф. Яров в письме на имя Генерального прокурора Ю.И. Скуратова обратился с просьбой вернуть к производству «уголовное дело о гибели царской семьи», что является необходимым условием для решения «поставленных Комиссией вопросов». Аргументируя обоснованность своей просьбы, Яров, в частности, писал: «В Москве под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви, на котором был рассмотрен вопрос о работе, проделанной Комиссией по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. Отметив результаты, достигнутые Комиссией, Священный Синод посчитал целесообразным продолжение работы в этом направлении». Десять вопросов, по которым требуется провести дополнительные исследования и которые впоследствии стали именоваться «вопросами Русской Православной Церкви», были приведены в конце письма. Среди этих десяти, кроме проблем, требующих медико-криминалистических экспертиз, были указаны вопросы исторического направления, а именно: проведение графологической и стилистической экспертизы «записки Юровского», подтверждение или опровержение ритуального характера убийства и версии «отчленения голов», а также вопрос о судьбе останков Наследника Алексея и его сестры. Это обстоятельство к концу 1995 года начинало серьёзно волновать следствие. На вопрос одного из членов Комиссии, который поинтересовался судь-

бой останков двух тел, сожженных, если верить Юровскому, возле «основного захоронения», и там же под костром зарытых, Соловьёв ответил:

— Проводились археологические работы в течение сезона Уральским институтом истории и археологии. Достаточно большую площадь захватили во время этих раскопок, но обнаружить кострище и пепел не смогли (следов от костра, между прочим, не обнаружил и путевой сторож Лобухин в тот самый день, когда, по Покровскому, возле его домика сожгли Цесаревича и его сестру; то, что грузовик застрял в логу, он видел, то, что приезжал к его домику коробок с бочкой, в которую набрали воды из его колодца, он тоже видел, а то, что горел костёр, в который, как утверждают Родзинский и Соловьёв, вылили бочку бензина, не заметил и оставшихся от него следов не обнаружил, когда забирал назад доски из своего ограждения. — А.Г.). Нам представили образцы почвы, образцы кострищ. Заключение экспертизы есть, и согласно этому заключению костных останков там нет. Вопрос очень сложный. Хотелось бы найти и это кострище и хоть какие-то там косточки, чтобы мы могли окончательно быть уверены в этом вопросе, но, к сожалению, нельзя забывать, что прошло около восьмидесяти лет.

Ю.Ф. Яров поинтересовался, каковы дальнейшие перспективы, и высказал уверенность, что на этом этапе работа не закончится.

— Нет, конечно, — ответил Соловьёв, — но, к сожалению, сейчас эта проблема тупиковая, поскольку раскопки провели и ничего не нашли.

Стали появляться публикации, особенно за границей, в которых выражалось большое сомнение по отношению ко всему официозу, связанному с утверждением, что найденные под Екатеринбургом костные останки принадлежат Царской Семье. Появились публикации, напрямую обвиняющие Прокуратуру и Правительственную комиссию в фальсификации доказательной базы, начиная с самого основополагающего документа, так называемой «записки Юровского». Отсутствие останков двух тел, которые по «записке» были сожжены рядом с общим захоронением, объяснялось лживостью самой «записки». Негативное отношение ко всей этой «царской» истории усугублялось.

И именно в этот период, «тупиковый» в поисках останков Наследника Алексея и Великой княжны Марии, и «скептический» со

стороны общественного мнения, на телеэкране появился Радзинский, который этот узел попытался развязать довольно оригинальным образом. Специально ли его появление было приурочено к этому моменту, или случайно совпало, — не столь важно. Радзинский драматург, известный далеко за пределами Отечества как умелый популяризатор всевозможных исторических коллизий вокруг лиц, оставивших заметный след в мировой истории. Он как бы где-то при них восседает незаметно с включённым магнитофоном. У него Император Николай II просит Господа «усмирить» Россию. Вниманием своим не обошёл Радзинский и всё, что связано с екатеринбургской трагедией. Но он, это надо иметь в виду, не только исторический драматург, он ещё и член Правительственной комиссии, в которой представляет официальную точку зрения.

Сюжет телеспектакля построен по чётко продуманному сценарию. На зрителя Радзинский воздействует театральностью подачи текста: голосом, мимикой, жестом. Он отрешённо смотрит куда-то в пространство, как бы уходя из пределов сего брэнного мира, или, наоборот, словно явившись из небытия, заунывным распевом, с трагическими вздохами рисует кошмарную июльскую ночь восемнадцатого года.

Действо начинается с убийства в ипатьевском особняке. Узники Дома Особого Назначения спускаются в роковой подвал. Радзинский долго размышляет, могли ли в небольшом помещении поместиться одиннадцать жертв и одиннадцать убийц и приходит в результате к новому, оригинальному выводу: убийцы в комнату не вошли. Они стреляли из двери, стоя в три ряда, то есть задние через головы впереди стоящих. Первыми выстрелами были убиты Царь и Царица, убиты Медведевым (не Юровским). Дальше шла беспорядочная пальба. Жертвы метались и были живы, пули их не брали. Пули отскакивали от них и летели по комнате. Убийцы обезумели. Наконец, Юровский первый вошёл в комнату, залитую кровью, и пристрелил наследника. За ним следом явился пьяный Ермаков и штыком заколол какую-то из княжон, но когда трупы начали выносить, некоторые снова зашевелились. Пришлось добивать уже на ходу. Убийцы от этой живучести пришли в ужас.

Подготовив зрителя нарисованной им страшной сценой избияния беззащитных людей, Радзинский произносит, на мой взгляд, самую важную фразу, которой объясняется сокровенный замысел

всего детективного сюжета. Он говорит: «Возможно, что с мёртвыми в кузов грузовика были брошены и живые». Смысл этой фразы станет понятным позднее. Сначала идёт рассказ о том, что трупы вывезли из города, и где-то по дороге грузовик остановился. Заглох мотор, перегрелся. Где это произошло, в каком месте, непонятно: где-то на коптяковской дороге. Шофёр Люханов пытается что-то сделать. Юровский ругается, что Ермаков не встретил. Двое красноармейцев остаются у машины с трупами, а остальные уходят в лес за водой для мотора. К ним присоединился и Люханов, бросив возиться с машиной. Уходит и Юровский, хотя непонятно, что его, начальника, потянуло в лес. Но, конечно, у Радзинского всё продумано. Ему это было нужно для того, чтобы на какой-то момент оставить грузовик без присмотра, ибо именно тогда происходит нечто совершенно невероятное. В кузове грузовика, в гряде мёртвых тел, сваленных друг на друга, вдруг оживают двое. Солдаты, оставленные для охраны, быстро смекают свалившуюся на их головы неожиданную удачу. Ситуация на фронте складывается безнадежно, подступают белые. Скоро они будут в Екатеринбурге. Большевики доживают последние дни. И эти красные стражники, только что совершившие страшное преступление, понимая прекрасно, какая их ожидает участь, если вернётся прежняя власть и они попадут в руки белых, решают спасти этих двух чудесно воскресших, в надежде тем самым уйти от возможного возмездия.

Вернувшись к грузовику, Юровский должен был бы сразу обнаружить исчезновение двух трупов и тех солдат, которых он оставил для их охраны. Как реагировал Юровский на исчезновение оных, даже такой «инженер по человеческим душам», как Радзинский, ничего удобоваримого не придумал. Да его, в общем, это никак и не волновало. Ему нужно было ответить на вопрос: почему не нашли останки Цесаревича и Великой княжны Марии, сожженные, как утверждала официальная версия, возле общего могильника, хотя геологи и археологи очень добросовестно и внимательно прочёсывали округу на протяжении нескольких лет (в 1993 году я там был и очень подробно беседовал с археологами). Да потому, что, говорит Радзинский, «никакого сожжения двух трупов вообще не было», и Юровский в своей записке эпизод с кострищем и похоронами под ним придумал, ибо надо было ему спасти собственную шкуру. Ко-

нечно, если бы таковое событие на самом деле произошло, то можно себе представить, что бы было, когда Голощёкин с Войковым, приехав в урочище проверить, как уничтожаются следы преступления, обнаружили бы отсутствие двух царственных тел. Они самого Юровского закопали бы там, где застрял грузовик.

Но так как трупы не должны были ожить окончательно, что в планы Радзинского не входило, он выдумывает фантастическую историю дальнейшей их судьбы. Корыстная гуманность спасителей мгновенно обернулась злодейством, когда обнаружились драгоценности. (Понятно, зачем Радзинскому понадобилась сцена в подвале с летающими по комнате пулями, с мечущимися жертвами и непонятной их живучестью, от которой убийцы «обезумели». Под одеждой они были облачены в сплошные «бронированные панцири». Таким же панцирем, по Радзинскому, был прикрыт и маленький Цесаревич). «Красноармейцы-благодетели» тут же превратились в мародёров, ограбили тех, кого только что собирались спасти от гибели, и скрылись с добычей в неизвестности, а самих, может быть, не добив до конца, бросили погибать в лесу.

Моноспектакль имел резонанс: кого-то такой поворот заинтриговал, у кого-то он вызвал резкий протест, кто-то, наоборот, принял как исторический факт то, что в Поросёнковом логу Юровский никаких тел не жёг. Во всяком случае, некая смута в умах произошла. Появились публикации, более, конечно, критического характера. Неудовольствие проявил даже прокурор-криминалист, который понимал, что с такими аргументами можно лишь посеять дополнительные подозрения в отношении достоверности и так во многом уязвимого следствия. Сам же на вопрос, поставленный по инициативе Священного Синода, относительно судьбы останков Наследника и его сестры, отделался формальной отпиской. «Анализ материалов, — писал он, — связанных с захоронением и уничтожением трупов царской семьи, говорит о том, что участниками захоронения ночью и утром 19 июля 1918 года предпринимались попытки сожжения двух трупов царевича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны. Полное сожжение их трупов мало вероятно (ранее Соловьёв утверждал противное. — *А.Г.*), однако места захоронения останков, несмотря на проведённые археологические раскопки, установить не представилось возможным».

Позднее Соловьёв предложил свою собственную версию. В официальном документе Генеральной прокуратуры, завершающем следствие, было сказано: «Останки Романовой Марии Николаевны, 27 июня 1899 г./р. и Романова Алексея Николаевича, 12 августа 1904 г./р. среди исследованных костных объектов отсутствуют. На основании материалов следствия можно сделать вывод о том, что их трупы сожжены в окрестностях Екатеринбурга (то есть, может быть, и не в Поросёнковом логу. — А.Г.), в период с 17 по 19 июля 1918 года» (Радзинский недоумил?). Очень ловко и лукаво: «в окрестностях Екатеринбурга», хотя для всех и Соловьёва в частности ясно (ибо не случайно он эту экзекуцию начал с 17 июля), если Царевича и его Сестру, вопреки сценарию Покровского, не сожгли на коптяковской дороге у железнодорожного переезда (то есть если Покровский-Юровский, как утверждал Радзинский, солгал), то сжечь их могли только на Ганиной Яме.

Следующая и тоже для прокурорского следствия версия малопривлекательная, это давно распространяемый слух о том, что голова Императора Николая II (а по другим уверениям — три головы) была отчленена и доставлена в Кремль как вещественное подтверждение факта «казни» Царя. Версия эта, основанная на выводах, к которым пришёл следователь Н.А. Соколов, как считают, впервые появилась в книге генерала Дитерихса. Впоследствии эта версия получила широкое распространение в кругах русской эмиграции. В «Меморандуме» Зарубежной Комиссии, например, говорилось, что «за границей тема о судьбе головы Государя» была известна ещё с начала 20-х годов. В 1951 году в Париже вышла книга историка С.П. Мельгунова «Судьба Императора Николая II после отречения». Касаясь изуверской темы, Мельгунов пишет, что в 1929 году парижская газета «Русское время», «впервые на столбцах эмигрантской прессы», опубликовала рассказ капитана «Б» (Булыгин) «о том, что в Москву среди вещественных доказательств, имевших отношение к убийству в доме Ипатьева, была доставлена в особой “кожаной сумке” стеклянная колба, наполненная красной жидкостью, в которой находилась голова казнённого Императора». Далее Мельгунов упоминает ещё одну публикацию в газете «Франкф. Кур» под названием «Судьба царской головы», связанную также с име-

нем капитана Булыгина. «Со слов очевидцев», как написал Мельгунов, автор статьи, пастор Курт-Руфенбургер, рассказал, «как большевики сожгли в июле 1918 года полученный ими из Екатеринбурга “ужасный груз”». Сам Мельгунов к этой версии относился скептически, но счёл почему-то достойным внимания упомянуть о ней в своём фундаментальном труде.

Тогда же немецкая газета «Ганноверише Анцайгер» опубликовала аналогичный материал, который в 1991 году был перепечатан газетой «Литературная Россия». В статье говорилось, что слухи о том, что кто-то из Царской Семьи каким-то чудом избежал смерти, «до такой степени обеспокоили большевиков, что Троцкий потребовал от Белобородова более подробных сведений и вещественных доказательств смерти Государя. Телеграмма гласила: “Желаю иметь точные сведения о том, понёс ли тиран России заслуженную кару”. В ответ на эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находился стеклянный сосуд с головой Императора Николая II». Автор публикации в «Литературной России» писатель Святослав Рыбас, обнаруживший перевод этой статьи в одном из московских архивов, в своём предисловии написал: «Считать эту публикацию бесспорным доказательством доставки в Москву головы отрёкшегося Императора трудно, и, пока не найдено серьёзных доводов, опровергающих или подтверждающих изложенное событие, надо рассматривать эту статью как описание исторической вероятности». В 1930 году в Праге на чешском языке вышла книга французского генерала Жанена «Падение царизма и конец русской армии», где одна глава была посвящена гибели Царской Семьи. «Дитерихс принёс мне кассету, — писал в этой главе французский генерал, — содержащую земные останки Царской Семьи и опись предметов, содержащихся в кассете. Это были предметы различного рода: части костей (около 30) со следами пилы или какого-то другого острого орудия, немного человеческого жира, отрезанный палец, который, по заключению эксперта, принадлежал женщине с очень холёными руками, по-видимому, Царице. Зубов в описи не было. Судебный следователь Соколов однажды мне сообщил, что головы казнённых были отделены от туловищ и неизвестно куда унесены».

После сенсационных публикаций и выступлений Рябова и особенно после раскопки могильника на коптяковской дороге в 1991 го-

ду, версия отрезанных голов стала обсуждаться и отечественной прессой. Писатель Владимир Алексеевич Солоухин в статье «У Ганиной Ямы», писал: «Зачем же понадобилась, по-научному говоря, фальсификация, а по-русски говоря, “липа” с обнаружением девяти скелетов, якобы Царской Семьи», и приводит цитату из книги М.К. Дитерихса: «После совершения преступления 19 июля вечером Исаак Голощёкин поехал в специальном вагоне-салоне в Москву, причём вёз с собой три тяжёлых ящика, в которых, по его словам, были “образцы снарядов” для Путиловского завода». По мнению комиссии, головы членов царской семьи были заспиртованы, упакованы в деревянные ящики и отвезены в Москву Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания центра в точности выполнены. «Если это так, — заканчивает Солоухин, — то усилия навести тень на плетень, понятны. Отвести от убийц обвинение в этом дополнительном варварстве».

В 1991 году в издательстве «Советская Россия» вышла книга историка Олега Платонова «Убийство Царской Семьи». Касаясь изувеченной темы, он пишет: «В Москве Голощёкин отправился вместе с ящиками в Кремль к Свердлову. Что было в этих ящиках? По одной версии, в таком виде перевозились золото и драгоценности царской семьи. Однако существует и другая, страшная, но пока не опровергнутая версия. В конце июля эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощёкин привёз в спирту головы царя и членов его семьи». В Меморандуме Зарубежной комиссии, направленному в адрес Правительственной комиссии, среди тех вопросов, которые с точки зрения членов Комиссии требовали «первоочередного внимания», был и такой: «На протяжении более 70 лет в эмиграции распространено никак убедительно не опровергнутое мнение о том, что голова последнего Императора была после его убийства отделена от тела и доставлена в Москву. Если это было так, то возникает вопрос, как череп, приписываемый Николаю II, мог оказаться в захоронении, найденном под Екатеринбургом».

А уже в 1996 году американская «Православная Русь» перепечатала из московского «Русского вестника» заметку весьма сенсационного содержания. «В ходе реконструкции музея-квартиры Ленина в Кремле была обнаружена опись находившихся в ней предметов. Среди прочего указана “заспиртованная голова Императора Нико-

лая II". Находка ставит вопрос о добросовестности российской правительственной комиссии по поводу останков Царской семьи и всех причастных к её работе». Тогда же я передал Председателю Комиссии, в то время уже В.Г. Кинелёву, докладную записку, в которой писал: «В июне сего года журнал “Православная Русь”, издающаяся в США, перепечатал материал из газеты “Русский вестник”, на который, я думаю, Комиссия должна обратить внимание и потребовать от редакции “вестника” объяснения и подтверждения подлинности изложенных в газете фактов. Ежели таковыми редакция не располагает, то следует обязать газету публично признать эти сведения заведомо ложными, направленными на введение в заблуждение широкого круга читателей, в том числе и зарубежного, и наносящими Государственной комиссии серьёзный моральный урон» (*Приложение № 26*). Мой призыв остался «гласом вопиющего в пустыне». Никакой реакции Комиссии не последовало, и никакого возмущения со стороны следствия также высказано не было, то ли в расчёте на авось: «собака лает, ветер носит», то ли от осторожности, как бы чего не вышло.

Надо сказать, что многих, конечно, очень возбудила вся рябовская история с черепами, которые сначала выкапывались, потом, после годового их пребывания в каком-то неведомом хранении, снова отправлены были назад, в общий могильник, но уже в отдельной упаковке и с уведомлением о том, что таковая акция имела место. Попытка идентифицировать череп, как объяснял Рябов, не увенчалась успехом, и тогда, перед тем как совершить акт захоронения, вдвоём с Авдониным, на даче последнего, со всех черепов сделаны были слепки (на Комиссии эти «слепки» никогда не фигурировали и о них вообще никогда и никто из членов Комиссии и следственной экспертизы не упоминал). «Мы обратили внимание, — давая объяснения свердловскому прокурору, говорит Рябов, — что после заливки изменился цвет костной ткани (стал отличаться от тех черепов, что остались в могильнике? — *А.Г.*), он стал более светлым, желтоватым». Этот момент также следственному «любопытству» не подвергался.

Почему, интересно, на эту деталь обращено внимание Рябова? Непонятно. Да и вообще во всей этой истории много непонятного. Например, зачем было уносить из могилы три черепа и кучу фраг-

ментов от скелетов, а потом весь этот «костный груз» возвращать в пяти целлофановых пакетах, если целью изъятия было желание подвергнуть один из этих черепов какому-то исследовательскому эксперименту. Достаточно было бы и одного, без черепков от керамической фляги и «шейных позвонков». И весь рассказ о том, как разрывалось захоронение, как вытаскивались кости, как, копаясь в глинистой жиже, они тащили случайно попадавшиеся части скелетов, как не забывал Рябов подчёркивать некоторые моменты, на первый взгляд незначительные, но на самом деле имеющие принципиальный смысл, наводящие теперь на мысль, что не всё так романтично и безоблачно.

Очень заметно стремление гробокопателя нивелировать тему отрезанных голов. С первых дней. Уже в «дневнике», составляя летопись происходившего, Рябов записал: «Сфотографировали три черепа вместе. Затем два черепа: маленький и с пулевым отверстием Гелий взял себе, а третий череп с золотыми зубами передал А.Н. Авдоницу. Черепки керамической фляги и позвонок взял Геннадий Петрович». В отношении черепков Рябов уточняет: «Мы нашли несколько осколков от керамической банки — вероятно, той самой, с серной кислотой. Скорее всего, эти банки бросили прямо на трупы и разбивали выстрелами» (логичнее было бы предположить, что кислотой трупы поливали, а пустые «банки» вместе с пустыми бочками из-под бензина вывезли в Екатеринбург, но если, как предполагает Рябов, банки с кислотой разбивали в самом могильнике, то тогда бы там должны были остаться полностью все осколки от разбитой тары, из которых можно было бы, как это происходило с греческими амфорами, полностью собрать сами сосуды. Объяснить нахождение нескольких отдельных фрагментов керамики можно только тем, что они были вполне сознательно, в качестве «вещественной улики», вложены самим Рябовым или ещё Юровским, при сооружении захоронения; не выбирал же Юровский со своими подручными из боковой жижи керамические осколки).

Также обращает на себя внимание, что именно позвонок, а не другие фрагменты скелета отмечен в дневнике, ибо, возвращая в захоронение «изъятые отсюда годом ранее» черепа, в ящик к ним «Гелием» были вложены два первых шейных позвонка (это как раз те самые позвонки, каковые должны бы были пострадать, если с го-

ловой происходили какие-то насильственные манипуляции). А уже, когда Рябов вышел широко на публичную арену, тема царских голов возникала постоянно. В Историко-архивном институте у Рябова спросили, в каком виде им были обнаружены скелеты, вместе с черепами или те находились отдельно. «Нет, — ответил Рябов, — головы находились на своих местах, ничего расчленено не было». Аналогичная ситуация случилась в «Обществе охраны памятников», где Рябов в очередной раз живописал об открытии им царской могилы. В какой-то момент его выступления к нему обратился известный философ и писатель Виктор Николаевич Тростников.

— Гелий Трофимович, скажите, когда вы обнаружили скелет Государя, череп его был соединён с позвоночником или нет?

Как рассказывал Тростников, Рябов на какое-то мгновение растерялся от неожиданного вопроса, но, быстро собравшись, ответил, стандартно, как всегда, что всё было на месте.

— Значит, — продолжал Тростников, — вы сами череп Государя открутили от позвоночника, чтобы достать его из могилы?

Рябов уже вошёл в роль и легко отговорился.

Хотя ведь в чём проблема, что собственно тут непонятного. За шестьдесят лет или около того, совершенно естественно, что скелеты все распались на составные фрагменты и черепа ни с какими позвоночниками соединены не были, тем более, что трупы в своё время были навалены друг на друга, в положении, которое не способствует их бережной сохранности. Да и Рябов сам рассказывал в «дневнике», как они все из болотной жижи на ощупь извлекали фрагменты человеческих скелетов. Рябов понимал потаённый смысл вопроса и отвечал именно на него, ибо основной его задачей было убедить широкую общественность в том, что никакого глумления над трупами не было, и никто голову Императора не отрезал.

Можно как угодно относиться к тому, что Рябов в 1979 году производил раскопки в Поросёнковом логу, или что группа «первооткрывателей», как он утверждает, в том же году извлекла из могильника три черепа. То, что Рябовым и компанией (или кем-то иным) три черепа были там зарыты, это факт, зафиксированный документально. Но кто может также документально доказать, что это действительно те самые три черепа, годом ранее извлечённые из могилы, а не новое вложение, и также убедить в том, что «вложе-

ние» произошло в 1980 году, а не в 1989, или в 1991. Если прокурор-криминалист Соловьёв сомневается в правдивости Ермакова, который, по свидетельству журналиста Мурзина, собственноручно сжёг три тела, предварительно отчленив три головы, то почему же тот же Соловьёв не усомнится в том, что «три головы», возвращённые Рябовым в могильник, были на самом деле в 1979 году именно оттуда извлечены? Кто или что может вообще документально подтвердить, что рассказ Рябова соответствует действительности и что черепа на самом деле были им оттуда изъяты? Вполне закономерно можно предположить, что никакие черепа из могильника никогда не изымались. И, наверное, уж никак самого Мурзина уязвить нельзя за то, что он в газетной статье написал: «А разве не вызывает вопросов странный ряд совпадений: Три отрубленные Ермаковым от августейших тел головы; Три подозрительных ящика “с чем-то”, которые вёз Голощёкин в Москву в 1918 году; Три черепа, изъятые из захоронения Г. Рябовым и А. Авдониным в 1979 году (и с ходу объявленные ими черепами Николая II, Алексея и Анастасии); Три черепа, “возвращённые” ими туда же в 1980 году».

На одном из заседаний Правительственной комиссии, на котором обсуждался вопрос сложности в проведении исследований останков в связи с тем, что екатеринбургская администрация с Россе-лем во главе отказывается транспортировать эти останки в Москву, выступил Илья Сергеевич Глазунов. Он сказал:

— Я с самого начала не верю в эту «липу». Я совершенно убеждён, что все головы были доставлены Ленину в запечатанном ящике, о чём есть свидетельства Вильтона и Соколова. Об этом написано в книге «Дорога на тысячелетие». В ней автор, опираясь на показания секретаря Куйбышева, сообщает, что когда великий гений всех времён и народов отдал дьяволу душу, в его кабинете в Кремле при разборе документов открыли его сейф и увидели, цитирую: «при усах и бороде в розовом спирту формалина плавающую голову Николая II». Это было напечатано со слов Куйбышева, который был членом Комиссии, занимавшейся вскрытием сейфа и описью архива. Мне, конечно бы, хотелось знать, как это вдруг нашёл Рябов череп где-то чуть ли не в поле и ещё, что вёз в огромном ящике представитель убийц в Кремль. Честнее было бы сказать, череп Государя взят был из подвалов Лубянки. Это было бы демо-

*Дом Ипатьева со стороны
Вознесенского переулка.
(Фото автора)*

*Дом Ипатьева со стороны Вознесенского проспекта.
Лето 1976 года. (Фото автора)*

*Парадная лестница в доме Ипатьева.
Слева бюст Я.М. Свердлова. (Фото автора)*

За окном, покрашенным и заложённым кирпичом, та самая полуподвальная комната, где Юровским и его сподручными зверски была убита Царская Семья. (Фото автора)

На месте Ипатьевского дома. 1977 год

Государь Император Николай II

*Императрица
Александра Фёдоровна*

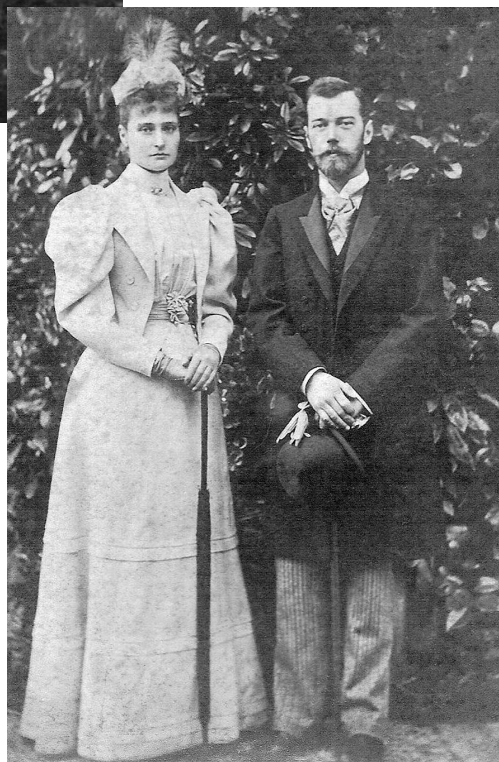
*Е. И. В. Касимович Цесаревич
Алексей Николаевич
S. A. J. Le Grand Duc Alexis Nicolaevitch*

*Великие Княжны
(справа налево):
Ольга, Анастасия,
Татьяна (сидит),
Мария*

*Наследник Цесаревич,
Великий Князь Алексей
Николаевич*

*Император Николай II
и Императрица
Александра Фёдоровна*

Император II с дочерьми под арестом в Царском Селе

СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от «13» сентября 1993 г. № 1884-р
г. МОСКВА

1. Принять предложение Русской православной церкви, Минкультуры России, администрации Свердловской области и мэрии Санкт-Петербурга о создании комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, и утвердить ее состав согласно приложению.

2. Комиссии, предусмотренной в пункте 1 настоящего распоряжения, разработать совместно с заинтересованными организациями необходимые предложения и внести их в Совет Министров - Правительство Российской Федерации.

3. Организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии возложить на Аппарат Совета Министров - Правительства Российской Федерации.

Председатель Совета Министров -
Правительства Российской Федерации

В. Черномырдин

*Председатель Комиссии
вице-премьер Б.Е. Немцов*

Заседание Комиссии. В центре митрополит Ювеналий

*Шая Голощёкин и Белобородов принимают привезённых из Тобольска
Государя, Государыню и Великую Княжну Марию*

*Дом Попова в Вознесенском переулке,
где жила караульная команда.
(Фото автора)*

*Ново-Тихвинский монастырь,
откуда по требованию Юровского
монахиня Антонина принесла
корзину яиц. (Фото автора)*

Я. М. ЮРОВСКИЙ

*Фото из музейной
экспозиции города
Свердловска*

*Дом, в котором с приходом большевиков
разместилась «Чрезвычайка». (Фото автора)*

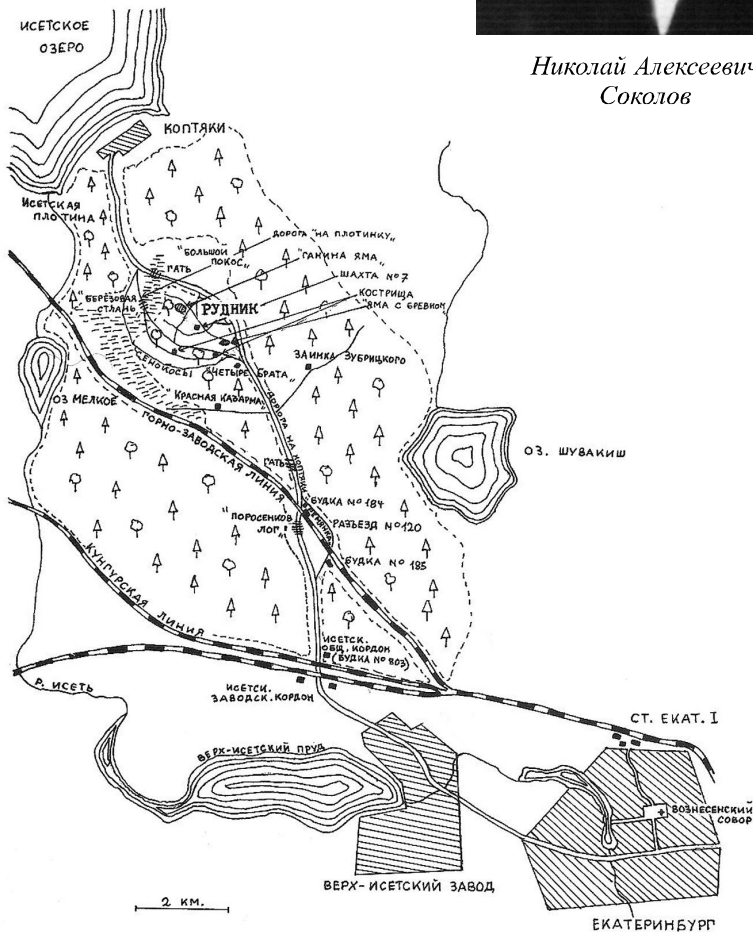
Комната, где была совершена расправа над Царской Семьёй

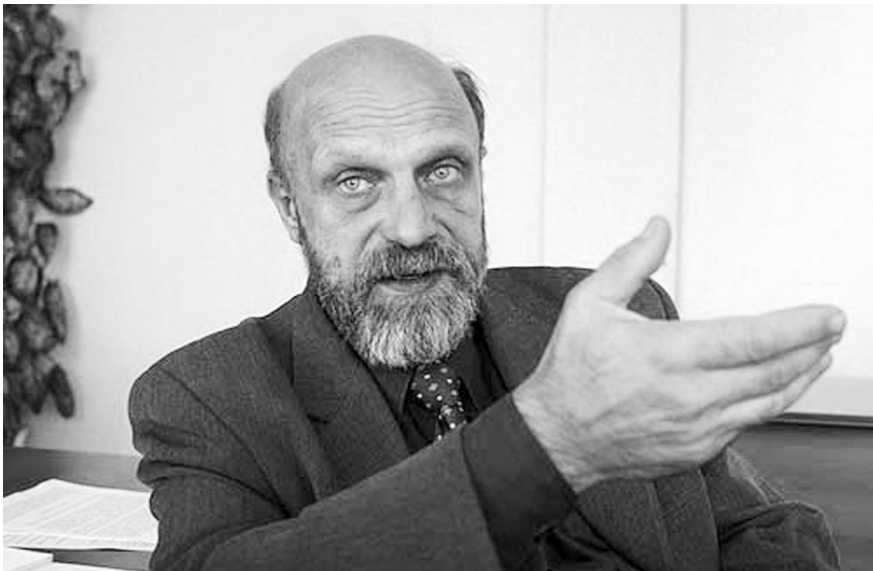

Деревня Коптяки. Дом крестьянина М.Д. Алфёрова, который был допрошен следователем Соколовым. (Фото автора)

Николай Алексеевич Соколов

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьёв

Э.С. Радзинский

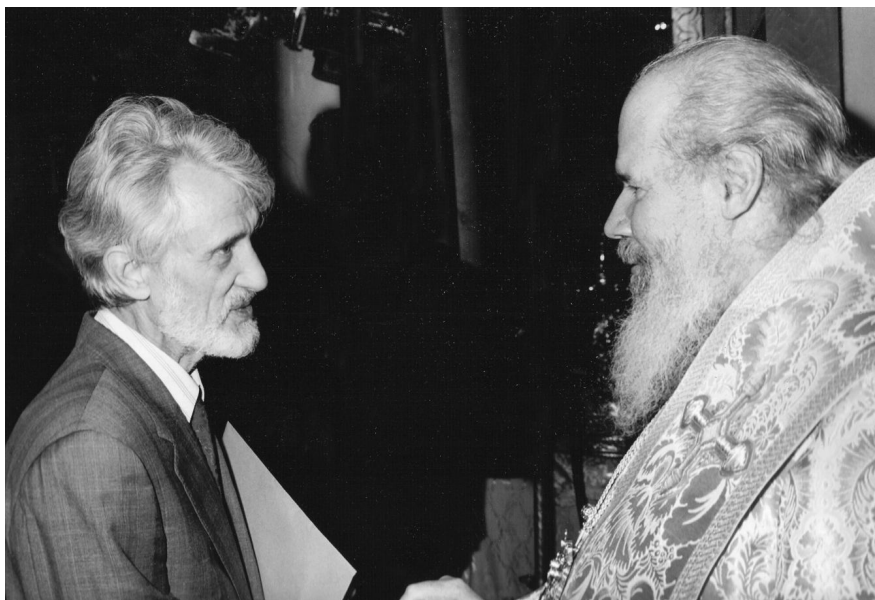
Г.Т. Рябов

Мостик в Поросёнковом Логу. Фото из следственного дела Соколова

Новый мостик на том же месте. Стоит Ермаков

Святейший Патриарх и А.К. Голицын

*Святейший Патриарх
Московский и всея Руси
Алексий II в Троице-
Сергиевой лавре, в день,
когда служилась панихида
о Царской Семье
17 июля 1998 года*

Святейший Патриарх Алексий II на Ганиной Яме

*Монастырь в честь
Святых Царственных
Страстотерпцев
Ганина Яма*

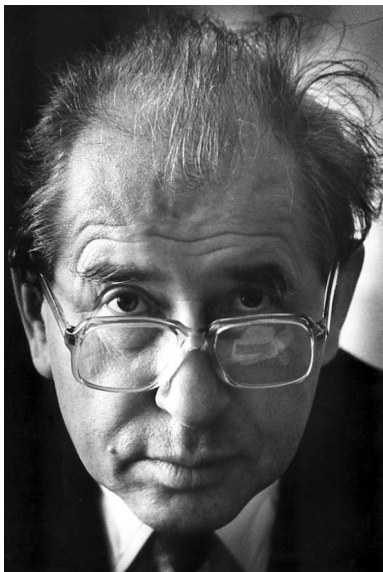
*Митрополит Крутицкий
и Коломенский Ювеналий*

Вячеслав Иванович Брагин

*Илья Сергеевич
Глазунов*

*Вениамин Васильевич
Алексеев*

кратическим актом и все бы поверили. А так я лично никогда не поверю.

Собчак, который председательствовал на этом заседании, постарался перевести заявленное Глазуновым в шутку.

— Вы нарисовали такую красивую картину, — сказал он, — если бы действительно из подвалов Лубянки можно было бы достать эти заспиртованные головы. Это всё беллетристика. Это всё из области легенд и мифов вокруг.

Но надо сказать, что уже с первых появлений Рябова на общественной арене, ещё в советские годы, циркулировал достаточно широко слух о том, что отрезанные царские головы хранились в тайниках КГБ и что якобы, когда Горбачёв вернулся из Англии, была дана команда извлечь их оттуда, и после определённых манипуляций (здесь вспоминали, что черепа, с которых Рябов и Авдонин снимали слепки, изменились в цвете) закопать на той самой дороге, где их в тот самый нужный момент «найдут» те же Авдонин и Рябов.

Документальных подтверждений тому, что головы царственных особ были отчленены и доставлены в Кремль, нет. Существует версия, идущая от следствия Соколова, версия устоявшаяся, но всё же «версия». И в то же время, как отмечает прокурор-криминалист Соловьёв, «эта версия, которой придерживался генерал Дитерихс, с небольшими модификациями оказалась очень “живучей” и её до сих пор придерживается большое количество организаций, в основном, монархического толка (то есть наследники «белогвардейщины». — *А.Г.*), как в России, так и за границей». Вот, к примеру, в нынешнее время Альфред Мирек в книге «Красный мираж» пишет: «Ленин не раз истерично призывал: нужно рубить головы Романовым. Именно ради удовлетворения жажды мести, приводящей в безумный экстаз главного вождя, Яков Юровский отрубил головы у Николая II, его жены и сына Алексея»... Книга вышла в 2006 году тиражом в 20 тысяч экземпляров. Причём уже вторым изданием.

В другой своей «Справке» на имя Председателя Комиссии, касаясь этой мрачной темы, Соловьёв уточняет, что версия отрезанных голов «с многочисленными вариациями обошла страницы многих газет и с лёгкой руки невозвращенца Беседовского, очень сомнительного источника (к сожалению, сомнительным у Соловьёва становится только тот источник, который не соответствует официаль-

ной точки зрения. — *А.Г.*), обросла множеством красочных деталей. Каких-либо фактических подтверждений — заканчивает Соловьёв, — этой версии не найти», (как, впрочем, и у самого прокурора-криминалиста в его отрицании. — *А.Г.*). А уже в финальном документе следствия на поставленный Священным Синодом вопрос даёт такой ответ: «Для исследования возможного посмертного отчленения головы проведены необходимые судебно-медицинские исследования по всем комплектам скелетов. Согласно категорическому заключению судебно-медицинской экспертизы на шейных позвонках скелетов нет следов, которые могли бы свидетельствовать о посмертном отчленении голов». Соловьёв, естественно, не упоминает, что два первых шейных позвонка, которые могли интересовать судебную медицину с точки зрения их цельности, Рябов вложил в ящик с черепами, который был «возвращён» в могильник в 1980 году. К этому надо добавить, что «категорическое заключение судебно-медицинской экспертизы» известно было только прокурор-криминалисту Соловьёву, и члены Комиссии довольствовались устными его заверениями. Никаких документов, свидетельствующих о том, что экспертиза в действительности была осуществлена, членам Комиссии для ознакомления никогда не предъявлялось, как впрочем, и по всем другим «неприятным» вопросам.

А одним из самых «неприятных» вопросов, также включённым в число тех десяти, которые были представлены Священным Синодом, был вопрос о «ритуальном характере убийства». Прокурор-криминалист Соловьёв свой ответ сформулировал как всегда, беспелляционно-самоуверенно и без всякого утруждения себя доказательными аргументами. «Следствие, — заявил он, — полностью исключает ритуальный характер убийства. Мотивы убийства носили политический характер. Манипуляции с телами (то есть убийство, ограбление, сжигание. — *А.Г.*) производили, в основном, местные уральские жители. Доказательств того, что надпись на окне (надпись Соколов обнаружил не на окне, а на южной стене. — *А.Г.*) носила “кабалистический” характер, следствие не нашло» (а оно и не искало. — *А.Г.*).

А Рябов, ещё при советской власти выступая в историко-архивном институте, задолго до «криминально-следственного» заключения Соловьёва, с иронической улыбкой говорил: «Легенда о том,

что совершенно было ритуальное убийство, что подъехал какой-то «чёрный поезд», из которого вышел раввин в чёрном и прочие... Друзья мои, это галиматзя всё, недостойная интеллигентных людей».

Действительно, вопрос этот в кругах официальных ничего кроме раздражения вызывать не мог тогда и не может теперь. Стремление к его обсуждению противники «ритуальной» версии приписывают больному воображению неких злопыхателей, главным образом «монархического толка» (то есть «толка» черносотенного), утверждая, что сама тема недостойна даже упоминания в цивилизованном обществе. На одном из заседаний Яров сказал: «Мы не будем никак отвечать на вопрос по ритуальным убийствам», и на Комиссии эта «тема» действительно никогда не обсуждалась.

С этой позицией, понятно, согласны не все. Существует иная точка зрения, которая настаивает на том, что всё, так или иначе имеющее отношение ко всей этой трагической истории, должно быть тщательно изучено и бескомпромиссно оценено, невзирая ни на какие политические, национальные и прочие пристрастия. И в этом есть здоровая логика, ибо не на пустом месте эта версия возникла и не от «больного воображения». В подвале дома Ипатьева, где зверски была умерщвлена Царская Семья, следователь Соколов обнаружил на стене, рядом с уже упоминаемой цитатой из Гейне, некое «обозначение из четырёх знаков», на которые он обратил внимание и которые приобщил к следственному делу. В книге английского журналиста Роберта Вильтона, вышедшей в 1923 году в Берлине на русском языке, говорилось: «Надпись, сделанная кабалистическими письменами на стене комнаты убийства, была воспроизведена в английском издании моей книги (1920 год); по этому поводу я получил несколько писем от лиц, сведущих в криптографии. Вот несколько выдержек из письма, полученного мною от лица весьма осведомлённого, от госпожи Неста Узбстер, автора замечательной книги о французской революции: “Проследив роль немецких иллюминатов во всех революционных движениях прошлого века, я убеждена, что нынешняя большевистская власть получает указания от тайного общества. Весьма примечательно, что в четырёх воспроизведённых Вами знаков три похожи на знаки, которыми пользовались иллюминаты и которые напечатаны графом Ле Кутле де Кантеле в его книге”».

Профессор Павел Николаевич Пагануцци в статье, посвящённой 70-летней годовщине гибели Царской Семьи, писал: «В Британском музее находится брошюра Энеля, в которой автор расшифровал значение этих кабалистических знаков». Энель считал, что надпись на стене сделана лицом, которое исполняло ритуальный акт чёрной магии и было, несомненно, посвящено в тайны кабалистики. Как пишет Пагануцци, Энель свою работу закончил следующими словами: «Убийство Царя было выполнено слугами тёмных сил с целью разрушения существующего порядка, людьми, прибегающими к сверхъестественным магическим силам, происходящим от доисторической науки». «Б. Верный, — пишет Пагануцци далее, — знакомый с древнееврейским языком и с учением Кабалы, с разрешения автора, перевёл на русский язык брошюру “Жертва”. В своём предисловии Верный пишет, что, приступая к работе, он воспользовался указаниями крупных авторитетов в этих вопросах. Он так заканчивает предисловие: “Убедившись, что брошюра действительно на научных основаниях раскрывает то, что скрыто от глаз огромной массы людей непосвящённых, я твёрдо уверен в том, что те, кому более чем невыгодно увидеть тайное ставшим явным, примут все зависящие от них меры к опорочению изложенного в брошюре. К этому надо быть готовым и этим нечего смущаться”».

Профессор Пагануцци в русском зарубежье являлся наиболее известным публикатором, который рассматривал версию ритуального убийства как вполне вероятную, отмечая, что сведения, приведённые в брошюре Энеля, «никогда не были аргументированно отвергнуты». Никогда, добавим от себя, за все последующие годы, вплоть до нынешнего, тайный смысл кабалистических знаков никем авторитетно не был подвергнут переосмыслению и новой расшифровке, которая бы опровергла ту, что приведена в брошюре Энеля. Митрополит Ювеналий, касаясь этой темы в одном из своих интервью, сказал: «Иногда в прессе можно встретить утверждение о так называемом “ритуальном” убийстве. Оно основывается на свидетельствах о том, что в доме Ипатьевых в комнате, где была расстреляна Царская семья, имелись некие непонятные знаки, напоминающие кабалистические. Знаки необходимо исследовать и расшифровать. Иначе не исключено, что во время погребения могут возникнуть антисемитские настроения».

Ещё в 1981 году в докладе, предшествовавшем акту канонизации Царственных Мучеников Зарубежной Церковью, епископ Нектарий, касаясь царевубийства, сказал: «совершилось страшное злодеяние. Убит Государь, Помазанник Божий, Покровитель Православной церкви, Глава Православного государства, убит Удерживающий. Это злодеяние было ритуальным, а не политическим убийством, о чём свидетельствует также и кабалистическая надпись на стене ипатьевского дома, где было совершено это поистине сатанинское злодеяние».

Мистическая тема вокруг убийства Государя и Его Семьи не исчезла и ныне, как в среде русской эмиграции, так и в нашем Отечестве. Например, в одной из своих работ Игорь Ростиславович Шафаревич писал: «Николай II был расстрелян именно как Царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории». М. Назаров, высказывая предположение, что основополагающей задачей Правительственной комиссии является вместе с останками похоронить все связанные с ними тайны, пишет: «Первая тайна относится к ритуальному характеру убийства последнего русского Царя», и добавляет: «убийство в Екатеринбурге в 1918 году по своему мистическому значению было ритуальным, независимо от того, сознавали это сами убийцы или нет». А Мамонтов в интервью, выше упомянутом, на вопрос журналиста касательно этой темы ответил: «В Екатеринбурге я познакомился с человеком, который много лет занимался изучением событий 1918 года, и он посоветовал поговорить с лицом, возглавлявшим УКГБ по Свердловской области в 70-е годы. Я узнал об отчёте Голощёкина, который нигде не публиковался. Беседы, встречи дали мне основания предположить, что это было не просто злодеяние, а акт мести, ритуальное убийство».

«Убивая Русского Православного Царя, — сказал митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, — символично убивали законную, христианскую, национальную власть. Убивая Наследника — убивали и будущее России. Убивая вместе с Августейшей Семьей их верных слуг — убивали всеобщее общенародное единение, к которому так стремилась всегда русская жизнь».

П. Пагануцци в своих исторических оценках разделял точку зрения тех, кто трагедию, постигшую Россию в 1917 году, не расценивал как событие, совершившееся неожиданно. Для тех, кто при-

держивается этой точки зрения, большевистская революция стала результатом давнего интернационального заговора тёмных сил, задачей которых являлось низвержение самобытной Православной Империи. «Теперь, когда мы можем подвести итоги этого апокалипсического разрушения, — заканчивает свою статью Пагануцци, — стоит задуматься о таинственной надписи в доме Ипатьева».

В своей книге «Правда об убийстве Царской Семьи» он приводит небольшой отрывок из письма Н.А. Соколова к генералу Лохвицкому, в котором сказано: «За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии. Вопрос о жизни и смерти членов Дома Романовых был, конечно, решён до смерти тех, кто погиб на территории России».

Е.Е. Алферьев, автор нескольких книг о Государе и Его Семье, эту мысль выразил более обнаженно: «Американские еврейские финансисты во главе с крупнейшим банкиром Я. Шиффом расходовали колоссальные средства на подрывную работу», а Альфред Мирек в книге, посвящённой судьбе Императора Николая II, вышедшей к 90-летию екатеринбургского злодеяния, с причастностью Шиффа к истреблению Дома Романовых связывает смерть следователя Н.А. Соколова. Из его рассказа следует, что в руках Н.А. Соколова оказался документ, подтверждавший участие Шиффа в судьбе Царской Семьи. Документ этот, полученный от Генри Форда, Соколов якобы собирался опубликовать в своей книге, работу над которой он заканчивал, когда нашли его мёртвым в саду собственного дома. Как утверждает Мирек, после смерти Соколова из следственного Дела исчез ряд важных материалов, в том числе и полученный от Форда документ. Исчезновение документов подтверждает и прокурор-криминалист Соловьёв. Он пишет: «В двадцатые годы была ограблена берлинская квартира Соколова и пропали документы, касающиеся расследования гибели царской семьи. До настоящего времени они не найдены».

Какова достоверность этой истории и всего того, что связано, так или иначе, с версией о ритуальном преступлении, соответствует ли это всё событиям истинным, конечно, сказать что-то утвердительно нельзя. Никаких бесспорных подтверждений этой изуверской версии не существует. Но также не существует и опровержений, документально доказанных. А потому эта версия имеет широкое

распространение в обществе, она постоянно появляется в прессе, находя много сторонников и не только «черносотенного» мировоззрения, но и среди публики разумной, взвешенной, готовой к свободным дискуссиям, которая видит за ритуальной версией мистический смысл крушения Императорской России и для которой официальная точка зрения неприемлема прежде всего тем, что «достоверность» оной основывается только на показаниях лиц, причастных к преступлению. Размышляя о судьбе Императора Павла I, В. Ходасевич писал: «Мы не можем узнать облик этого Царя, потому что Его историю создавали Его убийцы». Когда прокурора-криминалиста Соловьёва спросили, на какие исторические источники опирается его следствие, он ответил: «Прежде всего на источники, связанные с воспоминаниями непосредственных участников расстрела и захоронения, среди которых особо стоят воспоминания коменданта Дома особого назначения Якова Юровского» (на первых порах работы Комиссии тот же Соловьёв заявлял: «Основным источником доказательства на сегодня является следственное дело Соколова»). «Нельзя взять одну часть истории, — сказал один мудрый человек, — а другую, неподходящую, проигнорировать». А именно этим и характерно всё, что связано с выводами Правительственной комиссии и прокурорского расследования, каковые могут меняться на совершенно противоположенные, без всяких на то объяснений.

Ещё в 1994 году на одном из заседаний Комиссии В.Н. Соловьёв доложил о подготовленной им «Справке», в которой среди круга вопросов, «решаемых при расследовании Уголовного дела», рассматривалась «версия о ритуальном убийстве».

— Эта версия существует достаточно долго, — сказал Соловьёв, — и активно отстаивается кругами, говорящими о членах царской семьи, как о «умученных от жидов». Нами изучены материалы, публиковавшиеся в дореволюционной литературе и касающиеся вопросов ритуальных убийств. В них приведены признаки ритуального убийства, такие как убийство холодным оружием, обескровливание жертвы, использование крови в ритуальных целях. Среди признаков, сопровождающих ритуальное убийство, называются пропитывание ткани кровью, оставление трупа брошенным на открытом месте. Учитывая, что версия о ритуальном характере убийства тре-

бует проверки, в настоящее время идут поиски экспертов, которые могли бы разъяснить эту проблему. Мы обратились к Святейшему Патриарху всея Руси Алексию II с просьбой оказать помощь в подборе материала по этой теме.

Владыка Ювеналий, как известно, ответил, что Церковь не располагает таковыми возможностями; о «поисках экспертов» прокурор-криминалист упомянул для красного словца, потому что на самом деле никаких поисков не производил, а вот что касается «признаков», то Соловьёв, может быть, и зря об этом обмолвился, ибо на некоторые из них вездливый оппонент может обратить внимание: Ермаков «холодным оружием» убивал Великих княжон, трупы у шахты пролежали на открытом месте целый день, ткани все были пропитаны кровью; Павел Медведев на допросе показал: «четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками», а Юровский на встрече со старыми большевиками упоминает «окровавленное тряпье».

В заключительном документе следствия, проведённого прокурором-криминалистом Соловьёвым, ритуальной версии посвящён целый самостоятельный раздел. Видимо, с идеологической точки зрения эта тема, коль скоро ей придаётся такое значение, стала той системой возражения «оппозиции», которую нужно было как можно больше уязвить в том, что «ритуальная расправа» является главным и основным, а может быть, и единственным аргументом этой оппозиции, уличив её к тому же в тенденциозности и использовании недозволенных методов возражения. В коротком предисловии Соловьёв пишет: «С момента гибели семьи бывшего императора Николая II в 1918 году до настоящего времени в различных российских и зарубежных изданиях появляются упоминания о так называемых “ритуальных убийствах” и участия в убийстве царской семьи неких “тайных сил”. Обширные статьи на эту тему публиковались в сборнике “Царь Колокол”, в газете “Память” (“Память”, конечно, очень для хулы газета удобная, но далеко не только она этой темы касалась. — *А.Г.*). Достаточно активно вопрос о “ритуальных убийствах” обсуждается в различных общественных организациях, близких к радикальным течениям Русской Православной церкви (представителем которых Соловьёв, наверное, полагает митрополита Ювеналия, а может быть, и весь Синод? — *А.Г.*). Учитывая общест-

венную значимость настоящего дела, автор (т. е. Соловьёв. — А.Г.) счёл возможным провести анализ следственных материалов, на предмет соответствия обстоятельств гибели семьи Николая II бытовавшим и бытующим в мире понятиям о “ритуальном убийстве”».

Сделав краткое уведомление о неких кругах, нагнетающих страсти вокруг ритуальной версии, Соловьёв на пятнадцати страницах компьютерного текста излагает «историю возникновения “кровавого навета”», начиная свой экскурс со времён ещё доисторических, отыскав где-то упоминание о ритуальных убийствах, «совершённых евреями» за сто семьдесят лет до Рождества Христова. Он вспоминает Геродота, католическую церковь, нескольких Пап Римских, Державина, Николая I, естественно, «Дело Бейлиса», Протоколы сионских мудрецов, подготовленные «в недрах тайной полиции России», и переходит к перечислению по книге Даля признаков, которые должны сопутствовать ритуальному убийству. Это как бы такая историческая преамбула. Главный акцент всех разоблачений и выводов сосредотачивается уже непосредственно на июльских событиях 1918 года. «Сторонники “ритуального убийства”, — пишет Соловьёв, — обязательно приводят в качестве аргумента существование в комнате, где был совершён расстрел, четырёх “кабалистических знаков”, которые якобы мистически описывают гибель царской семьи». Далее он высказывается очень критично в отношении расшифровки «кабалистических знаков», сделанных Энелем, приводя довольно пространный фрагмент из его книги и текст «раскрытия тайного значения надписи», толкование которого считает «крайне уязвимым», ибо исследования Энеля, как пишет прокурор-криминалист, «никогда не были подтверждены кем-либо из учёных, изучавших древние языки либо еврейскую религиозную жизнь». Но ведь также никогда они не были опровергнуты теми же самыми учёными, на что Соловьёв почему-то не обращает никакого внимания в собственном прокурорско-криминальном изыскании. «Таким образом, — продолжает Соловьёв, — в своём исследовании Энель не смог доказать того, что “кабалистические” знаки являются надписью, а, например, не “пробой пера”» (или как у Рябова — просто чесал спину, прислонившись к стене. — А.Г.). А сам Рябов в своей повести, касаясь «некоего кабалистического обозначения», отозвался со свойственной ему небрежной безответственностью: «Расшифровке не поддалось».

Подводя итог под всеми своими «историческими» и «научными» заключениями, Старший прокурор-криминалист Главного следственного управления Генеральной прокуратуры заявляет: «суммируя изученные данные, можно прийти к выводу о том, что решение о расстреле семьи бывшего императора Николая II, членов его семьи и лиц из окружения, а также посмертные манипуляции с телами погибших (ограбление, отрезание пальца, а может быть, и отчленение голов? — *А.Г.*) не имеют признаков так называемого “ритуального убийства” и напрямую связаны с политическими и организационными вопросами» (интересно, какие в этой кровавой драме имеются в виду «организационные вопросы». — *А.Г.*).

К сожалению, весь этот объёмный труд, явившийся результатом погружения в сложную тему «о убийствах евреями христианских младенцев и употреблении крови их», как, впрочем, и всё, что вышло из-под пера Соловьёва в рамках «уголовного дела», не носит характер серьёзного расследования. Это всё то же литературное повествование, вовсе не требующее никаких специальных криминалистических навыков и профессиональной подготовленности, и уж тем более знаний из области «кабалистики», целью которого, если выразиться словами Солоухина, является «наведение тени на плетень».

Никакой «Америки» Соловьёв не открывает. Всё, о чём он пишет, известно давно из разных источников. И главное, что вся эта многовековая история, связанная с «кровавым наветом», никакого конкретного отношения к убийству Царской Семьи не имеет. И притягивать её «за уши» к этому убийству нужно лишь для того, чтобы отвлечь внимание, обескуражить наукообразной информацией, увести в сторону от самого вопроса и от ответа на него.

А вопрос очень прост и лежит на поверхности. Есть некие знаки, какие-то символические изображения, кем-то принятые за кабалистическую тайнопись, которые в начале двадцатых годов двадцатого столетия расшифровал некий Энель: профессор Пагануцци называет его английским учёным, а прокурор-криминалист — русским эмигрантом. Затем некий Б. Верный, якобы «специалист по древнееврейскому языку и знаток Кабалы», перевёл сочинение Энеля на русский язык, и с того времени это кабалистическое начертание приобрело смысловое объяснение, сохранившись в своей первозданности до нынешних времён. Оно гласит: «Здесь по прика-

зу тайных сил Царь был принесён в жертву для разрушения государства. О сём извещаются все народы».

Как должен поступить представитель Генеральной прокуратуры, которому поручено было провести расследование уголовного дела, если бы он, как профессионал, стремился разобраться во всех временных наслоениях и установить истину? Должен он был, прежде всего, не заниматься самодеятельностью и дилетантством, а обратиться действительно к учёному миру, к нескольким независимым и не связанным между собой авторитетным специалистам в области той самой кабалистической магии с тремя вопросами:

1. Что из себя представляют эти четыре знака, соответствуют ли они тому определению, которое им дал Энель? Если нет, то есть если это вовсе не какие-то кабалистические знаки, а бред больного воображения, чья-то ловкая мистификация или «проба пера», то вопрос исчерпан; если соответствуют, тогда:

2. Как Энель расшифровал их тайный смысл? Если неверно, то:

3. Просить учёных представить следствию настоящий текст перевода этих «знаков» на русский язык.

* * *

15 января 1998 года газета «Известия» опубликовала беседу с профессором В.Л. Поповым, названную «Ситуация с царскими останками очень запутана», и реакцию на эту публикацию прокурора-криминалиста В. Соловьёва под заголовком, «Где есть факты, там нет места легендам». Вячеслав Леонидович Попов крупный специалист в области черепно-мозговой травматологии. Он одно время по поручению прокуратуры занимался исследованием огнестрельных повреждений на костных останках и проблемой стоматологии, но в Правительственную комиссию включён не был, и от участия в работе следствия был отстранён, ибо высказывался в том смысле, что очень немного есть оснований считать «исследуемые кости принадлежащими Царской Семье». Тогда же по его сценарию был снят фильм «Экспертиза века. Загадка Царской Семьи». Позднее свою точку зрения В. Попов высказал в книге «Где Вы, Ваше Величество?»

Соловьёв свою полемику с Поповым начинает весьма воинственно. «В последние месяцы ушедшего года, — пишет он, — вспыхнул с новой силой интерес к останкам девяти человек, обнаруженных в июле 1991 года на Старой Коптяковской дороге под Екатеринбургом. Чем ближе окончание расследования, тем энергичнее контрвыступления в газетах и по телевидению, тем больше различных обращений к руководству страны, пресс-конференций. Опровергать добытые за несколько лет экспертные научные данные уже трудно (с властью всегда бороться было трудно. — *А.Г.*), если не невозможно. А вот попытки посеять в обществе сомнения, затянуть дело ещё могут принести политические и профессиональные дивиденды, удовлетворить честолюбивые амбиции, обогатить дремучими, удобными тёмному обывателю (светлые обыватели — это те, кто прокурору-криминалисту не прекословят. — *А.Г.*) доводами предвыборную программу. В этих игрищах едва ли кого интересует истина».

Высказав своё негодование в адрес неких «тёмных сил», естественно корыстных смутьянов, Соловьёв переходит в атаку на профессора. «Попов и его коллеги справились с поручением (имеется в виду, стоматологические и черепно-мозговые исследования — *А.Г.*) на высоком научном уровне и, если бы в книге “Где Вы, Ваше Величество?” говорилось только о её (экспертизе. — *А.Г.*) научных достижениях, появление работы можно было бы всячески приветствовать. Но автора попутал бес тщеславия. Взяв на себя роль искателя правды и борца за справедливость, он занялся проблемами, весьма далёкими от его профессии». Соловьёв не совсем прав. Некоторые проблемы к медицине имеют отношение. Например, два зуба, «принадлежащих мальчику, чей возраст совпадает с возрастом цесаревича», о которых не существует единого мнения экспертов, или сложности, возникшие с генной экспертизой, в чём, наверное, доктор медицинских наук осведомлён более основательно, чем следователь Генеральной прокуратуры. Другие вопросы характера общего, часто возникающие при обсуждениях всей сложной и запутанной проблемы Царских останков, Соловьёв парирует очень уверенно и не особенно сдерживая себя в эмоциях. «Попов лукавит»; «не даёт Попову покоя отрезанная голова императора. Но почему бы не подкинуть лишнее полешко в “патриотический” костёр»; «очередной ушат грязи выливается на Г. Рябова и А. Авдони́на»;

«задавая свои “убийственные” вопросы, Попов вовсе не хочет получить на них ответы», и уже заканчивая, Соловьёв с иронией замечает: «Попов слишком доверчив? Не ведает, к чему клонит? Ерунда! На подобное чтиво — имею в виду книгу — есть спрос. В том всё и дело». Конечно, грубость не лучший способ доказывать свою правоту. «Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ». К сожалению, постсоветское следствие этой известной поговорки не придерживалось. Раздражительность и часто в грубой форме прокурор-криминалист постоянно позволяет себе выражать в адрес лиц, которые на разделяют его точку зрения, что совершенно не вяжется с его профессиональной принадлежностью, которая обязывает его, как юриста, апеллировать к установленным фактам, и этим, документально доказанным фактом, ставить своего оппонента в положение, когда он, оппонент, будет вынужден признать ошибочность собственного суждения.

Надо сказать, что сложности во взаимоотношениях с официальной экспертизой у В.Л. Попова возникли давно, почти сразу же, как только начались медицинские исследования. В октябре 1994 года Яров в письме на имя исполняющего обязанности Генерального прокурора А.Н. Ильюшенко писал: «В связи с публикацией книги “Идентификация останков царской семьи Романовых” (автор профессор Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии В.Л. Попов) прошу Вас рассмотреть вопрос о правомочности в соответствии с действующим законодательством использование данным автором материалов и результатов исследований, проведённых большой группой специалистов (называются фамилии экспертов, которые твёрдо стоят на официальной позиции. — *А.Г.*) без их согласия» (*Приложение № 21*).

Реакция из Генеральной прокуратуры на запрос вице-премьера последовала не сразу, видимо, долго искали повод для применения какой-либо формы воздействия. В довольно просторном прокурорском ответе, в частности, говорилось: «8 августа 1991 года была назначена комплексная комиссионная судебно-медицинская и медико-криминалистическая экспертиза. Главному судебно-медицинскому эксперту Бюро Плаксину В.О. предложено включить в состав экспертной комиссии ведущих экспертов и специалистов. Для работы в числе других была привлечена группа петербургских экспертов

под руководством начальника кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова доктора медицинских наук, профессора Попова В.Л. Эксперты группы Попова В.Л. результаты своих исследований оформили отдельным заключением и передали в Генеральную прокуратуру РФ». Доложив о материалах, содержащихся в книге Попова, и сравнив их с данными, полученными другими экспертами, Генеральная прокуратура, как говорится в письме, «всё же вынуждена признать (очень хотелось бы, но “вынуждена”. — *А.Г.*), что Попов В.Л. не может быть признан нарушителем авторских прав. По указанным причинам отсутствуют основания для признания в действиях Попова состава преступления» (*Приложение № 22*).

Ответ Прокуратуры обсуждался на заседании Комиссии. На вопрос Собчака, «почему решения Комиссии не выполняются», Ответственный секретарь А.Е. Себенцов ответил:

— Решение Комиссии по вопросу, связанному с использованием в книге Попова материалов, которые не ему одному принадлежат, мы направили в Прокуратуру. Прокуратура дала ответ, имеющийся в розданных вам материалах, по сути дела, ничего существенного предложено Прокуратурой не было.

— Потому что у людей чиновничий подход, — сказал Собчак. — Те люди, которые этим занимаются, они не проявляют никакого интереса к реальному решению, они решают чисто по-чиновнически. Вот вы там решили, а мы приняли такое решение, направили книгу Попова в Генеральную прокуратуру. Андрей Евгеньевич, Вы же юрист, Вы же понимаете, что достаточно было объяснить этим авторам (из группы специалистов. — *А.Г.*), чтобы они обратились с гражданским иском, если их авторство нарушилось с использованием каких-то материалов без ссылок на них, а Прокуратура может возбудить дело только в крайних случаях, когда это привело к определённым тяжким последствиям.

— Дело в том, — пояснил Себенцов, — что было такое поручение Комиссии. Ясно было, что идти можно только с гражданским иском.

— Так я почему и говорю, что чиновничий подход, потому что вместо того, чтобы взять и решить по сути дела, мы делаем какие-то телодвижения. Да, можно сказать, что было поручение, но результатов никаких не было.

Действительно, прямой карательной акции над «оппозиционным» учёным учинить не удалось, да и особенного страха нагнать не получилось. Профессор Попов своей точки зрения не изменил.

Весной 1998 года он опубликовал статью «Антропологические противоречия при исследовании Екатеринбургских останков», которую можно в какой-то степени считать ответом на не слишком вежливые нападки прокурора-криминалиста, хотя, конечно, таковым в буквальном смысле она не являлась. Это размышление учёного в связи с завершением работы Правительственной комиссии и предстоящими событиями в Петропавловской крепости, а вовсе не реакция на обвинение в тщеславии и корысти. Тон статьи ровный, без всяких выпадов в сторону оппонента и без оскорбительных эпитетов, что располагает к более спокойному и вдумчивому восприятию тех проблем, которые Попов в качестве претензий предъявляет следствию и которые он пытается анализировать. Главная же мысль его заключена в том, что «интерпретация любого факта, который попадает в поле зрения следствия» страдает односторонней доказательностью, не приемлющей никакой иной трактовки. «На чём нужно сегодня настаивать, — пишет В.Л. Попов, — это на ознакомлении научной общественности со всеми экспертными заключениями по данному делу. И не после захоронения, а до него. С тем, чтобы не оказаться в ситуации, когда “все концы в воду”».

Серьёзные претензии в адрес Соловьёва выдвинул его коллега «по цеху» доктор юридических наук Александр Иванович Бастрыкин⁷, именно с точки зрения профессионального подхода к расследованию уголовного дела. В статье, посвящённой «процессуально-криминалистическому анализу материалов» следствия, опубликованной в сборнике «Правда о Екатеринбургской трагедии» в 1998 году он пишет: «Прежде всего, вызывает сомнения компетентность Комиссии: может ли она в данном составе рассматривать вопросы такой сложности. Из 23 человек членов Комиссии — 12 являются чиновниками различных государственных ведомств, по-видимому, не обладающих специальными познаниями и квалификацией, необходимыми для разрешения вопросов, рассматриваемых Комиссией. Обращает на себя внимание и отсутствие в составе Комиссии пред-

⁷ Ныне Глава Следственного комитета РФ.

ставителей юридической науки и практики». Касаясь непосредственно проблем юридических, Бастрыкин заявляет: «Собранные следователем В.Н. Соловьёвым доказательства отличаются односторонностью, поскольку в процессе расследования следователем воспринимались и фиксировались только те доказательства, которые укладывались в единственную версию, которая и составила основу расследования. Иные возможные теории следователем Генеральной прокуратуры не выдвигались и, соответственно, доказательства по ним не собирались. Как видно из представленных материалов, следователь Генеральной прокуратуры даже не выдвигал версию о том, что останки тел, обнаруженных в июле 1991 года, могут не принадлежать членам царской семьи. В свете этого совершенно понятно его нежелание исследовать какие-либо сведения о спасении царской семьи, так как они противоречили бы первоначально избранной им версии, что обнаруженные останки, безусловно, принадлежат царской семье и их слугам. Но такой подход противоречит элементарным правилам криминалистики о планировании расследования и выдвижении следственных версий. В соответствии с этими правилами выдвигаются все возможные по обстоятельствам дела версии, они отрабатываются параллельно и одновременно, проверка каждой версии заканчивается только тогда, когда в результате следственных и процессуальных действий установлена (доказана) её несостоятельность. Совершенно очевидно, что в данном случае эти элементарные правила криминалистики игнорировались, следствие велось по одной версии, другие версии не выдвигались и не проверялись, а попытки специалистов предложить их — отвергались. Всё вышеизложенное, — продолжает Бастрыкин, — позволяет утверждать, что обстоятельства, связанные с обнаружением останков неизвестных лиц в окрестностях Екатеринбурга, нуждаются в дополнительной проверке путём производства дополнительного расследования».

Но власть торопилась завершить все баталии и распри вокруг останков, словно спешила похоронить вместе с ними и некую тайну, нежелательную для широкого оповещения.

30 января 1998 года на заседании Правительственной комиссии Б.Е. Немцов объявил об окончании прокурорского расследования и окончании работы Комиссии. На этом Комиссия прекратила своё

существование. Немцов поздравил членов Правительственной комиссии с благополучным завершением всех исследований, как медицинских, так и прокурорских, которые, как он сказал, с точностью до 99,9 процентов подтвердили принадлежность останков, извлечённых в 1991 году из коптяковской дороги, Царской Семье и лицам, разделившим с нею горькую её участь. Конечно, такое заявление Председателя Комиссии было голословным. Никакого официального документа членам Комиссии предъявлено не было, и никакого официального документа, касающегося завершения работы Комиссии, члены Комиссии не подписывали. Вопросы «исторического характера» объявлены были не относящимися к области юриспруденции и экспертной идентификации, а потому не обсуждались, и никаких дебатов вообще не было. Сторонники официальной версии и те, кто ратовал за скорейшее захоронение, торжествовали. По этому случаю после окончания заседания разошлись не сразу. В кабинете Немцова это событие было отмечено рюмкой французского коньяка.

По свежим следам, 3 февраля, в помещении РИА «Новости» была проведена пресс-конференция, посвящённая окончанию работы Комиссии и завершению экспертно-криминалистических исследований. Героем дня был прокурор-криминалист В.Н. Соловьёв, он же главный докладчик и главное «интервьюированное» лицо. Так-же принимали участие: директор Государственного архива С.В. Мироненко, директор Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы В.В. Томилин (это тот самый медицинский генерал, который привёз голову маршала Линь Бяо), советник вице-премьера В.В. Аксютин и ещё несколько лиц, так или иначе связанных с Правительственной комиссией.

Из небытия среди участников конференции, впервые за все годы работы Комиссии, возник Гелий Рябов. О нём уже успели хорошо забыть, забыть, что когда-то по чьей-то воле он безгласно в одиночестве исчез с горизонта. Рябову, как многие были уверены, «посоветовали» мирно и без шума удалиться, чему он покорно последовал, но «заслуги» его забыты не были и появление его на пресс-конференции, когда власть сочла, что все страсти улеглись, на которой он выступил со своими воспоминаниями, тому подтверждение.

Открыл конференцию Соловьёв. Он долго пересказывал всю историю, начиная, как всегда, с события, произошедшего в ночь на 17 июля

1918 года. Весь смысл его повествования сводился к тому, что несмотря на всё сопротивление со стороны «деструктивных» сил и «патриотической» оппозиции, им, Соловьёвым, следствие было доведено до логического конца и доказано (почти на сто процентов. — А.Г.), что останки, обнаруженные «Рябовым и Авдониным» в Поросянковом логу, являются останками Царской семьи и лицам из их окружения.

— Полностью доказано и сомневаться нет оснований, — заявил Соловьёв.

Мироненко вывод следствия подтвердил, но он более размышлял о том, лично Ленин распоряжения на уничтожение Царской Семьи давал ли, или не давал, так как письменного документа в Архиве им не найдено, но в то же время высказал мысль, что в Екатеринбурге было принято решение о расстреле не без его ведома. В качестве подтверждения привёл текст телеграммы на имя Свердлова, в которой говорилось, что «судебного процесса над царём устроить возможности нет, и что если ЦИК не возражает, то будет употреблена мера ликвидации». Ответ из Москвы на запрос не последовал и, как предположил С.В. Мироненко, — «молчание означало согласие». Интересно в этом отношении сообщение князя Щербатова. Он в сороковых годах много работал с архивом НКВД, который немцами был вывезен из Смоленска. Он пишет: «В архиве я читал газеты для служащих ЧК: “Красный меч” и “Новости ЧК”. В “Новостях ЧК” была опубликована телеграмма от 21 июля 1918 года под грифом “совершенно секретно”, адресованная зав. оперативной частью Смоленского ГубЧека т. Рубинштейну: “Николай Романов и семья расстреляны в Екатеринбурге по приказу ЦИКа”. Телеграмма была подписана Ф. Дзержинским».

Вопросов к участникам Конференции задавалось много и разных, в том числе прессу интересовало, где и когда состоится акция захоронения, ибо тема эта обросла разными слухами, имеющих под собой некое основание. В кругах, причастных к проблемам, связанными с останками, полного единомыслия не существовало. Была довольно активная группа во главе с губернатором Росселем, которая настаивала на том, что царские останки должны быть погребены в екатеринбургской земле, так как это последнее место земной жизни Русского Царя и место его смерти. Россель тогда, между прочим,

публично заявил, что ему известно, где покоятся останки Царевича Алексея и Великой княжны Марии, которые несколько лет искал и не сумел обнаружить прокурор-криминалист. Претендовала на своё преимущество и Москва, аргументируя его тем, что традиционно Цари хоронились в столице, и что Царская Семья готовится к прославлению в лике святых, а когда это совершится и останки превратятся в Святые мощи, Церковь не согласится на их пребывание в музее. Даже администрация города Пушкин (бывшее Царское село) предлагала для единого места захоронения «Царской семьи и их преданных слуг», Фёдоровский собор.

Но, конечно, большинство отдавало предпочтение Санкт-Петербургу, месту традиционного упокоения Российских Императоров. На том настаивала власть, которая уже давно вела подготовительные работы и которая никогда не сомневалась в том, что останки царские. Ещё в начале 1994 года газета «Известия» опубликовала материал под названием «Петропавловский собор готовится принять останки Царской Семьи», а в 1997 году Собчак заявил на Комиссии, что «усилиями бывшего директора Петропавловской крепости, нынешнего министра культуры Натальи Дементьевой в соборе предусмотрен специальный придел», где могут быть похоронены Царские останки. Так что власть, создавая видимость обстоятельного научного и криминалистического исследования останков, «предположительно принадлежащие Царской семье», с самого начала не сомневалась в том, что эти «предположительные» останки будут похоронены в Царской усыпальнице и с Царскими почестями.

Православная Церковь пыталась как-то повлиять на власть, предложив свой компромиссный вариант. В постановлении Священного Синода 26 февраля 1998 года было сказано: «Затянувшаяся процедура криминалистической экспертизы привела к тому, что екатеринбургские останки остаются без христианского погребения в течение недопустимо длительного времени. В связи с этим Священный Синод высказывается в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Когда будут сняты все сомнения относительно “екатеринбургских останков” и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению о месте захоронения». В решении Синода было заявлено, что останки, найденные

под Екатеринбургом, «принадлежат жертвам богоборческой власти», тем самым Церковь дала недвусмысленно понять, что её участие в погребении, если оно будет совершаться в Царской Усыпальнице, исключено.

Это вызвало недовольство и раздражение со стороны официальных сторонников того, что исследования останков завершены и всеми экспертизами и прокурорским следствием установлено на 99,9 процентов принадлежность этих останков Императору Николаю II и его Семье. Резко в печати выступил советник Немцова, Виктор Аксючиц. Не упоминая прямо Священный Синод Русской Православной Церкви, он заявил: «Не признавать этого (то есть подлинности останков. — *А.Г.*) могут только те, для кого действительно останки семьи стали картой в политических играх». В беседе со священником о. Сергием, поразмышляв о том, что страсти в обществе могут продолжаться до бесконечности и что до тех пор, пока останки не будут захоронены, «противоборствующая сторона» будет продолжать всячески провоцировать смуту в обществе, Аксючиц сказал: «Если останки будут не захороненными ещё пять лет, все эти пять лет споры будут продолжаться. Это повод для амбициозных политиков использовать историю с Императорскими останками в политической борьбе. К примеру, Комиссию возглавляет Борис Немцов, а значит, его политические оппоненты пытаются сделать ситуацию невыгодной для Немцова (Аксючиц тогда был, видимо, абсолютно уверен, что ещё на многие годы ему определена роль советника вице-преьера. — *А.Г.*). «Осторожность позиции Московской Патриархии» Аксючиц объясняет очень просто: страхом перед расколом. Как он сказал, существует угроза «перехода некоторых приходов под юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви, категорическое мнение которой популярно в некоторых церковных кругах» и «радикально настроенной православной общественности».

Не прошёл мимо решения Священного Синода и драматург Радзинский. С критическими замечаниями он выступил 1 марта в ночном эфире на канале НТВ, направив остриё своей критики мимо Церкви в адрес Зарубежной комиссии. Прежде всего, он обвинил её Председателя, Петра Николаевича Колтыпина-Валовского, в том, что он, «завалив письмами» Московский Патриархат, сумел изменить позицию Церкви в отношении екатеринбургского захороне-

ния. По Радзинскому получалось так, что до Колтыпина Русская Православная Церковь чуть ли не публично признавала останки подлинно принадлежащими Царской Семье. Самого Колтыпина Радзинский аттестовал весьма нелицеприятно. К тому же он «инженер и ничего не понимает» в идентификации. (Можно подумать, что сам драматург-Радзинский большой специалист в этой области). С высоты драматургического величия досталось и другим членам Зарубежной комиссии. Князь Щербатов «уж настолько стар, что, собственно, кроме того, что он князь и носит фамилию известного русского историка» (по большевистскому разумению достойнее, конечно, носить фамилию екатеринбургского цареубийцы. — *А.Г.*), о нём и говорить нечего, «что с него спрашивать». Магеровский — бывший сотрудник ЦРУ. Но «зарубежные» персоны были поводом, ибо, конечно, раздражение всё касалось критического отношения Церкви в адрес Правительственной комиссии, принявшей решение об окончании своей работы.

На выступление Радзинского откликнулся журналист А. Минкин в «Новой газете». Он писал: «Вечером на телеэкранах появился Радзинский (член госкомиссии). Он чуть не плакал, уверяя, если не признают кости царскими и не похоронят в назначенный правительством срок, нам (всей России) будет очень плохо. Так и сказал. Выходит, что если признаем и похороним — нам станет очень хорошо. Он сочиняет. Пишет, что говорили друг другу Нерон и Сенека, что думали (!) их величества Ники и Аликс и товарищ Сталин. Всё, что он пишет, — очень мило. Художественность. Но что делает он в Комиссии? Он что, генетик, криминалист? Радзинскому (для книги) очень хочется, чтобы скелет был именно Николая. Но это не научный, а, увы, очень личный интерес».

«Свободная» и раскрепощённая пресса, может быть и не без некоего влияния, проявила большую агрессивность. Особенно этим отличился «Московский комсомолец» пером С. Бычкова, своего бессменного борца с «табачным митрополитом» и «синодскими мудрецами». В одной из своих атакующих статей он писал: «Не утихли истошные вопли московских и зарубежных крикунов, которые сочли себя обиженными и обойдёнными (тем, что Правительственная комиссия приняла решение о захоронении останков, которое Президент Ельцин утвердил. — *А.Г.*). Можно было бы не обращать внимание

на них, если бы не одно обстоятельство — их яростно поддерживает и подогревает митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель Синодальной комиссии по канонизации (один из главных объектов ненависти Бычкова. — *А.Г.*). Тот самый, который теперь утверждает, что под Екатеринбургом были найдены “символические останки” неизвестной императорской семьи». И дальше уже в «лучших традициях» времён Емельяна Ярославского Бычков продолжает: «Митрополит Ювеналий убеждён, что убийство царской семьи носило ритуальный характер. Жидо-масоны уничтожили всех Романовых (с такой аттестацией в недоброй памяти тридцатые годы понятно, что ожидало бы владыку. — *А.Г.*). Причём действовали они не из прагматических соображений (вдруг кто-то останется в живых и его провозгласят царём), а совершали некий таинственный и никому не ведомый, кроме митрополита Ювеналия и крикунов, ритуал. Сначала выпустили кровь, затем, отчленив головы, отвезли их в Кремль» (удивляться только можно, что эти изуверы «крикуны» проглядели, что в номере уголовного дела, возбуждённого Генеральной прокуратурой, присутствуют апокалипсические три шестёрки, и не учинили по этому поводу всемирный шабаш. — *А.Г.*).

Газета «Коммерсант» в небольшой статье под заголовком «Церковь не верит в подлинность царских останков» написала, что «материалы, опровергающие подлинность останков, вполне могут стать политической картой в руках Русской Православной Церкви». «Русский Телеграф» обвинил епископат в нежелании «исполнить свой долг перед останками последнего императора». Если пресса действовала публично, нагнетая в обществе непонимание и в какой-то степени раздражение в адрес главным образом Священного Синода, то власть, как всегда, как принято ещё с советских времён, работала приватно, методом психологического давления. «Вечерняя Москва» в те дни писала: «Светская власть, которая заинтересована в осуществлении своего сценария захоронения, оказывала постоянное давление на Русскую Православную Церковь. Состоялись неоднократные встречи президента Б. Ельцина и Патриарха Алексия II, было письмо премьера С. Кириенко, уговоры Б. Немцова. Такой прессинг привёл к прямо противоположным результатам».

Много лет спустя, когда страсти как бы улеглись, в 2007 году митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл, будучи в Ка-

ловых Варах в числе российской делегации, вспоминал о событиях тех лет в интервью журналу, который издаёт русская диаспора в Чехии. Среди прочих тем владыку спросили, о взаимоотношениях Церкви с властью в период исследования екатеринбургских останков. Владыка Кирилл ответил предельно откровенно: «На нашу Церковь было оказано колоссальное давление со стороны высокопоставленных чиновников ельцинского правительства. Я имел разговор с одним таким деятелем, он лично угрожал мне, если мы не согласимся с выводами экспертизы. Один из представителей власти, придя на заседание Синода, сказал, что мы обязаны согласиться с выводами экспертизы. Мотивировал это тем, что с этим согласна прокуратура, а если мы, мол, не согласимся с выводами прокуратуры, то эти наши деяния могут быть рассмотрены как нарушение закона. Под таким давлением мы даже не хотели обсуждать этот вопрос, поэтому сегодня нет никаких сомнений, что останки, захороненные в Петропавловской крепости, не являются царскими останками». (*Приложение № 37*).

И это административное насилие, как бы ни возмущались те, кого это уязвляет, к сожалению, абсолютно соответствует действительности. Выше уже упоминалось о попытке воздействовать на владыку Ювеналия, а в своё время, когда Правительственная комиссия ещё функционировала, мне Вячеслав Иванович Брагин, заместитель министра культуры, говорил, что если он не подпишет документ Комиссии, которым будет удостоверена подлинная принадлежность екатеринбургских останков Царской Семье, если он выразит своё несогласие с решением Комиссии (то есть власти), его уволят от должности. Правда, за всех тот самый документ, понимая, что единогласия не будет, подписал сам Председатель Комиссии, так что Брагин, мнения своего не изменив, кары избежал. Позднее ему аукнулось.

Власть проигнорировала точку зрения Русской Православной Церкви и предложение Синода похоронить останки временно в символической могиле-памятнике. На следующий день после заседания Священного Синода Правительство постановило совершить торжественное погребение «Царских останков» в памятный день восьмидесятилетней годовщины екатеринбургского злодеяния. «Не получив благословение на погребение, — писала “Вечерняя Москва”, — но тем не менее решив их (останки. — А.Г.) похоронить, правительст-

во лишь подчеркнуло первенство светской власти, на действия которой не могут влиять члены Священного Синода». «Сегодня можно сказать, — в предисловии к сборнику материалов Правительственной комиссии, вышедшего в это время, писал Борис Немцов, — наука одержала победу над спекуляциями. Идентичность останков доказана с поразительной точностью, получены ответы на знаменитые десять вопросов, поставленные Русской Православной Церковью. Нет оснований продолжать историю трагедии и лишать мучеников погребения. Правительство России приняло решение о захоронении останков Николая II, членов его семьи и слуг. Это решение будет выполнено, историческая точка будет поставлена».

Власть стала готовиться к торжествам.

Вскоре после решения Правительства по телевидению выступил В.А. Яковлев, мэр Санкт-Петербурга, сменивший на этом посту А.А. Собчака, с информацией о том, что проделана большая работа по подготовке к захоронению «Царских останков». Он заявил, что о своём присутствии в эти торжественные дни подтвердили все Королевские Дома Европы, что церемония захоронения пройдёт по традиционному ритуалу Императорских похорон в присутствии высших лиц государства и представителей Московского Патриархата.

Ситуация, однако, скоро начала меняться. 9 июня 1998 года Священный Синод под председательством Патриарха, подтвердив своё февральское решение, постановил: «Считать невозможным участие в захоронении екатеринбургских останков Предстоятеля Русской Православной Церкви или любого иного её иерарха». Ничего не изменила встреча Святейшего Патриарха с Президентом. О том, что на этой встрече обсуждался вопрос о предстоящем захоронении, подтвердил корреспонденту из «Коммерсанта» владыка Ювеналий. «Но эта беседа, — сказал он, — не смогла переубедить Святейшего изменить своё мнение о принадлежности останков». Реакцию противной стороны на отказ Патриарха принимать участие в похоронной церемонии с предельной обнажённостью выразил всё тот же Бычков из «Московского комсомольца». «Люди по-разному входят в историю, — написал он. — Порой она играет скверные шутки. Может статься, что патриарх Алексей II войдёт в историю как первоиерарх Русской Церкви, который отказался отпевать последнего русского царя».

«16 июля доставленные из Екатеринбурга в аэропорт Пулково девять гробов, — вспоминал протопресвитер Александр Киселёв, — были встречены с подобающими церемониями мэром Санкт-Петербурга В.А. Яковлевым, приглашёнными членами Дома Романовых и официальными лицами, а затем сопровождаемы в Петропавловский собор (от Королевских домов Европы никто в Санкт-Петербург не прибыл, они представлены были только дипломатическим корпусом, аккредитованным в России; Английская Королева официально через своего посла передала свой отказ о «прибытии на торжества». — А.Г.). Интересно повёл себя Президент РФ Б.Н. Ельцин — сначала он отказался участвовать в церемонии погребения, тем самым внешне вроде бы выразив согласие с позицией Церкви, но накануне, 16 июля, он заявил о перемене своего решения и прибыл в Санкт-Петербург. 17 июля назначенный митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром протоиерей Борис Глебов совершил в Петропавловском соборе панихиду, которая служилась по особому чину — без упоминания имён. Возносилась лишь молитва о упокоении «всех в годину лютых гонений за Веру Христову умученных и убиенных».

Президент сказал хорошую речь, основное внимание уделив злодеянию в Екатеринбурге, совершённое восемьдесят лет назад, обойдя дипломатично противоречия светской власти и Церкви и ни разу не помянув никого поименно. Видимо, встреча и беседа с Патриархом имели свои последствия.

Однако всё же странны колебания Президента, которые предшествовали этому событию. Ельцин — политик жесткий, нрава крутого и без всяких сантиментов, не раз принимавший решения малопопулярного характера. Что побудило его в этом случае проявить публично столь несвойственную ему нерешительность? Какие силы принудили сделать политический выбор?

А в то время, когда в Санкт-Петербурге хоронили «царские останки», в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры Святейший Патриарх Алексей II совершил заупокойное богослужение с молитвой «о упокоении душ» убиенных безбожной властью Государя и Его Семьи в сослужении всех членов Священного Синода и многих архиереев, съехавшихся из разных епархий по такому случаю. Из Парижа прибыло Великокняжеское семейство, внявши разумному

совету князя Чавчавадзе. Ему удалось преодолеть сопротивление доктора Лопухина, который опекал главу Императорского Дома, и который ориентировал Ея Высочество на полную солидарность с ельцинским режимом. А из бывших членов Правительственной комиссии, тех, кто в Петербург не поехал, не считая владыку Ювеналия, который принимал участие в панихиде, присутствовали В.И. Брагин, А.И. Музыканский, С.А. Беляев и аз грешный.

* * *

В июле 2007 года, через девять лет после того, как в Петропавловской крепости были торжественно, с Царскими почестями погребены екатеринбургские останки, мир облетела сенсационная весть о том, что там же, в Поросёнковом логу, всего в двадцати пяти метрах от коптяковской дороги, немного южнее известного могильника «под мостиком», было обнаружено новое захоронение, из которого извлекли «фрагменты костей двух человек», сразу же объявленные останками Царевича Алексея и Великой княжны Марии.

Именно в это время, совершенно неожиданно я встретился в метро с прокурором-криминалистом Соловьёвым. Естественно, разговор сразу же начался с сенсационной находки. Почему-то Соловьёв проявил желание эту тему обсудить более обстоятельно. Мне тоже было интересно, и мы уютно устроились в кафе на Якиманке. Беседа затянулась. Соловьёв проявлял очень искреннюю обеспокоенность в отношении того, как всё произошло, сам наполненный только слухами, ибо к непосредственному участию он приглашён не был. Захоронение нашли без него и без него останки отсюда были изъяты. Соловьёв выражал опасение по поводу самой находки и достоверности той информации, которую распространяла пресса. Говорил, что с таковыми сомнениями нужно публично выступить, потребовать создания авторитетной и профессиональной группы экспертов, естественно, ни от кого не зависимых, которые должны гласно и публично провести все экспертизы и исследования. К тому же он высказывал твёрдое убеждение, что участие, во всяком случае надзорно-наблюдательное, должны принять представители широкой общественности, к чему призывал и меня присое-

диниться. Он настаивал на том, что уже теперь, на первых порах, когда ещё никакой реакции со стороны власти не последовало, необходимо предать гласности возможные сомнения в достоверности нового открытия, разрядить атмосферу секретности и закрытости, в которой нельзя исключить какие-то манипуляции с тем, что было обнаружено в захоронении. Соловьёв отлично знал моё отношение ко всему, что было связано с Правительственной комиссией, и, в частности, к его собственной позиции, которую он занимал во время ведения прокурорского расследования, и, несмотря на это, искал во мне союзника. Он предложил мне совместно с ним выступить в средствах массовой информации и высказать с предельной откровенностью те сомнения, о которых мы с ним долго и подробно говорили. Я дал согласие, и мы расстались на том, что Владимир Николаевич, договорившись с прессой на определённый день и час, даст мне об этом знать. Больше мы не встречались. Мне он не позвонил, а вскоре интервью с ним появилось в «Московском комсомольце», в котором никаких сомнений в подлинности останков Соловьёв уже не высказывал. И тогда я понял, что снова, как в 1993 году, стал жертвой собственной наивной доверчивости. За искренность принял амбициозную ущербность. А «ларчик просто открывался». Останки царевича и его сестры были найдены без участия прокурора-криминалиста, и в информации, которая появилась в связи с этим, также он упомянут не был. То есть нашли останки тех, кого он будто бы искал на протяжении нескольких лет, и его обошли вниманием, не только не привлекли в качестве главного лица, возглавлявшего прокурорское расследование почти всё последнее десятилетие прошлого века, но даже не поставили в известность о том, что и как произошло. Это так ударило по больному самолюбию, что старший прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры чуть было не превратился в диссидентского протестанта. Но в августе уголовное дело, закрытое в 1998 году, было возобновлено, и Соловьёв вернулся на «круги своя». Он снова возглавил следствие, и весь его критиканский запал рассеялся, как дым.

В интервью, которое прокурор-криминалист дал «Московскому комсомольцу», появились некоторые детали, о которых стоит упомянуть. Например, совершенно неожиданно Соловьёв заявил: «Сначала трупы расстрелянных люди Ермакова повезли на Старую

Коптяковскую дорогу» и в скобках добавляет: «позже к ним присоединился организатор расстрела Юровский». Это новый поворот в официальной трактовке событий. У Покровского в «записке» «организатор» ни к кому не присоединялся, а, усомнившись в надёжности Ермакова, сам отправился с трупами на Ганину Яму. Соловьёв в справке, составленной десять лет назад для Правительственной комиссии, писал: «Юровского обеспокоило поведение солдат, и он решил сопровождать трупы до места их сокрытия» (не «присоединился», а «сопровождал»). Почему вдруг Соловьёв без всякого объяснения отказался от версии Покровского — непонятно. Когда представители из стана убийц путаются в своих воспоминаниях, это можно понять и объяснить, но вот такие же противоречия из уст прокурора-криминалиста совершенно недопустимы, ибо в одном из случаев он, мягко говоря, даёт информацию, не соответствующую действительности.

Далее Соловьёв рассказывает, что Юровский в Поросёнков лог вместе с трупами привёз «170 литров кислоты и бочку бензина» (то есть вывез с Ганиной Ямы всю кислоту, что была по распоряжению Войкова привезена в урочище на шахту, а бензина только одну бочку; следовательно все остальные бочки были использованы в кострах у шахты для сжигания по Юровскому одежды, а по Ермакову — трупов). Это тоже литературное изобретение прокурора-криминалиста (тем более, что в другом официальном документе сам же Соловьёв утверждает, что трупы уже на Ганиной Яме обливали кислотой) потому, что никаких на то указаний нет во всех свидетельствах, на которые очень любит он ссылаться. Сам Соловьёв никак не объясняет, каким образом этот груз был доставлен в Поросёнков лог и зачем. Ведь там хоронить никто не собирался. Похороны на коптяковской дороге произошли стихийно, благодаря совершенно случайному стечению обстоятельств, уже от полной безнадёжности, если верить официальной версии. Трупы везли на Московский тракт к глубоким шахтам, заполненным водой, где с кислотой и тем более с бензином делать было нечего. Везли не жечь, а топить. Припасены уже были камни в качестве груза, с которыми предполагалось трупы спустить ко дну шахты. Под предлогом обыска Юровский распорядился, чтобы все нежелательные свидетели, которые там могли оказаться, были бы арестованы. С этим поручени-

ем основная команда, покинувшая Ганину Яму, уехала вперёд по объездной дороге, где не было угрозы попасть в трясины. Это только грузовик с царскими телами свернул в «**мачажину**» (чтобы застрять там для отвода глаз, пока «основная команда» увезёт «тайный груз» к глубоким шахтам на Московском тракте?). Между прочим, как показал на следствии Соколова путевой сторож с переезда № 184, в ту расстрельную ночь из Екатеринбурга (17 июля) грузовик с трупами на Ганину Яму шёл «**временкой**», то есть в объезд Поросёнкова Лога. Значит, тогда, когда везли «хоронить» трупы, предполагали или знали наверняка, что могут попасть в **болото**? А они и знали. Юровский с Ермаковым всю коптяковскую дорогу очень хорошо исследовали, и потому в ту роковую ночь грузовик нигде не застревал.

Может быть, всё так и было задумано. «Груз» с основной командой, в **объезд болота по проезжей дороге** убыл в сторону Московского тракта к глубоким шахтам, на которые Юровскому указали Голощёкин и Чуцкаев, где уже провели арест всех ненужных свидетелей, а грузовик с Юровским свернул в **болото**. А может быть, всё действительно произошло так, как о том поведал Ермаков и к какому выводу пришёл колчаковский следователь, и в Поросёнковом логу Юровский устроил всего-навсего некий «спектакль». Он же хорошо знал, что на железнодорожном переезде находились люди, и не только семья путевого сторожа, которые все эти дни наблюдали непривычную суету, происходящую в их глухомани. Их надо было или убить, или пустить по ложному следу. Или всё совершилось без всяких фантазий, естественным образом. На Ганиной Яме трупы уничтожили, а то, что не догорело, отвезли в сторону и зарыли где-то или утопили в болоте. Грузовик в Поросёнковом логу действительно застрял. На усадьбе путевого сторожа хозяйничали не таясь: накачали в бочку воды, утащили шпалы, выломали из ограды доски, и уже в раннее солнечное утро отправились восвояси. О мостике вспомнили много лет спустя, когда дипломатия Европы принудила большевиков членораздельно отвечать на неудобные вопросы. Тогда Покровский и сочинил легенду о Коптяковской дороге, а Юровский соорудил там могилу. Не исключено, что и какие-то царские кости там оказались. Почему бы нет?

А если вернуться на официальную стезю, то по Соловьёву получается, что бочку с бензином и 170 литров кислоты Юровский вёз в

кузове грузовика вместе с трупами? 170 литров, это, между прочим, четыре керамических кувшина ёмкостью более сорока литров каждый. Как известно по свидетельским показаниям, которые получены были следователем Соколовым, кислоту перевозили в деревянной таре японского производства, то есть в качественной и надёжной упаковке, которая гарантировала керамические сосуды от случайного разрушения, ибо последствия, если бы такой кувшин разбился, были бы страшные. Но так же известно, что на Ганиной Яме кувшины были из этой тары извлечены. От деревянной упаковки Соколов нашёл недогоревшие фрагменты. Если согласиться с утверждением прокурора-криминалиста, что серная кислота на Ганиной Яме никак не использовалась (зачем её в таком количестве туда везли?), то тогда керамические кувшины были оттуда вывезены уже без всякой страховки, что, конечно, было большим риском, особенно учитывая изъезы коптяковской дороги, и то, что кроме трупов в кузове грузовика могли находиться и сподвижники Юровского. В «записке» Покровского кислота присутствует без всякой количественной конкретизации, но о бензине никаких упоминаний нигде, ни у каких свидетелей и участников нет (это вариант Соловьёва). А как бы полыхал костёр возле домика путевого сторожа, если бы туда вылили бочку бензина (жаль, что Соловьёв в своём расследовании на такие «мелочи» внимания не обращает).

А вот ещё одна новость, которую сообщил «Московскому комсомольцу» прокурор-криминалист: «Александр Николаевич Авдонин в 1998–1999 годах провёл широкомасштабные раскопки в районе Ганиной Ямы, нашёл грунт из “открытой шахты”, который не успел промыть Соколов (опять тайна, которая вдруг открывается почти через десять лет, словно приуроченная ко времени. — А.Г.). Нашёл там массу вещей, в том числе около 60 осколков костей крупных млекопитающих (как всегда, без свидетелей и документального подтверждения? — А.Г.). Кости исследовали — они принадлежали... быкам и коровам и были основательно выварены в супе». Соловьёв комментарием себя не утруждает, предоставляя читателю самому делать выводы. Надо сказать, что, как правило, все «откровения», которые исходят из уст прокурора-криминалиста, не только ничего не объясняют, а наоборот, неизменно порождают новые вопросы и недоумения. Так и тут. Нашли «массу интересных

вещей», но из всей этой «интересной массы» Соловьёв для любознательного читателя называет одни кости, и не просто кости крупного млекопитающего, а конкретно и особо это подчёркивая, «бычьи и коровьи», да при том хорошо «вываренные в супе». И не случайно расставлены акценты. Это «камень в огород» следователя Соколова. Если вспомнить следствие Соколова, то там «кости крупного млекопитающего» тоже присутствуют. В книге его написано: «Они все сильно обожжены, разрезаны и разрублены... и подвергались действию какого-то агента». Доктор Белоградский, участвовавший в расследовании Соколова, заявил, что он не исключает «возможности принадлежности этих костей человеку». Генерал Жанен увёз во Францию «кассету с земными останками Царской Семьи». Как утверждают, ныне эти останки находятся в бельгийской столице. «Коробку замуровали в стене храма. Я видел её и знаю место, где она находится», — написал в своих воспоминаниях князь Алексей Павлович Щербатов (*Приложение № 25*).

Давно известно, что Соколов нашёл на Ганиной Яме, там, где он обнаружил следы большого кострища, кости, которые, как тогда же предположили, могли являться костями человеческими. Это является основанием для тех, кто не исключает того, что безжизненные тела жертв ипатьевского дома могли быть расчленены и, обливаемые бензином и кислотой, сожжены на глиняной площадке возле открытой шахты. Находка Авдонина, о которой поведал прокурор-криминалист, этот «миф» как бы полностью развеивает. Соколов-бедняга всё перепутал и ни в чём не разобрался. Он так увлечён был желанием доказать, что на Ганиной Яме, как потом хвастал Ермаков, устроен был «первый уральский крематорий», что не сумел вместе с доктором отличить обработанные кислотой и обгорелые на костре кости от вываренных в супе и принял кости коровы и быка, употреблённые в трапезе, как ныне утверждает Н. Розанова, за человечьи. Потом эти «бычьи» кости, пройдя через многие руки, перед тем, как их замуровали в Храме-памятнике, были сложены, как пишет князь Щербатов, «в коробку вместе с пулями» и другими предметами, добытыми следствием Соколова на месте совершённого преступления.

Непонятно, конечно, об одних и тех же костях идёт речь или о разных. Соловьёв не объясняет, что за кости нашёл Авдонин. Это

что, остатки от «пищеблока», который был устроен для кормления команды Юровского и Ермакова? У Розановой в этом, например, сомнений нет. Она самоуверенно заявляет, без всяких, конечно, на то оснований, только потому, что ей нужно, следуя официальной версии, ещё раз уязвить Соколова: «Кости, найденные следователем (Соколовым. — А.Г.) в кострах, не что иное, как остатки провизии, отправленной Юровским 18 июля из Екатеринбурга на рудник» (точно даже знает дату, когда Юровский отправлял «провизию» на рудник, не уточняя, правда, в сыром виде, или уже вываренную в супе. — А.Г.).

Но почему потребовалось обглоданные кости так тщательно скрывать, что Соколов, перекопав всю округу, их не обнаружил, тогда как яичную скорлупу никто не прятал, и она оставалась там, где шелушили яйца. «Здесь же, кроме яиц, — писал в своей книге Вильтон, — были ещё найдены кости цыплёнка». А может быть кости, отрытые Авдониным, никакого отношения к июльской трапезе восемнадцатого года не имеют? Никаких свидетельств тому, что на Ганину Яму в эти дни привозили «быков и коров», нет ни у Соколова, ни у Соловьёва. Свидетели следствия видели только ящики с кислотой и бочки с бензином, а участники экзекуции упоминали деревню Коптяки, куда они ходили пить молоко. Можно предположить, что кости, которые нашёл Авдонин (если он их действительно нашёл), более древнего происхождения, ещё от времён, когда на шахте добывали руду, а прокурор-криминалист, не утверждая ничего, в то же время вносит некоторое сомнение в соколовскую версию. И это приём испытанный. С одной стороны, некая информация сомнительного свойства запущена, а с другой — никто на её достоверности не настаивает.

Такого же характера ещё одна уловка, которую себе позволяет Соловьёв. В качестве иллюстрации к интервью напечатана фотография, на которой Святейший Патриарх пожимает руку прокурору-криминалисту. Под фотографией подпись: «Патриарх Алексей II и прокурор Владимир Соловьёв. 1998 год». Понятно, что к обнаружению в 2007 году останков царевича и его сестры эта фотография никакого отношения не имеет, ибо происхождения она более раннего и уже в своё время была опубликована. Только ли из тщеславия помещает её Соловьёв? Это тоже не исключено, но главная цель всё

же в другом: в «наведении тени на плетень». Неискушённый читатель, взглянув на фотографию, не усомнится в истинности того, о чём повествует в интервью газете прокурор-криминалист, раз уж сам Патриарх его любезно приветствует.

Год спустя той же газете прокурор-криминалист Соловьёв даёт очередное интервью, которое он заканчивает очень категорично. «В захоронении, обнаруженном 29 июля 2007 года, находились останки мужчины и женщины, состоящих в кровном родстве с Императором Николаем II и Императрицей Александрой Фёдоровной. Уровень генетических исследований, проведённых в 2007–2008 годах, превышает по степени информации подобные экспертизы 1992–1998 годов». Если вспомнить, что в справке, составленной руководителем экспертного проекта тех лет П.Л. Ивановым, было заявлено, что «статистическая оценка достоверности вывода составляет 99,9 в шестой степени» (о стопроцентной гарантии не посмел заявить никто: ни медицина, ни следствие, ни власть), то это означает, что достоверность экспертизы 2008 года превышает «по степени информации» все существующие требования, которые в таковых случаях предъявляются судебной медицине, то есть теперь чуть ли уже не на все двести процентов доказано, что обнаруженные в 2007 году останки принадлежат Царевичу Алексею и Великой Княжне Марии.

Сомнений у Соловьёва нет, а свою самоуверенность он подкрепляет фотографией, на которой Святейший Патриарх пожимает... Да, это та самая фотография, знакомая, ставшая визитной карточкой прокурора-криминалиста. Визитной карточкой его склонности к мелкой мистификации. Фотография, правда, немного обрезана со всех сторон и помещена несколько набекрень, но от того никак не изменилась. Тот же вертолёт на заднем фоне, та же массивная фотокамера в левой руке Соловьёва, та же заискивающая поза. И подпись под фотографией: «Святейший Патриарх Московский и всея Руси и Владимир Соловьёв». На этот раз без даты. Непосвящённый в ловкости демократической прессы, доверчивый читатель наивно должен полагать, что эта фотография имеет непосредственное отношение к событию, о котором идёт речь в интервью. И попадаетея на «обманку». Он, доверчивый читатель, может даже вообразить, что Святейший Патриарх специально прилетел в Екатеринбург, чтобы посмотреть на кости, которые, наконец, после многолетних

поисков были обнаружены, и поздравить прокурора-криминалиста с этим потрясающим событием.

Эта же фотография в качестве иллюстрации присутствует в книге Н. Розановой. Правда, под ней подпись совсем другая: «Патриарх Алексей II и следователь В.Н. Соловьёв у стен Петропавловской крепости в день вскрытия могилы великого князя Георгия Александровича, 13 июля 1994 года. Санкт-Петербург» (не 1998, как в МК; книга Розановой была издана в 2008 году, после всех предыдущих публикаций этого загадочного кадра).

Почему же Старший прокурор-криминалист Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации так бесстыдно занимается мелким жульничеством (а может быть, и не мелким)? Ведь не бесцельно же? Не по наивности, да и газета как-то странно в третий раз повторяет один и тот же изобразительный, уже давно не оригинальный материал, что для периодической прессы очень не характерно. Тиражируя постоянно этот снимок, Соловьёв преследует, естественно, не только удовлетворение своего тщеславного вожделения, а потому поступает столь бесцеремонно, зная конечно, какую «медвежью услугу» оказывал он тем самым Его Святейшеству. Знал он также и то, что Патриарх никогда не разделял его прокурорского «оптимизма» и доверием Патриарха его «служебное» рвение никогда не пользовалось.

Вслед за интервью газета «Московский комсомолец» печатает статью «Царские гены», в которой, в частности, говорится: «По предварительной информации, погребение царевича Алексея и великой княжны Марии должно произойти не позже 10 сентября (2008 года. — А.Г.). Это захоронение останков должно поставить точку в многолетних жарких спорах и спекуляциях на царских костях. Однако до сих пор непонятно, по каким причинам не создана комиссия, которой была бы поручена организация погребения». И далее автор статьи продолжает: «Опять та же нерешительность, которая была и десять лет назад, когда до последнего не было понятно, как будут преданы земле останки, до последнего дня не было известно, приедет ли на похороны президент страны. Но если тогда у некоторых ещё оставались сомнения по экспертизе (поэтому и Церковь заняла неопределённую позицию, сочтя выводы учёных недостаточными), то сейчас все вопросы, наконец, сняты».

Пресса всегда на стороне сильных. Подавляющее большинство публикаций за все годы, в которые шли баталии вокруг царских останков, без всяких сомнений подтверждали их подлинность и хулили всех, кто смел иметь своё несогласное суждение. Особенно отличались те средства массовой информации, которых власть поощряла. Но события развивались не по сценарию, идущему сверху, а естественным образом.

Конечно, очень важную роль играла твёрдая позиция Церкви. «Наша Церковь, — писал в статье, посвящённой крестному пути Царской Семьи, священник Александр Киселёв, — не поддавшись на провокации, к досаде многих своих врагов, не признала екатеринбургские останки Царскими. Хотя захоронение останков в Петропавловском соборе всё же произведено, однако православных людей это не может подвигнуть к их почитанию в качестве святых мощей. Несмотря ни на какие интриги, ни на “обработку умов” средствами массовой информации, для православных решающим остаётся слово Церкви, а не мнение различных “официальных лиц” и журналистов».

Церковь с тех пор своей позиции не изменила, и это, конечно, вызывает раздражительную реакцию со стороны тех, кто под проблемой убийства Царской Семьи стремится подвести черту. «Критиков немного, но они очень активно занимаются пропагандой через печать и особенно через свои связи, — возмущается прокурор-криминалист. — Среди этих людей истовые монархисты, несколько екатеринбургских докторов биологических наук (в Москве и Санкт-Петербурге тоже такие встречаются. — *А.Г.*), которые доложили в церковных верхах, что работа генетиков закончилась провалом». «После того как были обнаружены останки, — продолжает Соловьёв, — я просил привлечь к нашей работе представителей церкви, рекомендовать специалистов, которым она доверяет. Ответа не было» (это, конечно, очень недобросовестное заявление. — *А.Г.*).

Митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл в интервью чешскому журналу несколько иначе вспоминал взаимоотношения Церкви и официального следствия. На вопрос корреспондента о сомнениях в отношении достоверности заключений судебно-медицинской экспертизы, которые высказывает Русская Православная Церковь, владыка ответил: «Мы сказали. Мы не оспариваем вашей

экспертизы. Дайте нам только под нашим контролем взять часть останков из екатеринбургской и из Петропавловской крепостей и отдать их на независимую экспертизу». Нам отказали, и под каким предлогом? Заявили: «Это кошунство — отделять часть останков! Хватит того, что мы сделали». Нас это не убеждает».

Кому верить?

Известно, что Святейший Патриарх Алексей II неоднократно высказывался о необходимости расширения круга специалистов для участия в исследовании останков с представительством от Православной Церкви, в том числе и с контрольными функциями. Известно также, что на инициативу Церкви со стороны Правительственной Комиссии и лично прокурора-криминалиста Соловьёва, как правило, следовал отказ.

«Русская Православная Церковь канонизировала членов (Царской) семьи, но не признала так называемые “царские останки” за останки членов династии Романовых. Почему?». Этот вопрос был задан чешским корреспондентом митрополиту Кириллу. Владыка ответил: «Потому что мы уверены, что это не царские останки».

В конце 2009 года газета «Известия» напечатала очередную беседу с прокурором-криминалистом Соловьёвым, в которой, в отличие от всех прочих мажорных публикаций, более прозвучали нотки какой-то безнадежности, не свойственные этому самоуверенному человеку. Корреспондент спрашивает: «Владимир Николаевич, уже почти год, как закончились экспертизы. 15 января нынешнего года (2009) вынесено постановление об окончании следствия, подтвердившего полную идентичность останков, найденных осенью 2007 года в Екатеринбурге под мостиком из шпал. Это — царевич Алексей и великая княжна Мария, дети последнего императора России Николая Романова. И что за всем этим последовало?» — «А ничего, — отвечает Соловьёв. — Кости лежат в специальном, с особым режимом, холодильнике в Свердловском бюро судебно-медицинской экспертизы, которое было координатором всей работы и ведущей экспертной организацией». Корреспондент удивляется, почему не хоронят царевича и великую княжну и почему стопроцентное подтверждение подлинности останков закончилось «свердловским холодильником». Внятного ответа Соловьёв дать не сумел. Он в соз-

давшейся коллизии обвинил «некое критическое направление», появившееся с «первых времён», то есть когда ещё шли исследования под эгидой Правительственной комиссии. Под «критическим направлением», наверное, надо полагать, имелся в виду Священный Синод Русской Православной Церкви. «Что надо сделать, — восклицает Соловьёв, — чтобы работу учёных признали та же Екатеринбургская епархия и архиепископ, я не знаю» (можно подумать, что основополагающую роль в решениях Священного Синода играет Екатеринбургская епархия. — *А.Г.*).

«Известно ли в правительстве о сложившемся положении?» — интересуется корреспондент. «Да, — отвечает Соловьёв, — но реакции пока никакой».

Беседа Соловьёва с известным комментатором опубликована под вопросительным заголовком: «Когда же похоронят царских детей». Вопрос, конечно, в безвоздушное пространство. Судя по тому, как развиваются события, — никогда. Власть молчит и в отличие от власти ельцинской, видимо, брать на себя какую-либо ответственность не собирается. Тогда, при Ельцине, ситуация была иной. В 1995–1996 годах, в преддверии президентских выборов, особо обострилась политическая ситуация в стране. Угроза коммунистического реванша была вполне реальна. Власть искала выход, и как один из вариантов на официальном уровне рассматривался вопрос о смене «демократического» строя на «конституционно-монархический».

Великокняжеское семейство, проживающее в Европе и часто посещавшее Россию, в то время пользовалось определённым вниманием со стороны власти и само в ответ публично демонстрировало свою лояльность ельцинскому режиму. Это, между прочим, проявилось и в отношении ко всему, что было связано с «царскими останками», подлинность которых у Их Высочеств не вызвала никаких сомнений. Более того, они сами проявляли неудовольствие в адрес тех, кто не соглашался с утверждениями официального следствия. Так, например, с их стороны резкому внушению подвергся Пётр Николаевич Колтыпин, передавший в Правительственную комиссию «Меморандум». В письме к нему, в частности, говорилось: «Вы затягиваете решение вопроса, не предлагая ничего конкретного, поддерживая таким образом “деятелей” вроде Куликовской. А

останки Царской Семьи до сих пор валяются в шкафах и не погребены там, где положено. Своим вмешательством Вы только вводите в сомнение неосведомлённых людей, и это сильно вредит делу» (*Приложение № 32, № 33, № 34*). А уже в канун завершения работы Правительственной комиссии, в конце ноября 1997 года, Интерфакс опубликовал заявление Императорского Дома (*Приложение № 35*) в котором говорилось: «Глава Российского Императорского Дома Великая княгиня Мария Владимировна, Великая княгиня Леонида Георгиевна и Великий князь Георгий Михайлович считают, что окончательное решение вопроса с погребением останков Царской Семьи не может зависеть ни от кого, кроме Президента России Бориса Ельцина».

К тому же очень ревностно реагировало Великокняжеское семейство на постоянные обращения в адрес Правительственной комиссии и верховной власти со своими предложениями в отношении проблем, связанных с похоронами екатеринбургских останков, проживающего в Италии Николая Романовича Романова. В письме Ельцину, переданного из президентской администрации в Правительственную комиссию, Великая княгиня Мария Владимировна писала: «Члены семьи Романовых, потомки морганатических браков, не имеющие никакого отношения к Императорскому Дому, не имеют ни малейшего права высказывать свои мнения по этому вопросу (захоронения. — *А.Г.*), а могут лишь ходить молиться у могилы, как всякий россиянин, того желающий». Надо сказать, что «морганатические» в долгу не оставались. Николай Романович, тоже ярый сторонник подлинности «царских останков», писал в Правительственную комиссию: «Время похорон екатеринбургских жертв приближается... Я, как глава Дома Романовых, вижу необходимость устранить ошибочное понимание о нынешнем положении Императорского Российского Дома. Княгиня Мария Владимировна не есть глава и, следовательно, не может выступать от имени Дома Романовых».

К сожалению, публичная неприязнь внутри Романовского семейства вносила смуту в умы российской необразованности, да и Правительственная комиссия в своём подавляющем большинстве в этой монархической коллизии разбиралось с трудом. Большой известностью среди членов Комиссии пользовалась мадам Куликов-

ская (по мужу, а по рождению Пупынина), которую почему-то величали Романовой, а некоторые члены даже — Великой княгиней. С ней, как с «ближайшей родственницей», велась официальная переписка, и она же присутствовала на одном из заседаний Комиссии.

Выборы, однако, для ельцинского режима прошли удачно и вариант «монархического переворота» отпал сам собою. «Демократия» укрепилась в самоуверенности. К разумному голосу Церкви власть не прислушалась. Переизбранный на новый срок Президент подчинился напору «прогрессивных» политиков и лево-радикальной интеллигенции во главе с санкт-петербургским академиком, проигнорировав мнение той части общества, которая в Церкви видела духовно-нравственное начало, в отличие от президентской политической прагматики. В результате вся история с нахождением в Поросёнковом логу костных останков, объявленных царскими, и их погребением приобрела скорее уже трагико-комический характер.

Нынешняя власть никаким монархизмом не озабочена, но ей, власти, очень памятливы дни, когда Церковь на весь мир продемонстрировала своё полное неприятие официальной точки зрения и отказалась участвовать в масштабной акции, организованной правительством и верховным лицом государства. К тому же с той поры многое изменилось. Царская Семья канонизирована Русской Православной Церковью. Отныне для Церкви никаких останков больше не существует, есть Святые мощи, а обретение Святых мощей — это уже заботы не светской компетенции. Власть это понимает, и понимает, что кости, которые хранятся в холодильной камере, Церковью, вряд ли когда-нибудь будут признаны за мощи. И старший прокурор-криминалист это тоже хорошо понимает, оттого столь пессимистичен он в своём, скорее всего, последнем интервью. Вся его многолетняя суэта никакого положительного результата не дала. Скорее наоборот. Очень тенденциозное, односторонне-непрофессиональное следствие только усложнило всю ситуацию и породило в обществе массу вопросов и недоверие ко всему, что связано было с «находками» в Поросёнковом Логу. Общество ни к какому «согласию и примирению» не пришло, и это тоже, в какой-то степени, на совести Соловьёва. Хотя собственная персона прокуро-

ра-криминалиста, скорее всего самостоятельной не является, и не оной дано «тасовать колоду и раскладывать пасьянс».

Брожение же вокруг этой печальной темы будет продолжаться, будут возникать новые версии, легенды, мифы, будут появляться новые свидетельства, не исключая и откровенных фальсификаций нечистоплотных самозванцев, которые станут с выгодой для себя эксплуатировать этот трагический рубеж русской истории. И по-прежнему безответным останется вопрос, почему Правительственная комиссия совершенно откровенно проигнорировала всякую точку зрения, в той или иной степени ставившую под сомнение те выводы, к которым пришло официальное следствие.

Действительно, почему? Если на весь мир, почти со «сто процентной» уверенностью, было объявлено, что останки, извлечённые в 1991 году в Поросёнковом Логу, принадлежат членам Царской Семьи и их слугам, убиенным в подвале ипатьевского особняка, то почему же сама Правительственная комиссия не проявила никакой инициативы к тому, чтобы открыто и в доброжелательной полемике доказать свою правоту. Казалось бы, именно Правительственная комиссия, представляющая собой мнение и точку зрения государственной власти, должна была бы быть кровно заинтересована в том, чтобы общественное мнение, как внутрисоссийское, так и международное, признало ошибочность своих суждений и приняло бы как бесспорный факт выводы, к которым пришло официальное прокурорское расследование и таковая же медицинская экспертиза. На одном из заседаний Комиссии очень верно сказал митрополит Ювеналий: «Если мы убеждены в точности наших научных достижений, то мы не можем бояться, что при каких-то параллельных исследованиях будут несовпадения».

Однако этого не произошло. Значит, уверенности не было никогда. Видимо, не случайно во все годы работы Комиссии исследование вопросов исторического характера всячески игнорировалось и вся доказательная база построена была на генетической аргументации, что даже в медицинских сферах не нашло полного единомыслия. А в Меморандуме Зарубежной комиссии по этому поводу было высказано весьма категорично: «Пока не последуют ответы на все вопросы, которые в той или иной степени ставят под сомнение выводы официального следствия, то даже самые тщательные и глубо-

кие исследования и доказательства, с применением самой передовой научной техники, включая анализы доказательства ДНК, нельзя рассматривать как убедительные». Тем более, если вспомнить Глазунова, то вообще непонятно, чьи и откуда брались фрагменты для исследований. Беляев, например, говорил, что по его сведениям фрагменты брались от одной берцовой кости.

Правительственная комиссия не сочла нужным обращать внимание на вопросы, идущие со стороны оппонентов, тем самым лишь усугубив сомнение в достоверности всей истории, связанной с «царскими останками», к тому же укрепив уверенность тех, кто считает, что существует некая страшная тайна, известная в кругах «посвящённых», которая не подлежит преданию широкой огласке.

Бытует несколько версий таковой «тайны». Кто-то полагает, что власть, являясь последовательницей коммунистической идеологии, всеми силами старается утаить не только основополагающую роль, но даже всяческую причастность вождя «мирового пролетариата» к убийству Царской Семьи и, прежде всего, к убийству невинных детей. Другие считают, что для власти нежелательно открывать некие тайные хранения, ибо для неё, для власти, нет никакого секрета в том, что расправа в подвале ипатьевского дома была гораздо более жестокой, чем это известно из так называемой «Записки Юровского». Один из тех, кто в этом убеждён, пишет: «Это страшное сатанинское действие длилось около трёх часов. Оно началось около двенадцати, а закончилось в три часа ночи». С этой тайной связывают глумление на Ганиной Яме и увезённые Войковым три головы.

Но есть ещё одна версия, которая имеет свой круг распространения. Это так называемый «еврейский фактор», который к «ритуальному» убийству отношения не имеет. Он ведёт своё начало ещё с русско-японской войны. Как известно из воспоминаний графа Витте, когда он был в Америке, где вёл переговоры по заключению мира, к нему явился глава финансового клана США, упоминаемый выше Яков Шифф, который заявил: «Передайте Вашему Государю, что если еврейский народ не получит прав добровольно, то таковые будут вырваны при помощи революции». А Василий Витальевич Шульгин уточняет: «В 1915 году Яков Шифф перевёл на нужды русской революции двенадцать миллионов долларов, на какие деньги, надо думать, она, революция, и совершилась». «Именно этот

Шифф, — писал в книге “Письма из заточения” Е.Е. Алферьев, — передал Янкелю Свердлову приказ свыше о расстреле Царской Семьи». Михаил Назаров уже в наши дни утверждает, что распоряжение об уничтожении узников ипатьевского дома Шифф передал Свердлову через американскую миссию.

Кто-то эти версии воспринимает отдельно, каждую самостоятельно, для кого-то — всё едино. Значения это в принципе никакого не имеет. И не важно, каковы аргументы тех, кто эти версии принимает как непреложный факт, неважно, какова степень достоверности этих аргументов. Версии эти, пока они не будут убедительно опровергнуты, будут существовать, будут находить сторонников и будут продолжать будоражить общественное сознание, будут передаваться из поколения в поколение, ибо вердикт, вынесенный Правительственной комиссией, явился результатом не скрупулёзного научно-исследовательского анализа, а методом силового принуждения на основе односторонней доказательной базы.

А останки, найденные в 2007 году и объявленные на сто процентов с гаком останками Царевича Алексея и Великой княжны Марии, скорее всего постигнет участь ещё более печальная, чем те, что были погребены в Царской усыпальнице Петропавловского собора, — остаться безымянными, без всякого христианского поминовения, навечно замурованными в спецхолодильнике «свердловского» Бюро судебной медицины.

* * *

Ныне там, где когда-то стоял дом инженера Ипатьева, в подвале которого большевиками зверски были убиты Государь Император Николай II и Его Семья, воздвигнут на крови царственных мучеников храм «Во имя всех Святых в земле Российской просиявших», освящённый в 2003 году. А на том месте, где, как многие уверены, уничтожались безжизненные царские тела, на Ганиной Яме (**почему-то не в Поросёнковом Логу?**), действует мужской монастырь. Первый храм монастыря, посвящённый Святым Царственным Страстотерпцам, заложен был вскоре после Прославления в Лике Святых Государя и Его Августейшей Семьи.

В 2008 году, в день девяностолетней годовщины гибели Царской Семьи от храма на Крови в монастырь на Ганину Яму был совершён многотысячный, покаянный крестный ход. Город Екатеринбург и его окрестности, связанные с памятью о последнем Российском Государе, стали местом паломничества, местом той национальной святыни, куда стекается на поклонение со всех концов, и не только земли русской, православный люд, чего, как известно, не происходит в Санкт-Петербурге, там, где в 1998 году при большом стечении высшей бюрократии и иностранных гостей, с самим президентом во главе, под объективами всех российских и нероссийских теле- и фотокамер было совершено погребение останков, объявленных на весь мир «Царскими».

Проигнорировав разумные призывы Русской Православной Церкви, а также мнение представителей науки и тех общественных кругов, которые настаивали прежде всего на том, чтобы исследования были доведены до логического конца, Правительственная комиссия, используя привычный метод большевистско-коммунистического доказательства, по которому истина в последней инстанции провозглашается волевым решением, поставила точку под проблемой царских останков, что вместо мира и согласия, о чём не уставали вещать с высоких трибун, привело общество к дополнительному раздражению и расколу. Для православного человека захоронение в Екатерининском приделе Петропавловского собора не стало местом поклонения, и идёт он, этот человек, со своими радостями и печалью не в Императорскую усыпальницу, а к Святым могилам Иоанна Кронштадтского и Ксении Петербургской, и едет не в пустынный Поросёнков лог, а в Дивеевскую обитель прислониться к мощам Преподобного Серафима Саровского.

* * *

Конечно, подводить финальную черту под всей этой трагической и во многом таинственной историей ещё рано. Массу вопросов не разрешённых, не исследованных, не проверенных сохранила как официальная сторона, так и сторона оппозиционная. Если не быть предвзятым, то понятно, что ни та ни другая сторона не смогла до-

кументально отстоять свою правоту. Как Правительственная комиссия не убедила мир в том, что в Поросёнковом логу были обнаружены останки Царской Семьи, погребённые там июльской ночью 1918 года, так и те, кто опровергает это утверждение, не сумели доказать того, что могильник на коптяковской дороге был сооружён гораздо позднее, и что туда зарыли чьи-то неизвестные кости уже после падения власти адмирала Колчака, когда сочинялась «записка Юровского». Поэтому, при абсолютно беспристрастном взгляде, не впадая в тот или иной соблазн, вполне вероятно согласиться с тем, что ни ту, ни другую точку зрения нельзя отвергать априори.

Следователь Н.А. Соколов на Ганиной Яме трупы не нашёл. Не нашёл и никаких достоверных следов их уничтожения, а то, что косвенно наводило на таковые подозрения, ещё вовсе не являлось доказательством. Этим воспользовался прокурор-криминалист в собственных следственных изысканиях. В завершающем прокурорское расследование документе он писал: «Анализ материалов уголовного дела Н.А. Соколова даёт основания для выводов о том, что Н.А. Соколов в момент проведения поисковых работ не располагал необходимой информацией о возможном месте захоронения». Если вслед за Соловьёвым не принимать во внимание те моменты из свидетельств участников екатеринбургского злодеяния, которые вызывают сомнения в их правдивости, то картина событий вполне могла бы соответствовать тому, что сочинил Покровский, и к чему пришло постсоветское следствие. А почему бы нет? Царские трупы на Ганиной Яме под руководством Юровского раздели, ограбили, одежду сожгли в кострах. Поняли, что место для сокрытия следов преступления выбрано неудачно. Действительно, рядом большая деревня, куда к тому же для летнего отдыха много съезжалось горожан, с одной стороны, с другой — обитаемый домик на железнодорожном переезде. Решили тут не хоронить. Разметали костры, насыпали глиной шахту, бросили туда недогоревшие брёвна и доски, взорвали несколько гранат. Трупы покидали в кузов грузовика, туда же погрузили бочки с бензином и кувшины с кислотой и повезли хоронить в другое место. Как раз у железнодорожного переезда грузовик засел в болоте. Это подтвердил Николаю Алексевичу Соколову путевой сторож, и ещё он же рассказал, что там из шпал, которые взяли от его дома, уложили мостик, по которому потом не раз

проходил сам колчаковский следователь, и даже более того, обратил на мостик внимание и его сфотографировал. В принципе события могли бы развиваться таким образом.

Но это в принципе. А в реальности следствие, которое вёл прокурор-криминалист Соловьёв, не смогло убедительно доказать соответствие того, чем поделились участники екатеринбургской расправы, тому, что произошло на самом деле (в отличие от Соколова он к этому и не стремился). Прокурор-криминалист, в своём расследовании уголовного дела, пошёл по следам убийц, полностью приняв версию, сочинённую большевиками, и слепо веря в «честность» Юровского. Отказавшись принять во внимание всё, что порождало сомнение и требовало дополнительного осмысления, Соловьёв тем самым только лишь удостоверил противную сторону в том, что Правительственная комиссия за все годы своей исследовательской деятельности ни к какому убедительному результату не пришла.

Проблема эта может разрешиться в ту или другую сторону, только если вдруг обнаружатся в каких-то архивных анналах некие, доселе неизвестные вещественные подтверждения, которые откроют истину, после чего мир придёт в равновесие, узнав, наконец, что на самом деле погребено в Петропавловском соборе: мощи святых страстотерпцев или кости безымянных жертв богоборческой власти. Но это, понятно, в идеале, а в реальности рассчитывать на такое чудо приходится с трудом.

Остаётся только уповать на то, что наступят времена, когда власть, освободившись от коммунистического наследия, от «идеалов» сталинизма и демократического лицемерия, встанет на путь нравственного очищения и возврата к духовным ценностям православной, исторической и национальной России. Тогда непременно для власти вопрос подлинности или лживости останков, погребённых в Императорской усыпальнице, станет предметом национальной гордости и морального долга перед грядущими поколениями, что подвигнет власть назначить новую Экспертизу, независимую ни от каких политических и национальных влияний, состоящую исключительно из высококвалифицированных специалистов без всякого бюрократического обременения и личной заинтересованности, причём весь рабочий процесс, с первого дня и на всех последующих этапах, вплоть до логического его завершения, Глава Государ-

ства, в полном единении с Русской Православной Церковью, возьмёт под свой личный контроль и свою личную ответственность.

Останки, захороненные в 1998 году в Петропавловской крепости, будут эксгумированы для повторного исследования, причём скрупулёзному анализу будут подвергнуты каждый череп, каждая косточка, каждый позвонок, с неременным сохранением на всех этапах его, что в Меморандуме Зарубежной комиссии обозначалось как «цепь хранения» или «цепь законного обладания», когда документальная база строго устанавливает отсутствие всякой возможности не только сознательной фальсификации, но даже любой, случайно допущенной небрежности. Протоколно будут строго фиксироваться весь процесс, вся цепочка передвижения: откуда взята та или иная кость или какой иной предмет, куда он доставлен, кому передан и кем, какому подвергнут исследованию и каков результат этого исследования. Это, как отмечено в Меморандуме, «фундаментальное всемирное правило, без которого криминально-медицинское исследование не может считаться законным». Тщательно будет изучена вся историческая документация, архивы откроют свои тайные хранилища, рассмотрены будут все противоречия свидетельских показаний и все вопросы медико-криминалистического характера. И завершится весь этот процесс, надо надеяться, публичным международным Ареопагом, который своим авторитетом подтвердит не только подлинность или ложность екатеринбургских останков, но и даст категорическую оценку с юридической и нравственной точки зрения преступлению, совершённого в 1918 году, и лицам, его совершившим.

Это нужно, как призывал в своём послании Святейший Патриарх Алексий II, «для того, чтобы государственная власть законодательно осудила совершённое злодеяние, восстановив тем самым преемство своей верности закону и нравственности».

ЛИТЕРАТУРА

- СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ (1993–1998).
ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ (1993–1998).
- ПОКАЯНИЕ. Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и его семьи. [Избранные документы] / Сост. В. Аксютин. М.: Выбор, 1998.
- Правда о Екатеринбургской трагедии: Сборник статей / Под ред. Ю.А. Буранова. М.: Русский Вестник, 1998.
- Вильтон Р.* Последние дни Романовых / Пер. с англ. Князя А.М. Волконского. Берлин: Град Китеж, 1923.
- Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. Берлин: Слово, 1925.
- Росс Н.* Гибель Царской Семьи. М.: Посев, 1987.
- Росс Н.* «Записка Юровского» или «Записка Покровского» // Русская Мысль. 10–16.04.1997. № 4169.
- Глазунов И.С.* Россия распятая. М.: Голос-Пресс, 2008.
- Жильяр П.* Николай II и Его Семья. Вена: Русь, 1921.
- Киселёв А.* Крестный путь Царской Семьи и екатеринбургские останки // Православный альманах. Самара, 1999.
- Рябов Г.Т.* Стенограмма выступления в Историко-архивном институте 20 апреля 1989 г. // Российские ведомости. № 21. Июль. 1989.
- Рябов Г.Т.* Стенограмма выступления в Историко-архивном институте 20 апреля 1989 г. // Наша страна. 05.08.1989. № 2035.
- Рябов Г.Т.* «Принуждены вас расстрелять...» // Родина. 1989. № 4. С. 85–95. № 5. С. 79–92.
- «Записка» Юровского // *Рябов Г.Т.* «Принуждены вас расстрелять...» // Родина. 1989. № 4. С. 85–95.
- «Записка» Юровского // *Радзинский Э.С.* Расстрел в Екатеринбурге // Огонек. 1989. № 21.
- Юровский Я.М.* Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 107–116.
- Стенограмма рассказа Я.М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске. 01.02.1934 // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 10–22.
- Юровский Я.М.* Письмо «В музей революции» от 13.03.1927 // Рукопись. Фонд ГЦМСИР.
- Алексеев В.В.* Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993.
- Авдонин А.Н.* Показания прокурору Туйкову // *Алексеев В.В.* Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993.
- Авдонин А.Н.* О поисках и извлечении останков Царской Семьи на старой Коптяковской дороге // Вторые Романовские чтения. Екатеринбург, 1997.
- Авдонин А.Н.* ДОКУМЕНТЫ, представленные в Правительственную комиссию.
- Авдонин А.Н.* Аналитическая справка «О вскрытии захоронения останков царской семьи». Сентябрь 1995 // ГА РФ. Ф.10130. Оп.1. Д.3. Л1.26–36.

Авдонин А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи // Источник. 1994. № 5.

Буранов Ю., Хрусталёв В. Гибель Императорского Дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992.

Щербатов А.П. князь, Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. М.: Издание Сретенского монастыря, 2005.

Мурзин А. О чём рассказал перед смертью цареубийца Пётр Ермаков? // Комсомольская правда. 25.11.1997.

Платонов О.А. Убийство Царской Семьи. М.: Советская Россия, 1991.

Солоухин В.А. У Ганиной Ямы // Литературная Россия. 09.08.1991. № 32.

Быков П. Последние дни последнего царя. Свердловск: Уралкнига, 1926.

Жанен. Падение царизма и конец русской армии. Прага, 1930.

Энель. Жертва // Новый Сад. 1925. [Югославия]

Соловьёв В.Н. «Заключительный документ следствия». 1998. Покаяние..

Соловьёв В.Н. Документы, представленные в Правительственную.

Соловьёв В.Н. Где есть факты, там нет места легендам // Известия. 15.01.1998. № 6.

Максимова Э. Когда же похоронят царских детей [беседа с Соловьёвым В.Н.] // Известия. 12.11.2009.

Старший прокурор-криминалист Владимир Соловьёв: «Екатеринбургские останки — не случайная находка» // Московский комсомолец. 27.08.2007.

Царская семья до сих пор под следствием // Московский комсомолец. 11.07.2008.

Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. Париж, 1929.

Пагануци П. «Екатеринбургское злодеяние». «Кадетская переключка».

Пагануци П. Правда об убийстве Царской Семьи. Джорданвилль, 1981.

Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Назаров М. Тайны екатеринбургских останков // Русский Дом. 1998. № 4.

Рыбас С. Тайна головы Императора // Литературная Россия. 1991. № 32.

Судленкова Н. Интервью Митрополита Кирилла // Русское Слово. 2007. № 4. [Чехия]

Турбин Б. (Шуплецов Б.В.) К шестидесятилетию убийства Царской Семьи // Русское возрождение. Нью-Йорк, 1978. № 3.

Попов В.Л. Антропологические противоречия при исследовании екатеринбургских останков // Правда о екатеринбургской трагедии: Сборник статей. М., 1998.

Попов В.Л. Ситуация с Царскими останками очень запутана // Известия. 15.01.1998.

Бастрыкин А.И. Процессуально криминалистический анализ материалов // Правда о екатеринбургской трагедии: Сборник статей. М., 1998.

Мирек А. Император Николай II и судьба православной России. М., 2008.

Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1988.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. М.: Русский путь, 2002.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951.

Мейер И. Как погибла Царская Семья // 7 TAGE. 1956. [С 14 июля по 25 августа.]

Розанова Н. Царственные страстотерпцы Посмертная судьба. М.: 2008.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АВТОРА, ПЕРЕДАННЫЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ КОМИССИЮ.

ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ

Приложение 1

Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением
останков российского Императора Николая II и Его Семьи
Ю.Ф. Ярову

Уважаемый Юрий Фёдорович!

После первого заседания возглавляемой Вами комиссии, в которую я имел честь быть включён, не могу представить в короткий срок от имени Церкви ответов на многие стоящие перед нами вопросы.

Заседавший 1 и 2 ноября с.г. Священный Синод, как это у нас принято при подобных случаях, благословил мою деятельность в комиссии, и было проведено предварительное обсуждение о подходах Русской Православной Церкви к изучаемой проблеме. Изложу основные соображения.

В первую очередь следует удовлетворить просьбу родственников и близких Дома Романовых о дополнительных и независимых исследованиях найденных останков. На этом, например, настаивает О.Н. Куликовская-Романова, супруга Т.Н. Куликовского-Романова, родного племянника императора Николая II.

Комиссия должна быть открытой для представления своих позиций, как для отечественных, так и зарубежных учёных, желающих

и могущих внести свой вклад. Для иллюстрации вовлечённости и церковных кругов Русской Церкви прилагаю копию переписки митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна с прокурором Санкт-Петербурга В.И. Еременко.

Пока высказываются какие-либо сомнения в отношении результатов исследований, нельзя приступить к официальному захоронению. Нельзя этого предпринять и до завершения расследования уголовного дела 18–12 3666–93 по факту гибели царской семьи. В данном случае помимо рассмотрения существующих версий о том, что кто-то из них остался жив, большое значение будет иметь заключение о высказываемых в некоторых кругах мнениях о ритуальном убийстве. Оставление без внимания этой темы чревато вспышкой антисемитских настроений.

Что касается места захоронения, то в настоящее время высказывается церковное мнение о Санкт-Петербурге, Петропавловском соборе, где в одном склепе могли бы быть члены царской семьи и все вместе с ними убиенные. Над склепом можно было бы соорудить некое подобие часовни. Во всяком случае, такое мнение со стороны родственников Дома Романовых высказывалось.

Время похорон сейчас назначать затруднительно, можно лишь говорить, что это состоится после снятия всех сомнений в отношении подлинности останков.

И наконец, о церковных молитвах. Сейчас возглавляемая мною Синодальная комиссия изучает материалы и ведёт исследовательскую работу на предмет канонизации Царской семьи. В настоящее время мы не слишком далеко продвинулись. Убеждён, что некоторые материалы возглавляемой Вами, уважаемый Юрий Фёдорович, комиссии смогут нам во многом помочь. Если до захоронения не состоится канонизация, то наши церковные богослужения будут носить заупокойный характер.

Если же до захоронения состоится церковное решение о канонизации, тогда это будет носить характер перенесения святых мощей и перед ними будут возноситься молитвы, как перед святыми.

Понимание, что изучение вопроса канонизации требует определённого времени, разделяют многие, в том числе и некоторые члены Дома Романовых.

Я приму все меры, чтобы детальнее войти в церковном мире к подходам изучаемой темы и постараюсь быть полезным в возглавляемой Вами Комиссии.

С глубоким уважением ЮВЕНАЛИЙ
Митрополит Крутицкий и Коломенский
2 ноября 1993 г.

Приложение 2

Прокуратура г. Санкт-Петербурга
19.05.1993

Митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому
Иоанну

Владыка!

В настоящее время органами прокуратуры проводится расследование обстоятельств гибели бывшего императора Николая II, его семьи и окружения, а также всесторонне исследуются останки, найденные неподалеку от города Екатеринбурга и предположительно принадлежащие указанным лицам.

При проведении судебно-медицинской экспертизы возникли большие затруднения, связанные с повреждениями костей от ранений и воздействия серной кислоты. Наиболее достоверным доказательством принадлежности останков определённым лицам в настоящее время считается проведение генетических исследований. Такие исследования ведутся совместно специалистами из России и Великобритании. Экспертиза по Александре Фёдоровне и дочерям дала обнадеживающие результаты. С достоверностью костных останков, предположительно принадлежащих Николаю II, дело обстоит сложнее. Связано это с тем, что достоверный вывод генетической экспертизы может быть получен при исследовании крови или костной ткани близких родственников. Таких материалов у специалистов пока нет. Экспертизу по волосам Николая II не удалось пока завершить. Получение достоверных результатов при исследовании следов крови на бинтах, находящихся сейчас в Японии тоже под вопросом. Прокуратура вынуждена прибегнуть к чрезвычайно неприятному, но совершенно необходимому делу — эксгумации и дальнейшему исследованию останков родного брата Николая II — Великого Князя Георгия Александровича. Проведение данных иссле-

дований вызвано не праздным любопытством, а крайней необходимостью. Эксгумация будет проводиться в Петропавловском соборе работниками Генеральной прокуратуры России, Главным судебно-медицинским экспертом и другими специалистами. Проведение данных работ согласовано с Мэрией Санкт-Петербурга. Прокуратура просит Вас принять участие или направить своих представителей с тем, чтобы были соблюдены все необходимые православные церковные обряды.

О Вашем отношении к проведению эксгумации убедительно прошу сообщить нам, в Генеральную прокуратуру России и директору Государственного музея-заповедника Дементьевой Н.Л.

Время проведения необходимых мероприятий будет согласовано с Вами.

Прокурор г. Санкт-Петербурга
государственный советник юстиции 3 класса
В.И. ЕРЕМЕНКО

Приложение 3

Прокурору г. Санкт-Петербурга государственному
советнику 3 класса *В.И. Еременко*

КОПИИ

Генеральному прокурору России *В.Г. Степанкову*

Директору НИИ судебной медицины Министерства здра-
воохранения РФ *А.П. Громову*

Директору государственного музея-заповедника «Петро-
павловская крепость» *Н.Л. Дементьевой*

Уважаемый г-н прокурор!

Мною получено Ваше письмо.

Мы с большим вниманием следим за ходом экспертизы останков из екатеринбургского могильника. Не скрою, что её результаты представляются нам весьма противоречивы, о чём говорят материалы научно-практической конференции, прошедшей в Москве с 9 по 11 марта сего года. Учитывая важность вопроса, хотелось бы подчеркнуть необходимость комплексных (архивных, исторических, а не только медицинских) исследований, связанных с убийством последнего русского Царя.

Если, как Вы пишете, эксгумация праха Великого князя Георгия Александровича представляется совершенно необходимой, то провести её нужно с максимально возможной тщательностью, с гарантией объективных результатов экспертизы. Мы рады помочь в этом деле. Вы просили меня направить своих представителей на эксгумацию. Если Вы не возражаете, такими представителями будут:

1. Астахов Сергей Игоревич, секретарь Союза православных братств Санкт-Петербурга;
2. Беляев Сергей Алексеевич, церковный археолог, кандидат исторических наук, старший сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук;

3. Попов Вячеслав Леонидович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Военно-медицинской академии;

4. Протоиерей Павел Красноцветов, настоятель Князь-Владимирского собора;

5. Звягин Виктор Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом Научно-исследовательского института судебной медицины.

Прошу Вас по возможности не спешить с эксгумацией, и когда её дата будет определена, предупредить меня за 7–10 дней с тем, чтобы мы могли соответствующим образом подготовиться.

Храни Вас Бог!

ИОАНН

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

28 мая 1993 г.

Приложение 4

Министерство Здравоохранения России
БЮРО Главной Судебно-медицинской Экспертизы
29.11.1993

Заместителю Председателя Совета Министров
Правительства Российской Федерации *Ю.Ф. Ярову*

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

В связи с Вашим поручением мною проведена научно-практическая конференция по обсуждению результатов судебно-медицинской экспертизы костных останков, обнаруженных в окрестностях г. Екатеринбурга.

Признано, что костные останки, обнаруженные в захоронении, принадлежат членам царской семьи и приближённым к ней лицам.

Начальник Бюро Главной судебно-медицинской
экспертизы Минздрава России,
Кандидат медицинских наук, доцент В.О. ПЛАКСИН

Приложение 5

Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением
останков российского императора Николая II и его семьи
Ю.Ф. Ярову

Уважаемый Юрий Фёдорович!

От имени екатеринбургского общественного благотворительного фонда «Обретение» привожу некоторые соображения, имеющие интерес для работы комиссии:

1. Об останках царской семьи.

1.1. Останки царской семьи и их окружения были вскрыты группой специалистов, организованной Свердловским облисполкомом в 1991 году.

Международной комиссией учёных в области судебно-медицинской экспертизы установлено, что они принадлежат убитым в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 года последнему российскому императору Николаю II, членам его семьи (исключая наследника Алексея и его сестру Марию) и приближённым.

Учитывая историческое значение останков, следует считать их государственным достоянием, и любые действия в дальнейшем должны осуществляться только с ведома Правительственной комиссии.

1.2. Останки, извлечённые из раскопа на Старой Коптяковской дороге, были скрыты участниками экзекуции, а не были захоронены по гражданским обычаям. Поэтому в названии комиссии слово «перезахоронение» должно быть заменено на «захоронение», что будет соответствовать истине.

1.3. В адрес администрации Свердловской области, в распоряжении которой в настоящее время находятся останки, от некоторых членов «Комиссии» раздаются упрёки и обвинения в «монополиза-

ции» и даже «приватизации» останков, что ни в коей мере не соответствует действительности. С ответственностью заявляю, что меры, предпринимаемые областью, связаны с обеспечением безопасности и сохранности останков при проводимых с ними исследованиях.

1.4. Экспертные исследования с останками практически закончены. Через некоторое время будет решена их судьба и проведено захоронение. Если по решению комиссии будет не Екатеринбург, то необходимо учесть, что первый этап захоронения должен начаться всё-таки в Екатеринбурге. Екатеринбургцы должны торжественно проститься и передать останки в назначенное место захоронения.

В связи с этим считаю целесообразным до этого момента не принимать решения о вывозе останков из Екатеринбурга.

1.5. По усмотрению комиссии передача останков из Екатеринбурга может входить в общий ритуал захоронения или решена самостоятельно екатеринбуржцами.

2. Исторические исследования.

Значительный объём архивных документов, предусматриваемый членом комиссии В.В. Алексеевым, с нашей точки зрения является самостоятельным историческим исследованием, не связанным с вопросом захоронения.

Поиски многочисленного количества документов могут привести к цепной реакции дополнительных поисков, которые, к сожалению, уже не могут оказать действия на судьбу останков.

3. Другие вопросы.

3.1. Учитывая государственное и мировое значение события, которым занимается комиссия, необходимо принять решение об официальной публикации материалов следственного дела, медицинской экспертизы и самого процесса захоронения останков Николая II, членов его семьи и окружения.

Председатель фонда «Обретение» А.Н. Авдонин
22 ноября 1993 г.

Приложение 6

Российская зарубежная экспертная комиссия
(основана в 1989 г.) по расследованию судьбы
останков членов Российского Императорского Дома
убитых большевиками в Екатеринбурге 17 июля 1918 г.

Юрию Ф. Ярову
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи

Милостивый Государь Юрий Фёдорович!

Узнав об образовании вышеупомянутой правительственной комиссии под Вашим началом, посвящённой столь важному для всех нас и мировой истории вопросу, мы хотели бы поделиться с Вами и членами Вашей комиссии некоторыми соображениями, которые являются плодом наших посильных трудов.

Начиная с первого сообщения о судьбе останков царской семьи, появившегося в советской прессе более четырёх лет тому назад, и вплоть до последних дней мы сознательно воздерживались от того, чтобы как-то комментировать всё увеличивающийся поток сведений, поскольку мы не желали придавать излишнюю сенсационность этому важному и печальному делу. К тому же эти сведения носили неофициальный характер, и полемизировать было безнадёжно.

Теперь же мы обращаемся к Вам с искренней надеждой, что Вы и Ваша комиссия примут участие в прояснении очень важных вопросов, требующих полнейшего, ясного разъяснения, как для нас, так и для целого ряда учёных Запада.

Краткий меморандум, излагающий нашу точку зрения по ряду основных вопросов, касающихся расследования судьбы останков узников дома Ипатьева, прилагаем.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении.

Председатель ПЁТР Н. КОЛТЫПИН-ВАЛОВСКИЙ
Вице-Председатель КН. АЛЕКСЕЙ П. ЩЕРБАТОВ
Секретарь профессор Евгений Л. МАГЕРОВСКИЙ
25 декабря 1993 года

Приложение 7

В «Исторической справке», составленной в адрес Правительственной комиссии академиком-секретарём Отделения истории И.Д. Ковальченко, главным государственным архивистом Р.Г. Пихоя и директором Государственного архива РФ С.В. Мироненко и посвящённой «Расстрелу Царской Семьи в Екатеринбурге», в частности, говорилось:

«В газетах и в выпущенных листовках сообщалось только о казни Николая II. Так это осталось до сих пор — советское правительство никогда официально не признало, что в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья и оставшиеся верными ей доктор Боткин, Демидова, Трупп, повар Харитонов. В воспоминаниях советского полпреда в Берлине А.А. Иоффе, обнаруженных в Архиве Президента РФ, рассказывается о том, в каком тяжёлом положении он оказался, когда его со всех сторон стали расспрашивать о судьбе семьи Романовых, а он не мог добиться от Москвы никаких сведений и вынужден был отвечать, что расстрелян один Николай, а семья жива. Своё недоумение он высказал приехавшему в Берлин Дзержинскому. Тот ответил, что погибли все, но что “В.И. (Ленин) категорически запретил кому бы то ни было сообщать мне об этом. ‘Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил, по словам Дзержинского, Владимир Ильич: — ему там в Берлине легче врать будет’ ”»...

20/VII–1918 года

Записка по прямому проводу

Тов. Чичерину

Сегодня все газеты приносят сообщение что 16 июля расстрелян Николай II Романов по распоряжению Советского Правительства на Урале точка Какие у Вас сведения по поводу судьбы Николая Романова?

Телеграмма
20/VI
Берлин Иоффе

О Николае Романове я послал Вам радио 19/го июля

На заседании Президиума ЦИК 18/го Свердлов сообщил что получил по прямому проводу из Екатеринбурга сообщение от областного уральского Совета что был раскрыт заговор контрреволюционеров захвачена обширная переписка направляемая тепер Москву и в связи с наступлением чехословаков одновременно с раскрытием этого заговора уральский областной Совет постановил растрелят Николая Романова что и было сделано 16/го июля Президиум ЦИК признал его решение правильным Чичерин

2VII-1918 г.
Записка по прямому проводу
Тов. Чичерину

Фон Буше сообщил мне будто бывший царь убит в Екатеринбурге по постановлению местного Совдепа будто Свердлов в речи оправдал это и прочёл выдержку из статьи Правды где это убийство разъясняется и в отношении Германии употребляется выражение разбойничий империализм против чего протестуют точка Указав что это убийство сильно повредит нам во всём мире он официально попросил озаботиться сохранением жизни бывшей царицы и детей точка На всё это я ничего не ответил ибо не знал положение дел заявил что приму к сведению точка Иоффе

Приложение 8

Министерство внутренних дел Российской Федерации
28.10.1993
(О захоронении останков царской семьи)

Руководителю Государственной архивной службы России
Главному государственному архивисту *Пихоя Р.Г.*

Глубокоуважаемый Рудольф Германович!

МВД России предварительно изучило вопрос о захоронении останков Императора Николая II и членов царской семьи. С этой целью проанализированы точки зрения известных учёных и политических деятелей, представителей различных общественных и религиозных организаций. В частности, ими предлагается несколько мест захоронения, в том числе в специально возведённом некрополе в Екатеринбурге, Московском Кремле, Санкт-Петербурге и т. д.

Реализация большинства из предложенных вариантов потребует значительных финансовых затрат, а также может быть неоднозначно воспринято отдельными слоями населения. (Например, вынос тела В. Ленина из Мавзолея и одновременное захоронение останков царской семьи в Кремле.)

Рассмотрев имеющиеся варианты, МВД России считает возможным, по установлению принадлежности останков, захоронить их в усыпальнице, предназначавшейся для членов семьи Романовых и расположенной в Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга.

Данное решение, по нашему мнению, не повлечёт осложнений политического и религиозного характера или каких-либо нарушений общественного порядка. Имея под собой более чем двухсотлетние историко-культурные и культовые традиции, это решение будет лояльно воспринято основными социальными слоями и профессиональными группами российского общества.

Церемонию и сроки захоронения полагали бы необходимым согласовать с Русской православной церковью.

Первый заместитель министра Е.А. АБРАМОВ

Приложение 9

Министерство безопасности Российской Федерации
16 ноября 1993

Заместителю Председателя Совета Министров
Правительства Российской Федерации *Ярову Ю.Ф.*

Уважаемый Юрий Фёдорович!

В связи с Вашим обращением о предоставлении копий материалов о семье Романовых сообщаем следующее.

До декабря 1992 года подлинные документы, связанные с перевозкой и нахождением Романовых в Екатеринбурге в 1918 году, хранились в Центральном архиве Министерства безопасности. Затем они были переданы в Государственный архив Российской Федерации.

Переданные материалы содержат, в частности, рапорты комиссара отряда специального назначения Яковлева-Стояновича В.В. по режиму содержания императора, о перевозке Николая II и членов его семьи из Тобольска в Екатеринбург, переписку местных органов власти с Совнаркомом по данному вопросу, акты о передаче комендантом Ипатьевского дома в Екатеринбурге Юровским Я.М. вещей, изделий из золота и серебра, принадлежавших царской семье, коменданту Московского Кремля Малькову П.Ф. Данных о расстреле Романовых в указанных документах не имеется.

Министр Н. ГОЛУШКО

Приложение 10

Федеральная служба безопасности Российской Федерации
09.05.1995

Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского императора Николая II и членов его семьи
Ю.Ф. Ярову

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

В соответствии с поручением Комиссии по итогам заседания от 12 апреля 1995 года докладываю Вам о мерах, которые необходимы для дальнейшей её работы.

Учитывая, что результаты проведённых криминалистических исследований и выявленные в различных архивах новые документы в значительной степени прояснили вопросы идентификации останков царской семьи, следовало бы ускорить завершение дополнительных проверок и исследований, а также подготовку итогового заключения.

В этих целях в первую очередь представляется целесообразным форсировать необходимые криминалистические и генетические экспертизы.

Что касается поисков других материалов и получения результатов экспертиз от зарубежных комиссий, то они, после обнародования выводов нашей Комиссии, могли бы быть использованы в качестве исторических обобщений.

По нашему мнению, окончательная точка в решении данной проблемы позволила бы исключить всякие кривотолки вокруг перезахоронения останков расстрелянных членов царской семьи.

Первый заместитель Директора член Комиссии А. САФОНОВ

Приложение 11

Российская зарубежная экспертная комиссия
26 сентября 1994 г.

Юрию Ф. Ярову
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи.

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

Рад сообщить Вам, что на последнем собрании Комиссии мы постановили с благодарностью принять Ваше дружественное предложение сотрудничества с целью плодотворного взаимодействия между Российской правительственной комиссией и Российской зарубежной комиссией, учреждённых, помимо других заданий, для определения судьбы останков членов Российского Императорского Дома и их верных слуг, умерших вместе с ними в Екатеринбурге 17 июля 1918 г.

Мы полностью разделяем Вашу точку зрения о несомненной желательности установить живой обмен информацией, материалами и мнениями, включая и результаты технических экспертиз.

Поэтому для начала мы будем нуждаться в создании постоянных, надёжных, быстрых и сравнительно недорогих каналов связи, по которым можно было бы нам обмениваться письменными отправлениями (включая фото- и ксерокопии, печатный материал и т. п.) в объёме от обычного письма до пакета весом в 1–2 кг. Поскольку почти все мы проживаем в районе Нью-Йорка, может быть, Российская миссия при ООН смогла бы облагодетельствовать нас, став перевалочным пунктом для наших отправок в Ваш адрес и Ваших — в наш.

Если это предложение Вам по какой-то причине покажется неподходящим или у Вас есть какие-либо другие соображения по этому поводу, мы будем рады их услышать.

Мы приветствуем Вашу мысль о том, что было бы чрезвычайно полезно для членов обеих комиссий ознакомиться с материалами и документацией, собранными обеими сторонами, а также наладить обмен мнениями по поводу их интерпретации и ряду других возникающих вопросов.

Ввиду того, что поездка в Россию — или пребывание там относительно долгое время — были для нас в настоящее время затруднительны (но полностью не исключено), мы бы предложили на первых порах более полагаться на письменную связь, нежели личную. Конечно, если кому-то из Вашей Комиссии или иному Вашему доверенному лицу придётся в обозримом будущем посетить Нью-Йорк, мы будем рады принять его у себя. Нам представляется, что перед тем, как серьёзно помышлять о поездке в Россию, нам предстоит обширная работа с материалами и литературой, как печатной, так и в виде ксерокопий, которые создала или выявила Ваша Комиссия в ходе своей работы.

Хотя нам было бы очень приятно и интересно лично познакомиться с теми членами Вашей Комиссии, кого мы ещё не знаем, и восстановить уже существующие знакомства, нам всё же представляется более целесообразным использовать короткое и ценное время нашего возможного пребывания в России на работу с материалами, которые невозможно скопировать (как, например, некоторые документальные архивные материалы) и переслать за границу, встречи и обмен мнений сразу со многими лицами, осмотр отдельных предметов или местностей и т. д.

Вот примерно, как мы представляем себе в общих чертах наше сотрудничество с Вашей Комиссией. Главные интересующие нас вопросы и положения мы уже изложили в весьма сжатом виде в нашем Меморандуме от 25 декабря 1993 года в адрес Вашей Комиссии. Мы сейчас заканчиваем разрабатывать новый и более обширный список вопросов и предложений, который предполагаем предложить вниманию Вашей Комиссии. Если у Вас имеются какие-либо соображения по поводу вышеизложенного или какие-то иные вопросы, мы будем рады услышать о них.

Несколько опережая часть содержания готовящегося меморандума, хотелось бы лишний раз заметить, что краеугольный камень дела об обретении настоящих или мнимых останков Царской Се-

мы есть так называемая «Записка Юровского», теперь уже существующая не менее чем в 4 редакциях, появившихся между 1989 и 1993 годами, причём чем позднее появление редакции, тем содержательнее её текст. Поскольку всё зиждется на «Записке», то если её убрать, автоматически исчезает всякое объяснение всему остальному, вплоть до выкопанных и предположительно опознанных останков, даже если их ДНК и подтвердит родство с Домом Романовых.

Следовательно, на наш взгляд, всестороннее изучение этого документа на предмет определения его аутентичности и текстологической правдивости является первостепенной задачей всякого исследования этого дела. Поэтому нас в первую очередь чрезвычайно интересует узнать, какие результаты дала работа Вашей Комиссии в этом направлении.

Вопрос этот трудный и его разрешение в положительную сторону не даст автоматически ответа на все остальные, но без него какие-либо объяснения не убедительны.

Наконец, мы были бы благодарны за любую информацию о результатах деятельности Вашей Комиссии со времени её учреждения и по сей день. Издавались ли какие-либо отчёты или коммюнике для прессы? Были ли они где-нибудь опубликованы? Публиковались ли где-нибудь за последние годы какие-либо научные труды, монографии, пространные статьи по этому вопросу?

Будем Вам глубоко признательны за всякую помощь. Если у Вас возникнут дополнительные вопросы, сообщите их нам, и мы постараемся разрешить их.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

Проф. ЕВГЕНИЙ Л. МАГЕРОВСКИЙ

Приложение 12

Российская зарубежная экспертная комиссия
10 апреля 1995 года

Юрию Ф. Ярову
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

Согласно решения нашей Комиссии, принятом на последнем её заседании, имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее.

Членам Зарубежной Комиссии стало окольными путями известно о том, что Ваша Комиссия и государственная прокуратура продолжают искать для добавочных исследований доступа к специменам от останков кровных родственников и предков убиенных в 1918 году в Екатеринбурге членов Российского Императорского Дома.

Невзирая на то, что несмотря на все наши двухлетние тщетные попытки в этом направлении, рабочих связей между нашими Комиссиями не установились, и наши неоднократные просьбы к Вам о достоверной информации, собранной и апробированной Вашей Комиссией, то ли попадают в какую-то чёрную дыру, откуда нет возврата, то ли намеренно остаются без ответа.

Всё же мы всё ещё не теряем надежды как-то способствовать обоюдным интересам выяснения истины относительно судьбы Царских останков и их возможного тождества с человеческими костями, найденными в «Поросёнковом логу» под Екатеринбургом в 1991 году.

Поэтому, вступив с Вашей Комиссией и некоторыми её членами в деловой контакт и выразив безоговорочное согласие сотрудничать с нею в целях выявления и установления полной и целостной исторической истины, Зарубежная комиссия продолжает считать, что

даже несмотря на некоторые, скажем вежливо, «византийские витиеватости» с одной стороны, какая-то форма кооперации всё же может послужить на благо обоюдного и одинаково понимаемого общего дела.

В связи с этим, некоторое время тому назад, действуя по собственной инициативе, мы приступили к поискам останков членов Дома Романовых, находящихся за рубежом. Одновременно также были начаты переговоры о получении разрешения приобретения частиц этих останков для анализа.

После длительных и тщательных переговоров мы рады сообщить, что наша Комиссия нашла останки и добилась разрешения на необходимое исследование. Доводим до Вашего сведения, что в распоряжении нашей Комиссии предоставлена частица и другие вещества св. мощей Вел. Княг. Елизаветы Фёдоровны, канонизированной Русской Зарубежной Церковью, родной сестры последней Императрицы, зверски убиенной большевиками в Алапаевске почти одновременно с убийством Царской семьи в Екатеринбурге.

Если Ваша Комиссия заинтересована в сличении ДНК этой частицы с имеющимися у Вас специменами, тогда мы хотели бы рекомендовать использовать любую из обладающих мировой репутацией лабораторий, находящихся на северо-восточном побережье США. В данное же время было бы чрезвычайно полезно как можно скорее знать отношение Вашей Комиссии к вышеизложенному нашему предложению, чтобы без промедления начать требующуюся обширную подготовительную работу для реализации этого предприятия.

Что касается некоторых наших прошлых попыток внести свою лепту в дело отыскания возможных доноров ДНК, то ещё в мае 1992 года в Санкт-Петербурге состоялась встреча академика А.Н. Авдонина с членами нашей Комиссии проф. Кн. Алексеем Павловичем Щербатовым и П.Н. Колтыпиным-Валовским, которые в длительной и обстоятельной беседе с ним точно сообщили ему о месте нахождения в Японии окровавленных бинтов пораненного там тогда ещё наследника Николая Александровича и многие другие сведения, касающиеся других останков. Затем этот разговор был дополнен и повторён во время визита Александра Николаевича Авдонина в США.

Нам до сих пор не известны результаты анализа кровяных пятен с этих бинтов, по газетным данным, предоставленных Вам для ис-

следования. Более того, также неизвестны нам и результаты эксгумации останков Вел. Кн. Георгия Александровича (брата Николая II), недавно вновь перезахороненных, но без каких-либо сведений о том, были ли они обследованы на ДНК, несмотря на то, что, наверное, именно это и было причиной их эксгумации. На российской же территории должны находиться останки и ещё трёх других близких родственников последнего Императора — его отца, Императора Александра III, брата Вел. Кн. Александра Александровича и дяди Вел. Кн. Сергея Александровича, об исследовании праха которых мы до сих пор ничего не слышали.

По женской линии, мы уже неоднократно упоминали прах вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны, матери Императора Николая II и родной бабки его детей, покоящейся в Копенгагине. Наконец, в Канаде погребена родная сестра последнего Государя Вел. Кн. Ольга Александровна, в замужестве — Куликовская, и её сын Тихон, который, как нам известно, распорядился перед смертью оставить специмён крови для возможных исследований.

Мы уже не первый раз приводим столь обширный перечень потенциальных источников для нахождения адекватных специменов ДНК для сличения их с ДНК, полученных из останков, найденных в 1991 году в «Поросёнковом логу», чтобы как нельзя более ярко выразить мысль, что никакого недостатка в потенциальных донорах нет, тем более, что прах ряда из них покоится на территории России. Впрочем, всё это должно быть Вам также хорошо известно, как и нам, что делает приписываемые Вам прессой и некоторыми отдельными лицами затруднения в этой области, на наш взгляд, совершенно непонятными.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении.

Проф. ЕВГЕНИЙ Л. МАГЕРОВСКИЙ

Приложение 13

Его Святейшеству Святейшему *Алексию II*
Патриарху Московскому и Всея Руси

От СЕРГЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БЕЛЯЕВА

Ваше Святейшество!

По Вашему благословению мною были изучены материалы уголовного дела № 16–123666–93 «Уголовное дело по обстоятельствам гибели членов Российского Императорского Дома и лиц из их окружения в 1918–1919 годах» и проведённая по нему экспертиза.

Понимаю, что для Русской Православной Церкви вопрос о подлинности останков, найденных под Екатеринбургом, особенно важен, ибо он связан с вопросом о канонизации Царской семьи, который уже определённое время рассматривается в Комиссии по канонизации. В случае положительного решения вопроса о канонизации останки должны быть признаны Церковью как святые мощи. Поэтому для меня возложенное Вами послушание — вопрос нравственный, ибо грех был бы пропустить, не заметить подлинные святыни, и в равной мере было бы грехом за святые мощи признать останки, таковыми не являющиеся.

Следует отметить, что при канонизации Царской семьи Зарубежной Церковью были предъявлены Их святые мощи. Вероятнее всего, речь может идти о сундучке с останками тел Царской семьи, который был вывезен Н.А. Соколовым.

Изучение указанных документов показало, что, несмотря на то, что и работниками Прокуратуры и сотрудниками Бюро Государственной судебно-медицинской экспертизы был профессионально выполнен большой объём сложных работ и получены интересные и заслуживающие самого тщательного внимания результаты. Некоторые вопросы можно считать решёнными — например, определение пола лиц, которым принадлежат обнаруженные в июле 1991 года

останки. Но ряд важных вопросов, необходимых для правильной идентификации, не нашёл своего решения и вызвал настоятельную необходимость дальнейшего проведения исследований, которые носили бы комплексный характер. Необходимость таких исследований диктуется сложностью и запутанностью самого дела.

Как известно, и убийство, и особенно дальнейшая судьба тел убитых держались в строжайшей тайне. Поэтому идентификация обнаруженных под Екатеринбургом в июле 1991 года 9 человеческих скелетов не должна сводиться только к экспертизе. Для убедительности выводов следствия необходимо доказать, во-первых, что именно убитые члены императорской семьи были положены в это место, во-вторых, что в июле 1991 года было вынуто из земли то, что было положено в 1918 году.

Возможности для решения этого и других важных вопросов имеются. На них я и хочу обратить Ваше внимание.

1. В настоящее время существует несколько гипотез о методе и месте сокрытия убитых тел Царской семьи. Однако до настоящего времени не проделана работа по изучению и анализу документов, посвящённых этому вопросу, определению их подлинности, особенно тех, которые поступили из секретных архивов. Их глубокий анализ нужен хотя бы потому, что некоторые из них вышли из-под пера людей, принимавших участие в убийстве, и неизвестно, какими мотивами эти люди руководствовались, сообщая об обстоятельствах сокрытия тел.

В материалах следствия не уделено должного внимания анализу результатов следственного дела Правительства адмирала Колчака, в частности, выводу о сожжении тел Царской семьи, к которому пришёл следователь Н.А. Соколов. Такое игнорирование недопустимо, так как этот вывод через публикации прочно вошёл в сознание людей уже нескольких поколений — и в России и за рубежом. Совершенно необходимо изучить по подлинному полному экземпляру следственного дела 1918–1921 годов систему доказательств, которые привели к сделанному в нём выводу — о сожжении останков Царской семьи.

2. До настоящего времени не проведены исследования, позволяющие по самим останкам и той почве, из которой они были извлечены, определить, когда они в эту землю были положены, каким образом — все ли тела одновременно или последовательно несколькими группами, были ли тела положены в целом или расчлнённом виде и т. д.

Получение ответа на все эти вопросы тем более необходимо, что в результате действий Г.Т. Рябова в 1979–1980 годах на $\frac{3}{4}$ той площади, которую занимали сокрытые тела, был нарушен первоначальный перекрывающий останки слой земли. Факт нарушения перекрывающего слоя земли над останками был официально зафиксирован екатеринбургским археологом Л.Н. Коряковой и сообщение о нём опубликовано в печати. Установление вторичности земляного покрова над останками означает, что теоретически допустимо положение этих останков в данное место в любое время между июлем 1918 года и июлем 1991 года.

3. Не проведены исследования по баллистике.

Во многих останках есть входные и выходные пулевые отверстия, а в некоторых из останков даже сами пули. Эти исследования дали бы возможность определить тип оружия, из которого стреляли по людям, останки которых обнаружены, в каком положении эти люди находились в момент попадания пули — сидели, лежали или стояли, определить последовательность выстрелов. Данные этих исследований необходимы также для сопоставления с данными, имеющимися в следственном деле Н.А. Соколова, где, в частности, устанавливается, из какого оружия была убита Царская семья.

4. В материалах следственного дела полностью отсутствуют медицинские данные о Царской семье, в то время как известно, что они должны быть исчерпывающими, ибо врачебная бригада, пользовавшая Царскую семью, состояла из 37 врачей и медицинские осмотры проводились ежедневно.

Отсутствие медицинских освидетельствований Царской семьи не даёт возможности провести сравнительный анализ антропологических измерений останков, полученных в ходе проведения экспертизы. Такой анализ мог бы снять вопросы, имеющиеся, например, по группе крови, ибо у всех девяти лиц, останки которых обнаружены, в ходе экспертизы была установлена одна и та же вторая группа крови, что вызывает сомнение.

5. До настоящего времени не проведены научные антропологические измерения, являющиеся основой любой научной работы.

Без ответа на эти наиболее важные вопросы невозможно сделать окончательные выводы.

Кроме того, по материалам проведённых экспертиз можно сделать следующие замечания.

Все материалы экспертизы, состоящие из 10 увесистых томов, можно с некоторой долей условности разделить на три части. К первой части относится раздел, в котором на основании обычно используемых в повседневной судебно-медицинской практике методик устанавливаются половозрастные характеристики лиц, которым принадлежат найденные останки; во второй части проводится личностная идентификация останков с членами Царской семьи и слугами по методу фотоналожения лица и черепа; третья часть содержит отчёт о биолого-генетической экспертизе.

1. Половозрастные характеристики.

Их определению посвящена большая часть текста. Но среди материалов уголовного дела имеются результаты и другой экспертизы, проведённой на месте — в Екатеринбурге — известным американским специалистом по идентификации личности проф. У. Мэйлзом. Характеристики возраста и пола, установленные им, примерно в половине случаев отличаются от выводов, к которым пришла официальная экспертиза. Не исключено, что причиной такого расхождения могло послужить использование усреднённых, а не специальных методик, созданных для высокорослых, среднерослых и низкорослых людей. Кроме того, у Мэйлза определена длина туловища всех лиц; эта характеристика отсутствует в официальной экспертизе, равно как и отсутствуют и размеры других частей тела и его пропорции, что современные методики позволяют установить.

Отмеченные расхождения свидетельствуют, что выводы официальной экспертизы по определению половозрастных признаков являются далеко не бесспорными и нуждаются в экспертной проверке.

Экспертиза также не провела исследования по расовой характеристике скелетов.

2. Идентификация личности методом фотоналожения лица и черепа.

Этот метод применяется в судебно-медицинской и криминалистической практике с начала тридцатых годов. Он позволяет с достоверностью исключить тождество лица и черепа при несовпадении контуров и точек и требует большой осмотрительности в случае их совмещения при установлении тождества. При проведении данной экспертизы ряд факторов могли привести к существенным ошибкам.

а. Фотоизображение исследуемого черепа с отождествляемым лицом были выполнены фотоаппаратурой с различными характеристиками, что неизбежно приводит к искажениям; не было установлено, подвергались ли старые фотографии ретушированию; не определён угол съёмки объекта, расстояние от объектива до объекта съёмки, характер освещения; однако все эти факторы не учитывались и не оговаривались.

б. При наложении не учитывалось, что многие черепа реставрированы.

в. При фиксации сравниваемых точек и контуров было неизбежно проявление субъективизма.

г. Фотосовмещение производилось без учёта абсолютных размеров исследуемого черепа и лица, то есть безмасштабно.

д. Поскольку абсолютно точное совмещение анатомо-морфологических (константных) точек черепа и контуров отождествляемого лица невозможно, то было введено понятие «существенных и несущественных различий». Отнесение различий к одной из названных групп и их объяснение, естественно, проведено самим экспертом без количественных обоснований. На осторожное отношение к этому методу указывает и Методическое письмо Главной судебно-медицинской экспертизы.

Следует отметить, что полученные в ходе данной экспертизы результаты нельзя абсолютизировать. В судебно-медицинской и криминалистической практике при использовании метода фотосовмещения известны случаи ложно-положительных решений даже при наличии целых черепов. В данном случае отношение к полученным при его использовании выводам должно быть особенно осторожным в силу отмеченных выше обстоятельств.

3. Молекулярно-генетическая экспертиза.

Обоснованность полученных в ходе её проведения результатов должна быть оценена специалистом-генетиком. В частности, надо отметить, что возникли сложности с определением принадлежности скелета № 4 Николаю II вследствие точкового несовпадения в позиции 16169 и явления гетероплазмии. Обнаружение этих явлений вызвало необходимость применения сложных математических расчётов, чтобы прийти к выводу о высокой степени вероятности отнесения этого скелета к Николаю II. Следует указать, что данная экспертиза основана на новейших научных открытиях 1983–1987 годов и ещё не прошла достаточную проверку. Применение этого метода в

Латинской Америке, статистика и количественная оценка полученных там результатов в экспертизе не приведены. По заключению эксперта, вероятность принадлежности исследуемых костных останков Царской семье равна 700:1.

Экспертиза установила семейную группу, состоящую из пяти человек — отца, матери и трёх дочерей; личной идентификации дочерей не проводилось (личностная идентификация дочерей проводилась только на основании половозрастных характеристик).

Ваше Святейшество! Изучив по Вашему благословению материалы «Уголовного дела по обстоятельствам гибели членов Российского Императорского Дома и лиц из их окружения в 1918–1919 годах», я пришёл к убеждению, что на данный момент не все вопросы, связанные с идентификацией обнаруженных под Екатеринбургом девяти костных останков, получили удовлетворительное решение и что не все исследования, которые могли бы их снять, проведены. Круг самых неотложных вопросов и возможные пути их разрешения намечены в начале этой записки.

Необходимо ясно сознавать, что поставленные вопросы не носят искусственного характера, они реально существуют, и что если на них не будет дано ответа проводимым в настоящее время следствием, — в будущем они всё равно будут решаться, только уже другими людьми и в других условиях.

Таким образом, на основании изученных мною вышеуказанных материалов «Уголовного дела по обстоятельствам гибели членов Российского Императорского Дома и лиц из их окружения в 1918–1919 годах» № 16–123666–93 и проведённой по нему экспертизы следует сделать вывод, что данные этого уголовного дела и проведённая по нему экспертиза по состоянию на 6 апреля 1993 года не позволяет со всей определённостью утверждать, что обнаруженные под Екатеринбургом человеческие останки принадлежат Царской семье. Поэтому необходимо дальнейшее проведение комплексных исследований, которые позволили бы снять вопросы, которые на настоящее время ещё остаются неясными и ждут своего разрешения.

15. IV–1994 год С.А. БЕЛЯЕВ
Старший научный сотрудник ИВИ РАН
кандидат исторических наук

Приложение 14

Заместителю Председателя Совета Министров
Правительства Российской Федерации
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи
Ю.Ф. Ярову

18 апреля 1994 года

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

По моей просьбе Генеральная Прокуратура Российской Федерации дала согласие С.А. Беляеву, старшему научному сотруднику ИВИ РАН, как представителю Русской Православной Церкви ознакомиться с материалами уголовного дела № 16–123666–93 «Уголовное дело по обстоятельствам гибели членов Российского Императорского Дома и лиц из их окружения в 1918–1919 годах» и проведённой по нему экспертизы. Результат своей работы С.А. Беляев представил мне 15 апреля с.г. Ознакомившись с этим документом, я нашёл соображения автора весьма серьёзными и заслуживающими внимания возглавляемой Вами Комиссии.

Направляя Вам представленный мне доклад, просил бы Вас на очередном заседании Комиссии 22 апреля с.г. дать возможность Сергею Алексеевичу лично представить свои соображения, изложенные в прилагаемой им записке по археологии и исторической части, в которых он является специалистом.

Осторожное отношение Церкви к данной проблеме определяется тем обстоятельством, что, как Вам известно, Русская Зарубежная Церковь давно уже канонизировала членов убиенной Царской Семьи. Вопрос о их канонизации изучается и в нашей Церкви. Церковь же не может допустить, чтобы, в случае канонизации ею Царской Семьи, почитание осуществлялось вместо святых мощей (т. е. абсолютно достоверных останков) — лжемощам. Игнориро-

вание позиции Русской Православной Церкви может поставить под вопросом дальнейшее участие представителя Церкви в работе Комиссии.

С уважением, АЛЕКСИЙ
Патриарх Московский и всея Руси

(В нижнем левом углу резолюция Ярова:
«Ознакомить членов комиссии»)

Приложение 15

Заместителю Председателя Совета Министров
Правительства Российской Федерации
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов его Семьи
Ю.Ф. Ярову

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

До намеченного на 20 сентября очередного заседания Комиссии считаю долгом обратиться к Вам с этим письмом в связи с публикациями в ряде газет («Известия» и «Московский комсомолец»), а так-же сообщениями в нескольких программах телевиденья и в других средствах массовой информации. Имею в виду информацию о результатах проведения в США П.Л. Ивановым генетической экспертизы останков Его Императорского Высочества Великого князя Георгия Александровича Романова. Судя по сообщениям прессы, экспертиза прошла успешно, и мне приятно вместе с исполнителями разделить радость научного успеха.

Однако я обратил внимание на одну деталь в публикации в «Известиях», где сообщается, что даже в военном госпитале, который специализируется на идентификации убитых военнослужащих, из 66 убитых во время войны во Вьетнаме военных удалось идентифицировать только 13, причём это — наши современники и наверняка живы ещё их самые близкие родственники. Заголовки в названных газетах гласят: «Сомнений больше нет — это Николай II»; «Загадка останков Николая II раскрыта».

Я понимаю, что упомянутые публикации не являются официальным сообщением возглавляемой Вами комиссии. В соответствии с нашим решением от 26 июня 1995 года окончательное заключение будет принято по получении удовлетворительного разрешения того круга вопросов, который был рассмотрен, одобрен и принят на заседании Комиссии.

Хотел бы коснуться одного момента в проекте заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации, который был роздан участникам совещания 20 августа 1995 года.

Там приводится утверждение, которое, на мой взгляд, не только не даёт право делать заключение о погребении под мостиком убитых членов Царской Семьи, но и прямо противоречит такому выводу. Ввиду важности вопроса позволю процитировать текст довольно полно: «В ходе раскопок 11–13 июля 1991 года обнаружено, что девять трупов со следами повреждений, причинённых холодным и огнестрельным оружием, находятся в могильной яме, вырытой на небольшой глубине посредине Старой Коптяковской дороги вблизи переезда горнозаводской линии. Останки находились под сгнившими шпалами... Мостик из шпал, под которым обнаружено захоронение, отмечен в плане осмотра места происшествия, сделанного Соколовым в 1919 году. В уголовном деле имеются три подлинные фотографии, на которых изображён мостик: фото из следственного дела Соколова Н.А., фотография с изображением участника расстрела и захоронения Ермакова П.З. и фото с изображением комиссии из 13 человек, сидящих на мостике. *На двух последних фотографиях имеются надписи, удостоверяющие, что изображено место СОЖЖЕНИЯ Романовых.*»

По контексту изложения проекта следовало бы ожидать, что надписи будут говорить *о месте захоронения*. Для меня остаётся неясным, как фотографии с надписями, которые с большим успехом можно было бы использовать для опровержения того, что под мостиком из шпал было совершено захоронение, используются для его доказательства?!

Предполагаю, что подобные недоумения могут появиться у многих других людей после публикации этого документа.

С самого начала участие Церкви в работе возглавляемой Вами комиссии сводилось к достижению гласности в этом вопросе, к привлечению к работе по столь сложному вопросу учёных разных научных направлений и школ, к координации их работы, чтобы можно было в ходе спокойной и строгой научной дискуссии получить удовлетворительное разрешение всех тех недоумений и вопросов, которые возникли в среде исследователей и в обществе в связи с Екатеринбургскими находками.

Чтобы Церковь не была поставлена в трудное положение, когда встанет вопрос в её отношении к результатам работы комиссии, считаю, что нам необходимо рассмотреть те проблемы, которые были приняты в упомянутом списке.

Без серьёзного комплексного подхода к поставленным в нём вопросам, без получения на них удовлетворительного решения, которые с чистой совестью могли бы быть приняты, работу комиссии по первому пункту повестки дня нельзя будет, по моему мнению, считать завершённой*.

Наконец, хотел бы высказать соображение, что в связи с намеренным перезахоронением Великого князя Сергея Александровича представляется возможность провести исследование ДНК ближайшего родственника Императора Николая II, чтобы иметь большую убеждённость в том, что полученные в ранее проведённых исследованиях результаты — это не случайность, а закономерность.

Надеюсь, глубокоуважаемый Юрий Фёдорович, что и на этот раз, как всегда, Вы со вниманием отнесётесь к выраженной мной позиции.

С уважением ЮВЕНАЛИЙ
Митрополит Крутицкий и Коломенский
Член Комиссии
12 сентября 1995 года

* Первый пункт повестки дня гласил: «О результатах совместных молекулярно-генетических исследований с американскими учёными в Военно-медицинском институте армии США». *Прим. А.Г.*

Приложение 16

Российская академия наук Уральское отделение
Институт истории и археологии
15.11.1995

Заместителю Председателя Совета Министров
Правительства Российской Федерации
Председателю комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского императора Николая II и членов его семьи
Ю.Ф. Ярову

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

За два года работы комиссии, начиная с первого заседания и до сего дня, мной направлено в её адрес около десятка письменных и устных предложений по идентификации предполагаемых останков царской семьи. Все они преследуют одну цель — найти истину в этом умышленно запутанном деле, не допустить очередного обмана общественности, что теперь уже нанесёт непоправимый урон российской государственности и Русской Православной церкви. Смысл предложений прост — необходимо комплексное исследование, учитывающее всю совокупность фактов, относящихся к делу, а не гипертрофированное выпячивание каких-то из них, например генетической экспертизы. Не меньшей убедительности можно было добиться более простым и дешёвым путём — тщательным изучением огромного фактического материала, накопившегося за три четверти века со времени екатеринбургской трагедии. Пока не совершилось непоправимое, необходимо вернуться к этому вопросу.

В дополнение к ранее сообщённым фактам не могу не привести ещё некоторые, мимо которых трудно пройти. Они касаются прежде всего захоронения в Поросёнковом логу. Вызывает сомнения три главных проблемы:

- идентификация найденных там останков;
- надёжность материалов, представленных для идентификации;
- достоверность самого захоронения.

Идентификация. Беспокоят два момента. Первый — неопределённость со скелетом № 5. Его соотносят то с останками царской дочери Марии, то её сестры Анастасии. Между тем хорошо известно, что по телосложению они были различны. В частности, разница в росте у них достигала 10 сантиметров. Анастасия, самая младшая, была на полголовы ниже старших сестёр, которые имели примерно одинаковый рост. Сегодня же из предполагаемых останков трёх сестёр самым низким (по Мэйплзу, его рост 159 см) принимается скелет № 3, но возраст его самый большой, он соотносится с останками старшей сестры Ольги. Второй момент — сомнения с идентификацией черепа скелета № 4, приписываемого Николаю II. Полтора года назад я представил в комиссию прижизненные медицинские показатели о костной мозоли на нём (свидетельства врача царской семьи Деревенко), которые позднее были подтверждены дополнительными архивными материалами консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 года в Киото. Судя по описанию раны бывшего наследника престола, она начинается в 12 см выше верхушки правого уха и доходит на лбу до окончания волосяного покрова на уровне середины брови. След её должен отмечаться на сохранившейся части черепа № 4, но он не обнаружен.

Надёжность материалов, представленных для идентификации. Здесь тоже упомянем два момента. Первый относится к 1989 году, когда Г.Т. Рябов предъявил судмедэксперту С.С. Абрамову фотографии и слепки с трёх черепов, извлечённых из захоронения в Поросёнковом логу. Абрамов установил, что у одного черепа не заращен лобный шов, и потому отнёс его к останкам подростка 12–15 лет. По особенностям зубо-челюстного аппарата и следу от удара остро-рубящим орудием, второй череп он посчитал останками Николая II. Позднее ничего этого на черепе (который якобы был на снимках) не нашли. Комментируя создавшуюся ситуацию, профессор Звягин констатирует: «Единственное, что здесь приходит в голову; либо Сергей Сергеевич имел дело с другими черепами, либо те слепки, которые ему предъявлялись, имели те следы, которых не имеет указанный череп».

Второй момент относится к 1991 году и связан с очередным вскрытием захоронения. В протоколе осмотра места происшествия снова фигурирует череп, швы которого не заращены. Там же обнаружены зубы подростка. Однако из этих важных деталей не сделаны должные выводы, о них нынче предпочитают умалчивать. В данной связи необходимо ещё заметить, что в 1993 году учёными Института истории и археологии УрО РАН была предпринята попытка обнаружить второе захоронение (под кострищем), упоминаемое в воспоминаниях Я. Юровского и якобы принадлежащее наследнику Алексею и одной из его сестёр. В ходе сплошного раскопа того места, на которое указывал Юровский, они нашли углубление с остатками кострища, но костяков под ним не оказалось. Тем не менее содержимое этой находки было передано для анализа прокурорско-криминалисту В.Н. Соловьёву, но официального заключения до сих пор не получено.

Достоверность захоронения царской семьи основывается главным образом на воспоминаниях Юровского. Между тем в науке твёрдо установлено, что воспоминания не являются вполне достоверным источником. Никаких других более точных данных пока не обнаружено, да и названный-то источник не подвергался необходимой в таких случаях экспертизе. Открыватель захоронения А.Н. Авдониин утверждает, что он его вычислил специальными расчётами, но как отнестись к тому факту, что оно вскрывалось несколько раз (в 1978, 1979, 1991 годах) самим Авдониным. Недавно появилась официальная информация о том, что захоронение тревожилось ещё раньше, в частности в 1946 году. Значит, оно было известно давно, зачем же его надо было вычислять, что туда было положено вначале и когда какие изменения претерпело его содержание в результате таких вторжений, как они могут отражаться на достоверности современных исследований? На эти вопросы необходимо ответить прежде, чем полагаться на самые современные методы, в том числе генетические.

Исходя из выше упомянутого и возвращаясь к началу записки, приходится констатировать, что без широких и глубоких исторических исследований в идентификации царских останков не обойтись. Они должны идти в двух направлениях.

Первое связано с переосмыслением уже имеющихся материалов. Например, из показаний колчаковскому следователю официантки

Ипатьевского дома Томилиной следует, что царственные узники покидали его не одной партией. А известный поручик Шереметьевский упоминает о существовании настила из шпал на Коптяковской дороге ещё во время попытки уничтожения трупов в шахте.

Второе направление предполагает выявление новых источников, которые помогут восстановить провалы в имеющихся сведениях. Для этого потребуются фронтальный пересмотр одних архивных фондов, например «Придворная медицинская часть императорского двора», и выборочное обследование других, касающихся конкретных вопросов темы. Необходим доступ к архивам ВЧК, ОГПУ, НКВД и МВД, в которых, как показывает последняя информация, содержатся важные сведения по данному вопросу, а также выезд в зарубежные библиотеки и архивохранилища.

Разумеется, для проведения такой работы потребуется время и некоторые средства, конечно, не сопоставимые с теми, которые уже потрачены комиссией. Российские учёные совместно с западными коллегами в состоянии справиться с поставленной задачей.

Член комиссии, директор Института,
член-корреспондент РАН В.В. АЛЕКСЕЕВ

Приложение 17

Российский фонд культуры
Председатель Президиума
МИХАЛКОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации
Г-ну *Ярову Ю.Ф.*

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович!

Россия живёт сегодня в ожидании важного и судьбоносного события в её непростой и трагической Истории. Я имею в виду захоронение в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга останков Царской семьи, злодейски расстрелянной врагами России в страшное лето 1918 года. Можно по-разному относиться к идее Русской монархии. Я лично никогда не скрывал, что считаю эту форму правления наиболее органичной для нашей страны, с её многовековой историей. Конечно же я понимаю, сколько ещё необходимо сделать, чтобы идея эта стала живой и понятной миллионам людей. В нашем обществе есть множество убеждённых противников этой идеи. Это нормальное явление, оно свидетельствует о возрождающемся в России широком спектре мнений, о социальном возмужании нашего общества. Свидетельство тому — общенародное движение за торжественное захоронение останков Царской семьи, причём за этот акт выступают практически все общественно-политические силы России.

Глубокоуважаемый Юрий Фёдорович, моё обращение к Вам как к Председателю Государственной комиссии, специально созданной для проведения этого печального, но вместе с тем высокого действия, продиктовано желанием принять посильное, по моим скромным возможностям, участие в этом событии. Более всего я бы опасался, чтобы этот высокий акт покаяния и прощения не превратился бы в очередное официозное «мероприятие» со всеми оттенками шутовского балагана в духе разнообразных «олимпиад». Полагаю, что

мой опыт творческой деятельности, как режиссёра, актёра, книгоиздателя, мои жизненные и нравственные воззрения как Христианина и Гражданина позволяют мне предложить свою скромную персону для ведения этого направления возглавляемой Вами Комиссии. Я чувствую, что могу выступить при подготовке к проведению этого великого Дня окончания многолетней гражданской войны в России и как режиссёр, и как координатор, отвечающий за эстетическую сторону этой Великой Акции конца второго тысячелетия.

Примите искренние заверения в совершеннейшем к Вам почтении,

Ваш Н.М.
19.09.1994

(В левом верхнем углу резолюция Ярова:
«г. Маслову И.М. 1. Для членов комиссии.
2. Рассмотреть вопрос о приглашении
Н.С. Михалкова»).

Приложение 18

Российская зарубежная экспертная комиссия

Для прессы

Российская зарубежная экспертная по делам останков Императора Николая II и Его Семьи комиссия выступила на заседании Государственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая Второго и членов Его Семьи, состоявшемся 20 сентября 1995 года в качестве гостей Правительства.

На заседании Зарубежная экспертная комиссия ещё раз подтвердила свою ранее обстоятельно письменно и устно изложенную позицию о незавершённости работы исследователей и нужде в нахождении ответов на поставленные Зарубежной комиссией вопросы.

К сожалению, заседание Государственной комиссии значительно затянулось, и потому к тому времени, когда дошла по повестке дня очередь до выступления членов Зарубежной комиссии, Председательствующий на заседании Ю.Ф. Яров просил членов Зарубежной комиссии сильно сократить свои выступления. Поэтому полностью прочитать заготовленный текст своего выступления смог лишь Председатель Комиссии П.Н. Колтыпин, другим же членам Зарубежной комиссии пришлось довольствоваться сокращённым видом своих выступлений.

Что же касается общей характеристики со стороны Зарубежной комиссии и исследовательских работ, проведённых по сей день по заданию Государственной комиссии, то следует отметить, что на сегодня они успешно проведены только в отношении одной из трёх категорий, по которым, как обычно в евро-американском уголовном процедурном праве, ведётся следственное дознание, — биологического анализа, главным образом, на ДНК. Но и тут не обошлось без пробелов. Например, с самого момента открытия останков не со-

блюдается доктрина «преемства законного обладания» (чейн оф кастоди) при их передвижении или какими-либо операциями с ними. Двойко нарушалась доктрина независимости научных исследований: один и тот же российский учёный, возглавлявший исследовательскую работу в России, затем принимал деятельное участие в исследованиях, которые вполне можно назвать контрольными, — вначале в одной иностранной лаборатории (Олдермастоне, Англия), а затем в другой (Роквиле, Мэриленд, США), где одна лаборатория предсказуемо подтвердили результаты другой.

Другое нарушение состояло в том, что, как явствует из пресс-конференции, проведённой недавно в пресс-клубе в Вашингтоне, результаты, полученные в одной лаборатории касательно нуклеидного ДНК, были не проверены, а безоговорочно приняты и заимствованы другой. На пресс-конференции же результаты исследований в обеих лабораториях были объединены в одно целое, создавая этим неверное впечатление, что в данном вопросе одна лаборатория проверяла другую, дублируя все её исследования. В действительности же военная лаборатория в Роквиле, Мэриленд, США, исследовала лишь кость, которая считается принадлежащей Великому Князю Георгию Александровичу, и кость, которая считается частью Скелета № 4 из захоронения на старой Коптяковской дороге у Екатеринбурга, и сравнили их. Мы уделили столь много места категории биологического анализа, поскольку в ней достигнуты самые впечатляющие результаты, хотя и, с нашей точки зрения, используя подчас порочную методику.

Что же касается оставшихся двух категорий уголовного следственного дознания: исторической, документальной, архивной и физической — то тут было сделано очень мало, несмотря на неоднократные отношения по этим вопросам со стороны Зарубежной комиссии. Например: не была проведена научная экспертиза «Записки Юровского» (в главных её редакциях), не анализированы ни почерк, ни машинопись, ни специфика шрифта, ни содержание (особенно, что касается возможности точно определить место захоронения, пользуясь только сведениями, находящимися в «Записке»), ни стиль (безукоризненная новая орфография, наличие твёрдых знаков вместо апострофов и полное отсутствие опечаток), ни язык.

Не найдена документация медицинского и стоматологического пользования Императора и Его Семьи (Его пользовали 27 врачей), нет свидетельства о смерти Императора (такое сообщали, было составлено после Его убийства), не сопоставлены и анализированы версии убийства Ермакова и Соколова (оба считали, что трупы были полностью сожжены) с автором «Записки Юровского» (считают, что девять трупов захоронены, а два — частично уничтожены огнём, а затем захоронены), как и версии других старых екатеринбургских большевиков.

Нет информации о входно-выходных пулевых отверстиях в черепе скелета № 4 (м. б. Императора), показывающих, стояла ли жертва спиной или лицом к убийце, имеется ли костная мозоль на виске этого черепа (предположительно Императора), сколько было сделано ударов и по какой стороне головы, и был ли череп хоть временно отделён от скелета. Наконец, соответствуют ли все части скелетов друг другу. И это всего лишь частичный список.

До сих пор неизвестно, как конкретно господа Рябов и другие разыскали вначале «Записку Юровского», а затем — место захоронения. Протокол их допроса следователем не даёт много информации, полиграфированы же они не были.

Категория физических данных представляется нам самой недоисследованной во всём деле. Не произведены исследования «времени и движения» касательно действий, описываемых в «Записке»; не анализирована почва, особенно её оседание. Была ли могила накрыта настилом из хвороста или шпал, или тем и другим? По очень схематическому рисунку (в двух измерениях) ямы с захоронением выходит, что в неё был влит только один кувшин серной кислоты, что совсем не так много, но сам процесс её выливания сулит выливающему серьёзными повреждениями зрительного и дыхательного аппаратов. Сколько времени уходит на то, чтобы вырыть (двумя лопатами?) яму 1,7 м глубины и 2,5 м в квадрате в затопленной водой (или дожди) почве?

Следует отметить, что шпала обычно короче 2,5 м так как её нельзя перекинуть через такую яму, чтобы сделать «мостик». И наконец, как долго горит человеческое тело и какой смрад оно при этом источает? Ответы на эти и другие вопросы можно получить симуляцией, используя свиные туши равного веса для изучения эффекта горения и мешков с песком — для объёма.

К сожалению, ни ксерокопия «Записки Юровского», ни историческая справка от экспертной группы Государственной комиссии Расстрел Царской Семьи в Екатеринбурге от апреля 1994 года, ни Заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы от 10 мая 1994 года не содержат ответов по вышеперечисленным и многим другим вопросам.

Приложение 19

Его Превосходительству
Г-ну *Юрию Ярову*
Зам. Председателя Правительства Российской Федерации
11 октября 1994 г.

Уважаемый г-н Яров!

Я являюсь потомком Его Императорского Величества Царя Николая I по линии Великого Князя Петра Николаевича и его дочери княжны Надежды Орловой.

Я хочу присутствовать на церемонии захоронения останков Его Императорского Величества Царя Николая II и его семьи, которая состоится в Санкт-Петербурге в марте 1995 года.

Пожалуйста, будьте столь любезны и сообщите мне, какие шаги я должен предпринять, чтобы участвовать в этой заключительной церемонии.

Искренне Ваш К.А. ДЕ МОНТЕНЬЯК

Приложение 20

Заместителю председателя Правительства
Российской Федерации г-ну *Ярову В.Ф.*
председателю государственной комиссии
по изучению вопросов, связанных с исследованием
и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов его семьи
21.09.1995

Уважаемый Юрий Фёдорович!

В связи с отсутствием возможности выступить на заседании комиссии 20 сентября с.г. считаю необходимым пояснить свою позицию настоящей запиской.

Видит Бог, я принадлежу к числу тех людей, для которых будет высшей радостью тот момент, когда восторжествует справедливость, будет посрамлено и осуждено зло и останки российского императора-мученика Николая Александровича Романова и членов его Семьи будут погребены со всеми подобающими почестями и Молитвой. Я искренне верю также, что обязательно совершится когда-нибудь и благословенный акт причисления их к лику Святых Русской Православной Церкви.

Было бы по меньшей мере странным не оценивать самым положительным образом результаты генетических и других исследований, проведённых отечественными и зарубежными специалистами и приближающих идентификацию останков Царя и его Семейства к предельным степеням достоверности. Самой похвальной оценки, на мой взгляд, заслуживает деятельность членов Государственной комиссии.

Но, если мы, несмотря на всё это, спросим себя честно: **всё ли сделано для того, чтобы не произошла ошибка** *, негативные по-

* Здесь и далее выделено автором — *А.Г.*

следствия которой просто невозможно себе вообразить? Уверены ли мы, что Все Главные тайны гнусного преступления стали нам доступными? Убеждены ли мы, что разгадали все иезуитские построения убийц? Остаются ли через это сомнения в главном: **царя ли будем хоронить в царской усыпальнице?**

На мой взгляд, если мы будем честно отвечать себе на вышепоставленные вопросы, то признаем: **да, сомнения остаются!**

Ведь это непреложный факт: у оппонентов не один и не два, а целая система аргументов, которые, с моей точки зрения, нельзя просто так сбросить со счёта. Пусть эти доводы кому-то кажутся несущественными, но к ним нужно отнестись с величайшей серьёзностью. Лично для меня они достаточно весомы. Нужно дать сомневающимся убедительные ответы, неопровержимыми доказательствами парировать их возражения!

Надо в полной мере оценить ту истину, что общественное мнение, рядовой обыватель будут воспринимать решение комиссии не только и не столько на основе изящных генетических категорий, а прежде всего на уровне обыденного сознания, ясных и всем понятных доводов, без очевидных недомолвок.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что вокруг решения комиссии после его обнародования безусловно разгорится политическая борьба, и поэтому оно должно быть во всех отношениях устойчиво.

Особо тщательно следует рассмотреть соображения представителей зарубежной комиссии. У них не должно остаться даже малейших подозрений по отношению к объективности и чистоте научных выводов по исследуемой проблеме.

Нельзя принимать окончательного решения, не сняв остающиеся проблемы.

Мы имеем тот случай, когда спешка, стремление во что бы то ни стало получить результат к заранее определённом сроку, азарт славы, желание быстрее поиметь политический успех абсолютно противопоказаны. **Лучше ещё сто раз перепроверить, чем один раз на весь мир оскандалиться** и вместо благого дела получить на века феномен **исторического недоверия**.

И последнее, самое важное. С моей точки зрения, мы не вполне осознаём, в какую бездну нравственного риска и морального ущерба подталкиваем Русскую Православную Церковь — главную и

единственно оставшуюся у нас хранильницу национального духовного здоровья, **если вдруг мы ошибёмся.**

Что такое по сравнению с этим конфуз отдельного лица или всей комиссии в целом?!

Таковы, уважаемый Юрий Фёдорович, на сегодня мои сомнения.

Искренне — В. БРАГИН

заместитель министра культуры РФ, член комиссии

Приложение 21

И.о. Генерального прокурора Российской Федерации

А.Н. Ильюшенко

28 октября 1994 г.

Уважаемый Алексей Николаевич!

28 октября 1994 года состоялось заседание Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи.

В ходе обсуждения информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации членами комиссии был поднят ряд вопросов, относящихся к компетенции Генеральной прокуратуры.

В частности в связи с публикацией книги «Идентификация останков царской семьи Романовых». Санкт-Петербург, 1994 г. (автор-профессор Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии В.Л. Попов) прошу Вас рассмотреть вопрос о правомочности в соответствии с действующим законодательством использования данным автором материалом и результатов исследований, проведённых большой группой известных московских специалистов (В.О. Плаксин, С.С. Абрамов, С.А. Никитин и др.) без их согласия и ссылок на их авторство.

По мнению Комиссии, появление подобных публикаций создаёт неверное представление у широких слоёв общественности и подспудно подводит к выводу о завершении следственных мероприятий, в то время как следствие по уголовному делу об убийстве Николая II и членов его семьи продолжается.

О результатах рассмотрения прошу меня проинформировать.

Заместитель Председателя Правительства

Российской Федерации

Председатель Комиссии по изучению вопросов,

связанных с исследованием и перезахоронением останков
российского императора Николая II и членов его семьи.

Ю. ЯРОВ

Приложение 22

Генеральная Прокуратура Российской Федерации
06.02.1995

Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации *Ярову Ю. Ф.*

Уважаемый Юрий Фёдорович!

Ваша просьба оценить правомерность использования профессором Санкт-Петербургской военно-медицинской академии Поповым В.Л. в опубликованной им книге «Идентификация останков царской семьи Романовых» (судебно-стоматологические и судебно-баллистические исследования) материалов и результатов исследований, проведённых группой специалистов, без их согласия и ссылок на их авторство, рассмотрена с привлечением специалистов.

В связи с обнаружением и изъятием 11–13 июля 1991 года останков группового захоронения в районе Мостоотряда № 72 города Свердловска старшим помощником прокурора Свердловской области Волковым П.А. 8 августа 1991 года была назначена комплексная комиссионная судебно-медицинская и медико-криминалистическая экспертиза. Провести экспертизу было поручено Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации на базе Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Главному судебно-медицинскому эксперту Бюро Плаксину В.О. предложено включить в состав экспертной комиссии ведущих экспертов и специалистов. Для работы в числе других была привлечена группа петербургских экспертов под руководством начальника кафедры судебной медицины военно-медицинской академии им. С.М. Кирова доктора медицинских наук, профессора Попова В.Л. Комиссии было поручено исследовать стоматологический статус и огнестрельные повреждения скеле-

тов, чтобы использовать результаты в заключении комиссионной экспертизы.

Эксперты группы Попова В.Л. начиная с мая 1992 года дважды выезжали в город Екатеринбург для исследования костных объектов. Результаты своих исследований оформили отдельным заключением и передали в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

В июле 1994 года в Санкт-Петербурге была издана книга Попова В.Л. «Идентификация останков царской семьи Романовых» (судебно-стоматологические и судебно-баллистические исследования). Из её содержания и материалов, представленных Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздравмедпрома Российской Федерации, следует, что при написании книги автор использовал не только результаты проведённых лично им исследований, но и данные, полученные другими экспертами. Кроме того, Попов В.Л. заимствовал из материалов заключения основной экспертной комиссии изображение черепа скелета и фотоснимка Романовой А.Ф., схематическое изображение скелетов, дав свои обозначения к ним.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, Генеральная прокуратура Российской Федерации всё же вынуждена признать, что Попов В.Л. не может быть признан нарушителем авторских прав. Во-первых, в статье 7 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», в которой перечислены произведения, являющиеся объектами авторского права, не указаны материалы судебных экспертиз. Во-вторых, в опубликованной работе Попов В.О. делает ссылку на то, что он конспективно излагает фрагменты другой экспертизы.

По указанным причинам отсутствуют основания для признания в действиях Попова состава преступления, предусмотренного ст. 141 УК РСФСР. Использование им указанных материалов без согласования с членами другой экспертной группы свидетельствует лишь о неэтичности автора книги.

В то же время решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации по этому вопросу не лишает экспертов, считающих, что их права нарушены, обратиться за защитой своих прав в суд.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации
В.И. ДАВЫДОВ

Приложение 23

Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации
Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
российского императора Николая II и членов его семьи
Ю.Ф. Ярову
22 мая 1995 г.

Уважаемый Юрий Фёдорович!

В соответствии с решением комиссии от 12 апреля 1995 года рядом членов комиссии (митрополита Ювеналия, В.О. Плаксина, О.И. Гайданова, А.Е. Сафонова, А.К. Голицына, Р.Г. Пихоя, В.В. Алексеева) представлены предложения по завершению работы комиссии.

Направляю Вам на рассмотрение перечень обобщённых предложений.

1. Провести судебно-медицинскую экспертизу черепа, предположительно Николая II с целью установления следующих факторов: имеются ли там следы повреждений, вызванных ранением Николая II в 1891 году в Японии, сопоставить данные судебно-медицинской экспертизы с документами, представленными Государственным архивом Российской Федерации (Р.Г. Пихоя).

2. Просить Генеральную прокуратуру России провести дополнительные поиски места сожжения трупов наследника Алексея и одной из великих княжон под Екатеринбургом и дать окончательный ответ на вопрос о причинах отсутствия двух останков на месте масового захоронения под Екатеринбургом (Р.Г. Пихоя, митрополит Ювеналий).

3. Обеспечить получение доступа к сундучку Н. Соколова, ознакомление и использование в следственном деле полных экземпляров следствия Н. Соколова, находящихся за рубежом. В этой связи решить вопрос об обмене коллекции документов следователя Н. Со-

колова на семейный архив герцогов Лихтенштейнских, хранящийся в России (Р.Г. Пихоя, митрополит Ювеналий).

4. Провести молекулярно-генетическую экспертизу останков Г.А. Романова в США и сопоставление её с результатами ранее проведённых исследований (митрополит Ювеналий, О.И. Гайданов, В.О. Плаксин).

5. Активизировать сотрудничество с Российской зарубежной экспертной комиссией с целью получения от неё необходимых и важных для дела вещественных доказательств. Обеспечить приглашение на заседание комиссии члена Зарубежной экспертной комиссии князя А.П. Щербатова (митрополит Ювеналий, А.К. Голицын).

6. Провести сравнительный анализ антропологических измерений останков и медицинских характеристик, полученных в ходе проведения экспертизы, с данными медицинских освидетельствований всей царской семьи, полученных в ходе ежедневных и многолетних осмотров их разными врачами (митрополит Ювеналий, В.В. Алексеев).

7. Сопоставить молекулярно-генетический анализ крови Т.Н. Куликовского-Романова с подобными анализами, полученными по екатеринбургским останкам (митрополит Ювеналий).

8. Подготовить публикацию официального заключения по результатам следствия (митрополит Ювеналий).

9. Провести анализ выводов следствия правительства адмирала Колчака о полном уничтожении всей царской семьи. Предоставление мировому общественному мнению неопровержимых данных, касающихся судьбы тел расстрелянной царской семьи, на основании полученных результатов следствия и публично высказать позицию относительно возможности или невозможности «ритуального убийства», об «отрезанных головах», якобы отправленных в Кремль (митрополит Ювеналий, А.К. Голицын).

10. Провести источниковедческий анализ всех документов, взятых следствием за основу разрабатываемых им версий, в частности историческую и графологическую экспертизу записок Юровского (митрополит Ювеналий, А.К. Голицын).

11. Провести повторную стоматологическую экспертизу (В.В. Алексеев).

12. Обеспечить выполнение дополнительных идентификационных исследований по результатам пластической реконструкции внешности по черепам (В.О. Плаксин).

13. Выполнить антропометрические и остеологические исследования, а также проверочные идентификационные исследования для окончательного решения вопроса персонификации скелетов (В.О. Плаксин).

14. Организовать получение окончательного заключения, выполненного зарубежными экспертами, в частности, Р. Хелмером и Р. Мейплсом (В.О. Плаксин, О.И. Гайданов).

Представляется целесообразным внести на рассмотрение комиссии (на заседании в июне с.г.) данный перечень с целью определения первоочередных мероприятий.

Прошу Вашего согласия.

Ответственный секретарь комиссии А. СЕБЕНЦОВ

Приложение 24

Генеральная Прокуратура РФ
5 октября 1995 г.

Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации *Ярову Ю.Ф.*

Уважаемый Юрий Фёдорович!

Обращение Председателя судебно-медицинской экспертной комиссии Плаксина В.О. о необходимости возобновления следствия по уголовному делу о гибели царской семьи и назначении независимой судебно-стоматологической экспертизы в Генеральной прокуратуре Российской Федерации рассмотрено.

В ходе расследования уголовного дела отечественными и зарубежными специалистами проведены многочисленные экспертные исследования, по результатам которых сделан однозначный вывод о принадлежности обнаруженных в 1991 году в окрестностях г. Екатеринбурга останков девяти человек последнему российскому императору Николаю II, его жене, трём дочерям, их личному врачу и трём слугам.

15 сентября 1995 года Генеральной прокуратурой Российской Федерации составлено заключение о проведённых идентификационных исследованиях и в тот же день уголовное дело о гибели царской семьи производством прекращено, так как основная задача расследования — идентификация костных останков — выполнена.

5 октября 1995 года в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялась встреча с Главным судебно-медицинским экспертом Минздравмедпрома России Томилиным В.В. и Плаксиным В.О., в ходе которой были обсуждены вопросы, затронутые в обращении. Признано, что решение о прекращении дела не препятствует проведению дополнительных исследований и приобщению

их результатов, а также других документов к материалам уголовного дела.

С учётом изложенного необходимости в возобновлении расследования не имеется.

Заместитель Генерального прокурора РФ О.И. ГАЙДАНОВ

Главный судебно-медицинский эксперт

Минздравмедпрома России

Заслуженный деятель науки РФ профессор В.В. ТОМИЛИН

Председатель судебно-медицинской

экспертной комиссии В.О. ПЛАКСИН

Приложение 25

Юрию Феодоровичу Ярову
Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации

Уважаемый Юрий Феодорович!

Консул федерального русского правительства в Нью-Йорке мне передал Ваше письмо. В нём содержится три пункта, на которые я считал своим долгом ответить как Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви.

Ваше письмо говорит о заботе Вашего правительства исторически выяснить, кто был фактическим виновником этой страшной трагедии, убийства царской семьи, ставя справедливо всё это злодеяние как уголовное преступление. Перед лицом не только русского народа, но теперь и перед мировой общественностью, это сделать необходимо. Для сего нужно хронологически вернуться к 1917–1918-м годам, и после крушения монархического строя посмотреть, на какие новые законы и какими законами действовало новое советское большевистское правление. Сразу же бросается в глаза всякого беспристрастного историка-исследователя, что беспорядочным повелителем, вдохновителем и вершителем всех деяний был сам Ленин. Немыслимо даже подумать, что в то лихое и страшное время кто-либо другой мог бы дерзнуть уклониться от гипнотической воли Ленина, настолько последний вырос в негласного диктатора во всей большевистской партии. А это и значит, что Ленин и является настоящим убийцей всей царской семьи и их добровольных спутников.

Об этом следовало бы объявить на всю Россию и как можно скорее похоронить его жалкий прах там, где он сам завещал это сделать своим жутким сотрудникам. Довольно держать его труп на позор всей России на Красной площади нашей древней столицы.

Второй вопрос, какое наше отношение к «мнимым» останкам (кавычки наши) царской семьи? Более 40 лет тому назад мы совер-

шили, очень торжественно, заочное отпевание всех Царственных Мучеников в храме их памяти в Брюсселе, а затем прославили их вместе со всеми Новомучениками Российскими. Исторически для нас повернулась безвозвратно ещё одна очень страшная страница истории нашей родины. Духовно же царские мученики всегда для нас живы, и мы просим их святых молитв перед престолом Божиим и за нас всех, ещё живущих в этой юдоли плачевной, и за нашу растерзанную и поруганную, несчастную родину. И только от Господа мы ожидаем, если угодно будет Его святой воле, чудесно явить нам их святые мощи или что осталось от них. И больше ни от кого мы ничего не ожидаем.

Наконец, ковчежец, содержащий какие-то крохи от царственных мощей, переданные нам комиссией следователя Соколова, содержится в храме-памятнике в Брюсселе как святыня, и никак мы не можем и не смеем передать его какой бы то ни было комиссии.

Примите заверение в нашем благожелании Вам, Юрий Феодорович, в предпринятом Вами историческом исследовании.

МИТРОПОЛИТ ВИТАЛИЙ

Приложение 26

Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением
останков Императора Николая II и членов Его Семьи
В.Г. Кинелёву

1. Считаю целесообразным пригласить на заседание Комиссии историка и архивного учёного Юрия Алексеевича Буранова, который на протяжении многих лет изучает документы, связанные с убийством Царской Семьи и последующей судьбой останков. Ю.А. Буранов является автором ряда книг и многих публикаций по этой проблеме.

В данном случае, с моей точки зрения, для Комиссии представляют несомненный практический интерес исследования Ю.А. Буранова, связанные с «Запиской Юровского».

2. В июне сего года журнал «Православная Русь», издающийся в США, перепечатал материал из газеты «Русский вестник» (копию прилагаю), на который, я думаю, Комиссия должна обратить внимание и потребовать от редакции «вестника» объяснения и подтверждения подлинности изложенных в газете фактов. Если таковыми редакция не располагает, то следует обязать газету публично признать эти сведения заведомо ложными, направленными на введение в заблуждение широкого круга читателей, в том числе и зарубежного, и наносящими Государственной Комиссии серьёзный моральный урон.

По поводу этой публикации мне уже приходилось иметь дело с реакцией из среды русской эмиграции.

Член Комиссии А. ГОЛИЦЫН

Приложение 27

Российская академия наук Уральское отделение
Институт истории и археологии
25.09.1997

Председателю Комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
императора Николая II и членов его семьи,
Первому вице-премьеру Правительства
Российской Федерации *Б.Е. Немцову*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О необходимости исторической экспертизы
обстоятельств расстрела и захоронения семьи Романовых

11–13 июля 1991 года Администрацией Свердловской области (Э.Э. Россель) и созданным ею общественным фондом «Обретение» (доктор геолого-минералогических наук А.Н. Авдонин) было вскрыто близ Екатеринбурга неизвестное захоронение, в котором предположительно находились останки Николая II и членов его семьи. Раскопки проводила оперативно-следственная группа из работников милиции, суда и прокуратуры, не имевшая опыта подобных исследований; они велись в непрерывный дождь в болотистой местности, без соблюдения правил ведения археологических работ; были проведены в ошеломляюще короткий срок (за 2,5 дня). Вследствие этого была утрачена возможность установления точного времени и обстоятельств захоронения. Раскопки, по мнению журнала Русской православной церкви за рубежом «Возвращение», имели «характер конъюнктурной спекуляции», за которой «улавливается гром мировой сенсации».

Вскоре обнаружилось, что Администрация области и фонд «Обретение», организовавшие раскопки, не имели ясного представления ни о сложности и запутанности событий, связанных с гибелью се-

мьи Романовых, ни об ожидавших их трудностях с идентификацией найденных костных останков. Судебно-медицинская экспертиза российских специалистов, возглавляемая начальником бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ В.О. Плаксиным, проводившаяся в 1991–1992 годах, не смогла привести доказательств принадлежности останков именно царской семье. Не пролило свет на проблему и расследование прокурора В. Соловьёва, проведённое по возбуждённому Генеральной прокуратурой РФ уголовному делу по обстоятельствам гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения, осуществлённое в 1993–1995 годах. Не привела убедительных аргументов о принадлежности найденных костных останков группа экспертов из США, возглавлявшаяся профессором В. Мэйплзом. Не дали бесспорных доказательств о принадлежности костных останков царской семье и две молекулярно-генетические экспертизы, проведённые в научном центре в Олдермастоне (Англия) и в Военной лаборатории в Роквиле, штат Мэриленд (США).

Главная причина безрезультатности всех вышеназванных расследований и экспертиз заключается в том, что они не опираются на данные исторической экспертизы; у экспертов отсутствовал сравнительный материал (медицинские данные, антропологические измерения и т. п.), который позволил бы сделать определённые выводы, с уверенностью идентифицировать найденные останки. Предложения историков выполнить историческую экспертизу, собрать медицинские материалы, необходимые для научной идентификации, высказанные после вскрытия захоронения, тогда были оставлены без внимания как излишние и напрасно затягивающие решение проблемы. С тех пор прошло уже шесть лет, а найденные близ Екатеринбурга неизвестные костные останки в результате такого подхода до сих пор остаются не идентифицированными (случай беспрецедентный в мировой практике). Между тем незахороненные останки разлагаются, и проведение над ними новых криминалистических и судебно-медицинских экспериментов (например, трасологической и баллистической и др. экспертиз), а также и сама идентификация скоро станут невозможными.

Совершенно очевидно, что для подлинно научной экспертизы, результаты которой были бы **бесспорными, неопровержимыми и**

окончательными^{*}, позволили бы окончательно идентифицировать найденные близ Екатеринбурга костные останки, необходима ИСТОРИЧЕСКАЯ экспертиза, которая:

1) собрала бы, обработала и систематизировала сравнительные материалы (медицинские данные о членах царской семьи и лиц из их окружения, о перенесённых ими болезнях, их антропологических измерениях, их стоматологическом статусе, особенностях в их жизни и быте и т. п.), позволяющие идентифицировать найденные костные останки. Эти данные, так необходимые экспертам всех уровней, имеются в архивах в виде медицинских карт, записей врачей, наблюдений лиц, знавших царскую семью и их слуг. Особенно ценны в этом отношении были бы записи лейб-медика царя Е.С. Боткина (хранящиеся в российских архивах) и лечившего царскую семью дантиста Кострицкого (хранящиеся за рубежом), до настоящего времени не разысканные. Как известно, царскую семью обслуживала медицинская бригада, состоящая из 37 врачей, медицинские осмотры проводились ежедневно;

2) собрала бы, обработала и систематизировала документы, позволяющие реконструировать обстоятельства расстрела Николая II и членов его семьи в 1918 году.

Для проведения исторической экспертизы, которая создала бы комплекс документов и материалов, необходимых для научной идентификации найденных близ Екатеринбурга костных останков, требуется:

1) подвергнуть систематическому сплошному исследованию фонды Министерства императорского двора и Канцелярии членов императорского дома, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в С.-Петербурге, и фонды Романовых и свиты императорского дома, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве. Для проведения этих исследований группой научных сотрудников нашего института потребуется финансирование на сумму в 60–80 млн. рублей;

2) желательно было бы с этой целью ознакомиться также с зарубежными архивами, имеющими материалы о царской семье Романовых, а именно: документы Походной канцелярии Главы импера-

^{*} Выделено автором — А.Г.

торского дома (Англия) и архивами Гарвардского и Стенфордского университетов (США). Для командирования в Англию и США научных сотрудников нашего института потребуется сумма в 12–15 тыс. долларов США. Сметы расходов будут представлены по первому Вашему требованию.

Для осуществления всей этой работы у института имеется достаточный опыт и большое количество уже опубликованных работ, которые систематически посылались в Комиссию. Осуществление исторической экспертизы позволило бы окончательно решить проблему найденных в 1991 году близ Екатеринбурга костных останков, чрезвычайно затянувшаяся идентификация которых подрывает авторитет России в глазах мировой общественности.

Член Комиссии, директор Института
истории и археологии УрО РАН,
академик РАН В. АЛЕКСЕЕВ

Приложение 28

Генеральная прокуратура Российской Федерации
03.11.1997

Председателю комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи
Первому вице-премьеру Правительства Российской Федерации *Немцову Б.Е.*

Уважаемый Борис Ефимович!

В адрес Правительственной комиссии поступило письмо от директора Института истории и археологии УрО РАН академика РАН Алексеева В.В. о необходимости исторической экспертизы обстоятельств расстрела и захоронения семьи Романовых силами специалистов Института истории и археологии УрРАН.

Предложения о проведении исторической экспертизы ранее неоднократно ставились Алексеевым В.В. на Комиссии и мотивировались недостаточной проработкой вопросов о гибели царской семьи специалистами историками, судебными медиками и другими.

По ряду причин это предложение не может быть поддержано органами следствия.

Прежде всего не ясен предмет «экспертизы».

Предложение Алексеева В.В. сводится к тому, что должна быть создана комиссия из сотрудников Института истории и археологии Урала, которая, по-видимому, будет дублировать Правительственную комиссию, следствие и результаты работы которой могут претендовать на «бесспорные», «неопровержимые» и «окончательные».

Работа, которую В.В. Алексеев предлагает провести в рамках «исторической экспертизы», систематически проводится Правительственной комиссией и органами следствия. Вопросы, поставленные в письме Алексеева В.В., в основном разрешены.

В ходе экспертных исследований получены бесспорные данные о принадлежности останков семье императора Николая II

Проведена большая работа по поиску медицинских документов в отношении членов царской семьи и лиц, расстрелянных одновременно с ними. В 1992–1995 годах с участием специалистов в области судебной медицины изучены фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. Получены ценные материалы для проведения идентификационных исследований. Так, в ГАРФе обнаружены подлинные медицинские документы, связанные с ранением Николая II в область головы в 1891 году в Японии, фотографии, по которым проводилась идентификация останков, а также такие, на которых проявились особенности стоматологического статуса членов императорской семьи. В Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга обнаружены ранее не известные фотографии слуг — Харитоновы, Труппа, Демидовой, благодаря которым стала возможной идентификация их останков. Исследованы фонды Государственного исторического музея в Москве, Государственных музеев Революции в городах Москве и Санкт-Петербурге, Государственного Эрмитажа, музеев Царского Села, Петергофа, Гатчины, Павловска, многих других музеев, большое количество архивных собраний городов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тюмени, Новосибирска, Тобольска, Томска и других городов, архивов МИДа, Министерства обороны, ФСБ, Генеральной прокуратуры. Проведена работа в архивах Великобритании, США, Австрии, Германии, Лихтенштейна и других государств.

Несмотря на обилие медицинских документов, связанных с царской семьёй, лишь небольшое число их может быть использовано для идентификационных исследований. В известных нам, как правило, не содержится данных о стоматологическом статусе, антропологических обмерах и т.п. Так, например, записи лейб-медика Е.С. Боткина содержат сведения о жалобах на здоровье, показателях пульса и другие, не имеющие значения для дела. С помощью МИДа получены бумаги зубного врача Кострицкого, изучены материалы, представленные им в ходе проведения процесса по Анне Андерсон в Германии, проведены встречи с его прямым потомком С. Кострицким-Пельцером, проживающим во Франции. Никаких

данных о стоматологическом статусе императорской семьи при этом получено не было.

Ведётся работа по реконструкции событий, связанных с расстрелом и захоронением царской семьи. С этой целью в настоящее время проводится изучение большого количества подлинных документов следователя Н.А. Соколова, переданных князем Лихтенштейна Хансом-Адамом II в ГАРФ.

Документы о гибели царской семьи, находящиеся в архивах Гуверовского института, Гарвардского и Стенфордского университета (США), достаточно известны в научном мире. Значительное количество их опубликовано. Большая часть документов (в копиях) находится в ГАРФе, доступна членам комиссии и органам следствия. При необходимости интересующие бумаги могут быть получены в копиях через Росархив.

Документы из архива Миролюбова, приведённые в приложении Алексеевым В.В., дополняют материалы следственного дела Соколова Н.А., но не имеют самостоятельного значения. В них содержится версия о «чудесном спасении» царской семьи, которая тщательно проверялась и была отвергнута как не соответствующая действительности ещё в 1919 году. Какого-либо серьёзного подтверждения эта версия до настоящего времени не получила.

Ссылки на новые исторические источники, используя которые можно решить вопросы идентификации, в обращении В.В. Алексеева не приводится.

На наш взгляд, проведение «исторической экспертизы» нецелесообразно, поскольку все вопросы, указанные в письме Алексеева В.В., специально рассматриваются Правительственной комиссией и органами следствия с привлечением специалистов.

Старший прокурор-криминалист
главного следственного управления
Генеральной прокуратуры РФ В.Н. СОЛОВЬЁВ

Приложение 29

Государственный музей истории Санкт-Петербурга
05.11.1997

Заместителю начальника управления
по охране недвижимых памятников
Министерства культуры РФ *Г.В. Коробовой*

Ознакомившись с докладной запиской Института истории и археологии Уральского отделения РАН «О необходимости исторической экспертизы расстрела и захоронения семьи Романовых», считаем нецелесообразным предлагаемых с этой целью действий в силу следующих причин:

1. Исходные положения записки, по своей сути, содержат голословное отрицание всей ранее проделанной следственной и судебно-медицинской работы на том основании, что данные следствия и многочисленных экспертиз порознь не дают бесспорных доказательств принадлежности обнаруженных близ Екатеринбурга останков членам Августейшей семьи и свиты. О характере и составе проведённых исследований автор письма полного представления, по-видимому, не имеет, указывая на отсутствие трасологической и баллистической экспертиз.

Тем не менее, с одной стороны, им ставится под сомнение научная добросовестность экспертов в вопросе сбора необходимых для идентификации историко-медицинских материалов, с другой стороны, не принимается во внимание то обстоятельство, что сведение воедино всех данных экспертиз и следствия делает опознание останков предельно и достаточно возможным.

2. Предлагая провести своими силами «Историческую экспертизу», ИИА УО РАН предлагает нечто иное, как повторить уже проделанную работу по обобщению ранее собранных данных, ставя при этом перед собою заведомо недостижимую цель выявления новых «медицинских данных и антропологических измерений», позво-

ляющих с уверенностью идентифицировать кальцинированные костные останки со множественными утратами (как то: записки придворного дантиста «до настоящего времени не разысканные», но «хранящиеся за рубежом»).

3. Прилагаемые «Материалы о гибели царской семьи» представляют собою отголоски версии, отработанной и отвергнутой следствием ещё весной 1919 года. Считаем, что вместо «Исторической экспертизы» необходимо выполнить повторное тщательное археологическое обследование места обнаружения останков, конечно, если это до сих пор не сделано, и позаботиться о консервации останков, если они действительно «разлагаются».

Директор музея Б.С. АРАКЧЕЕВ

Приложение 30

Аппарат правительства Российской Федерации
13 октября 1997 г.

А.К. Голицыну

В адрес комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, поступило письмо директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН, члена комиссии В.В. Алексеева, в котором он предлагает провести дополнительную историческую экспертизу обстоятельств расстрела и захоронения семьи Романовых.

По мнению В.В. Алексеева, осуществление указанной экспертизы позволит окончательно решить проблему идентификации костных останков, найденных под Екатеринбургом в 1991 году. Проведение исследований предлагается возложить на Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. По предварительным расчётам на эти цели потребуются средства в размере 60–80 млн. руб. и 15 тыс. долларов США.

Прошу рассмотреть и сообщить Ваше мнение.

Заместитель Руководителя
Аппарата Правительства Российской Федерации
ответственный секретарь комиссии по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
российского императора Николая II и членов его семьи
А. СЕБЕНЦОВ

Приложение 31

В Комиссию по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
русского Императора Николая II и членов его Семьи
20 октября 1997 года

От члена Комиссии А.К. ГОЛИЦЫНА

С первых дней работы Государственной Комиссии я придерживаюсь той точки зрения, что все обстоятельства, все возможные варианты и версии, которые так или иначе имеют отношение к убийству Царской Семьи, к сокрытию трупов и к нахождению захоронения группой Рябова — Авдонины, Комиссия должна тщательно и всесторонне исследовать, совершенно беспристрастно, понимая возложенную на Комиссию историческую ответственность.

Комиссия обязана учитывать те последствия, которые непременно будут иметь место, если останется повод для уязвления выводов Комиссии в недобросовестности и, что гораздо серьезнее, в заданной предвзятости.

Не берусь судить о претензиях, высказанных академиком В.В. Алексеевым по поводу заключений, к которым привели медицинские исследования. Это дело профессионалов и специалистов. Но то, что Комиссия в своей работе за три года обошла вниманием вопросы историко-психологического характера (хотя неоднократно эти вопросы на заседаниях Комиссии поднимались) — это, к сожалению, факт, и факт огорчительный.

Я полностью разделяю обеспокоенность этими обстоятельствами академика В.В. Алексеева и полностью поддерживаю, с моей точки зрения, весьма убедительное его предложение о проведении серьезной, обстоятельной, научной и беспристрастной исторической экспертизы.

Приложение 32

П.Н. Колтыпину-Валовскому
Париж, 12 мая 1994 года

Дорогой Пётр Николаевич!

Вы должны были подумать — прежде чем посылать Ваш «Меморандум» в комиссию Ярова. Я впервые слышу, что Вы организовали отдельную зарубежную комиссию, не поставив нас даже в известность об этом.

Я посетила уже давно в Москве разные учреждения, занимающиеся этим вопросом, и достаточно хорошо осведомлена об их трудной работе и достигнутых результатах. Поэтому Вы могли, прежде чем обращаться в комиссию, обратиться ко мне и узнать наше мнение по этому вопросу, а не ставить меня в известность задним числом, да ещё когда дата погребения уже почти была выбрана.

Всё, что Вы пишете, основано на догадках и слухах. Я сомневаюсь, что комиссия в Москве примет это всерьёз и предоставит Вам важную и секретную информацию. По вопросам же, которые Вы задаёте, видно, что Вы просто хотите играть какую-то роль в расследовании. Получается так, что Вы затягиваете решение вопроса, не предлагая ничего конкретного, поддерживая таким образом «деятелей» вроде Куликовской. А останки Царской Семьи до сих пор валяются в шкафах и не погребены там, где положено.

Своим вмешательством Вы только вводите в сомнение неосведомлённых людей, и это сильно вредит делу.

Если у Вас есть конкретные и реальные доказательства, что останки не подлинные, то представьте эти доказательства немедленно и нам и комиссии Ярова. Вы не специалист, чтобы советовать государственной комиссии, как проводится судебная экспертиза. И все эти пустые разглагольствования сегодня очень вредны.

Мемуары ещё никогда ничего не доказывали, и Вы сами к тому же это пишете. И при чём тут статья из «Русской мысли» о сего-

дняшней жизни в России, когда речь идёт о погребении останков Царской Семьи?

В параграфе 3 и далее Вы опять же излагаете чистые слухи и домыслы, не имея в руках никаких доказательств или опровержений.

Единственное, с чем я согласна, это, что следовало сравнить ДНК. обнаруженных останков с останками вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. Хотя сомневаюсь, что не возникнет препятствий со стороны Королевского дома Дании и любимого Вами склада.

Таково моё мнение по поводу Вашего неосмотрительного вмешательства и ещё более неосмотрительной поддержки князя Голицына.

ЛЕОНИДА

Е.И.В. Великая Княгиня Леонида Георгиевна

Приложение 33

Князю *А.К. Голицыну*
Париж, 16 мая 1994 года

Дорогой князь Андрей Кириллович,

Я подробно изучила всё «знаменитое» письмо Колтыпина в комиссию Ярова, а также Ваше выступление, сделанное, по-видимому, под его влиянием. Колтыпин не приводит никакой конкретной информации, подтверждённой фактами, и это письмо ко всему прочему оттянуло решение о дне погребения останков. Если не меня, то хотя бы Главу Императорского Дома Вы могли запросить о её мнении, а потом уже, зная о нём, поступать по Вашей совести. Посылаю Вам мой ответ Колтыпину, из которого Вы узнаете наше мнение по данному вопросу. 21 мая состоится заседание комиссии Ярова, на котором будет предложен новый день — 6 декабря, день Тезоименитства Государя. Полагаю, что Вы хорошо обдумаете все факты и общую ситуацию, прежде чем снова выступать. Лучше всего заявить, что Вы проверили достоверность «писаний» Колтыпина и обнаружили их полную несостоятельность.

Надеюсь, что Вы хорошо провели Светлый праздник Пасхи Христовой.

Сердечный привет Вашей супруге и целую Машеньку.

ЛЕОНИДА
Е.И.В. Великая Княгиня Леонида Георгиевна

Приложение 34

Первому Заместителю Председателя Правительства
Российской Федерации *Б.Е. Немцову*
20 января 1998 года

Уважаемый Борис Ефимович!

В преддверии предстоящего перезахоронения священных останков Императора Николая Второго и Членов Его Семьи Я, зная Ваше искреннее стремление отдать долг памяти Царственным Мученикам, обращаюсь к Вам с просьбой в очередной раз довести до сведения Президента и всех государственных деятелей, причастных к решению этого вопроса, мнение Императорского Дома. Мы глубоко убеждены, что убиенная Императорская Семья, согласно её воле, должна найти место вечного упокоения только в Родовой Усыпальнице — Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Верных слуг и приближённых, разделивших ссылку и смерть вместе со своими Государями, по старинной православной русской традиции следовало бы похоронить рядом со стеной Императорской Усыпальницы.

Было бы также чрезвычайно символично, если бы эта скорбная и торжественная церемония была приурочена к Прощёному Воскресению, когда наша Святая Церковь воссылает к Богу сугубые молитвы о всеобщем мире и христианской любви. Именно в такой духовной атмосфере, не омрачённой политическими страстями, должно состояться погребение Императорской Семьи.

Примите, уважаемый Борис Ефимович, заверение в наших самых искренних чувствах и благодарности за Ваше постоянное внимание.

МАРИЯ

Е.И.В. Великая Княгиня Мария Владимировна

Приложение 35

Москва. 5 ноября 1997 года. ИНТЕРФАКС — Останки членов царской семьи должны быть захоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, считают представители российского императорского дома. Об этом говорится в переданном в «Интерфакс» заявлении собственной канцелярии главы Российского императорского дома Великой княгини Марии Владимировны.

«В связи с продолжающимся распространением ложных слухов о позиции императорского дома в вопросе захоронения останков Императора Николая II и членов его семьи Канцелярия в очередной раз извещает, что императорский дом неизменно стремится к тому, чтобы Царственные мученики были погребены в согласии с их волей в Петропавловском соборе», — указывается в заявлении.

Как отмечается в документе, родовая усыпальница династии Романовых в Петропавловской крепости со времён Петра Великого является традиционным местом погребения членов российского императорского дома.

«Глава Российского императорского дома Великая княгиня Мария Владимировна, Великая княгиня Леонида Георгиевна и Великий князь Георгий Михайлович считают, что окончательное решение вопроса с погребением останков Царской семьи не может зависеть ни от кого, кроме президента России Бориса Ельцина», — говорится в заявлении.

Представители российского императорского дома выражают надежду, что «их мнение будет доведено до Президента России».

Приложение 36

РЕЗОЛЮЦИЯ

Общественных слушаний по «екатеринбургским останкам»
Гербовый зал Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
Москва, 21 мая 1998 г.

Заслушав доклады и выступления ведущих экспертов, специалистов, общественных и религиозных деятелей, участники Общественных слушаний приняли следующую резолюцию:

1. Признать решение Правительства РФ об идентификации «екатеринбургских останков» с членами семьи последнего российского императора Николая Романова, принятое на основе мнения нескольких назначенных чиновников и следователя, противоречащим основам правового государства и общемировой практике: подобное решение является прерогативой судебной власти.

2. Вопрос о проведении символического государственного ритуала захоронения жертв гражданской войны имеет общенациональное значение. В связи с этим признать характер работы Правительственной комиссии и процедуру принятия решения самим Правительством РФ недемократичными, направленными на скрытие от широкой общественности, от народа России подлинных фактов екатеринбургской трагедии. Данное обстоятельство объективно ведёт к усилению раскола в обществе и восстановлению гражданского противостояния на момент расстрела членов семьи Романовых в 1918 году.

3. Поддержать позицию Священного Синода Русской Православной Церкви.

4. Признать выводы экспертов Комиссии Правительства РФ по ряду принципиальных позиций бездоказательными и не выдерживающими критики с иных позиций. Считать необходимым проведение дополнительного гласного расследования.

5. Обратиться к Президенту России Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства России С.В. Кириенко, Государственной Думе РФ,

Совету Федерации РФ, Святейшему Патриарху Алексию II и Священному Синоду Русской Православной Церкви, Генеральному прокурору РФ Ю. Скуратову и довести до них данную резолюцию. На сегодня главное — не разрушить хрупкий гражданский мир в нашем обществе, не допустить нового противостояния, не возбудить политическими спекуляциями новой смуты.

Председатели оргкомитета Общественных слушаний
по «екатеринбургским останкам»:

Депутат Государственной Думы Д.О. РАГОЗИН

Председатель общества «Радонеж» Е.К. НИКИФОРОВ

Приложение 37

Как жить дальше по милости Божией

Эксклюзивное интервью «Русскому Слову»
митрополита Калининградского и Смоленского
Кирилла

Председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата, митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла считают вторым по влиятельности человеком в Русской Православной церкви. Наблюдатели отмечают его эрудированность, умение разговаривать как с рядовыми прихожанами, так и с сильными мира сего, а также жёсткость в отстаивании своей позиции. О подходах РПЦ к возможной встрече Патриарха Алексия с Папой Римским, злых силах, которые борются как с католицизмом, так и с православием, а также о мнении РПЦ по поводу захоронения останков царской семьи митрополит Кирилл рассказал в интервью Наталье Судленковой.

— Владыка, Вы приехали в Карловы Вары в составе масштабной российской делегации, в которую входили как представители бизнеса, так и государственные чиновники. Все они посчитали для себя за честь принять участие в 110-летию храма святых Петра и Павла. Значит ли это, что эпоха гонений на церковь в России окончательно осталась в прошлом?

— Положение Русской Православной церкви изменилось в конце 80-х годов прошлого века, после распада СССР. Эпоха, которую мы могли бы характеризовать как эпоху гонений на РПЦ и вообще на религию в России, на самом деле закончилась. Недавнее подписание Акта о каноническом общении между РПЦ и РПЦЗ выходит далеко за пределы внутрицерковного события и является знаком то-

го, что разделение на теле нашего народа, порождённого революцией и гражданской войной, действительно исцелено. Таким образом, мы не просто прощаемся с трагическим прошлым, а принимаем на себя обязательства по милости Божией так жить дальше, чтобы никогда ничего подобного не повторилось в жизни нашего народа.

— *В последнее время участились контакты между представителями РПЦ и Ватикана. Как бы Вы охарактеризовали нынешнее состояние отношений между двумя крупнейшими христианскими конфессиями?*

— Я думаю, что отношения сейчас хорошие, если учесть, что мы, к сожалению, до сих пор не являемся единой церковью, между нами есть разделение вероучительное. Но сейчас, особенно после избрания нынешнего Папы Бенедикта XVI, и в католической, и в православной церквях растёт осознание того, что нам вместе нужно отыскивать ответы на те вопросы, которые реально волнуют людей.

— *Разделение христианства на православие и католичество произошло много веков назад. Как Вы считаете, остаются ли по-прежнему актуальными для людей те противоречия, которые привели к расколу?*

— Совершенно очевидно, что те традиционные богословские вопросы, которые нас разделяют, не очень волнуют современных людей. Если мы выйдем на улицу, вот сейчас в Карловых Варах, и спросим у людей: «Что вы думаете о филиокве (утверждении католиков о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына. — *Прим. ред.*)?», — я уверен, что абсолютное большинство опрошенных даже не поймёт, о чём мы говорим. А ведь это один из вопросов, который традиционно разделяет православных и католиков.

Но если мы сейчас спросим у людей: «Что вы думаете на тему отношений в семье, сексуальной этики, вопросов, связанных с генной инженерией, с биоэтикой, с развитием экономики, с несправедливостью, которая существует как в богатых, так и в бедных обществах?» — то выяснится, что эти проблемы людей волнуют. И если мы, православные и католики, научимся вместе, одними словами, в рамках одной системы ценностей, отвечать людям, то это будет очень убедительно.

— *Возможна ли встреча Папы Бенедикта XVI и Патриарха Алексия Второго?*

— В далёком 1994 году наш Патриарх должен был встретиться с Папой Иоанном Павлом II в Вене. Мы готовили эту встречу. Казалось, что она состоится, и ничто ей не сможет помешать. К сожалению, незадолго до предполагаемого срока, по инициативе Ватикана, из проекта текста декларации, которую должны были подписать Папа и Патриарх, были исключены некоторые очень важные для нас моменты. Началось новое переосмысливание истории наших отношений. Затем осложнилась ситуация на Западной Украине во взаимоотношениях между греко-католиками и православными, возникли трудности в самой России. И это естественным образом сняло с повестки дня вопрос о встрече.

— *Сейчас, судя по всему, ситуация изменилась?*

— Да, и в России идёт постоянный диалог между представителями Русской Православной церкви и католиками. Сложнее ситуация на Украине, но, тем не менее, мы надеемся, что и там может быть какое-то положительное развитие событий. И в будущем мы не исключаем встречи Папы Римского и Патриарха Алексия. Но для этого мы, конечно, должны как следует отработать те вопросы, которые стоят на повестке дня с тем, чтобы эта встреча действительно имела положительные последствия для жизни католиков, православных и для их взаимоотношений.

— *Католицизму приходится всё чаще сталкиваться с различными неопротестантскими церквями. Есть ли такая проблема в России?*

— Сегодня католическая церковь вытесняется из жизни латиноамериканского общества под воздействием протестантов, которые прекрасно организованы и очень хорошо финансируются из Северной Америки. Их деятельность направлена именно на разрушение местной католической церкви и на её вытеснение из жизни общества.

Вот точно такой же сценарий пытались реализовать в России после распада СССР. Абсолютно та же технология — огромные деньги, ноу-хау, массовые движения миссионеров. Но в нашем случае ситуация была ещё более опасной. Католическая церковь в Латинской Америке была сильной, а РПЦ в СССР была ослаблена. И вот нам либеральные политики говорили: «Ну что ж, вы теперь в поле конкуренции, с новыми религиозными силами, отстаивайте свои позиции!» Но наше столкновение с этими группами напоми-

нало мне бой двух боксёров, один из которых долгое время лежал на одре болезни, со сломанными руками, в гипсе, а второй в это время тренировался. И вот сняли гипс с первого боксёра, у него ещё руки не работают, а ему говорят: «А ты попробуй свои силы, вот с этим, хорошо натренированным».

— *И каким, с Вашей точки зрения, оказался результат этой схватки?*

— Мы были ослаблены, у нас не было ни ноу-хау, ни средств, мы долгие годы жили в изоляции, и в это время на нас пошёл вал хорошо организованной сектантской пропаганды. Мы остановили этот вал. Мы остановили его не потому, что Церковь была сильна, а потому что наш народ — и это Божье чудо — воспитанный в атеизме, так оказался связанным с православной системой, что, ещё не осознавая себя православными, часто называя ещё себя атеистами, они дали отпор этим сектантам. И сегодня, когда мы говорим о том, что не существует угрозы — она всегда будет существовать, но той опасности, с которой мы столкнулись в начале девяностых, нет в России.

— *Могут ли католики воспользоваться в Латинской Америке российским опытом?*

— Мы сочувствуем католикам в Латинской Америке, мы готовы делиться своим опытом и мы убеждены, что действия сектантов в Южной Америке не имеют ничего общего с проповедью христианства. Эти действия направлены на разрушение основ христианской жизни народа.

— *Какова цель этого разрушения?*

— Очень просто. Ещё Достоевский сказал, что Бог с дьяволом борются, а поле битвы — сердца человеческие. Если мы увидим усилия, которые употребляются на то, чтобы разрушить веру, связь людей с Богом, оторвать людей от Бога, значит, за этой стратегией дьявол стоит. Он может облекаться в любые одежды — в политические, экономические, масс-медийные... Но это дьявол. И надо ясно понимать, что если идёт разрушение религиозных ценностей, значит, с этим бесом надо бороться. И как говорит Слово Божье, постом и молитвой, в первую очередь.

— *Одним из вопросов, разделяющих РПЦ и РПЦЗ, было отношение к царской семье. РПЦ канонизировала членов семьи, но не при-*

знала так называемые «царские останки» за останки членов династии Романовых. Почему?

— Потому что мы уверены, что это не царские останки.

— *А есть основания сомневаться в этом?*

— Для того чтобы определить, кому принадлежат останки, нужно сделать две вещи. Во-первых, нужно взять останки, которые изучаются, и останки предполагаемых родственников, и передать их независимой экспертизе. Ничего подобного не было соблюдено при проведении экспертизы в России. Были взяты так называемые екатеринбургские останки, и были взяты останки якобы из одной из могил в Петропавловской крепости. Заключение по результатам этой экспертизы гласило: на 99% это родственники.

Но мы помним, что сразу после гибели царской семьи было проведено следствие следователем Соколовым, который пришёл в Екатеринбург вместе с Белой армией. Это было тщательное расследование, по итогам которого было написано несколько томов. И Соколов сделал совершенно ясный вывод, что останки были уничтожены большим количеством серной кислоты и бензина. Всё это было собрано и сейчас находится в Брюсселе, в храме-памятнике, посвящённом этой трагедии.

— *То есть в Санкт-Петербурге были захоронены чужие останки?*

— Вспомните, в 90-е годы какой-то господин выкопал некие останки и заявил, что это царские! Потом он снова положил их на то место, где ранее их выкопал, и потом вновь их оттуда достали. Мы сказали: «Мы не оспариваем вашей экспертизы. Дайте нам только под нашим контролем взять часть останков из екатеринбургской и из Петропавловской крепостей и отдать их на независимую экспертизу». Нам отказали, и под каким предлогом? Заявили: «Это кощунство отделять часть останков! Хватит того, что мы сделали». Нас это не убеждает.

— *Патриарх Алексий не участвовал в погребении так называемых «останков царской семьи». Но президент Борис Ельцин там был. Были ли какие-то конфликты Кремля с РПЦ по поводу останков?*

— На нашу Церковь было оказано колоссальное давление со стороны высокопоставленных чиновников ельцинского правительства. Я имел разговор с одним таким деятелем, он лично угрожал

мне, если мы не согласимся с выводами экспертизы. Один из представителей власти, придя на заседание Синода, сказал, что мы обязаны согласиться с выводами экспертизы. Мотивировал это тем, что с этим согласна прокуратура, а если мы, мол, не согласимся с выводами прокуратуры, то эти наши деяния могут быть рассмотрены как нарушение закона. При таком давлении мы даже не хотели обсуждать этот вопрос, поэтому сегодня нет никаких сомнений, что останки, захороненные в Петропавловской крепости, не являются царскими останками.

— *А какова, с Вашей точки зрения, была причина этого давления?*

— Может быть, нужен был политический пиар. Некоторые считают, что это была провокация со стороны антицерковных сил. Они толкали нас к тому, чтобы мы признали останки, стали бы поклоняться им как мощам. А потом была бы проведена экспертиза, и нам бы сказали: «А ведь останки-то не царские!»

Каким было бы тогда лицо Церкви? Получилось бы, что Церковь ввела народ в обман и заблуждение, имена экспертов, членов правительственной комиссии никто бы не вспоминал, а вот имя Патриарха все бы вспомнили. Имя Синода все бы вспоминали и говорили, что церковная власть толкнула людей на поклонение лже-мощам. Мы очень внимательно к этому отнеслись и проявили мужество, мы выдержали сильное давление и считаем, что сделали правильно. Кстати, сегодня появляется большое количество специалистов, в том числе и из Японии, которые говорят о том, что эти останки — не царские.

— *В последнее время всё чаще можно услышать тезис о необходимости восстановления монархии в России. Реально ли это?*

— На этот вопрос мы ответили в «Основах социальной концепции РПЦ». Мы дали оценку формам правления с религиозной точки зрения. В Библии самой высокой формой правления, с религиозной точки зрения, является теократия, когда Бог управляет своим народом. Так было в древнем Израиле. Народ избирал себе судью, вождя, лидера, который управлял народом от имени Божьего, а эту волю Божью народу изъясняли пророки.

Но в какой-то момент этот народ захотел царя, потому что, видимо, такая форма правления не соответствует духовному состоянию людей. Нужно быть очень высокорелигиозным обществом, чтобы принимать идеи теократии. И тогда вместо судьи появился царь.

Значит, с религиозной точки зрения, монархия ниже, чем теократия. Но монархия тоже богоугодная, Бог дал людям царя. Нигде в Библии не сказано про парламент, выборы... Значит, с религиозной точки зрения демократия, республика — ниже, чем монархия и теократия.

— *А чем вызвано такое снижение по религиозной шкале структуры власти?*

— Падением религиозного уровня людей. Общество стало нерелигиозным. Ведь власть монарха только тогда авторитетна, когда он воспринимается как помазанник Божий. А когда король — только один из членов общества, когда нет никакой религиозной санкции — почему люди должны воспринимать его как авторитет?

— *Значит, российское общество не готово к монархии?*

— Сегодня российское общество как в религиозном, так и в духовном плане не может иметь монархии. Если у нас появится монарх, это будет профанацией. Если сегодня царь ошибётся, то в него помидоры полетят так же, как и в премьер-министра.

Поэтому мы говорим, что форма правления должна соответствовать духовному и нравственному состоянию общества. И сегодня, я думаю, для Западной Европы органична демократия, так же как она органична и для России.

А уже если народ изменится, произойдёт духовный рост, в чём я лично сомневаюсь, то, может, народ и скажет: «Дайте нам царя!», а потом заявит: «Мы не хотим царя, мы хотим, чтобы Бог нами управлял!» Но пока этого движения не наблюдается.

Приложение 38

В Комиссию по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи
От члена Комиссии А.К. ГОЛИЦЫНА
17 апреля 1994 года

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Закрывающая в себе различные версии и предположения, ныне существующие, как у нас в стране, так и за рубежом, о конечной судьбе Императора Николая II и Его Семьи, а также неоднозначное отношение к останкам, обнаруженных в окрестностях г. Екатеринбурга группой Рябова — Авдониной на основе личного свидетельства главного исполнителя казни Я.М. Юровского, достоверность которого не была подкреплена обстоятельным научным исследованием.

*И. От версии следователя Н.А. Соколова
к версии коменданта ДОНА Я.М. Юровского*

Следствие 1918–1919 годов по делу об убийстве Царской Семьи, проведённое по горячим следам совершённого преступления высоко- профессиональным, добросовестным и непредвзятым следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым, по распоряжению Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака, в своих выводах пришло к полной убеждённости, что в подвале дома Ипатьева была полностью умерщвлена Царская Семья и Её верные слуги. Никто не спасся. Трупы убитых были вывезены в урочище «Четырёх Братьев», расчленены и уничтожены огнём при помощи бензина и кислоты.

Выводы следствия были приняты широкой общественностью как факт, в том числе и в среде русской эмиграции. Эти выводы и теперь для многих являются основополагающими.

Сам характер убийства (государственный, самоуправно-уральский, политический, уголовный или ритуальный) для следствия Соколова носил подчинённых, непринципиальный характер. Главный вывод, к которому пришло следствие, было то, что умерщвлены все узники Дома Особого Назначения, тела их уничтожены, останки развеяны или погребены в болоте. Эти взгляды вполне корреспондировались со взглядами на большевиков того времени, о жестокости которых ходили легенды. В начале сентября 1918 года в Кремле была расстреляна известная Фанни Каплан. Вопрос о захоронении был разрешён Я. Свердловым «с чисто большевистской прямоотой: “Хоронить не будем. Останки уничтожить без следа”». Труп Каплан, как утверждает писатель Ю. Давыдов, «был облит бензином и сожжён в железной бочке в Александровском саду». А с какой циничной самоуверенностью один из главных участников Екатеринбургской расправы П.Л. Войков заявил: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Эти слова лишь подтверждают убеждённость Соколова и установившееся мнение мировой общественности в том, что кровавая расправа была чудовищной. В «Меморандуме», переданном в Государственную Комиссию группой Колтыпина из США, говорится, что они располагают сведениями о том, что конец Императорской Семьи «был страшнее, мучительнее и ужаснее, нежели доселе известно».

Спустя семь десятилетий, после сенсационных статей двух драматургов, появившихся в 1989 году, сначала Г. Рябова, а затем Э. Радзинского, мировой общественности предложено кардинально изменить взгляд на эту трагическую страницу нашей истории. Оказывается, уничтожено без остатка было только два трупа, остальные похоронены поблизости от места уничтожения, на проезжей дороге, совсем не в укромном месте. Мир был потрясён известием, что захоронение обнаружено и останки извлечены. Полных девять скелетов с черепами. Извлечённые из земли останки надёжно идентифицированы не только российской судебной экспертизой, но и зарубежными учёными кругами, в том числе в лаборатории Криминалистического Центра МВД Великобритании. Уже в печати обсуждаются сроки и место торжественного перезахоронения чудесно обрётённых останков.

Действительно, в Великобритании в городе Алдерманстоне анализировались костные ткани, найденные в окрестностях Екатерин-

бурга, которые идентифицировались принадлежащими Царской Семье, хотя в принципе вывод проведённой экспертизы должен был бы быть шире: это останки, принадлежащие потомкам Королевы Англии Виктории и Королевы Дании Луизы по женским линиям. Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна являются таковыми, но таких потомков было и есть много.

Что же послужило первоисточником и импульсом для пересмотра столь долго и убедительно существовавшей версии Соколова? Ответ очевиден — это, широко ныне известная, «Записка Юровского», главного палача Царской Семьи.

Ещё никто не задавался неременной целью научно проанализировать новый и столь основополагающий документ, достоверно и доказательно убедиться в его подлинности, а это стало бы, коли его подлинность подтвердилась бы, главным козырем, благодаря которому все распространённые в прошлом и существующие по сей день вариации о конечной судьбе Царственных мучеников утратили бы серьёзность.

Поэтому важно реально относиться к тому, что существует широкое общественное мнение по интересующему нас вопросу, и что оно не однородно. Не следует также воспринимать это, как проявление заведомой политической враждебности или уязвлённого «мракобесия» (газета «Известия»), хотя и такое, конечно, у некоторых имеет место, но не эти тенденции будут определять характер отношения к конкретным историческим фактам. Здоровая часть общества (а она в большинстве) вполне способна принимать логические и убедительные объяснения, и нечего бояться разномыслия. Нужен гласный, непредвзятый диалог. Нужно выслушать всех. Сомнения есть. Они основываются на известных исторических событиях, на имеющихся противоречиях или даже на легендах.

II. Аргументы сторонников мистификации

Упомянутые статьи отечественных драматургов о нахождении захоронения с останками Царской Семьи и их верных приближённых вызвали неоднозначную реакцию, более того, породили устойчивое подозрение в том, что вся эта «романтическая» история с обнару-

жением останков есть не что иное, как хорошо организованная мистификация по сценарию, обстоятельно разработанному в тайниках небезызвестных ведомств. Сам Рябов не скрывал того, что он находился под протекторатом министра внутренних дел Щёлокова. В первых своих выступлениях Г. Рябов упоминал о том, что он получал консультации от популярного автора детективных историй — Юлиана Семёнова, близость которого к определённым кругам не секрет. Известно также, что Рябов работал в архиве с теми же самыми Романовскими фондами, которые до него просматривал Ю. Семёнов.

Подозрительность, с которой была воспринята находка Рябова, неоднократно высказывалась в средствах массовой информации, как у нас в стране, так и за рубежом. Комиссии известна статья из газеты «Санди Экспресс» с довольно претенциозным названием: «Мистификация с костями царя», где «бывшему полицейскому» Г. Рябову отводится достаточно определённая роль. В частности, приводится свидетельство г. Большакова, который якобы имеет информацию, что ещё за месяц «до того, как Рябов откопал кости», на этом месте появилась некая группа людей, которая, видимо, проявляла к этому месту особый интерес.

Автор вышеназванной статьи делает весьма самоуверенные выводы: «Алдермастон стал жертвой хитрого русского подлога». В могилу, найденную Рябовым, «кости были... подложены специально». Предполагается даже, что «кости были... похищены из могил других царей в Санкт-Петербурге». Особую настороженность автор статьи высказывает в связи с изъятием в 1979 году из захоронения трёх черепов и возвращение их в 1980-м «до нового открытия», вспоминая при этом, что существует версия отрезанных голов, которые Юровским, как вещественное доказательство, были доставлены в Москву.

Эти же подозрения высказывает Комиссия под председательством П.Н. Колтыпина-Валовского из США, которая работает с момента появления Рябова и располагает значительными материалами. У нас в стране также есть приверженцы точки зрения, которая не отвергает этой страшной акции.

Писатель В.А. Солоухин в статье «У Ганиной Ямы», комментируя сообщение Свердловского облисполкома о вскрытии «предполагаемого захоронения останков семьи последнего Российского Импера-

тора и его прислуги» пишет: «...возникает вопрос, зачем понадобилась, по-научному говоря, фальсификация, а по-русски говоря, “липа” с обнаружением девяти скелетов якобы Царской Семьи?» Далее В. Солоухин размышляет следующим образом: «Если учесть, что вместе с серной кислотой именем Войкова было выписано также три пуда спирта, то почему бы не поверить следующему: “По мнению Комиссии (генерала М.К. Дитерихса), головы членов Царской Семьи были заспиртованы, упакованы в деревянные ящики и отвезены в качестве безусловного подтверждения, что указание центра в точности выполнено”. Если это так, — продолжает В. Солоухин, — то усилия навести тень на плетень понятны. Отвести от убийц обвинения в этом дополнительном варварстве, от самой мысли об этом (а ведь люди могут задуматься и о том, какова дальнейшая судьба этих голов), всё это достойно того усердия, с которым пытаются создать суету сомнений и экспертиз, отвлечь нас от главной боли и скорби, от главных, отстающих за 73 года чувств перед осквернённой, растерзанной, но с каждым годом становящейся всё осияннее нашей национальной православной святыней».

В начале сего года газета «Известия» опубликовала большой материал, посвящённый найденным под Екатеринбургом останкам, в котором призывает «учёных и не учёных мужей» с «неутолённым самолюбием» перестать «нагнетать страсти» и отбросить изуверскую версию об «заспиртованных головах Романовых». Но эта же газета совсем недавно поведала ошеломляющую новость, как в 1971 году «группа экспертов во главе со следователем КГБ» вскрыла могилу погибших в Монголии, в авиакатастрофе китайских руководителей с маршалом Линь Бяо во главе и, отобрав из девяти трупов два — «отделили от них головы». Эти головы были привезены в Москву и «по мнению (генерала) В. Томилина, “по сей день хранятся где-то в подвалах бывшего КГБ”».

Эта статья внесёт определённую лепту в недоверие ко всему, что связано с изучаемыми останками Царской Семьи и даст, к сожалению, основания для утверждения, что таковые методы, во-первых, вообще характерны для коммунистической России, а во-вторых, что и общественное мнение и лаборатория в Алдермастоне и Государственная Комиссия в Москве (в лучшем случае) явились жертвами хорошо организованной мистификации.

III. Изуверские версии

Считается, что версия «отрезанных голов» появилась с лёгкой руки генерала Дитерихса. Впоследствии она в разных интерпретациях пересказывалась различными авторами, пополняясь новыми деталями и новыми лицами, имеющими независимые свидетельства.

В 1951 году вышла в свет книга известного историка С.П. Мельгунова. Сам историк к упомянутой выше версии относился с известной долей скептицизма, но в то же время в своей книге он упоминает ряд фактов, ему известных. «В 1929 году, — пишет он, — в Парижском “Русском Времени” появилась статья, автор которой приводит рассказ капитана Б, по его словам, помогавшего Соколову в ведении дела, о том, что в “Москву среди вещественных доказательств, имевших отношение к убийству в доме Ипатьева, была доставлена в особой кожаной сумке стеклянная колба, в которой находилась голова казнённого Императора”. Автор статьи утверждает, что капитан Б. ещё в 1921 году лично ему говорил, что “такой факт несомненно имел место”». Далее С. Мельгунов вспоминает, что рассказ Б. в дальнейшем был продолжен неким пастором Курт-Руфенбургером публикацией в газете «Франкф. Кур» от 20 ноября 1928 года под названием «Судьба царской головы», в которой повествовалось со слов «очевидца», как большевики в июле 1918 года сожгли полученный ими из Екатеринбурга «ужасный груз» (С.П. Мельгунов. «Судьба Имп. Ник II после отречения» Париж 1951).

В том же, 1928 году немецкая газета «Ганноверише Анцайгер» опубликовала аналогичный материал, который был перепечатан 9 августа 1991 года газетой «Литературная Россия». Автор публикации, обнаруживший перевод этой статьи в одном из архивов, Святослав Рыбас, в своём предисловии высказывает мысль, что приводимые в статье факты правомочно рассматривать как «описание исторической вероятности». В самой статье говорится, что слухи о чудесном спасении Царской Семьи обеспокоили большевиков до такой степени, что Троцкий потребовал от Белобородова вещественных доказательств смерти Государя. Приводится текст телеграммы Троцкого: «Желаю иметь точные сведения о том, понёс ли тиран России заслуженную кару». В ответ на

эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находился стеклянный сосуд с головой Императора Николая II.

Публицист Олег Платонов, много работавший в партийных и государственных архивах Екатеринбурга, Перми и в Алапаевском музее в своей книге пишет: «Однако существует и другая, страшная, но пока не опровергнутая версия. В конце июля 1918 года эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощёкин привёз в спирту головы бывшего Царя и членов его Семьи. Один шутник из Совнаркома якобы говорил: “Ну теперь, во всяком случае жизнь обеспечена, поедem в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых”» (О. Платонов. «Убийство Царской Семьи». М. Сов.Росс. 1991).

В 1930 году газета «Сегодня» (Рига) опубликовала статью «Останки Царской Семьи закопаны в склепе ген. Жанена», в которой приводится цитата из книги французского генерала, вышедшей в том же году в Праге на чешском языке: «Судебный следователь Соколов однажды мне сообщил, что головы казнённых были отделены от туловищ и неизвестно куда увезены».

О. Платонов также утверждает, что следователь Соколов пришёл к выводу, что головы были отрезаны и увезены в Москву.

Исходя из всего вышеизложенного, приходится признать вполне логичным вопрос, поставленным писателем Солоухиным: «Какова дальнейшая судьба этих голов?»

Факт тайного изъятия трёх черепов из захоронения группой Рябова — Авдонины только усугубляет недоверие в том, что вся эта нынешняя сенсационно-разрекламированная история невидимыми нитями пронизана через все семь десятилетий, имея своим началом трагическую ночь в подвале ипатьевского дома.

Поводов к тому добавил достаточно и сам Рябов. В частности, в своём объяснении прокурору Свердловской области, Рябов повествует о том, как он с Авдониным, на даче последнего, перед тем как вернуть черепа в могилу, изготовили с этих черепов слепки. Далее Рябов пишет: «Мы обратили внимание, что после заливки изменился цвет костной ткани, он стал более светлым, желтоватым». Это Рябов говорит 14 сентября 1991 года. Ранее эта тема в его публикациях и выступлениях не присутствовала.

Здесь следует коснуться ещё одной непопулярной темы, о которой упоминал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Это тема ритуальной мести. Она существует с того момента, когда следователь Соколов в комнате, где было совершено убийство, обнаружил на южной стене «обозначения из четырёх знаков». Знаки эти в своё время подверглись расшифровке, которая хотя и не была впоследствии научно подкреплена, но и в то же время не получила аргументированного опровержения.

Как правило, от этой версии пренебрежительно отмахивались, отмахиваются и ныне, как бы давая понять, что серьёзно сей предмет недостойно обсуждать в цивилизованном обществе. Рябов следует этой традиции. В своём очерке он вскользь упоминает: «Рядом (с цитатой Гейне. — А.Г.) некое кабалистическое обозначение». И далее с присущей ему безапелляционностью добавляет: «Расшифровке не поддалось». Такое утверждение, конечно, не только ничего не проясняет, а наоборот, скорее вызывает обратную реакцию.

Впервые версия о ритуальном убийстве появилась в печати в 1920 году в книге английского журналиста Роберта Вильтона, который принимал участие в работе Соколова, и даже сам параллельно собирал материалы следствия. (Существует досье Р. Вильтона «Царское дело», хранящееся в США). Уже в 1923 году его книга была переведена на русский язык. Теперь она вышла в России. Как пишет Вильтон, после публикации кабалистических знаков, он получил несколько писем от лиц, сведущих в криптографии, которые признавали, что знаки, им приведённые, весьма схожи с теми, которыми пользовались иллюминаты.

Позднее этой темой занимался учёный Энель (м. б. псевдоним), который в своей книге «Жертва», изданной в Югославии в 1928 году, приводит символический смысл расшифрованных им знаков. В настоящее время наиболее известным публикатором версии ритуального убийства является профессор Пагануцци (США). Опирается он в основном на приведённых выше авторов, но главными, наверное, факторами его убеждённости является, во-первых, то, что никто никогда из специалистов по кабалистике авторитетно не опроверг расшифровку Энеля и, во-вторых, уверенность (которую многие разделяют) в том, что революция есть результат давнего интернационального заговора тёмных сил Запада.

И надо иметь в виду, что эта точка зрения присуща не только больному воображению прежних злопыхателей. Её разделяют многие и ныне, как у нас в Отечестве, так и за рубежом, особенно в среде русской эмиграции первой волны.

IV. Личность Гелия Трофимовича Рябова

Гелий Рябов появляется на всемирной арене как автор сенсационного по своему значению, открытия, которое он публично широко рекламирует, проявляя при этом невероятную активность.

Целый год Рябов является обладателем черепа «Николая II», который хранит у себя дома. Потом неожиданно и по непонятным причинам Рябов уходит в тень, уступив как бы пальму первенства своему бывшему компаньону (нужно помнить, что на первых порах рядом с Рябовым фигурировала ещё одна малоизвестная личность, но успевшая проявить достаточную активность в среде русской эмиграции — некий иеромонах Дионисий), а затем, когда вопрос о судьбе обнаруженных останков вышел на уровень государственной ответственности, совершенно исчез с горизонта. Известны объяснения, что группа Рябова–Авдонины вошла во внутренние противоречия и утратила согласие или пришла к полной конфронтации, но всё же это никак не объясняет того «равнодушия», с которым Рябов стал относиться к судьбе своей «собственной находки», к которой, по его же публикациям, он «мучительно шёл много лет», преодолевая немалые сложности, причём в те времена, когда не было никакой уверенности в том, что его открытие будет оценено по достоинству.

Рябов обнаруживает Царские останки, как известно, вскоре после того, как королева Великобритании заявила М.С. Горбачёву во время его визита в Англию, что её поездка в Россию будет возможна только тогда, когда судьба Государя и Его Семьи станет достоянием гласности. Утверждали, что якобы Горбачёв дал заверение королеве Елизавете II это её условие выполнить.

Поэтому вполне закономерно, что те, для кого версия подлинности найденных останков не представляется убедительной, связывают их обнаружение с вышеприведённым фактом, а в личности самого Рябова видят представителя тайной службы, выполняющего

порученное ему задание. Сам Рябов поводов к тому даёт немало. Концепция его во многом перекликается с теми утверждениями, которым придерживалась коммунистическая идеология. Рябов, конечно, меняет фразеологию, отступает от грубых политических выпадов, осуждает жестокость самого злодеяния, убийство невинных детей. В этом отношении он для общественного мнения выгодно отличается от некоторых публикаторов уже перестроечного периода, таких как М. Касвинов или Г. Иоффе. Позиция Рябова в основе своей сводится к следующему: убийство носило скорее уголовно-политический характер; заговор международных тёмных сил, отрезанные головы, ритуальность жертвоприношения, расчленение и сжигание трупов — всё это беспредметные выдумки белогвардейцев и их последователей. Убийство Царской Семьи осуществлено русскими людьми, в основном жителями Урала.

Во всех своих выступлениях и публикациях Рябов стоит на этих принципах. Но обращают на себя внимание не столько личные пристрастия самого Рябова, сколько его нечистоплотность в отстаивании этих принципов. Несколько примеров: Рябов пишет: «По данным белогвардейской контрразведки, он “Яков Мовшев Юровский, 40 лет, еврей...”»

«Некое “специализированное”, — замечает Рябов, — написание имени-отчества Юровского и других евреев в анналах контрразведки вызвано обострённой убеждёностью этого учреждения в том, что революцию задумали и произвели евреи». Далее Рябов обращается к книге «белогвардейского» следователя Н. Соколова, в которой находит весомое опровержение национальным измышлениям белогвардейской контрразведки. «Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с характером», признаёт Соколов, и дописывая страницы, посвящённые Юровскому, Рябов продолжает цитировать: «Его национальности я не знаю». «Что ж, — комментирует Рябов, — это можно оценить, особенно в наши бурные дни».

У Соколова первая половина приведённой цитаты более полно звучит так: «Как техник, имеющий некоторый опыт в раскрытии подлых дел человеческих душ, я отдаю должное истине: Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с “характером”». Но вот вторая половина приведённого текста — это уже бессовестная подтасовка Г. Рябова и поощрение, которым он спешит наградить за

«оказанную услугу» следователя Соколова, есть всего лишь самоуверенный литературный приём для убеждения неосведомлённого читателя. У Соколова, на самом деле, можно прочесть следующее: «Следствием удалось установить, что из десяти человек (которых привёл с собой Юровский в дом Ипатьева из чрезвычайки. — А.Г.), пятеро были не русские и не умели говорить по-русски. Из остальных пяти один был русский и носил фамилию Кабанов. Другие четверо говорили по-русски, но их национальности я не знаю». Что касается национальности Юровского, то в ней у Соколова никаких сомнений нет: «Яков Михайлович Юровский — мещанин г. Каинска, Томской губернии, еврей, учился в еврейской школе при синагоге, женился на еврейке и т. д.».

В другом месте, касаясь национальной проблемы, Рябов пишет: «Вильтон утверждает в своей книге “Последние дни Романовых”, что комендант ДОНа Юровский приказал обезоружить русских рабочих, чтобы они не помешали убить Николая II». Этой теме Рябов уделяет большое внимание. Цитируя многочисленные свидетельства из книги Соколова и долго размышляя о том, «собрал» или «отобрал» револьверы один из участников убийства П. Медведев, и, приведя его показания на следствии, Рябов торжествующе делает вывод: «всё-таки Собрать, а не Отобрать, что и кладёт конец легенде о том, что револьверы были отобраны Юровским у русских людей, дабы они не смогли помешать иностранцам исполнить “решение Уралсовета” о казни». Соколов приводит протокол допроса Медведева, проведённый агентом уголовного розыска Алексеевым, который и цитирует Рябов. Но снова, в погоне за желанным подтверждением, Рябов вводит читателя в заблуждение. У Соколова тут же следует второе показание Медведева, данное позднее следователю Сергееву, о чём Рябов умалчивает. В показаниях Сергееву Медведев заявил: «Комендант Юровский приказал мне Отобрать все револьверы». Но Рябов не только умолчал о втором допросе Медведева, он в своей публикации скомпилировал текст допроса из двух его показаний — Алексееву и Сергееву, естественно, никак об этом не упомянув.

Следователь Соколов, как уже говорилось выше, был абсолютно убеждён в том, что никаких останков не существует. Его логика следующая: «Главная цель была — уничтожить трупы. Для этого, преж-

де всего, нужно было разделить трупы на части, разрезать их. Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Сжигаемые на простой земле трупы выделяли са-ло. Стекая, оно просаливало почву». Рябов по поводу последней фразы небрежно замечает: «Не соответствует действительности». А потом добавляет: «Эта, леденящая душу картина верна только в той части, что одежда казнённых действительно была сожжена».

V. Не опровергнутые выводы следствия Н. Соколова

В отличие от Рябова, следователь Н.А. Соколов опирается на факты. Исследуя место, куда были вывезены трупы, он находит «куски сальных масс, смешанных с землёй, осколки костей млекопитающего. Они все сильно обожжены, разрезаны и разрублены, подвергались действию какого-то агента». Соколов «убедительно доказал, что именно там, у шахты, трупы были расчленены и в течение трёх дней сожжены и окончательно уничтожены» (Ю. Буранов, В. Хрусталёв. «Гибель Императорского Дома».) Далее авторы, приводя данные о количестве серной кислоты и бензина, доставленных к урочищу Четырёх Братьев, пишут: «Всё это было употреблено на уничтожение трупов. Соколов, тщательно исследовав всё, сделал вывод — останки Царской Семьи и других были практически полностью уничтожены», и особо подчёркивают то, что «серная кислота была доставлена уже 17 июля».

В Свердловском партийном архиве есть показания бывшего охранника в доме Ипатьева, Стрекотина, которые приводит О. Платонов: «Трупы были сожжены в Ямах около деревни Коптяки».

Небезызвестный Ермаков свой рассказ о том, как трупы, после их первого захоронения, были из шахты извлечены, заканчивает так: «Когда всё вытащили, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих кислотой, трупы горели до пепла, а пепел был зарыт».

В упоминаемых выше мемуарах генерал Жанен во втором томе пишет: «Дитерихс принёс мне кассету, содержащую земные останки Царской Семьи и опись предметов, содержащихся в кассете. Это были предметы различного рода: части костей со следами пилы

или какого-то другого острого орудия, немного человеческого жира, отрезанный палец».

Советский невозвращенец Беседовский опубликовал рассказанную ему варшавским полпредом Войковым жуткую историю бойни в доме Ипатьева. Войков по Беседовскому лично готовил всё необходимое для уничтожения трупов; обеспечил новыми острыми топорами для разрубания туш, кислотой, бензином и прочие. Уничтожение трупов велось Юровским под наблюдением Войкова. Самая трудная «работа» по словам Войкова, состояла в разрубании трупов. Он говорил, что «когда эта работа была закончена, возле шахт лежала кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов». Всё это «поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд». К концу вторых суток «кучу обожжённых костей» побросали в шахту (С.П. Мельгунов).

На той же странице Мельгунов приводит ещё один рассказ ещё одного лица, причастного к Екатеринбургским событиям, — Белобородова, который поведал своим собеседникам Юрковскому и Успенскому на даче в Барвихе о том, что он, Белобородов, присутствовал «при сжигании тел на шахте» (Л. Юрковский. «Новое Русское Слово»).

В 1956 году немецкий журнал «7 ТАГЕ» опубликовал рассказ некоего Иоганна Мейера, который утверждал, что он бывшее доверенное лицо Международной бригады в Уральском военном округе и, по его словам, присутствовал в лесу у Четырёх Братьев, «где произошло уничтожение трупов». (Правда, П. Пагануцци сомневается в достоверности действительного его присутствия). Мейер рассказывает, когда он приехал к «заброшенной шахте», там «горело несколько костров». Дальнейшие события Мейер передаёт со слов Юровского из доклада, сделанного перед Уралсоветом 19 июля. «Он описал точно, — сообщает Мейер, — как сперва спустили в шахту дрова, потом трупы, потом опять дрова. На это налили бензин, приблизительно 220 литров. Затем всё это зажгли. На другой день повторили ещё раз ту же процедуру».

Аналогично эту сцену описывают ряд других авторов.

Марк Касвинов: «Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими брёвнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костёр догорел, останки зарыли в болоте». В том же

сочинении Касвинов продолжает эту тему: «Кой-какую сувенирную мелочь Соколов собрал, но на край болота, где были зарыты недогоревшие останки, так и не набрёл».

П. Быков: «Вблизи заброшенных шахт Ганиной Ямы трупы были частично сожжены, остатки трупов были отвезены в сторону и зарыты в болоте». В очерке «Последние дни последнего царя», опубликованном в сборнике «Рабочая революция на Урале», Быков писал: «Трупы казнённых были отвезены за город, в лес, в район Верх-Исетского завода и деревни Палкиной, где были на другой день сожжены».

Павел Пагануцци, профессор Вермонтского университета, имел доступ ко многим архивам, находящихся в США и других странах Европы. Изучал досконально досье «Царское дело» в копии Р. Вильтона, хранящееся в Гарвардском университете, и копию, принадлежавшую генералу Дитерихсу. П. Пагануцци является в настоящее время одним из наиболее осведомлённых учёных по интересующему нас вопросу. Им опубликовано несколько трудов о судьбе Государя и Его Семьи. В одном из них П. Пагануцци пишет: «После расстрела Царской Семьи палачи приняли меры, чтобы “тела их не использовали контрреволюционеры как мощи, играя на невежестве народных масс”». Эту же мысль разделяет и М. Касвинов: «Урал не хотел отдать Романовых в руки контрреволюции не только живыми, но и мёртвыми. Было решено предать огню и развеять без следа их останки. Не дать пищу ритуальным шабашам. Не оставить зацепок для мстительных оргий».

В другом своём труде Пагануцци, подтверждая своё согласие с выводами следователя Соколова, приводит свои соображения по поводу уничтожения тел. «На Западе, — пишет он, — идёт спор: возможно ли уничтожить одиннадцать взрослых людей при помощи трёх средств: огня, керосина и серной кислоты? Чтобы скрыть следы своего преступления, убийцы, ограбив свои жертвы, перед рассветом 17 июля приступили к уничтожению их тел, закончив свою грязную работу к утру 19 июля. Таким образом, преступники имели в своём распоряжении двое суток, чтобы при помощи огня, 400 галлонов керосина (300 л) и 400 фунтов серной кислоты (175 кг) уничтожить тела своих жертв. Серная кислота, как известно, особенно эффективна для растворения крупных трубчатых костей, и об этом не мог не знать убийца-химик Войков. Сибирское следствие, на

основании заключения экспертов, установило, что огонь, поддерживаемый непрерывно сорок восемь часов, при добавлении 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты, может превратить тела взрослых людей в пепел. Не следует забывать, что летом 1918 года на пепелище было найдено несколько осколков крупных раздробленных и обгорелых костей». «Мы обратились к главному патологу штата Вермонт, — продолжает Пагануцци, — который подтвердил экспертизу сибирского следствия, то есть возможность уничтожения до пепла одиннадцати взрослых людей при длительном огне, с помощью кислоты и керосина. Таким образом, гипотеза Соколова о том, что тела убитых, после предварительного осмотра с целью грабежа, были изрублены на куски, по всей вероятности топорами (один большой топор следствием был найден) и сожжены на кострах, является единственной реальной версией. Это предположение подкрепляется свидетельствами коптяковских крестьян, которые передавали рассказы чекистов, уничтожавших тела». «“Мы вашего Николку и всех там пожгли”, — заявляли крестьянам пьяные красногвардейцы из отряда Ермакова, когда отступали на Тагил» (О. Платонов).

Э. Радзинский в своём очерке возражает против «гипотезы Соколова». Он пишет: «Версия Соколова вызвала неудовлетворение. Некоторые эксперты возражали: невозможно бесследно сжечь тела одиннадцати человек». Ермаков, правда, заверяет, что можно: «Трупы горели до пепла и пепел был зарыт», а Быков уверяет, что трупы были «частично сожжены». Юровский рисует несколько иную картину, но факт «частичного сожжения» двух тел подтверждает.

Авторитет Юровского как для Радзинского, так и для Рябова — бесспорен. Приводя «записку Юровского» в журнале «Родина», Рябов, после некоторых размышлений, удовлетворённо заканчивает: «И ещё, подумал я: могила Романовых — не миф, она существует реально. Существует, мы не сомневались — зачем Юровскому лгать? Его записка не предназначалась для всеобщего сведения». Для Радзинского «записка» — также основополагающий документ: «Дело о семье бывшего царя Николая II закрывает навсегда все догадки и споры, ибо “Дело” заканчивается той самой “Запиской” — несколькими страничками машинописного текста — рассказом главного участника событий, Я. Юровского». Правда, по поводу принадлежности «Записки» Радзинский высказывает и некоторую непо-

нятность: «Всё, что случилось, — пишет он, — в ту ночь, которую он считал исторической, Юровский изложил в памятной записке, которую составил через два года. “Записка” с чьей-то правкой карандашом и вставками на полях тем же карандашом. Карандаш поблек и, видимо, был старательно обведён чернилами, чёткий почерк, знакомый почерк “человека с бородкой” (Юровского)». Далее: «И вот передо мной лежит записка, составленная со слов Якова Михайловича Юровского». И всё же: «Изложенная» Юровским или «составленная со слов» Юровского? «С чьей-то правкой» или правка «знакомым почерком» самого «человека с бородкой»?

VI. Противоречивость «Записки» Я.М. Юровского

Но вернёмся к тому, как сам «главный участник» повествует о последней картине сокрытия тел. «...С Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки», то есть, хотя и не дотла, но сожгли. Останки двух сожженных тел пока не обнаружены. Сожгли довольно быстро. Половина пятого утра 19 июля, «машина застряла окончательно. Оставалось не доезжая шахт хоронить и жечь». Сожгли, похоронили тут же под костром, «тем временем вырыли братскую могилу. Часам к 7 утра яма была готова».

Вся процедура от размышлений, принятий решений до сжигания двух трупов с захоронением, разведением нового костра, рытьё ямы и прочие, заняло времени от половины пятого до семи утра — два с половиной часа. Вполне естественно, что для тех, кто согласен с выводом следствия Соколова и профессора Пагануцци, что костры горели непрерывно 48 часов, не представляется убедительным утверждение о том, что одиннадцать тел нельзя сжечь на кострах. «Ясно, что если на труп человека употребить 16 кг кислоты, да ещё останки при этом сжечь, обливая бензином, то можно представить, что от них останется» (Буранов, Хрусталёв).

Неубедительными представляются объяснения Юровского о появившейся необходимости вывозе тел от шахты у Ганиной Ямы в другое, более надёжное место. Главная причина по Юровскому заключена в том, что поблизости обнаружилось постороннее лицо, которое могло что-то увидеть. Юровский опасался, что это лицо

разболтается и, тем самым, наведёт на след. Он также недоволен выбранным местом. Ему оно как бы совершенно ранее не было знакомым. Юровский ещё по дороге спрашивает Ермакова: «Далеко ли место им избранное?», а потом, когда прибыли, ругается, что это место «ни к чёрту не годится для нашей цели». Но ведь из следствия Соколова известно, что Юровского дважды видели в районе шахт за несколько дней до расстрела. «Он это место нашёл вместе с Ермаковым. Есть показания свидетелей» (О. Платонов). В другом месте Платонов пишет: «Юровский готовился к убийству тщательно. 11 июля он вместе с Ермаковым бродит возле деревни Коптяки в районе Ганиной Ямы, подыскивая место для тайного захоронения. 15 июля Юровского встречают в этих же местах ещё один раз. П. Войков подготавливает серную кислоту, керосин, спирт, сукно для заворачивания трупов, привлекается специалист по сжиганию, некто чекист Павлушин».

Отказавшись от урочища Четырёх Братьев, «найденного Ермаковым», Юровский вывозит трупы, как предполагается, в более надёжное место. Стечение обстоятельств, однако, не даёт осуществить последний план, и захоронение приходится предпринять прямо на дороге, которая ведёт в деревню Коптяки, на открытом месте, вблизи железнодорожного переезда. В отличие от урочища, дорога не заблокирована; Юровский об этом не упоминает. Два с половиной часа жгут трупы, копают при свете дня (в июле самые короткие ночи, уже к пяти утра солнце восходит), охрана, как на Ганиной Яме, не расставлена, всадники не окружают кольцом «тайное место». Обитатели переезда не вызывают волнения у Юровского, хотя известно последнему, что в домике у переезда есть люди. Проводя следствие, Соколов допросил путевого сторожа, который показал, что был свидетелем каждого прохождения грузовика. Первый раз, 17 июля, он проснулся от «шума грузовика» и видел, как тот направился в сторону Коптяков. 18 июля, по словам путевого сторожа, в разное время прошло два грузовика с бензином, тоже на Коптяки. Ему даже налили бутылку бензина. О последнем путевой сторож сказал: «Около 12 часов ночи по дороге из Коптяков прошёл через наш переезд грузовой автомобиль. Должно быть, тот самый, который прошёл из города ночью. Там в логу у них автомобиль застрелял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик».

Сама мысль — похоронить жертвы прямо на проезжей дороге — казуистически смела, но странно, что вся эта акция не привлекла внимания столь наблюдательного путевого сторожа, а Юровский в своей «записке» на этот раз высказывает как бы полную уверенность в том, что никаких нежелательных свидетелей нет оснований опасаться.

Юровский оставил, известных ныне, три документа. Записка 1920 года, предназначенная для историка Покровского, мемуары, написанные в 1922 году, опубликованные в 1993 году журналом «Источник», и рассказ на совещании старых большевиков в г. Свердловске 1 февраля 1934 года, приведённый чл. кор. РАН В.В. Алексеевым в его книге «Гибель Царской Семьи».

Старым большевикам Юровский рассказал, что в «5–6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должны о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. 19-го вечером я уехал в Москву с докладом».

В мемуарном варианте Юровский пишет: «Снова застряли. Провозились до четырёх утра». После размышлений решили тут же хоронить, а два тела сжечь. «Положили один труп для пробы, как он будет гореть. Труп, однако, обгорел сравнительно быстро, тогда я велел жечь Алексея. В это время копали яму. Уже было утро. После этой тяжёлой работы на третьи сутки, т. е. 19 июля утром, закончив работу, отправились в город. На следующий день утром (уже 20 июля) я уехал в Москву».

Из показаний Сухорукова следует, что там, где последний раз застрял грузовик, была «мочажина, настланная шпалами в виде моста. Решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, закопать и снова наложить шпалы».

М.А. Медведев, сам не присутствовавший, рассказал со слов «своих друзей: Якова Юровского и Исая Родзинского». По Медведеву трупы закопали в болотную трясику. Грузовик привёз от переезда с десятков шпал. Сделали настил над ямой и проехали по нему на машине. «Шпалы немного вдавились в землю, будто бы они и всегда тут лежали».

О сожжении кого бы то ни было Медведев вообще не говорит, а вот Родзинский 13 мая 1964 года уверял, что сожгли «то ли четырёх, то ли пять, то ли шесть человек». И добавляет некоторые под-

робности: «Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то ещё такое сильно действующее. Ну долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложил в город и потом уже приехал». Картина, нарисованная Родзинским, во многом противоречит рассказу главного действующего лица, но в то же время выдумать такое уже в 1964 году трудно. «Вместе с тем следует помнить, что “Записка” Юровского была написана в 1920 году. Конечно, в расчёте на будущее. Не исключено, что здесь был расчёт на возможное установление дипломатических отношений с Англией» (Буранов, Хрусталёв).

Г. Иоффе также свои сомнения в отношении бесспорности приводимых Юровским фактов высказывает вполне определённо. Правда, Иоффе волнует не судьба Романовых. Его не устраивает мысль о участии Москвы в решении их судьбы, к которой на основании «Записки» приходит Рябов. Иоффе пишет: «А может быть, он (Юровский) чем-то руководствовался спустя четыре года после расстрела? Была уже совершенно иная обстановка, иные политические намерения. Впоследствии в своих неизданных воспоминаниях о расстреле Романовых Юровский никогда не упоминал “пермской телеграммы”. Так или иначе, одна “Записка Юровского”, не подкреплённая более достоверными документами, вряд ли может рассматриваться как прямое свидетельство» («Родина». 1989. № 6.).

«Записка» Юровского воспроизведена Радзинским по архивному оригиналу и впоследствии неоднократно перепечатывалась различными авторами. Рябов приводит копию «Записки», полученной им от сына Юровского, где, как уверяет Рябов, «рукой Я.М. Юровского написано: “Копия. т. Покровскому дан подлинник 20 г.”». Позднее, в беседе с прокурором В.И. Туйковым, Рябов уточнит: «Он (Юровский-сын) передал мне одну из копий записки отца о событиях того времени в адрес правительства».

При сравнении двух этих текстов обнаруживается множество, в основном мелких, несовпадений. Их в общей сложности более ста сорока. На некоторые стоит обратить внимание. Например: у Радзинского: «...оставил на охране несколько человек часовых».

У Рябова: «...оставил на охране несколько верховых».

У Радзинского: «трупы выносили».

У Рябова: «трупы переносили».

У Радзинского: «бриллианты тут же переписывались».

У Рябова: «Бриллианты тут же выпарывались».

Далее:

Радзинский: «При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено». В скобках — уточнение самого Юровского. Так этот текст приводится во всех известных публикациях других авторов.

Рябов: «При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина? — Г.Р.)», то есть у Рябова в скобках — это уже не объяснение Юровского, а объяснение самого Рябова. Это он ставит знак вопроса, как бы выражая свою неуверенность в том, что челюсть действительно принадлежит доктору. В журнальной публикации весь текст записки Юровского напечатан другим, более жирным шрифтом, чем текст автора, то есть Рябова. В скобках авторство Рябова подчёркивается и этим.

И ещё:

Радзинский: «Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали».

Рябов: «Забросав землёй и хворостом, (?) несколько раз проехали».

Здесь следует обратить особое внимание на то, что у Рябова отсутствует упоминание о шпалах. Рябов публикует «Записку Юровского» ещё до появления архивной публикации Радзинского. Он ещё не знает, что в захоронении присутствуют шпалы. В копии ему известной «Записки» речь лишь только о хворосте.

Как ни странно, но в 1989 году Рябову ещё не было известно о том, что уже в 1978 году его коллегами, А. Авдониным и М. Кочуровым, был обнаружен деревянный настил размером 2х3 метра, хотя Авдонин письменно об этом факте Рябова уведомил. В беседе с прокурором в 1991 году Авдонин рассказывает: «Примерно в 1978 году мы обнаружили, что в грунте имеется дерево. А как нам было известно — место захоронения было перекрыто настилом из шпал. После этого мы и решили, что семья Романовых, видимо, захоронена в этом месте. Об этом я сообщил Рябову». В записке на имя Председателя Государственной комиссии Ю.Ф. Ярова Авдонин тоже описывает момент вскрытия захоронения в 1979 году: «Дере-

вянный настил находился на глубине порядка 30–40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки». Рябов рассказывает в 1989 году об этом событии иначе: «Сняли слой земли, в которой лопата упёрлась во что-то жёсткое, пружинящее. Хворост, ветки, хорошо сохранившиеся. Под ними снова земля — перемешанная, перекопанная».

Тогда, в 1989 году, отдавая свой материал в журнал «Родина» и судя по той информации, которая в нём изложена, Рябов ещё не знал о существовании второй «Записки Юровского», в которой шпалы были упомянуты. Поэтому присутствие шпал у Рябова обнаруживается позднее, достоверно в показании прокурору Свердловской области в 1991 году. Он говорит: «В мае 1979 года, вернее осенью 1978, мне написал Авдонин, что при осмотре Коптяковской дороги его товарищ по имени Миша (Кочуров?) с высоты стоящей у дороги сосны увидел часть выходящих на поверхность земли шпал». Подробно Рябов описывает вскрытие захоронения в своём дневнике, который он вёл непосредственно во время происходящих событий. Фрагменты дневника приведены в книге В.В. Алексеева, из которых картина раскопа «места предполагаемого погребения» выглядела так: «Снят слой мокрой травы, верхний слой земли, обнажены шпалы. Сняли первый слой шпал, под этим слоем обнаружен второй слой шпал, проложенный вдоль дороги. Здесь же навалены сучки, остатки деревьев, камни, кирпич. Упёрлись в третий слой шпал».

Итак, по дневнику, который Рябов вёл в те дни, когда вскрывалось захоронение, могила была закрыта тремя слоями деревянных шпал. В 1989 году, то есть через десять лет после собственноручной записи в дневнике, Рябов обнаруживает только один хворост, а Авдонин свидетельствует об одном «деревянном настиле», под которым сразу же оказались искомые останки. Следует отметить, что при вскрытии могилы в 1991 году специально созданной для этой цели Комиссией, никаких «настилов» вообще найдено не было, что и отражено в официальных документах Свердловской прокуратуры, а также в дневниковых записях учёных-специалистов Л.Н. Коряковой и её супруга. В разных местах были обнаружены «обломки шпал размером до 1,5 метра, встречались обломки палок, а в восточной части раскопа лежало целое бревно толщиной в 20 сантиметров, оставшееся, видимо, от прежней гати, мостившей дорогу», —

это в стороне от самого захоронения. В другом месте попало «много мокрого, гнилого (плохо сохранившегося) хвороста, встречались ещё обломки шпал, несколько досок».

Вся эта противоречивая информация, появившаяся в разное время и никак не объяснённая, создаёт благоприятную почву для различных домыслов и сомнений.

VII. Выводы

Подводя итоги тому, что, в той или иной степени, будоражит определённую часть общественного сознания, направляя его в русло неприятия всего того, что связано с событиями, касающимися конечной судьбы Николая II и Его Семьи, следует ещё раз напомнить, что выводы следователя Соколова (а его добросовестность, непредвзятость и профессионализм высоко оцениваются и нынешними исследователями), о полном уничтожении трупов, являлись наиболее устойчивыми на протяжении многих десятилетий. Известное заявление Войкова, что «мир никогда не узнает» о том, что они «с ними сделали», вполне согласуется с убеждённостью Соколова. Более того, Войков как бы иллюстрирует криминально-теоретическую позицию следователя свидетельством очевидца, подтверждая серьёзность продуманной и заранее разработанной акции уничтожения трупов.

«Записка» же Юровского меняет всю картину и полностью опровергает конечные выводы Соколова. Этот документ как бы подводит последнюю черту под всеми ранее существовавшими версиями и «бесспорно» определяет место захоронения и принадлежность найденных в нём останков Царской Семье. Этот же документ, практически, снимает все вопросы, связанные с различными слухами и легендами, порождёнными политическими пристрастиями, ограниченной информацией, не преодолённым ещё барьером недоверия к сведениям, идущим из источников бывшей коммунистической системы, или фантазиями детективного характера. «Записка Юровского» ставит точку и под всеми вариациями о чудесном избавлении всего Семейства или отдельных его членов от страшной кончины, что отныне лишает всех самозванных претендентов главного аргумента в их своекорыстных претензиях.

Именно поэтому — этот основополагающий документ должен стать предметом самого тщательного исследования, с тем, чтобы была бесспорно доказана не только подлинность самой «записки», но и подлинность фактов, в ней изложенных. В распоряжение Государственной комиссии должны быть представлены оригиналы всех известных документов, принадлежащих руке Юровского. Необходимо поручить высокоавторитетной экспертной группе провести научный анализ «Записки» (криминалистический, графологический и др.), желательно с привлечением не только отечественных специалистов, но и представителей учёного мира зарубежья, в том числе и русского. Имеет смысл войти в контакт с комиссией Колтыпина-Валовского в США, а также воспользоваться связями в мире науки и личным доброжелательным отношением к России известного мецената барона Фальц-Фейна, который проявляет постоянный интерес к судьбе обнаруженных останков.

Текст «Записки» никогда полностью, с указанием координат места захоронения не публиковался, а это необходимо для умиротворения общественного мнения, которое не безразлично относится к факту обнаружения останков Царской Семьи и в своём большинстве надеется на положительный исход проводимого ныне исследования. Укрепить эту надежду необходимо. Как приводилось выше, в разных экземплярах «Записки Юровского» есть многочисленные вариации, которые вызывают определённые подозрения в том, что эти документы кто-то умышленно обрабатывал.

Подлинность «Записки Юровского» должна быть установлена так же убедительно и бесспорно, как установлены судебно-медицинской экспертизой принадлежность пяти скелетов Семье Романовых, то есть путём серьёзного научного изучения с последующей широкой публикацией полученных результатов, как в наших средствах массовой информации, так и за рубежом.

Для продолжения работы над «Запиской» желательно расширить архивные изыскания документов, имеющих отношение к рассматриваемой теме и могущих в какой-то степени способствовать установлению истины. Нам известны некоторые архивы, о которых нет упоминаний в исследованиях последнего периода и которые, с нашей точки зрения, могут представлять определённый интерес:

Архив В.Д. Бонч-Бруевича, который находится в рукописном отделе Ленинской библиотеки и в котором есть упоминание о рукописи Юровского «Как я убивал царя». Очевидно, эта рукопись готовилась Бонч-Бруевичем к изданию в журнале «Звенья», редактором которого он был.

В архиве историка М.Н. Покровского возможны также неожиданности, ибо именно ему Юровский адресовал свой рассказ, а историк, надо полагать, не любопытства ради интересовался финалом екатеринбургской казни.

Кроме того, небезынтересен *личный архив М. Касвинова*, ибо по сведениям самого литератора, он располагал рядом неопубликованных рукописей Юровского.

Архив А.Я. Юровского (сына Я.М. Юровского), известный Комиссии главным образом по публикациям Г. Рябова.

Воспоминания Заславского, которые сохранила его вдова.

А также для сравнительного графологического анализа необходимо иметь копию собственноручного письма Юровского к доктору Архипову, которое находится в «Царском деле» генерала Дитерихса и хранится в Гарвардском университете. Участие этого документа в экспертизе может сыграть важную роль в укреплении доверия со стороны русского зарубежья. Доставку этого документа следует поручить колтыпинской комиссии в США.

И последнее о кабалистических знаках:

Следует иметь в виду, что если кабалистические письма не получают авторитетного опровержения, то даже в том случае, когда мир бесспорно признает подлинность Царственных останков, версия о ритуальной мести сохранит свою основу и не исчезнет сама собой. Поэтому, как справедливо считает владыка Ювеналий, необходимо серьёзное, научное и без раздражительности «заключение о высказываемых в некоторых кругах мнения о ритуальном убийстве».

На Государственную комиссию Правительством России возложена ответственная миссия — безусловно исследовать и всесторонне изучить всё, что связано с останками, обнаруженными в окрестностях города Екатеринбурга, и вынести свой беспристрастный вердикт об их принадлежности, вердикт, который должен быть незыбим с точки зрения объективных возражений.

Приложение 39

В Комиссию по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи
от члена Комиссии А.К. ГОЛИЦЫНА
11 ноября 1995 г.

17 апреля 1994 года по поручению Председателя комиссии Ю.Ф. Ярова мною была составлена «Докладная записка», в которой я попытался суммировать по возможности в едином документе те вопросы, которые дают основания для сомнений и возражений в отношении принадлежности останков, найденных под Екатеринбургом, Императору Николаю II, членам Его Семьи и лицам, расстрелянным с Ними в доме Ипатьева.

Моя записка кончалась словами: «На Государственную комиссию Правительством России возложена ответственная миссия — безусловно исследовать и всесторонне изучить всё, что связано с останками, и вынести свой беспристрастный вердикт об их принадлежности, вердикт, который должен быть неуязвим с точки зрения объективных возражений».

Это моя принципиальная позиция, которой я неизменно придерживаюсь и теперь.

Поэтому я полностью разделяю позицию Русской Православной Церкви в том, что необходим комплексный подход к изучаемому вопросу. Заключение медицинской экспертизы без объяснения целого ряда противоречий, которые дают основания для сомнений, не удовлетворит широкую российскую и международную общественность, которая ещё далеко не вся пришла к убеждению, что идеология коммунистического прошлого, с точки зрения использования заведомо ложных методов, полностью искоренена демократическими преобразованиями.

Можно относиться скептически к тем, для кого изуверские версии являются убедительными. Можно тех, кто считает, что история

обнаружения останков есть результат хорошо организованной мистификации, объявить злыми недоброжелателями или психологически нездоровым элементом, но это, увы, во-первых, не добавит ничего к авторитету Государственной комиссии и, во-вторых, ничем не будет отличаться от утверждений тех, кто «официальную экспертизу» обвиняет «по её вопиющей безотчётности» в «злонамеренном подлоге» (О. Куликовская)

С моей точки зрения Комиссия обязана исследовать все обстоятельства и все варианты, которые так или иначе имеют отношение к убийству, сокрытию и нахождению захоронения. Исследовать терпеливо, понимая ответственность перед теми возможными последствиями, которые могут возникнуть, если будет оставлен хоть малейший повод для уязвления выводов Комиссии в недобросовестности или, что наиболее опасно, в заданной предвзятости, понимая, что проблема, которую решает Комиссия, носит не частный характер и не заключена лишь в акции погребения, а имеет глубокий символический смысл, к которому совершенно не однозначное отношение в обществе, в том числе и в политическом плане.

Принимая выводы научной экспертизы в отношении подлинности останков как достоверный факт, я думаю, что на сегодняшний день можно констатировать, что один из самых основных этапов работы Комиссии завершён. Поэтому дальнейшая работа Комиссии должна быть сосредоточена на изучении вопросов историко-психологического характера, ответы на которые послужат весомым и убедительным подтверждением безупречности научных исследований.

Первый и главный вопрос — «Записка Юровского», которая должна стать предметом самого тщательного графологического и исторического изучения, с тем чтобы была бесспорно доказана не только подлинность самой «Записки», но и подлинность фактов, в ней изложенных. Тем более, что факт сожжения и захоронения двух членов Царской Семьи поблизости от общей могилы, о котором свидетельствует Юровский, Комиссией не подтверждён. В связи с этим необходимо, как мне представляется, поставить перед Генеральной прокуратурой вопрос о преждевременном прекращении производством уголовного дела гибели Царской Семьи. Я также считаю, что следует подвергнуть критическому анализу «Заключение» Прокуратуры, составленное прокурором-криминалистом

В.Н. Соловьёвым, в котором с моей точки зрения, прежде всего отсутствует следственно-криминалистическая обстоятельность. Это, скорее, литературное упражнение, которое с таким же успехом могло быть подписано лицом, не имеющим никакого юридического опыта. Один пример: В.Н. Соловьёв, излагая картину вскрытия захоронения в 1979 году, без всяких комментариев принимает на веру показание А.Н. Авдонина, хотя это не единственное свидетельство. Есть показания Рябова, его дневниковые записки, в которых не всё совпадает с тем, что говорит Авдонин. Странно, что профессионал-криминалист без анализа причин такой несогласованности останавливает своё внимание на показаниях Авдонина (от того ли, что Авдонин член Комиссии?), и это показание в качестве достоверного юридического факта фиксирует в официальном документе.

Я считаю, что Комиссия должна всё же серьёзно отнестись к бытующей уже многие десятилетия версии о том, что головы (или голова) были отчленены от тел и, в качестве вещественного подтверждения, доставлены в Москву (вспомним Глазунова). Это необходимо прежде всего, потому что на основе этой версии формируется точка зрения, имеющая достаточно широкое распространение, что место погребения советскому правительству всегда было известно (В.Н. Соловьёв своими публичными выступлениями эту точку зрения подтвердил) и что вся история нахождения останков — есть плод хорошо спланированной мистификации, в которой Рябов сыграл отвлекающую роль и в определённый момент произвёл вложение в могилу недостающих черепов. Надо иметь в виду, что Рябов фигура одиозная и доверием не пользуется, а его всемирная известность после сенсационного открытия сделала Рябова как бы главной фигурой «злонамеренного подлога».

Вся история с определением места захоронения группой частных лиц, ещё во времена «глухого застоя», когда такие самодеятельности не поощрялись, тайное ими вскрытие могилы, хищение черепов и их возвращение через год назад, правда всё это или фантазия — это уже дело второе, важно, что информация идёт только от Рябова и его соучастников. Никто посторонний и беспристрастный этого подтвердить или опровергнуть не может. Так ли всё было или нет, никто не знает. Свидетелей нет. Зато есть обширная возможность для вариаций. Можно Рябову верить на слово, а можно и

не верить. Но и в том и в другом случае это субъективное право каждого, которое никого ни к чему не обязывает.

Объективно ответить на все эти вопросы не только может, но и должна Государственная комиссия.

Исходя из результатов работы Комиссии, я считаю, что в столь деликатном, сложном и запутанном деле, которым поручено заниматься Комиссии, самое опасное — это поспешность в выводах.

Поэтому я думаю, было бы целесообразно перенести дату перезахоронения Царской Семьи на 1997 год. Одновременно принять решение к определённом сроку (скажем, к 1-му июня) по всем вопросам, которые требуют той или иной оценки, провести соответствующую работу и дать исчерпывающие по ним заключения. К этому же времени детально проработать всю ритуальную программу, составить списки для приглашения высоких гостей и т. д. А уже с осени начать непосредственную подготовку к проведению самой акции перезахоронения. Времени будет вполне достаточно.

1997 год предпочтительней ещё и потому, что к его середине в России, надо надеяться, наступит определённая стабилизация. К тому времени уже будет работать новая Государственная Дума, будет избран Президент России и политические страсти улягутся.

Приложение 40

В Комиссию по изучению вопросов,
связанных с исследованием и перезахоронением останков
Российского Императора Николая II и членов Его Семьи
от члена Комиссии А.К. ГОЛИЦЫНА
12 января 1998 года

С первых дней работы Комиссии я неизменно придерживаюсь той точке зрения, что на Комиссию Правительством Российской Федерации возложено ответственное поручение по проведению обстоятельного исследования, касающегося всех вопросов, так или иначе имеющих отношение к убийству Царской Семьи и сокрытию тел, а также к поиску и обнаружению останков. Я полагаю совершенно естественным то, что должны быть изучены все известные версии, все противоречия в свидетельствах разного времени, которых немало, изучены беспристрастно, независимо от того, к каким результатам эти изучения приведут.

Такую позицию всегда занимала Русская Православная Церковь. По мнению Святейшего Патриарха, которое он неоднократно высказывал, необходимо, прежде чем решать вопрос о захоронении останков, убедиться в их принадлежности Царской Семье. «Есть много разных версий, — говорит Его Святейшество, — которые противоречат утверждениям, что это подлинные царские останки. В этом вопросе нужно учесть все существующие предположения и гипотезы».

Решимостью снять все сомнения и установить истину определялась позиция большинства членов Правительственной комиссии в первый период её деятельности. Прокурор-криминалист В.Н. Соловьёв в своём первом документе на имя Председателя Комиссии Ю.Ф. Ярова очень подробно излагал суть вопросов и суть проблем, с которыми столкнулось следствие, и вполне резонно приходил к выводу, что ответ на все вопросы может быть получен лишь только при «комплексном изучении материалов, находящихся в России и

за её пределами». Размышляя о результатах медицинской экспертизы, В.Н. Соловьёв писал: «С точки зрения “разумной достаточности”, возможно, получив указанные материалы, на проблеме можно поставить точку. В данном случае, учитывая необычность ситуации, следует провести весь комплекс возможных исследований, чтобы устранить даже самую малую «зацепку» для оппонентов».

Хотим мы того или нет, но приходится считаться с фактом, что все события, связанные со зверским убийством Николая II и Его Семьи, за последующие десятилетия приобрели в сознании широких кругов общественности, особенно в среде русской эмиграции, устойчивое представление о совершённом злодеянии, основанное на заключении следователя Н.А. Соколова и появившихся свидетельствах лиц, так или иначе причастных к этому событию.

Поэтому появление «Записки» главного убийцы, которая коренным образом изменила финальный акт этой кровавой истории, вызвало неоднозначную реакцию, породило всевозможные вариации, вплоть до полной убеждённости в том, что место сокрытия трупов, указанное в «Записке», является грубой фальсификацией, созданной большевистской властью, тайна которой «замурована» в «недоступных хранилищах» карательного ведомства.

Игнорирование этих фактов рискует поставить Правительственную комиссию в один ряд с печально знаменитой «высокой» государственной комиссией сталинского времени, расследовавшей Ка- тынское преступление.

*Записка «Юровского-Покровского»
Открывает истину или уводит от неё?*

Ещё в 1994 году мною была представлена в Комиссию «Докладная записка», составленная по поручению Ю.Ф. Ярова, в которой я попытался объединить в единый документ наиболее распространённые версии, слухи, сомнения и даже легенды, которые дают основание тем, кто не может быть удовлетворён только лишь заключениями медицинских экспертиз без сравнительного анализа с фактами исторического характера, уязвлять Комиссию в недобросовестности и даже в предвзятости.

Правда, мой скромный труд Комиссией востребован не был, хотя многие вопросы, в нём обозначенные, и ныне вызывают споры, а в случае с «Запиской Юровского» противоречия значительно обострились, ибо в то время, когда я выполнял поручение Председателя Комиссии, «Записка» признавалась официальным документом, составленным лично Юровским, с его же правками и дополнениями.

О том, что оригинал «Записки» принадлежит Покровскому, я узнал в конце прошлого года от историка Ю.А. Буранова, который обнаружил рукописный текст в архиве и определил его автора. Я не знаю, был ли Ю. Буранов первооткрывателем рукописного экземпляра. В.Н. Соловьёв объявил об этом открытии позднее, причём как о факте, уже подтверждённом путём экспертного изучения, хотя никакого документа этой экспертизы в Комиссию представлено не было.

Естественно, с появлением нового «автора» «Записки» появились и новые вопросы, и не только у меня. Покровский — это не просто случайный персонаж. Это крупный послереволюционный деятель, член ВЦИКа. Он присутствует на всех заседаниях и в том числе и на том, на котором Свердлов сообщил о расстреле в Екатеринбурге. Трудно поверить в то, что Покровский выполнял роль секретаря или стенографистки, записывая за Юровским его показания. Если бы по причине полной безграмотности Юровского (что не соответствует действительности) Покровскому потребовалось снять показания с Юровского, то этот труд он, безусловно, должен был бы поручить кому-то из своих подчинённых. Однако главный историк советской России собственноручно составляет весь текст рассказа Юровского и, более того, делает сам приписку, которая указывала тайные координаты могилы, то есть, возможно, создаёт на основании показаний Юровского «историческую версию». К такому выводу приводят сообщения, которые в разное время появлялись в средствах массовой информации, как у нас в стране, так и в зарубежной печати (к примеру, статья Н. Росса в «Русской мысли», в которой приведены копии рукописных вставок Покровского в «Записку Юровского»). Следствие никак не комментирует роль Покровского в происхождении «Записки». Не комментирует и такой факт, почему на варианте «Записки», опубликованном Рябовым в журнале «Родина» (который, по его словам, был им получен от сы-

на Юровского, где рукою Юровского-отца, как утверждает Рябов), написано: «Копия. т. Покровскому дан подлинник 20 г.».

Какой имеется в виду подлинник? Тот, что составил сам Покровский? Но это же полный абсурд с точки зрения здравого смысла. Следовательно, Юровский умышленно «запутывает след». Но он не мог мистифицировать событие, если его к тому не обязывали некие обстоятельства. А если это так, то насколько вообще этот документ является достоверным? Бытует же такое мнение, причём достаточно широко как у нас в Отечестве, так и особенно в среде русской эмиграции, что «Записка Юровского» — это продукт, сотканный из полуправды и откровенной лжи в то время, когда понадобилось кровавой истории в Екатеринбурге придать несколько менее кровавый характер. То, что факты, изложенные в «Записке», частично во всяком случае, не получили подтверждения, следует уже из того, что останков двух тел, по свидетельству Юровского, якобы сожжённых возле сооружённой им могилы, обнаружить не удалось, хотя несколько лет в окрестностях могилы производились поиски группой археологов и геологов.

Ныне уже и В.Н. Соловьёв как будто бы понимает бессмысленность дальнейших поисков в Поросёнковом логу. Во всяком случае, недавно он высказал мысль, что тела или сожжены дотла, или их надо искать в другом месте. Э. Радзинский ещё в 1994 году утверждал, что никакого захоронения двух трупов возле общей могилы нет и что в «этой части “Записки” Юровский солгал». Правда, далее Радзинский выдумывает совершенно невообразимую историю бегства двух трупов, но это уже другая тема. Нас интересует утверждение Радзинского, который когда-то настаивал на абсолютной подлинности как самой «Записки Юровского», так и фактов, в ней изложенных, что Юровский никаких тел в Поросёнковом логу не сжигал. И Соловьёв, и Радзинский приходят к выводу, что Юровский этот эпизод выдумал, а если это так, то какова же тогда степень правдивости в «остальных частях Записки» и кто может сие определить?

Раз Юровский солгал, значит, была тому веская причина. К 1920 году мир был уже абсолютно убеждён в том, что трупы были полностью сожжены на Ганиной Яме, превращены предварительно в «кровавую массу человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и го-

лов». К тому времени уже была широко распространена версия «тайного груза», доставленного в качестве «вещественного» подтверждения в Кремль. Высказывается мысль, что политическая ситуация потребовала от большевистской власти «сформулировать» официальную позицию. И действительно, не следует ли обратить внимание на то, что «Записка» составляется не непосредственно после совершённого злодеяния, тогда, когда Юровский с «документами» и «вещественными подтверждениями» отправляется в Москву для доклада, а двумя годами спустя. И странно, что два года спустя именно член ВЦИКа вдруг так заинтересовался рассказом Юровского, что собственноручно составил текст «Записки», сам же её подкорректировал и сам же приписал координаты могильника. И те, кто убеждён в том, что в 1920 году, через два года после гибели Царской Семьи, историком Покровским была создана «официальная картина» этого события, имеют все основания предполагать и то, что на самом деле именно тогда и был совершён подлог.

Во всяком случае, пока следствием не будет дан ответ на все вопросы, которые вызывают разномыслие в отношении самого «главного документа», документа, который не только опровергает выводы, сделанные Соколовым, но и все имеющиеся свидетельства, не согласующиеся с показаниями Юровского, говорить о «безупречности» показаний Юровского представляется, даже с точки зрения эмоциональной, не говоря уже о юридической, преждевременно.

Говорит ли Рябов правду?

Я также хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что Следствие совершенно игнорировало все противоречия, которые имеются среди участников поиска Царского захоронения, обнаружение останков, тайного вскрытия могильника, тайного обратного вложения и вскрытия официального в 1991 году.

А вопросы есть. Начиная с весьма загадочной личности Гелия Рябова, имя которого с первого же его появления на международной арене приобрело устойчивую характеристику «мистификатора». Зарубежная пресса окрестила Рябова «бывшим полицейским», а у нас в России «писателем-милиционером» и «сотрудником» ве-

домства, глава которого патронировал деятельность «милицейского драматурга». Об этом покровительстве на первых порах говорил и соучастник Рябова А.Н. Авдонин (тогда ещё фигура малоприметная), которого Рябов именовал своим «помощником». «Он сказал, что ничего бояться не надо, т. к. будем работать под эгидой Щёлокова» (из показаний Авдонина прокурору Туйкову). У непредвзятого наблюдателя такие мелочи всё же вызывают некоторое недоумение. Почему, в самом деле, министр МВД в самое что ни на есть «застойное» время занимается столь непопулярным для советской идеологии делом? Какова подоплёка этого интереса, и почему именно Рябову предназначается столь ответственная тайная роль? Недоумение вызывает и неожиданное исчезновение из поля зрения самого «первооткрывателя» и первого «публикатора» всей сенсационной истории поисков и обнаружения останков, которые именно им, Рябовым, впервые были обнаружены как останки Царской Семьи. Мы помним его первые выступления в средствах массовой информации с черепом в руках, который он выдавал за череп Государя. Мы помним невероятную его активность в популяризации «своего открытия», к которому он, по его же словам, «мучительно шёл много лет». Мы помним и то, что «открытие» Рябова сразу же вызвало резкое недоверие. Его обвинили в «совершении злонамеренного подлога», в том, что вся романтическая история с нахождением останков и увезёнными из могилы черепами нужна была для того, чтобы «вложить в могильник недостающие три черепа», а общественное мнение отвлечь сенсационностью самой находки. Рябова также обвинили в том, что он является лишь исполнителем тайной операции, задуманной и разработанной в недрах известного ведомства, цели которого для многих весьма подозрительны.

Все эти обвинения в адрес Рябова, безусловно, превратили его в фигуру одиозную. С какого-то момента его присутствие в качестве автора «находки века» стало отрицательно влиять на ход дальнейшего исследования извлечённых останков, в особенности на общественное мнение в кругах дальнего зарубежья. Это привело к тому, что Рябов, как многие предполагают, был «насильственно отстранён» и заменён малоизвестным в то время Авдонинным. Мне довелось встречаться с Рябовым в период расцвета его популярности, обсуждать с ним событие, которым он был полно-

стью поглощён, и я не могу представить, что так, вдруг, этот амбициозный человек отказался бы от той роли, которая сулила ему мировую известность.

С начала работы Правительственной комиссии главной фигурой в нахождении останков Царской Семьи становится Авдонин, и он сам это постоянно подчёркивает: «В осуществлении поисков мной и моими коллегами...», «тайна останков царской семьи была раскрыта не на основании “Записки Юровского” (как утверждает Рябов. — А.Г.). В Деле по прокурорской проверке факта вскрытия останков имеется объяснительная записка Рябова, в которой он указывает на встречу с А.Я. Юровским в 1978 году, передавшим ему тогда копию записки отца. Но именно в том же году я сообщил Рябову в письме, что предполагаемое место захоронения царских останков нами (мной и М. Кочуровым) найдено. С “Запиской Юровского” Рябов приехал к нам в 1979 году».

Это Авдонин говорит в 1995 году. Но в том же деле по прокурорской проверке (1991) Авдонин несколько иначе вспоминает события 1978–1979 годов. «Мы сделали топографическую съёмку Ганиной Ямы. К этому времени у нас были и записки Юровского. Оценив всё в совокупности, мы пришли к выводу о месте захоронения семьи Романовых».

Рябов в своей «объяснительной записке» прокурору Свердловской области Туйкову в том же 1991 году пишет следующее: «Место захоронения было найдено вначале теоретически. Обнаружить его помог анализ показаний сторожа будки № 184 Лобухина, соответствующих страниц книг Дитерихса и Соколова с запиской Юровского. Анализ позволил прийти к выводу. В дальнейшем мы все вместе (Васильев, Песоцкий, Рябов и Авдонин с жёнами) обследовали этот лог и обнаружили место захоронения». Кстати, приведённый Рябовым список лиц, участвовавших во вскрытии могильника в 1979 году, совпадает с тем, который называет Авдонин в документе, адресованном Ю.Ф. Ярову. Однако ранее, в 1991 году Авдонин докладывал прокурору Туйкову несколько иначе: «...мы собрали всю группу, которая мне помогала: были я, Васильев, Кочуров, Рябов и жёны. Это было в мае. Какого числа я не помню, все шестеро указанных выше (то есть не Песоцкий, как прежде у Рябова, а Кочуров) приехали на поляну и вскрыли яму».

Вообще, у Авдонины и Рябова постоянно встречаются, возможно, и незначительные, но с точки зрения тех, кто высказывает определённые сомнения, странные несовпадения в изложении деталей событий, в которых оба принимали одинаковое участие. Авдонин, например, свидетельствует о том, что ими был обнаружен «деревянный настил два на три метра». Рябов в журнале «Родина» в 1989 году пишет: «Сняли слой земли, в которой лопата упёрлась во что-то жёсткое, пружинистое. Хворост. Под ним снова земля», а в дневнике, который Рябов якобы вёл в день происходящих событий (то есть за десять лет до публикации в журнале), этот эпизод выглядит совершенно иначе: «Снят слой мокрой травы, верхний слой земли, обнажены шпалы. Сняли первый слой шпал, под ним обнаружили второй слой шпал. Упёрлись в третий слой шпал». Когда могила вскрывалась в последний раз в 1991 году и когда впервые был составлен подписанный всеми участниками протокол по проведению этой акции, было зафиксировано, что в разных местах раскопа попадались «обломки шпал», и ни о каком «настиле» упоминаний не было. Что касается «свидетельства» Рябова, то небезынтересно обратить внимание на такую деталь. В опубликованной Рябовым в журнале «Родина» «Записке Юровского» шпалы также не упоминаются. В ней говорится только о хворосте. Рябов механически переносит в свой рассказ то, что написано в «Записке», им опубликованной, как бы подтверждая этим подлинность показаний «главного убийцы». Он даже это особо подчёркивает. «И ещё я подумал, — пишет Рябов, — могила Романовых — не миф, она существует реально. Существует, мы не сомневались — зачем Юровскому лгать?»

Второй вариант «Записки Юровского» (а это именно «вариант», а не копия, ибо с текстом Рябова имеет разного рода несовпадения, которых более 140), был опубликован Радзинским, но уже после выхода в свет очерка Рябова. В этом варианте говорится, что могилу забросали не только хворостом, но и покрыли шпалами. Всё вышеприведённое в дополнение к тем отрицательным характеристикам, которыми наградило Рябова общественное мнение, лишь добавляет сомнения ко всему тому, что связано с обнаружением захоронения в Поросёнковом логу в изложении лиц, принимавших в этом непосредственное участие, а также даёт повод подозревать,

что «дневник Рябова» является плодом его драматургического творчества, составленным задним числом.

Кому же верить?

Конечно, все противоречия в свидетельских показаниях, путаница в изложении фактов, не только исторически возникшая с первых дней совершённого злодеяния, но и появления «сенсационного открытия» Рябова, с которыми столкнулось следствие нашего времени, невозможно просто игнорировать только на основании проведённых медицинских экспертиз. Для того чтобы успокоить общественное мнение, следствие обязано публично ответить на вопросы, которые дают основания ставить под сомнение не только выводы медицинских исследований, но и беспристрастность самого следствия. Тем более, что на протяжении всех лет работы следствия в средствах массовой информации, как у нас в стране, так и за рубежом, постоянно появляются публикации, уязвляющие проводимое расследование, Правительственную комиссию и само Правительство в сокрытии истины. К примеру, в прошлом году я попытался обратить внимание Комиссии на публикацию в газете «Русский вестник», перепечатанную журналом «Православная Русь», издающимся в США, в которой сообщалось, что якобы найдена опись предметов, находившихся некогда в кабинете Ленина, среди которых «указана заспиртованная голова Николая II». Вывод был сделан достаточно категоричный: «Находка ставит вопрос о добросовестности правительственной комиссии» («Православная Русь»). Я считал, что Комиссия должна была призвать к ответу редакцию «Вестника» и защитить честь собственного мундира, однако эта публикация осталась без последствий, что, безусловно, авторитета Комиссии не добавило.

Недавно общественное мнение всколыхнуло «открытое письмо» Святейшему Патриарху журналиста А. Мурзина, который, кстати, не исключает того, что в могильнике Поросёнова лога могут присутствовать останки Царской Семьи. Мурзин опирается на рассказ Ермакова и на его совести, насколько точен этот рассказ. Конечно, можно бездоказательно утверждать, что Ермаков к концу жизни

выжил из ума (чекист И. Родзинский, участник злодеяния, тоже в преклонном возрасте в 1964 году рассказывал нечто подобное Ермакову) или беззастенчиво лгал (известен подобный рассказ ещё одного «студента», который ранее в 1937 году слышал «исповедь» Ермакова). Безусловно, верить на слово Ермакову нельзя. Так же, впрочем, как и всем остальным «свидетелям», «участникам», посредникам и пр. Все они в той или иной мере лгали. Так же, как лгал Юровский. Во лжи уличён и Рябов. Все сведения, которыми мы располагаем и о которых идут споры, исходят от тех лиц, чьи свидетельства ничем, кроме их собственных заверений, не подтверждаются. Как убедить общественное мнение, что рассказ Юровского правдив? Только на основании того, что его рассказ согласуется с выводами официального следствия? Можно ли, не имея никаких тому серьёзных подтверждений, убедить общественное мнение в том, что картина всех событий, связанная с именами Рябова и Авдонина, абсолютно достоверна, только лишь на основании их личных рассказов? Нет ни одного документа, который бы юридически подтверждал факты, ими изложенные. Можно верить, а можно и не верить, что группа «первооткрывателей» 1 июня 1979 года извлекла из могильника три черепа. То, что три черепа были зарыты рядом с захоронением — это достоверный факт, свидетельски и документально зафиксированный. А кто возьмётся грамотно доказать, что это действительно те самые черепа, которые годом ранее, по словам тех же лиц, были извлечены из могилы? Кто может доказать, что Рябов целый год демонстрировал публично именно находку из Поросёнкова лога? Если можно сомневаться в правдивости Ермакова, который, по утверждению Мурзина, собственноручно сжёг три тела, предварительно отчленив три головы, то почему же не усомниться в том, что «три головы», возвращённые в захоронение, ранее были оттуда изъяты.

Да, нашему времени выпала неблагоприятная доля поставить точку в трагической судьбе последнего русского Царя, история, которая за восемьдесят лет обросла вымыслами, легендами, ложью, всевозможными фальсификациями, слухами, порождёнными недостаточностью точных сведений и умышленной дезинформацией. Обретение истины — это величайшая историческая ответственность, возложенная ныне Правительством России на Комиссию в целом и на каждого её члена персонально.

И я, как член Комиссии, понятно, несу также свою долю нравственной ответственности за то решение, которое будет вынесено Комиссией на основании её пятилетней деятельности. Я несу моральную ответственность не только перед собственной совестью, но и перед членами организации, которую я возглавляю, перед русской эмиграцией, среди которой у меня немало родных и друзей, вообще перед всеми, кто мне верит.

Исходя из вышеизложенного, а также основываясь на известном мне существующем разномыслии в разных слоях общества, как российского, так и зарубежного, считаю, что Комиссия должна рядом с заключениями медицинской экспертизы ответить на вопросы, которые волнуют широкую и здравомыслящую (это я подчёркиваю) общественность, с тем, чтобы в будущем Комиссию не обвиняли в поспешности или в «грехах» более тяжких.

Поэтому, с моей точки зрения, по крайней мере необходимо:

1. Аргументировано доказать, что в подвале дома Ипатьева 17 июля 1918 года была полностью умерщвлена Царская Семья и лица, находившиеся с ней в заточении (особенно в связи с тем, что останки двух жертв не обнаружены). Это крайне важно и для того, чтобы раз и навсегда публично положить конец всем самозванным претензиям на Российский Престол.

2. Дать исчерпывающее заключение «Записке Юровского».

3. То же по всем вопросам, связанным с событиями 1979–1991 годов.

Приложение 41

ЗАЯВЛЕНИЕ

Принимая выводы судебно-медицинской экспертизы в отношении подлинности останков, обнаруженных в Поросёнковом логу под Екатеринбургом, как достоверный факт (ибо по своей некомпетентности в вопросах медицинского характера не имею никакого права высказывать какую то ни было собственную точку зрения и уж тем более подвергать сомнению профессиональную осведомлённость и ответственность представителей научного мира), я согласен с тем, что основной этап работы по идентификации останков Комиссией завершён.

Однако такого же удовлетворения я не могу высказать в отношении вопросов исторического характера, сопутствующих событию, связанному с периодом тайного захоронения и сокрытия тел.

Эти вопросы на заседании Комиссии 3 декабря 1997 года были отнесены к «проблемам историческим», то есть в разряд несущественных, не связанных «со сроками завершения работы Комиссии» и поэтому в повестку дня 30 января 1998 года внесены не были. В то же время эти вопросы вообще не нашли отражения в материалах, представленных в Комиссию прокурором-криминалистом В.Н. Соловьёвым в качестве документов, завершивших работу следствия. Должен подчеркнуть, что в этих документах, с моей точки зрения, отсутствует следственно-криминалистический анализ и что они по своему содержанию представляют собою литературное изложение исторических событий по известным источникам, которые в основном соответствовали тем выводам, к которым пришло следствие.

Я во все годы работы Комиссии придерживался убеждения и его высказывал (мои письменные материалы от: 17 апреля 1994, 11 ноября 1995, 20 сентября 1997, 12 января 1998), что одновременно с заключением судебно-медицинской экспертизы Комиссия должна представить профессионально-убедительное заключение по тем вопросам, которые волнуют широкую общественность, как в нашем Отечестве, так и за рубежом, порождают сомнение и недоверие, с тем, чтобы в будущем была устранена всяческая возможность уяз-

влять Комиссию в недобросовестности и уж тем более в злонамеренности.

В связи с тем, что моя инициатива оказалась неэффективной, я должен с огорчением для себя и справедливости ради признать своё участие в работе Комиссии беспредметным. Моё присутствие никоим образом не способствовало устранению разномыслия в обществе, к которому я искренне стремился.

Как член Комиссии я подтверждаю своё доверие в отношении тех результатов, которые изложены в заключительном документе Судебно-медицинской экспертизы, считая в то же время, что вся полнота ответственности ложится также на конкретных представителей медицинских учреждений и Генеральной прокуратуры, этот документ составлявших.

В заключение позволю себе высказать соображение, которое с моей точки зрения могло бы стать предметом обсуждения. Я бы предложил разделить процесс перезахоронения останков на два этапа.

В нынешнем году, в дни трагических событий в Ипатьевском доме, перевезти останки в Москву и поместить их для временного пребывания с совершением церковного поминального церемониала в Ново-Спасском монастыре до 2000 года, то есть совершить символическое погребение останков, которые «с наибольшей вероятностью являются останками Императора Николая II, Его Семьи и их верных слуг».

За предстоящее время до нового тысячелетия провести все необходимые исследования, с учётом всех разумных возражений и сомнений в тесном контакте с Российской зарубежной экспертной комиссией, которую возглавляет П.Н. Колтыпин-Валовский.

Член Комиссии А.К. ГОЛИЦЫН

2 февраля 1998 год

Приложение 42

Из дневника Голицына А.К.: 1997–1998 годы

1997 год

3 ноября

Заседание Комиссии. Первый раз с новым председателем — Немцовым. Первое, что бросилось в глаза, огромное количество прессы. Пока не началось заседание снимали, наверное, все каналы ТВ. И в коридоре, и в зале заседания. Пресса удалилась при появлении Немцова. Он открыл заседание, сделал короткое резюме по работе Комиссии за прошлые годы, выразил критическое суждение в связи с многогодичной работой без конкретных результатов и обеспокоенность Президента тем обстоятельством, что останки уже много лет не преданы земному погребению. А также сказал, что Президент после заключения Комиссии будет принимать окончательное решение. Прибыло много народа, членов Комиссии. Постоянные: владыка Ювеналий, Беляев, Брагин, Авдонин, Красавченко, Алексеев, Соловьёв (не член), а также Россель, Глазунов, Радзинский, эксперты Абрамов и Иванов, Музыканский и другие.

Первое сообщение сделал Соловьёв. Он говорил о заключении следствия и обозначил ряд вопросов, требующих дополнительных исследований, после чего факт принадлежности останков Царской Семье будет неоспорим. О записке Юровского подтвердил снова, что она написана Покровским (в оригинале), а машинописная копия имеет правки рукой Юровского. Почему Покровский писал за Юровского (Покровский — член правительства и вряд ли записывать просто со слов Юровского стал бы сам, а не поручил это своим подчинённым, если бы в этом не было важного смысла), таковой оценки Соловьёв не дал. Надо отметить, что в своё время Соловьёв с такой же убеждённостью говорил, что записка написана самим Юровским и что это доказано.

Глазунов вёл себя, как всегда, «оригинально». Его главный мотив недоверия — отрезанные головы, о чём он прочитал в журнале «Молодая гвардия». Эту публикацию он принимает как достоверный факт, то есть версию, что после смерти Ленина в его сейфе была обнаружена голова Государя, которая «плавала в красной жидкости». На этот вопрос, который был задан Глазуновым, Соловьёв дал совершенно невразумительный ответ: «Это написал Беседовский, удрав за границу, где ему выгодно было лично, с одной стороны, продемонстрировать свою осведомлённость, а с другой — продемонстрировать всему миру злодейство большевиков, от которых он и сбежал». Для прокурора такое объяснение неприемлемо. И наводит только на мысль: или эта тема запутанная (что так и есть) и у следствия нет никаких объяснений и ему (следствию) нежелательно вообще этим заниматься, или, наоборот, следствие осведомлено о том, что эту тему всячески нужно превращать в абсурд и не углубляться в её изучение.

Владыка вёл себя настороженно. Высказывался по некоторым пунктам регламента с тем, чтобы были вписаны дополнения, да и потом в интервью сказал, что у Церкви есть ряд вопросов, которые имеют значение и на которые пока ответа нет, но он надеется (дипломат), что через два месяца на эти вопросы будет получен обстоятельный ответ, и тогда Церковь свою позицию изменит. Более серьёзные сомнения от лица Церкви высказывал Беляев. Он, в частности, просил о проведении сопоставления выводов следствия Соколова со следствием Соловьёва, который категорически отрицает необходимость проведения исторической экспертизы, на которой настаивает Алексеев и надобность в которой я поддерживаю, о чём дал свои соображения к этому заседанию, но оные на Комиссии представлены не были (видимо, уже заранее было решено снять этот вопрос вообще).

После выступления Алексеева я сказал, что историческая экспертиза необходима, но её нужно сузить до практического смысла, то есть определить те направления, которые имеют значение для подтверждения правильности и достоверности выводов медицины. Немцов сказал, что «хорошее предложение», и очень ловко «предложил» провести историческую экспертизу, но не включая её в орбиту тех тем, которые должны быть в течение двух месяцев приве-

дены к завершению. Алексеев после этого снял свои предложения, что и было, думаю, с удовлетворением принято теми, кто проблему идентификации считает практически завершённой. Медицинская экспертиза определяет оную достоверность на 99,9%, о чём особо подчёркивал в интервью после заседания Немцов.

Россель отбивался как мог от требований Соловьёва перевезти в Москву останки для проведения исследований. На Комиссии он был не очень агрессивен и сказал, что если президент будет на этом настаивать, то безусловно подчинится, а в интервью был более определён в своём нежелании выпустить останки из Екатеринбурга, объясняя это более всего уверенностью в том, что по дороге и в Москве кости разворуют. Но, конечно, главная причина в том, что его желание провести захоронение у себя в городе и он понимает, если отпустит даже на некоторое время останки, то назад они никогда не вернуться.

Брагин на Комиссии не выступал, но обеспокоен давлением со стороны Немцова, понимает, что власть приняла решение похоронить в следующем году (1 марта — день Прощёного воскресенья), и что будет сделано всё, чтобы задавить всякое несогласие, хотя я не уверен, что Церковь этому давлению поддастся, и вполне вероятно, что в начале следующего года разразится скандал.

Когда вернулся домой, узнал от Ирины, что домогается до меня НТВ, которые жаждут взять срочное интервью к ночной передаче. Вскоре позвонил Кара-Мурза, а через некоторое время группа уже была у нас дома. Вечером показали почти всё, что записали в компании Роя Медведева, Клыкова, Дим. Дим. Васильева (Память) и кино режиссёра Шахназарова, который снял фильм об убийстве Царской Семьи.

Немцов ловко переиграл статус Комиссии, объявив её «общественной». В первых документах она именовалась «правительственной», и посему её возглавлять мог только вице-премьер.

18 ноября

Утром позвонил владыке Ювеналию с просьбой меня принять. Принял в своём кабинете, который отапливается специально, види-

мо электричеством, так как весь монастырь отключён от теплосети, что, по словам владыки, происходит ежегодно в это время.

Беседовали о делах в Комиссии. Владыка высказал удовлетворение в том, что после полуторагодового бездействия Комиссия предприняла конкретные шаги (выделила деньги и определила два месяца — срок на завершение исследования по тем вопросам, которые были Комиссией поставлены). Нужно ждать результат этих исследований и нужно настаивать (считает владыка) на том, чтобы эти результаты были представлены членам Комиссии за неделю до последнего заседания. Только тогда можно будет принять решение. Меня просил в адрес Немцова направить письмо с моими соображениями, которые я обещал предварительно ему показать.

20 ноября

Дал интервью ТВ в связи с «останками». В конце высказал мысль, что неожиданная спешка с завершением работы Комиссии нужна правительству, которое уже приняло решение о захоронении в ближайшее время, так как монархическая тема имеет место быть и обсуждается в верхах в связи с предстоящими выборами Президента. Нынешняя власть ищет возможность сохранить своё влияние и (в том числе) в монархии ищут к тому возможность.

1998 год

8 января

...Аксючица не застал. От него зашёл поздравить Архангелова и подарил ему книгу отца. Поговорили о делах в Комиссии, высказал свои сомнения, и он посоветовал поговорить с Себенцовым, на что я сказал, что как раз собираюсь к нему зайти, если застану. Себенцова действительно застал и просидел у него более часа. Он рассказал о своей встрече с Соловьёвым и о материале, который готовит прокуратура к финальному заседанию Комиссии. Соловьёв

пишет «Заключение». Я высказал мысль, что это заключение должно быть очень обосновано, а не то, что в своё время предложил Соловьёв Комиссии, когда Прокуратура закрыла Следственное дело. Высказал также ряд своих сомнений и пообещал в ближайшие дни представить своё письменное соображение. По срокам всё меняется. Только к концу января могут быть подготовлены все заключительные документы прокуратурой. Только медицинские исследования займут более пятисот листов, а предполагается четыре группы разных тем⁸. Потом необходимо эти документы представить на ознакомление членам Комиссии, на что уйдёт тоже не менее месяца, и только после этого (то есть уже в марте) может собраться Комиссия для вынесения решения. К тому же должен быть подготовлен и проект этого решения и тоже заранее с тем, чтобы на последнем заседании возможно было высказать замечания по «решению». Себенцов, конечно, уверен в подлинности останков, но согласен с тем, что необходимо учитывать общественное мнение и несогласие «оппозиции», обстоятельно рассмотреть следствием все спорные и «каверзные» вопросы и дать по ним профессиональное юридическое объяснение.

13 января

...Получил такую информацию: у Святейшего на даче в узком кругу близких лиц обсуждался вопрос останков. Святейший высказал мнение относительно проведённых исследований, что эти исследования не соответствуют требуемым результатам. С точки зрения того, кто эту информацию предоставил, Церковь подписывать завершающий документ Комиссии не будет.

...Отправил своё «особое мнение в Комиссию» владыке Ювеналию. То же отошло Патриарху...

15 января

Днём созвонился с отцом Матфеем и пошёл к нему в Чистый переулок. Передал для Святейшего свою «Записку» в Комиссию. Отец

⁸ Ничего издано не было.

Матфей проявил интерес к теме. Мы с ним недолго поговорили. Я высказал свои сомнения, а из некоторых вопросов понял, что и у Святейшего есть неуверенность в том, что следствие действительно завершено полным устранением всех несогласных точек зрения. Кажется, сегодня Святейший встречается с Немцовым. Отец Матфей сказал, что он доложит наш разговор Патриарху, как мне показалось, до предстоящей встречи...

26 января

По приглашению о. Иоанна Экономцева был на открытии 6 Международных Рождественских чтений. Со словом приветствия выступил Святейший... По окончании подошёл к владыке Ювеналию. Интересовался позицией Церкви в вопросе захоронения останков после всех сообщений в прессе о том, что Патриарх своё согласие дал. Владыка, хотя и оговорился, что конечное решение будет принято после обнародования последних исследований, но так как и ему понятно, что эти исследования уже проведены и о «положительном» результате их известно, сказал, что Церковь заняла следующую позицию: «Если все медэксперты подтвердят подлинность останков, то Церковь, не имея собственного профессионального мнения, примет на веру заключение экспертизы с условием, что на неё ложится в будущем вся ответственность». Мудрое дипломатическое решение. Мне же остаётся присоединиться к нему полностью и в части «ответственности».

В «Комсомольской правде» снова статья Мурзина и снова с призывом «не хоронить фальшивые кости». Сам ещё не читал.

3 февраля

Утром в РИА «Новости» была устроена пресс-конференция, посвящённая окончанию работы Комиссии по останкам. Из приглашённых явились: Соловьёв, Аксютин, Гелий Рябов, профессор Томилин и Мироненко, глава Гос. архива. Конференция вообще была неинтересной. Вёл Соловьёв. Он долго рассказывал о всей исто-

рии, начиная с убийства и до последних всех действиях своего следствия, всё в общем по собственным письменным заключениям, которые им представлены в Комиссию. Вывод его определённый. Останки царские. Полностью доказано и сомневаться не в чем. Мироненко подтвердил тоже, более останавливаясь на том, что Ленин непосредственного распоряжения о расстреле не давал, то есть таковых документов в Архиве не найдено, более того, он привёл документ из Екатеринбурга от 16 июля 1918 года на имя Свердлова (копия Ленину), в котором говорилось, что «судебного процесса над царём устроить возможности нет, и что, если ЦИК не возражает (сказано в документе иносказательно), то будет употреблена мера ликвидации». Ответа на этот запрос из Москвы не последовало, и, как предполагает Мироненко, «молчание означало согласие».

Все остальные также подтверждали факт окончания всех исследований и положительный их результат. Мне вопросов журналисты по этой теме не задавали, а сам я, естественно, эту тему поднимать не мог. Я ответил на вопрос о «слухах о некоем сундучке с останками, который хранится в храме-памятнике», о фонде по восстановлению памятникам царям и о моём мнении, где следует провести захоронение останков, о чём я подтвердил то, что говорил прежде, то есть — СПб...

На Комиссии 30 января все вопросы, касающиеся исторических проблем, не обсуждались. Никаких дебатов не было. Владыка приложил своё заявление. В котором главный пункт состоял в том, что вся ответственность ложится на авторов заключения, которые Церковь принимает на веру. Перед началом заседания атаковала орда журналистов, которые ждали окончания. Дал три интервью, в одном посетовал, что все вопросы, вызывающие сомнения, были вниманием обойдены, правда, ни одного интервью не видел. После окончания Аксючиц пригласил к себе отметить окончание деятельности Комиссии. Были: Брагин, Соловьёв, Томили, Авдонин. Угостил коньяком и чаем. Потом последовало приглашение от Немцова, который тоже поставил бутылку французского коньяка, а от него снова отправились к Аксючицу смотреть репортаж НТВ о заседании, а потом кривляние Радзинского на том же канале.

26 февраля

Сегодня Священный Синод своим решением не признал достоверным заключение экспертов о «безусловной принадлежности екатеринбургских останков» Царской Семье. Синод настаивает на срочном захоронении и продолжении исследований.

Ко мне приезжало НТВ, и я в ночной программе комментировал решение Синода. Кроме меня никаких «экспертов» более не было, как это обычно делает Кара-Мурза, в чём некоторые усмотрели «серьёзный» подход к теме со стороны компании НТВ.

27 февраля

Выступил в прямом эфире НТВ в первой передаче, в восемь часов утра. Выразил согласие с решением Синода, сказал, что на протяжении всего времени работы Комиссии неоднократно настаивал на проведении комплексных исследований, и повторил те три проблемы, которые были мною предложены в моей записке в Комиссию от 12 января сего года.

1 марта

В ночной передаче НТВ разглагольствовал как всегда самодовольный и самоуверенный «специалист» по Николаю II Радзинский. Начал он с резкого налёта на колтыпинскую Комиссию, весьма пренебрежительно охарактеризовав всех её членов. Щербатов — он уж настолько стар, что собственно кроме того, что он князь и носит фамилию известного «русского» (в устах Радзинского слово русский носит особый характер) учёного, о нём говорить не стоит — что с него спрашивать, Колтыпин — он инженер (куда лезет), а Магеровский — бывший сотрудник ЦРУ. Вся вину в отношении заключения Синода Радзинский приписал колтыпинской Комиссии, они-де завалили Патриархию письмами, а там под их давлением перепугались. Колтыпинцы якобы с первых дней заняли позицию полного отрицания того, что происходит в России (врёт), что когда

они приехали в Москву, им показали все документы (также врёт), и по их же настоянию пошли на то, что те самостоятельно проведут генетическую экспертизу с кровью Тихона Куликовского экспертом Рогаевым, которому они доверяют. На самом деле всё было не так. Наша Комиссия никакого участия не принимала и никакого согласия не давала, и экспертизу они проводили сами, сравнивая её результаты с выводами, полученными Ивановым, и об этом на том же заседании, когда приезжали из США члены американской Комиссии, Рогаев докладывал сам. Есть стенограмма.

Радзинский что-то нечленораздельное бормотал про «череп» Государя, и по нему как бы получалось, что фрагменты черепа сравнивались с берцовой костью Великого Князя Георгия Александровича, что тоже действительности не соответствует, так как ни от одного черепа никаких фрагментов не бралось, это заявил Соловьёв на вопрос Глазунова, который после такого ответа сказал, что ему всё ясно — раз не исследовали череп Государя, то, значит, голова была отрезана. Это сказано было на заседании Комиссии и должно остаться в стенограмме.

Естественно, вопрос коснулся ритуальной версии. Тут Радзинский театрально закатил глаза, вздохнул глубоко и улыбнулся улыбкой «мудреца», очень доброго и очень снисходительного к человеческим слабостям, к которому обратился неразумный малыш с глупым наивным вопросом. Он отвечал как бы нехотя, преодолевая себя, своё внутреннее сопротивление, свою брезгливость в отношении темы, о которой в цивилизованном обществе говорить-то неприлично. Но всё же вспомнил дело Бейлиса, уже после которого «всему миру известно, что евреи никогда никакими ритуальными убийствами не занимались», тем более говорить об этом в связи с убийством Царя и Его Семьи смешно, ибо Юровский был атеист». Об кабалистических знаках и о переводе Энея не упомянул.

А НТВ вообще договорилось до того, что Церковь сознательно откладывает решение вопроса об останках до 2000 года, ибо тогда будут выборы Президента и, вдруг, победят коммунисты.

А на меня после последнего заседания Комиссии насел «князь» по-нынешнему, а прежде коммунист, со своим тайным «оруженосцем», требуя, чтобы я не передавал своего заявления в Комиссию, в котором высказывался критически по поводу завершённого следствия. «Их сиятельство» пропускает всё через призму того, как это

может аукнуться ему из Мадрида и Парижа, где к останкам относятся с полным доверием. Хорошо, что не внял. Моё размышление о том было, какой я вижу разумный выход из нынешней ситуации, что полностью совпало с решением Синода. Второму позднее припомнил. Он, как всегда, изворачивался, говорил, что только возражал против моего выхода из Комиссии (чего в моём писании не было), а во всём другом был прямо-таки полностью солидарен...

5 марта

Приём у посла Испании... Посол интересовался монархической ситуацией в России и особенно судьбой останков, так как, как он объяснял, не знает, как себя официально вести и каков уровень будет захоронения. Я ему сказал, что если будет захоронение Царских останков и в этой процедуре будет участвовать Патриарх, то уровень будет высокий, а это станет известно, конечно, заблаговременно...

16 марта

Заседание Президиума фонда под председательством Святейшего. Шульгина — президент фонда. В числе членов: Брагин, Михалков, Егоров — банкир и другие. После заседания был приём. С Патриархом говорил об останках. Понятно, что Церковь хоронить будет останки «неизвестных лиц». Поблагодарил за письмо, ответ на моё поздравление по случаю тезоименитства.

9 мая

День Победы.

Центр весь перекрыт. На Красной площади парад. От Белорусского вокзала, как всегда, шествуют дружно зюгановско-анпиовская оппозиция с большевистскими красными знамёнами и прочей атрибутикой. На Поклонной горе гуляют ветераны и народ. День в общем, тёплый.

В Москве Великая княгиня Леонида. Она прилетела дня два назад по приглашению Лужкова, и приём у него показали по третьей программе, на котором оба заявили о том, что поддерживают осторож-

ность, проявленную Церковью в отношении захоронения 17 июля. Для меня таковой поворот во мнении Великой княгини был неожиданным, ибо она прежде высказывала несколько иную точку зрения, публично поддерживая официальную позицию, и ещё в своё время меня отчитывала за то, что я настаиваю на исследованиях за рамками медицинских экспертиз. Это письмо (для истории) у меня сохраняется.

Леониду сопровождает и организует всю программу её пребывания в Москве князь Чавчавадзе. Он и внушил Императорскому Дому придерживаться Патриаршей стороны, а не президентской.

23 мая

Опять беседовал об «останках», теперь в Останкине на НТВ. Два журналиста (Аркадий Мамонтов, другого не помню) ведут самостоятельное расследование, ищут документы, считая, что архивы не все предоставлены для изучения, более того, имеют сведения, что в Архиве Президента есть фонд (даже называли шифр), к которому не допускают. Утверждают также, что ФСБ получило то ли указание, то ли по собственной инициативе готовит для обнародования какие-то документы, связанные всё с той же трагической историей в Екатеринбурге, с тем чтобы тему эту прекратить. Утверждают, что в архиве должны быть фотографии или негативы с места убийства, которые удостоверяют, что вся семья была умерщвлена, и что эти «вещественные доказательства» были Юровским предоставлены на его докладе в Москве, в качестве подтверждения о том, что никто из Семьи не остался в живых. Это утверждение основано на том, что они якобы встречались со старой большевичкой, которая им сказала, что ей Свердлов показывал эти фотографии.

Ищут они документ, который бы подтвердил, что Ленин был главной фигурой, которая решила судьбу Николая Второго, и что расправа с его непосредственного вельможи и по его же инициативе была им санкционирована, но исходя из щекотливой ситуации того времени, он, как умный человек, для возможной реакции, оставался в тени, ответственность переводя на местную власть и на «самостоятельность» Свердлова. Это для них главная цель. Если удастся доказать, что Ленин прямо причастен к убийству, то следом будет решаться во-

прос о его выносе из мавзолея, что является стратегической задачей сегодняшней власти: похоронить с почестями царя, как бы восстановив историческую справедливость, и главного злодея убрать с Красной площади, разрушив этим самым место поклонения коммунистической оппозиции. Сии инициативы власти связаны, конечно, не с её вдруг гуманным проявлением. Эта акция входит в стратегию, которая разрабатывается с единственной целью — сохранить власть, что предполагает даже восстановление монархии, но, естественно, в том виде, если это будет гарантией стабильности для власти, вернее, высоких её представителей, то есть монарх или «карманный» или свой собственный. Правда, Мамонтов в своих поисках документов преследует цель не помочь власти самоутвердиться, а скорее наоборот. Он убеждён, что выводы Комиссии недостоверны полностью, что Соловьёв, с которым он беседовал, не искренен и выполняет предназначенную ему роль, то есть утверждает ту «правду», которую он должен утверждать по своему служебному положению, и что, если захоронят, то уже потом будет сложнее, а может быть, и поздно вообще размышлять об останках с точки зрения их подлинности, даже если и появятся дополнительные документы. Любопытно, что Мамонтов нашёл плёнки с записью показаний Родзинского и других, которые известны по публикации Алексеева и о которых Соловьёв говорил, что их нет, что они уничтожены и искать их бессмысленно, так как он искал и не обнаружил. А эти нашли.

Я прослушал запись показаний Родзинского. Алексеев опубликовал фрагментарно, но то, что им опубликовано, — абсолютно точно. Но он почему-то упустил детали, очень эффектные. Родзинский говорит, что в Наследника стреляли одиннадцать раз — «проглотил одиннадцать пуль... живучий парнишка» и целый ряд других подробностей. Самоциничное повествование вызывает дрожь в теле. Так спокойно старый человек (67 лет) уже в 1964 году, подхихкивая, рассказывает об убийстве детей и о том, как они глумились над ними уже в лесу, словно совершено было дело, достойное похвалы. Почти через пятьдесят лет у этого подонка совесть никак не заговорила. А сам ведь сидел.

Я говорил о своих сомнениях, о «Записке Юровского», о первооткрывателях, высказывал сомнение в факте их поисков в 1979 и 1980 годах, говорил, что не верю Соловьёву, в общем всё, что уже не раз высказывал. Записали две кассеты. Что из этой беседы и как

смонтирует, будет видно. Материал готовят не позднее 15 июля. Их задача — приостановить захоронение.

10 июня

Утром, как всегда, на службе в Елоховом соборе... Вечером Патриарший приём в Даниловом монастыре... В фойе увидел владыку Ювеналия и с ним поговорил об останках. Подтвердил свою солидарность, а от него услышал, что решение Синода уже совершенно окончательное и никто из иерархов принимать участие в СПб не будет. Служить будет, как сказал владыка, приходской священник.

12 июня

...Получил впервые приглашение в Кремль... Президент появился под объявление в микрофон. Сказал короткую речь и провозгласил тост «за россиян». Патриарх, который тоже вначале присутствовал, вскоре исчез. Дольше оставался владыка Сергей. Встретил, как всегда, сердечно. По поводу останков сообщил ему о вчерашнем участии в двух программах. С этой же темой состоялся разговор с Немцовым. Сам он её начал. Спросил, поеду ли я в СПб, на что я ответил, что не поеду. По этому поводу у нас возникли дебаты. Немцов меня убеждал, что решение было принято Комиссией, а я сказал, что решение было принято им, что никто не голосовал и никто ничего не подписывал, что вопросы, которые он считает «историческими» и которые можно годами изучать, с моей точки зрения имеют отношение к тем исследованиям, на которое сориентировано следствие, что членам Комиссии никогда не предоставляли документов, связанных с проведением изъятия фрагментов, что мы не видели копий «Записок Юровского» и что моя последняя Записка вообще даже не была распространена между членами Комиссии и уж тем более не возымела никаких последствий. На том и разошлись.

27 июня

...В соборе встретил Беляева. Его недавно МК разнёс в пух и прах, объявив чуть ли не мошенником и шарлатаном. Он мне сказал, что

от Соловьёва знает, что исследование и в Лондоне и в Америке проводились от одной берцовой кости. Беляев уверен, что в захоронении вообще нет Царских останков, что могила — это полная мистификация, созданная после 1919 года, и что, может быть, и берцовая кость там была вложена, или же её подменили при экспертизе. «Записку Юровского» он уличает в полнейшей лжи довольно убедительно.

17 июля

80 лет со дня убийства Государя. Утром рано из Данилова отправились в Троице-Сергиеву лавру на панихиду, которую отслужил Патриарх. В Лавре сначала приложились к мощам Сергия Радонежского, а потом о. Назаркин повёл в храм. Сослужили с Патриархом все члены Синода кроме СПб-ского владыки и много архиереев. Из знакомых — владыка Александр Костромской. Вернулись в Данилов, там обедали...

Весь вечер смотрел трансляцию из СПб, где останки опустили в склеп. На церемонию прилетел Президент. Сказал хорошую речь о совершённом восемьдесят лет назад злодеянии...

Сама акция была очень торжественная и впечатление произвела. Горько, что власть пренебрегла мнением тех, кто сомневается в том, что все останки подлинные, и совершила действие волевым порядком, что неизвестно ещё к каким приведёт последствиям. Конечно, сама торжественная церемония произвела сильное впечатление на широчайшие общественные круги, как в России, так и за рубежом. Для непосвящённых это выглядело очень убедительно. Да и я переживал и многое меня тронуло, и, конечно, хотелось бы, чтобы не омрачали сомнения в подлинности и в том, что на века предаются последнему упокоению те, кого называют. Чувство, что власть совершает чудовищную мистификацию, что она пытается одновременно похоронить историю, правду, меня не оставляло.

Народу было много. Прилетели Романовы во главе с Николаем Романовичем, который там, как самый главный — царствовал. Был представлен Президенту, давал много интервью. Из Комиссии видел Немцова, Мироненко, Радзинского, а также Соловьёва, Аксючица, Иванова, Рябова. В Лавре было пять членов Комиссии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов — 160, 161

Авдонин А.Н. — 5, 6, 14, 26, 50, 53, 75, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 91, 115, 116, 124, 170, 171, 172, 189, 190, 192, 193, 204, 210, 222, 223, 224

Агапит, Епископ Штутгартский — 29, 30

Аксюциц В.В. — 209, 212

Александр II, Император — 35

о. Александр Киселёв — 217, 227

Александра Фёдоровна, Императрица — 10, 36, 48, 53, 100, 116, 131, 132, 225

Алексеев В.В. — 10, 26, 50, 51, 59, 61, 62, 80, 152, 164, 170

Алексеев С.И., следователь — 133

Алексей Николаевич, Цесаревич — 6, 14, 15, 18, 19, 64, 69, 80, 116, 131, 132, 139, 145, 152, 154, 167, 172, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 192, 193, 200, 211, 218, 225, 226, 228, 234

Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси — 27, 28, 44, 54, 55, 143, 145, 148, 158, 159, 162, 164, 165, 166, 174, 177, 180, 181, 200, 214, 216, 217, 224, 225, 226, 228, 238

Алимов Б.А. — 89

Алферьев Е.Е. — 198, 234

Анастасия Николаевна, Великая Княжна — 23, 53, 80, 116, 145, 192

Андропов Ю.В. — 39

Антоний, Архиепископ Женевский — 8

Антонина, монашка — 113

Ардашов В. — 35

Ардашов Г. — 35

Бабин — 110

Бастрыкин А.И. — 33, 34, 207, 208

Белобородов А.Г. — 112, 146, 187

Белоградский А.И. — 70, 223

Беляев С.А. — 26, 54, 59, 120, 134, 158, 159, 160, 161, 164, 218, 233

Беседовский — 145, 193

Бетёв С.М. — 143

Болотин Л.Е. — 55, 56

Боткин Е.С. — 46, 88, 116, 152

Боткина Т.Е. — 96

Брагин В.И. — 54, 59, 163, 169, 175, 176, 215, 218

Булыгин П.П. — 186, 187

Буранов Ю.А. — 20, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 122, 172

Быков П.М. — 52, 96, 121, 140

Бычков С. — 213, 214, 216

- Валтасар — 65
Верный Б. — 196, 202
Вилинбахов Г.В. — 14
Вильгельм II, Германский император — 36
Вильтон Р. — 3, 66, 102, 106, 107, 192, 195
Виталий, митрополит РПЦЗ — 29
Витте С.Ю. — 233
Влад — 81
Владимир Кириллович, Великий Князь — 7, 8, 25, 88
Владимир, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский — 217
Войков П.Л. — 69, 106, 112, 136, 145, 185, 233
Волков В.А. — 85
Волокитин С. — 108, 109
Врангель П.Н. — 105
- Гейне — 65, 119, 195
Геннадий Петрович — 81
Георгий Александрович, Великий Князь — 9, 10, 11, 167, 177, 226
Георгий Михайлович, Великий Князь — 230
Геродот — 201
Гирс М.Н. — 17
Глазунов И.С. — 50, 58, 192, 193
Глебов, о. Борис, священник — 217
Голицын А.К. — 12, 26, 27, 32, 33, 34, 176
Голощёкин Ф.И. — 98, 105, 111, 112, 116, 134, 144, 145, 146, 185, 188, 192, 197, 221
Горбачёв М.С. — 4, 91, 92, 93, 193
Горбунов — 110
- Даль В.И. — 201
Дальский — 15
Дементьева Н.Л. — 211
Демидова А.С. — 46, 80, 116, 132, 154
Денисов Э.Г. — 158, 161, 163
Державин Г.Р. — 201
Дзержинский Ф.Э. — 210
Дитерихс М.К. — 3, 22, 77, 96, 102, 172, 186, 188, 193
Дон Левин И. — 172
Достоевский Ф.М. — 141
- Елизавета II, Королева Англии — 4, 91, 92, 97, 217
Елизавета Фёдоровна, великая Княгиня — 9
Ельцин Б.Н. — 40, 44, 56, 148, 213, 214, 216, 217, 229, 230
Ермаков П.З. — 52, 100, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 153, 154, 183, 184, 192, 200, 219, 220, 221, 224

Жанен — 187, 223

Жильяр П. — 3, 70, 102

Заславская — 156

Зубрицкий — 70

Зюганов Г.А — 56

Иванов И.С. — 92, 163

Иванов П.Л. — 28, 167, 172, 173, 225

Игнатенко В.И. — 57

Илий, Оптинский старец — 19

Ильюшенко А.Н. — 153, 162, 163, 205

Иоанн Кронштадтский — 235

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский — 197

Иоффе Г.З. — 73, 93, 94

Ипатьев Н.Н. — 39, 40, 64, 66, 127

Кабанов — 96

Касвинов М.К. — 39, 137, 138, 179

Кинелёв В.Г. — 57, 179, 189

Кириенко С.В. — 214

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси — 19, 30, 31

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский — 177, 214, 215, 227, 228

Кирста А.Ф. — 110

Клыков В.М. — 55

Колмагоров — 163

Колтыпин-Валовский П.Н. — 51, 52, 124, 167, 170, 171, 178, 212, 213, 229

Колчак А.В. — 63, 105, 236

Коржаков А.В. — 15, 16

Корыханов И.С. — 76

Корякова Л.Н. — 85, 86

Котенов В.С. — 111

Кочуров М.М. — 84

Красавченко С.Н. — 162

Ксения Петербургская — 235

Куйбышев В.В. — 192

Куликовская О.Н. — 46, 167, 229, 230

Куликовский Т.Н. — 28, 29, 168

Кулиш О.А. — 76

Кутузов М.И. — 62

Ле Кутле де Кантеле — 195

Ленин В.И. — 4, 24, 32, 35, 36, 97, 188, 192, 193, 210

Леонида Георгиевна, Великая Княгиня — 27, 46, 230

Леонов П.А. — 110

Линь Бяо — 171, 209

- Лисин Г.Н. — 75
Лобухин В.Я. — 68, 112
Лобухин Я.И. — 68, 77, 109, 111, 112, 118, 182
Лопухин — 218
Лохвицкий — 198
Люханов С.И. — 184
- Магеровский Е.Л. — 51, 124, 167, 170, 171, 213
Макеев О.Г. — 21
Мамонтов А. — 153, 154, 156, 157, 197
Мария Николаевна, Великая Княжна — 6, 14, 80, 116, 139, 182, 184, 185, 186, 211, 218, 225, 226, 228, 234
Мария Владимировна, Великая Княгиня — 230
Марк, Архиепископ — 29
Медведев-Кудрин М.А. — 120, 121, 144, 150
Медведев П.С. — 96, 121, 133, 145, 154, 200
Мейер И. — 48, 53, 112, 134, 136, 137, 138, 144
Мельгунов С.П. — 186, 187
Месси Р. — 81, 137
Милованов А.А. — 15, 16
Минкин А.В. — 213
Минц И.И. — 93
Мирек А.М. — 193, 198
Мироненко С.В. — 209, 210
Михалков Н.С. — 162, 163, 165, 166, 167
Музыкантский А.И. — 218
Мурзин А.П. — 26, 143, 145, 146, 148, 192
- Назаров М.В. — 197, 234
Намёткин А. — 64, 65
Нектарий — 197
Немцов Б.Е. — 12, 24, 29, 31, 57, 58, 59, 208, 209, 212, 214, 216
Неста Узбстер — 195
Никитин С.А. — 292
Никитина Т.Х. — 163
Николай I — 291
Николай II — 4, 9, 39, 40, 44, 48, 53, 56, 57, 59, 60, 62, 63, 73, 75, 87, 90, 91, 96, 98, 115, 116, 120, 121, 127, 128, 131, 132, 134, 136, 143, 145, 150, 152, 155, 157, 164, 165, 167, 172, , 177, 181, 183, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 197, 198, 200, 201, 202, 210, 212, 213 , 216, 225, 234
Николай Николаевич, Великий князь — 17
Николай, митрополит — 177
Никулин Г.П. — 121, 151
- Ольга Николаевна, Великая Княжна — 53, 116

- Павел I — 199
Пагануцци П.Н. — 3, 196, 197, 198, 202
Пиво Бернар — 40
Пихоя Р.Г. — 45, 86, 165
Плаксин В.О. — 28, 45, 46, 157, 161, 168
Платонов О.А. — 121, 141, 143, 150, 188
Покровский М.Н. — 98, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 113, 114, 116, 121, 122, 123, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 139, 141, 144, 149, 151, 152, 155, 172, 182, 220, 221, 222, 236
Попов В.Л. — 26, 203, 204, 205, 206, 207
Привалова Е.В. — 111
Прихотько Иуда, священник — 111
- Радзинский Э.С. — 47, 49, 50, 53, 78, 79, 82, 86, 87, 89, 90, 91, 98, 99, 100, 101, 104, 124, 126, 170, 174, 179, 180, 183, 184, 185, 186, 212, 213
Редников В.Г. — 70, 71, 110
Резник Я. — 150
Римма (Юровская) — 101
Рогаев Е.И. — 60, 168, 170
Родзинский И.И. — 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 182
Розанова Н.Л. — 14, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 56, 76, 94, 107, 223, 224, 226
Романов Н.Р. — 28, 46, 230
Росс Н.Г. — 17
Россель Э.Э. — 26, 163, 192, 210
Рубинштейн — 210
Рыбас С. — 114, 187
Рябов Г.Т. — 3, 5, 6, 7, 8, 9, 14, 24, 26, 29, 42, 43, 47, 52, 58, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 114, 116, 124, 146, 156, 171, 172, 179, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 201, 204, 208, 210
- Сафаров Г.И. — 116
Свердлов Я.М. — 35, 102, 156, 188, 210, 234
Себенцов А.Е. — 28, 206
Семёнов Ю. — 97
Серафим Саровский — 235
Сергеев И.А. — 28, 65, 121, 133
Сергий Вогулкин, протоиерей — 21
о. Сергей, Малютин-Троицкий, священник — 212
Сидоров Е.Ю. — 54
Скуратов Ю.И. — 181
Смирнов В. — 96
Собчак А.А. — 44, 45, 57, 127, 163, 174, 177, 193, 206, 211, 215
Соколов Н.А. — 3, 4, 11, 15, 17, 22, 28, 41, 48, 59, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 75, 77, 87, 88, 89, 94, 95, 96, 98, 102, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 129, 133, 137, 138, 139, 142, 148, 159, 160, 186, 187, 192, 193, 194, 198, 199, 221, 222, 223, 224, 236, 237

- Солженицын А.И. — 141
- Соловьёв В.Н. — 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 45, 47, 48, 53, 54, 58, 59, 60, 63, 79, 82, 84, 99, 103, 104, 112, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 123, 126, 129, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 156, 157, 158, 161, 163, 164, 170, 177, 178, 179, 180, 181, 185, 186, 192, 193, 194, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 209, 210, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 236, 237
- Солоухин В.А. — 42, 87, 88, 147, 179, 188, 202
- Сретенский И.М. — 69
- Сталин И.В. — 32, 101, 213
- Стрекотин — 141, 154
- Сунегин — 136
- Сухоруков Г.И. — 135, 136, 146
- Сухоруков А.А. — 140
- Татьяна Николаевна, Великая Княжна — 53, 116
- Татьяна Карповна — 24
- Тетенёв — 70
- Томилин В.В. — 60, 62, 171, 209
- Тростников В.Н. — 191
- Троцкий Л.Д. — 32, 187
- Трупп А.Е. — 88, 116
- Туйков В.И. — 74, 75, 77, 79, 83, 84
- Тулеев А. — 26
- Ульянов А.И. — 35
- Ускова И.В. — 108, 109
- Файф, герцог — 28
- Фалин В. — 8
- Фесенко И.А. — 108, 109
- Фёдоров А. — 96
- Форд Г. — 198
- Харитонов И.М. — 116
- Хинштейн А. — 34
- Ходасевич В.Ф. — 199
- Хрущёв Н.С. — 150, 151
- Чавчавадзе З.М. — 29, 87, 88, 218
- Чемодуров Т.И. — 64
- Черномырдин В.С. — 44, 45
- Чуцкаев С.Е. — 131, 221
- Шафаревич И.Р. — 197
- Шаховская З.А. — 43

- Швейкин Н.М. — 110
Шереметева К., графиня — 28
Шифф — 198, 233, 234
Шульгин В.В. — 233
Шуплецов Б.В. — 41, 42
- Щербатов А.П. — 51, 124, 125, 126, 128, 167, 172, 173, 210, 213, 223
Щёлоков Н.А. — 7, 75, 76, 77, 79, 82, 87, 95, 179
- Энель — 196, 201, 202, 203
- Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский — 44, 45, 49, 56, 58, 60, 61, 92, 125, 126, 161, 164, 165, 170, 173, 175, 176, 178, 196, 200, 214, 215, 216, 218, 232
Юровский А.Я. — 76, 94, 99, 100, 150
Юровский Я.М. — 5, 11, 20, 35, 36, 49, 52, 76, 77, 78, 80, 90, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 116, 117, 118, , 120, 121, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 167, 180, 182, 183, 184, 185, 190, 193, 199, 200, 220, 221, 222, , 224, 237
- Якимов А.А. — 96
Яковлев А.Н. — 93, 150, 151, 152, 155
Яковлев В.А., губернатор Санкт-Петербурга — 216, 217
Яковлев В. В. (Мячин), комиссар — 35
Яров Ю.Ф. — 29, 31, 44, 45, 51, 52, 55, 56, 57, 77, 84, 112, 126, 127, 153, 154, 158, 159, 162, 163, 165, 166, 167, 169, 173, 175, 176, 178, 189, 181, 182, 195, 205
Ярославский Е. — 214

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чавчавадзе З.М. «Фальшивонотчики» (Вместо предисловия) ...</i>	3
Голицын А.К. КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?	37
ЛИТЕРАТУРА.....	239
ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ.....	241
Приложение 1	241
Приложение 2	244
Приложение 3	246
Приложение 4	248
Приложение 5	249
Приложение 6	251
Приложение 7	253
Приложение 8	255
Приложение 9	257
Приложение 10.....	258
Приложение 11.....	259
Приложение 12.....	262
Приложение 13.....	265
Приложение 14.....	271
Приложение 15.....	273
Приложение 16.....	276
Приложение 17.....	280
Приложение 18.....	282
Приложение 19.....	286
Приложение 20.....	287
Приложение 21.....	290
Приложение 22.....	291
Приложение 23.....	293
Приложение 24.....	296
Приложение 25.....	298
Приложение 26.....	300
Приложение 27.....	301
Приложение 28.....	305
Приложение 29.....	308
Приложение 30.....	310
Приложение 31.....	311
Приложение 32.....	312
Приложение 33.....	314
Приложение 34.....	315
Приложение 35.....	316
Приложение 36.....	317
Приложение 37.....	319
Приложение 38.....	326
Приложение 39.....	350
Приложение 40.....	354
Приложение 41.....	365
Приложение 42. Из дневника Голицына А.К.: 1997–1998 годы.....	367
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	381

В пределах права я старался сделать всё возможное, чтобы найти истину и соблюсти её для будущих поколений. Я не думал, что мне самому придётся говорить о ней, надеясь, что её установит своим авторитетным приговором русская национальная власть. Но суровая действительность не сулит для этого благоприятных условий в близком будущем, а неумолимое время кладёт на всё свою печать забвения.

Н.А. СОКОЛОВ

ISBN 978-5-93883-162-9

9 785938 831629